Я был похоронен заживо

Петр Андреев

Записки дивизионного разведчика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой книги прошел в дивизионной разведке всю войну «от звонка до звонка» – от «котлов» 1941 года и Битвы за Москву до Курской Дуги, Днепровских плацдармов, операции «Багратион» и падения Берлина. *«Состав нашего взвода топоразведки за эти 4 года сменился 5 раз – кого убили, кого отправили в госпиталь»*. Сам он был трижды ранен, обморожен, контужен и даже едва не похоронен заживо: *«Подобрали меня без признаков жизни. С нейтральной полосы надо было уходить, поэтому решили меня на скорую руку похоронить. Углубили немного какую-то яму, положили туда, но «покойник» вдруг задышал…»* Эта книга рассказывает о смерти и ужасах войны без надрыва, просто и безыскусно. Это не заказная «чернуха», а «окопная правда» фронтовика, от которой мороз по коже. Правда не только о невероятной храбрости, стойкости и самоотверженности русского солдата, но и о бездарности, самодурстве, *«нечеловеческих приказах»* и *«звериных нравах»* командования, о том, как необученных, а порой и безоружных бойцов гнали на убой, буквально заваливая врага трупами, как гробили в бессмысленных лобовых атаках целые дивизии и форсировали Днепр *«на плащ-палатках и просто вплавь, так что из-за отсутствия плавсредств утонуло больше солдат, чем погибло от пуль и снарядов»*, о голодухе и вшах на передовой, о *«невиданном зверстве»* в первые недели после того, как Красная Армия ворвалась в Германию, о «Победе любой ценой» и ее кровавой изнанке…

«Просто удивительно, насколько наша армия была не подготовлена к войне. Кто командовал нами? Сталин – недоучка-семинарист, Ворошилов – слесарь, Жуков и Буденный – два вахмистра-кавалериста. Это вершина. Как было в войсках, можно судить по тому, что наш полк начал войну, имея в своем составе только одного офицера с высшим образованием… Теперь, когда празднуют Победу в Великой Отечественной войне, мне становится не по себе. Я думаю, что кричать о Великой Победе могут только ненормальные люди. Разве можно праздновать Победу, когда наши потери были в несколько раз больше потерь противника? Я говорю это со знанием предмета. Я все это видел своими глазами…»

- Петр Андреев
  - Предисловие сына
  - Разведка

- 1940 год, Чирчик
- Осень 1941 года. Разведка
- 1940 год, Чирчик
- Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область
- Осень 1941 года. Разведка
- Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область
- Осень 1941 года. Разведка
- Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область
- 1940–1941 годы. Чирчик
- Война
- Ельня
- Днепр
- Путь в неизвестность
- Западня
- В плену
- Путь в неизвестность
- Оборона Тулы
- Разведка на восток
- Наступление
- Из рассказа П.Ф. Шило
- Наступление на Калугу
- Попково
- Мизюлин
- Последние бои зимы 1941/42 г
- Козельск
- Летнее наступление 1942 г
- Летнее 1942 г. наступление немцев на тульском направлении
- Пять месяцев в обороне
- Февральское наступление 1943 г
- Орловско-Курская битва
- Чернигов и Любеч – бои на Днепре
- Полесье
- Пинские болота
- Наступление на Пинск и Брест
- Брест
- Прибалтика
- Госпиталь
- Побег из госпиталя
- Прибалтика
- От Варшавы до Штеттина
- От Одера до Эльбы
- Служба без войны
- Судьба Максима Прохорова

    - Зондерхаузен
    - Нордхаузен
    - Дополнение
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

Петр Андреев
Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика

Предисловие сына

Рассказы отца о войне мы с братом слышали много раз с самого детства. Некоторые имена и детали, кажется уже стали частью и нашей жизни, как и сама война, прокатившаяся еще до нашего рождения, каким-то непостижимым образом живет и в нас. Многое из его рассказов, повторенное по многу раз, стало обыденным и знакомым. А потом, с годами, когда мы стали старше и, надеюсь, умнее, стало вдруг ясно, что их, эти рассказы, надо обязательно записать. Когда-нибудь не станет отца, потом и нас, слышавших эти рассказы, и мельчайшие детали, важные для правильного восприятия того времени, нашей истории, исчезнут, растворятся во времени. Останется только официальная история – сухая, мертвая, как конспект и учебник, и не всегда правдивая.

Мы стали упрашивать отца записать то, что он видел, как он это видел и понимал. Да он и сам был не прочь. Обладая великолепной памятью (нас всегда поражало, как он сохраняет в памяти сотни имен и географических названий, мельчайшие детали того времени, например, тогдашние цены и размеры зарплат), ясным умом и хорошим слогом, он мог и хотел оставить своим потомкам объемную картину увиденного.

Выйдя на пенсию и оставаясь еще очень активным и физически крепким человеком, отец с присущей ему энергией и энтузиазмом взялся за дело. Обложился картами и справочниками и начал писать.

Первую часть воспоминаний он писал во второй половине 80-х годов и закончил уже в 90-е. И она, эта часть, несет на себе следы того противоречивого времени, следы внутренней цензуры и определенную сдержанность.

Вторая часть, написанная в конце 90-х и позже, уже более раскованна и откровенна, а третья, принадлежащая уже к нашему времени, пожалуй, даже излишне радикальна (на мой взгляд). Здесь, вероятно, сказались и возраст отца, и осмысление произошедшего с учетом огромного массива новой информации по нашей истории, ставшего доступным.

И сейчас, когда пишутся эти строки, отец постоянно возвращается памятью к тем годам, вспоминает, рассказывает, живет прошедшей войной. Что отрадно, они, его воспоминания, не меняются в его рассказах. Можно было бы сказать, что он «не путается в показаниях». Порой меняется оценка, хотя и незначительно, но фактическая сторона, за редкими исключениями, остается неизменной. На мой взгляд, это является лишним подтверждением того, что все написанное – правда,

конечно, в преломлении взгляда конкретного человека. Но в этом-то и ценность!

Так получилось, что мне довелось или, можно сказать, было доверено почетное право набирать и готовить к печати рукопись отца. Отец писал свои воспоминания еще в докомпьютерную эру, ручкой, как правило, на оборотных сторонах каких-то бумаг. Счастье, что у него, всю жизнь работавшего с картами и чертежами, выработался четкий, хорошо разбираемый подчерк. Позже я отдавал рукописи в набор или набирал сам, редактировал, распечатывал и отдавал ему на проверку. Потом вносил его правку. Большая и, думаю, окончательная работа по набору, редактированию и правке рукописи была проделана сейчас, в 2010 и 2011 годах.

В чем заключались редактирование и правка, проделанные мной? В основном они касались грамматики, стиля. Я убирал повторы и немногочисленные ошибки, вставлял пропущенные слова и буквы, иногда меняя порядок слов, не касаясь в то же время фактологической стороны. Часто разбивал сплошной текст на абзацы и иногда менял или добавлял деление на главы. В любом случае я прежде всего старался сохранить живой голос и стиль рассказа отца, сохранить все мельчайшие детали. Хорошо зная устные рассказы отца, старался подчеркнуть наиболее важные для него моменты, если он сам что-то упускал в тексте. В первых частях, включающих большую часть воспоминаний, мой «след» совсем незначителен, в самом конце – несколько возрастает. Последние главы отец, после перенесенного в 2008 году инсульта, пишет более лаконично, отрывистыми и скупыми фразами, как бы торопясь, отчего рассказ приобретает конспективную форму. В ряде случаев я добавлял упущенные им фрагменты, которые хорошо знаю по его прежним рассказам или слышу от него сейчас. Разумеется, добавленное и отредактированное предъявлялось отцу на утверждение и было оставлено, если получило его одобрение. И если обобщить сказанное, то моя роль не велика и сводится скорее к технической. То есть в книге читатель слышит подлинный голос участника событий.

Начиная свой труд, отец хотел рассказать о войне, о своей жизни прежде всего нам, своим детям, своим внукам и правнукам (есть уже и такие). Но мне кажется, они будут интересны многим, особенно учитывая, какое большое значение для нас все еще имеет история той войны, какую громадную роль она играет в жизни людей и страны. И тогда мы решили, что рукописи не место только в семейном архиве, и стали готовить книгу к публикации. Удастся это или нет, не знаю, но очень бы хотелось,

чтобы отец смог подержать в руках и пролистать Свою Книгу, ту, которую будут читать его потомки.

М. П. Андреев.
Январь 2011 г. Антарктида, ст. Молодежная.

Разведка
(Брянская обл., октябрь 1941 г.)

Солнечные лучи, пробиваясь через кроны деревьев, согревают промокшие от ночного моросящего дождя и пота шинели. Неудержимо хочется спать. Веки смыкаются, как намагниченные. Замаскировавшись, мы уже больше часа лежим перед мостом. Река не широкая – не более 30 метров. В мирное время преодолеть такую было бы не трудно. Но это в мирное, а сейчас война…

Наша дивизия, а точнее – ее половина, перед рассветом подошла к реке и затаилась у шоссе, в двух-трех километрах от моста. Уничтожить гарнизон немцев, охраняющих мост, очевидно, не представляло большого труда, но командир дивизии принял решение сначала установить наблюдение за переправой и шоссейной дорогой.

И вот мы, пятеро разведчиков 1-го дивизиона 299-го артиллерийского полка, скрытно, еще в предрассветных сумерках, подобрались к мосту и расположились в заросшей лозняком воронке, как будто специально устроенной для нас. Двое ушли на связь с командованием, а мы, превозмогая сон, наблюдаем за мостом и дорогой. Дорога пока пуста. Немцы ночью останавливаются в населенных пунктах, опасаясь передвигаться в темное время. В лесах много пробирающихся на восток групп красноармейцев, и встречи с ними им нежелательны.

В охранении моста спокойно. Только тупое рыло пулемета выглядывает из окопа, да иногда движется над бруствером каска часового.

Сдержать сон, кажется, нет никаких сил, но и уснуть нельзя, знает каждый из нас. Можно бы спать по очереди, но и это опасно, так как может заснуть и дежурный. Посовещавшись, мы договариваемся, что спать будет только один, а двое должны бодрствовать. Одновременно они не уснут, а если один уснет, второй его немедленно разбудит. Бросили жребий. Первому выпало спать разведчику Киселеву. Уснул Сережа, кажется, не опустив еще и руку со жребием. Остались вдвоем. Солнце все выше поднимается над горизонтом. Стало теплее. Дрожь, пронизывавшая все тело из-за почти неподвижного состояния после тяжелого ночного марша, немного унялась. Зато на смену ей все сильнее дает о себе знать голод. В голову неотступно лезут всякие «деликатесы» окруженцев.

Как-то раз наш дневной привал был недалеко от картофельного поля. Это мы потом узнали, что поле было картофельное. Тогда нас также мучил голод. Пожевав какие-то совершенно несъедобные листья (лакомством была бы даже заячья капуста), я решил пробраться на опушку леса. Сколько радости было, когда на поле оказалась еще не убранная картошка! Земля промерзла, уже наступили морозы, но картошка не пострадала. Так мне кажется теперь, спустя почти 44 года. В ход было пущено все – штыки, приклады. Картошкой были наполнены котелки, с которыми мы в то время еще не расстались и большое 16-литровое хозяйственное ведро, до этого бесполезно занимавшее место в повозке старшины. Забравшись поглубже в лес, разложили костер из сушняка, чтобы не привлечь к себе внимания дымом, и обед был сварен. Сейчас трудно себе представить, как это было вкусно. Не было хлеба, соли, но зато картошка такая, что остановиться не было сил. Съели не меньше чем килограммов по шесть. Это был пир. Потом, уже позже, ели и поясные ремни, и блины из прогоркшей муки, испеченные на листе ржавого кровельного железа, и наполовину изгрызенную мышами телячью шкуру. Но это потом.

Я смотрел вдоль прямой, как стрела, дороги, уходящей на восток, и в мыслях проносились события последнего года жизни. Один только год, а как много пережито, как много ушло из нашей жизни привычного, казалось, навечно закрепившегося в сознании…

1940 год, Чирчик (из довоенных воспоминаний)

Ровно год тому назад, в октябре 1940 года, меня призвали на действительную – как тогда было принято называть – службу в Красную Армию. Летом 1940 года я правдами и неправдами уволился с работы в Туле, чтобы съездить перед призывом в родную деревню на Смоленщине. Два года не видел мать и отца. Был отпуск в 1939 году, мог бы съездить, но уговорили отдохнуть в доме отдыха в Алексино на Оке. Отдохнул хорошо, но с родителями так и не встретился. А мать очень просила приехать. И вот пришлось ходить с просьбами к райвоенкому и к начальникам всех рангов за разрешением съездить перед призывом на родину.

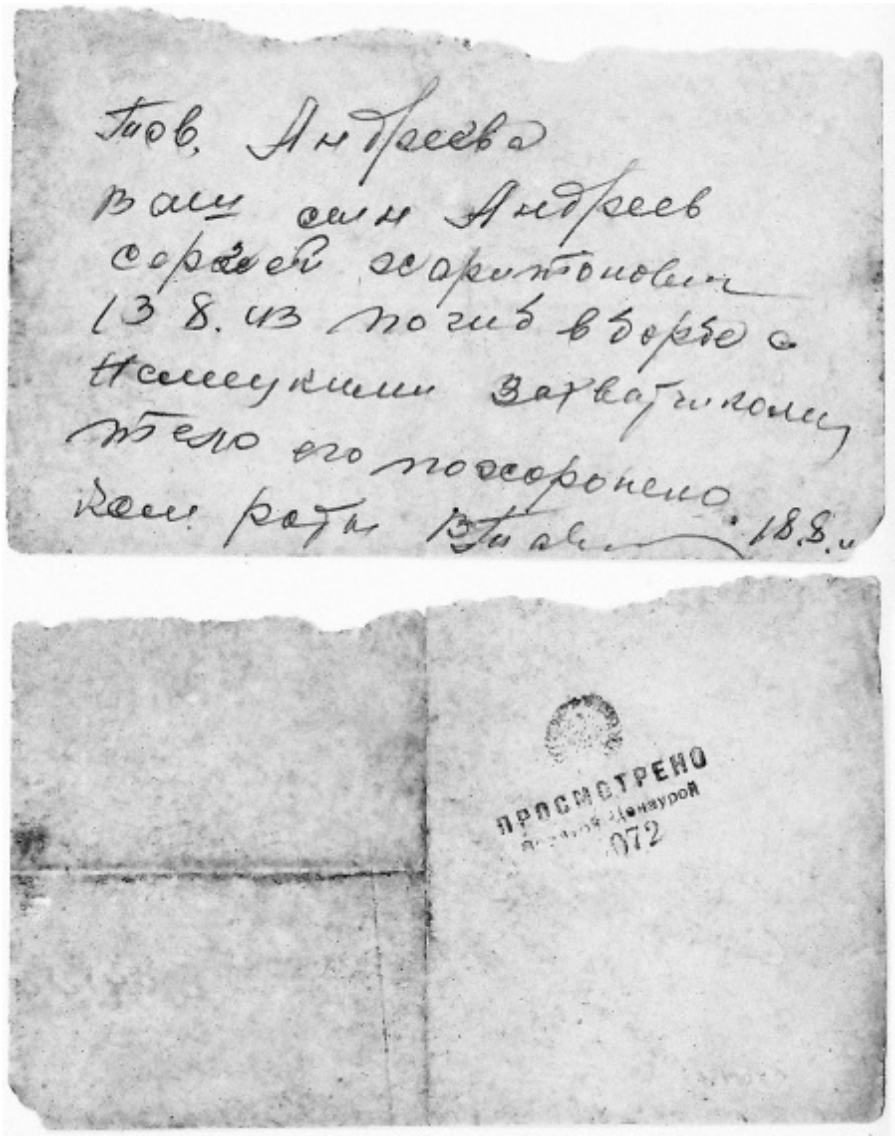
Разрешение наконец получено. Встреча с родителями и братьями. Встреча с друзьями детства. Месяц беззаботной жизни в семье и явка в военкомат в райцентре, в городе Велиже. Призывались мы в один день со старшим братом Сережей. Сережа был 1920 года рождения. Он погиб под Ленинградом в 1943-м[1]. Я же родился в 1922 году. Но так как тогда все торопились самостоятельно пробивать себе дорогу, а года иногда сдерживали нас, пришлось идти на обман. Ввел в заблуждение медицинскую комиссию (парень я был рослый) – и метрическая выписка в кармане. Повзрослел сразу на два года. И вот мы два брата, старший и младший, подходим к столу комиссии. Оба с 1920 года. Не покидает тревога: а вдруг поинтересуются? Как так, почему с одного года? Близнецы? Нет. Один (это я) родился 14 февраля, а второй – это старший Сережа – 12 июля. Но комиссии некогда было заниматься такими мелочами, и мы оба признаны годными. Оба в артиллерию, но Сережа в морфлот, в береговую, а я – в полевую. В школу младших командиров. Сережа отправлялся первым, в первой половине октября. Мне пришлось ждать еще две недели.

Сергей Харитонович Андреев

В то время призыв в армию был большим и радостным событием не только для призывника, но и для родителей. Проводить пришло много народа. До военкомата в город Велиж провожала только мама. Ехали на телеге. Младший брат Вася был в школе, ходил в 8-й класс, а отец был в отъезде. Мама очень обрадовалась, когда узнала, что меня отправляют служить в Ташкент – в теплые края.

Отправляли нас, призывников, в Ташкент группой – 31 человек. Всех в полковую школу. Все ребята были с полным и неполным средним образованием. Сопровождающих не было, и, чтобы как-то нас организовать, составили две команды. В первой старшим назначили меня, а во второй – Комиссарова, бывшего районного агронома. Папку с документами вручили Комиссарову.

До Смоленска, а затем и до Москвы доехали без приключений. В Москве, на Казанском вокзале, приказали – ждите. Сколько? Неизвестно. Расходиться нельзя. Вечером, когда уже начало темнеть, Комиссаров решил организовать «экскурсию» по Москве и увел всю свою команду в город, оставив свои мешки и чемоданчики с продуктами на наше попечение. А примерно через час помощник военного коменданта станции дал команду на посадку. Поезд отходит через несколько минут, а Комиссарова нет. Пришлось ехать без Комиссарова и его команды, и с нами уехали их мешки. Всю неделю (именно столько шел тогда поезд от Москвы до Ташкента) беспокоились и переживали, что будет с ребятами.



Письмо командира роты матери – Андреевой Прасковье Никитичне от 18.08.1943 г. Книга Памяти Смоленской области. С. 26. (рис. 1, 2,3)

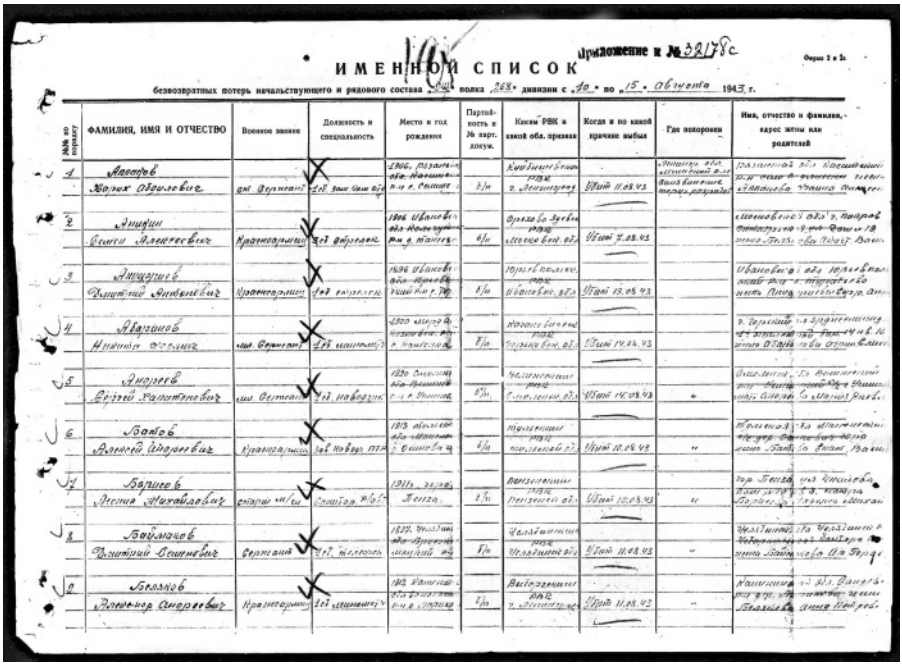
В Ташкенте нас встретили. В Велиже, да и в Москве было холодно, а здесь в начале ноября стояла прекрасная солнечная летняя погода. Нам все очень понравилось. Саманные дома в окружении зеленых садов, обнесенных каменными или глиняными заборами. Трубные крики ишаков, да изредка чинно шествующие в поводе верблюды. Пробегающие группками и в одиночку девушки-узбечки. Мне все они казались красавицами. Загорелые симпатичные лица. Черные как уголь глаза, черные, заплетенные во множество косичек, волосы. Пожилые женщины казались неряшливыми. Особенно уродовала их чадра. В то время почти все пожилые женщины еще носили чадру. Сидя или стоя, они еще позволяли себе открыть лицо, а на ходу чадра обязательно опускалась. Очевидно, мы казались очень смешными, когда, как задиристые молодые петушки, «лезли в пузырь» при разговорах с сопровождавшими нас солдатами, возмущались, что нас так долго держат на вокзале. Нам не терпелось побыстрее приехать в часть, на что старые красноармейцы говорили, что не раз еще нам придется поплакать, вспоминая и дом, и маму, рассказывали, как тяжела здесь, в Средней Азии, служба.

Перед призывом в армию. Тула, 1940 г.

Представитель части на местном поезде привез нас в Чирчик, расположенный в 30 км от Ташкента. Нас привели на большой пустырь перед штабом полка. Чемоданы и мешки приказали сложить в кучу, а самих увели в столовую. Хорошо накормили – «от пуза». Кто-то из наших во весь голос заявил:

– А в Ташкенте паникеры говорили, что в армии плохо кормят. Видели?!

Все выглядело празднично. Предстоящая служба радовала. Огорчало одно – что нет отставших товарищей. Как они доедут? Ведь литер на проезд всей группы из 31 человека остался у нас.



Приложение к № 32178с

ИМЕННОЙ СПИСОК

безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава ... полка 268 дивизии с 10 по 15 августа 1943 г.

№ по порядку	ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО	Военное звание	Должность и специальность	Место и год рождения	Партийность и № парт. докум.	Каким РВК и какой обл. призван	Когда и по какой причине выбыл	Где похоронен	Имя, отчество и фамилия, адрес жены или родителей
1	Лаптев Юрий Львович	ст. лейтенант	[illegible]	1906, [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 11.08.43	[illegible]	[illegible]
2	Лищук Семен Алексеевич	Красноармеец	[illegible]	1906 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 7.08.43	[illegible]	[illegible]
3	Лищугин Виктор Яковлевич	Красноармеец	[illegible]	1926 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 13.08.43	[illegible]	[illegible]
4	Лавгинов Иванов Фролович	мл. сержант	[illegible]	1900 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 14.08.43	[illegible]	[illegible]
5	Андреев Василий Калистратович	мл. сержант	[illegible]	1920 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 14.08.43	[illegible]	[illegible]
6	Зайцев Василий Андреевич	Красноармеец	[illegible]	1913 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 10.08.43	[illegible]	[illegible]
7	Борисов Леонид Михайлович	сержант м/сл	[illegible]	1911 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 12.08.43	[illegible]	[illegible]
8	Байдаков Дмитрий Семенович	Ефрейтор	[illegible]	1922 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 11.08.43	[illegible]	[illegible]
9	Белянов Василий Григорьевич	Красноармеец	[illegible]	1903 [illegible]	б/п	[illegible]	Убит 11.08.43	[illegible]	[illegible]

Донесение о безвозвратных потерях 947-го сл 268-й сд с 10 по 15 августа 1943 г. (ЦАМО № фонда 58. № описи 18001, № дела 592)

После обеда какой-то старшина приказал выбросить все взятые в дорогу продукты, сказал, что они нам уже не потребуются. Приказ выполнили немедленно. Куски сала, пироги, масло, все, что не съели в дороге, было отнесено к уборной. Но поскольку почти все мы выросли в деревне и знали цену продуктам, то мало кто посмел бросить продукты в мусорный ящик. Все сложили на траву у стены и на подоконник. Каково же было наше удивление, когда все, что мы принесли, тут же, почти из наших рук, было разобрано подбежавшими солдатами.

– Обжоры! – возмущались некоторые из нас. – Так хорошо кормят, а они куски собирают.

Через сутки прибыла команда Комиссарова. Грязные, исхудавшие, голодные. Забегая вперед, скажу, что Комиссаров, уже и будучи курсантом, не отличался примерной дисциплиной. Всю службу он держал первенство по нарядам вне очереди. Как у нас говорили, не вылезал из конюшни.

Осень 1941 года. Разведка (продолжение)

Однако временно пришлось оставить воспоминания. За бруствером у немцев что-то зашевелилось. Из полуземлянки один за другим стали выбегать солдаты, кто в брюках, а кто и без них, резво направляясь в кустарник слева от землянки. Руки сжали приклад винтовки, когда один из немцев вывалил из штанов широченный зад, направив его прямо в нашу сторону. Но разум подсказывает: нельзя выдавать себя. Необдуманным шагом можно погубить намеченную операцию.

Немцы, умывшись из таза – нам хорошо были видны их голые спины, – стали готовить завтрак. Отчетливо слышно было, как штыки протыкают жестяные крышки консервных банок. Кажется, и до нас доходит запах мясных консервов. Слюну не удержать, а живот еще больше подтянуло к позвоночнику. С той стороны речки слышны режущая ухо немецкая речь и гогочущий смех здоровых сытых людей.

Вдруг сзади еле послышались завывающие звуки двигателей машин. Вот-вот должны вернуться связные. Будим Сережу. Мне и Ивану придется поспать позже. Если придется. Пытаемся сосчитать немцев в охране у моста. Сходимся на десяти. Шум колонны нарастает. Часовые подтянулись. Выходят к мосту одетые по форме, в шинелях, поблескивают оловом пряжки поясных ремней. У живота отливают чернотой автоматы. Поглядывают на запад, откуда вот-вот должна появиться колонна. Консервные банки полетели в реку. Сразу же потянуло крепким запахом кофе. В это время из-за леса, скрывающего от нас дорогу, выскочил бронетранспортер. Вдоль бортов лицом к лицу сидят солдаты в шинелях мышиного цвета. На головах каски. Одна за другой выползают автомашины с длинными кузовами, полные сидящих правильными рядами солдат. За четвертым грузовиком идет фургон, напоминающий наши машины автотехобслуживания, только вдвое большего размера. Из трубы над крышей струится сизый дымок. По телу пробежала дрожь. А что, если колонна сделает остановку и солдаты разбегутся по придорожному лесу? Мы от дороги всего в 100–150 метрах.

Но на этот раз обошлось. Транспортер выехал на мост, проскочил его и уже удаляется по насыпи, следом за ним – колонна автомашин. Двое солдат охраны, стоявших у перил по обе стороны моста, отправились в свою землянку, очевидно, допивать кофе.

Мы меняем положение. Расправляем затекшие от напряжения руки. С западной стороны слышен еле заметный шорох. Показалась пилотка, а за ней и вторая. Это наши разведчики Шевченко и Кусов. С чем идут? Какой поступит приказ? Заранее известно только, что поесть не принесли ни грамма. Продуктов нет. Нет уже две недели.

Шевченко и Кусов рассказали, что через мост будут прорываться основные силы дивизии. В том числе артиллерия и обозы. Задача нашей группы: обеспечить непрерывное наблюдение за дорогой и за действиями группы охраны моста. Связь через каждые два часа. Теперь можно и поспать, поочередно. Но сон прошел, и пока Саранин, Шевченко и Кусов дремлют, мы с Киселевым наблюдаем.

На мосту оживление. Мы все чаще отрываемся от собственных дум. Шоссе работает с полной нагрузкой. Одна за другой идут автоколонны. Больше транспортные. Иногда проходят отдельные бронетранспортеры. Наши подопечные ведут себя спокойно, не подозревая об опасности, но за пределы своего гарнизона не выходят.

Мы тоже освоились с обстановкой. Иногда, когда шоссе опустевает, даже становится как-то скучновато. Погода, кажется, первый раз за две недели выдалась на славу. Неяркое осеннее солнце греет спину через ветки кустарника. На небе ни облачка. Плохо, что земля холодная. Вообще холодно, а руки и ноги затекают от долгого лежания в одном положении. Хочется лечь на спину или сбегать к реке умыться. Но это не для нас. Надо терпеть. Только выдержка и настойчивость приносят успех.

Жизнь идет своим чередом. Наши уставшие товарищи спят. Движутся на восток немецкие части. Киселев их аккуратно отмечает в блокноте. Кто-то из немцев в охранении играет на губной гармошке. Опять набегают воспоминания.

1940 год, Чирчик (из довоенных воспоминаний)

После сытного обеда, с пустыми баулами, нас отвели к казарме. Приказали сложить вещи в кучу и повели в баню. Баня была далеко – километрах в трех от школы. Встречавшиеся по дороге солдаты и командиры с улыбкой смотрели на наш строй. Вид его, очевидно, не мог вызвать другой реакции.

Командовал старшина. Я уже был не у дел, хотя еще в военкомате и по дороге в часть вся моя команда единодушно выбрала меня командиром, и убедить их в несуразности этого решения было невозможно. Колхозные порядки. Но шел я все-таки в первом ряду. И так уже повелось, что все время учебы в школе я ходил в первом ряду. Может, был выше всех? Как будто нет, Омуцинский и Шевченко были повыше.

После бани, одетые в форму не по размеру, мы не узнали друг друга. Долго смеялись. Потом в течение нескольких дней менялись вещами друг с другом. Кое-что менял и старшина. Всю свою одежду, обувь и белье нас заставили уложить в выданные мешки, написать фанерные бирки и сдать на полковой вещевой склад.

Мы уже знали, что существует приказ наркома обороны Тимошенко – демобилизованных из армии красноармейцев отправлять домой в собственной одежде. В чем прибыл, в том и уедешь. В Москве мы уже видели демобилизованных, одетых в форму б/у. Брюки с заплатками да такой же бушлат, только еще более неряшливый из-за многочисленных масляных или еще каких-то пятен. Говорили, что солдаты теперь домой возвращаются только ночью, а днем сидят в кустах или оврагах на подходе к родной деревне. Когда они призывались, приказа еще не было, свою одежду они почтой отправили домой, а просить вещи к демобилизации из дома неудобно – вдруг пришлют лапти. Вот и приходилось их как-то обмундировывать в форму б/у. Нам же предстояло быть первыми, возвращающимися домой в собственных армяках, фуфайках, кожухах, а может быть, кое-кому и в лаптях. Кстати, лапти в то время были не редкостью, а в некоторых деревнях – даже самой распространенной обувью.

Приказ этот шокировал своей мелочностью не только призывников. Демобилизованный солдат лишался возможности показать себя во всей красе военнослужащего. В то время демобилизованный долго, месяцами, а то и годами щеголял в форме красноармейца. Это было красиво и модно. Лучшие

женихи были женихи в форме красноармейца. И другая сторона дела – семья лишалась возможности получить одежду и обувь для одного из ее членов, да еще и праздничную. В то время это было очень важно. Тогда каждая портянка была ценностью. И не потому что люди были жадными. Просто очень многого не хватало. Пусто было в магазинах, а если что и было, то и в кармане было пусто. Молодые люди, даже мои дети, возможно, отнесутся к написанному скептически, а может быть, и не поверят. Ведь сейчас положение кардинально изменилось. Теперь демобилизованные, наверное, тоже приходят домой со службы ночью, чтобы не видели соседи и любимая девушка. Или еще в части надевают импортный костюм и лаковые туфли. И не потому, что их плохо одели. Нет. Теперь и в новую форму одевают, да и форма уже не та. Раньше вся форма, кроме шинели, была из х/б, а теперь шерстяная и вместо гимнастерки – френч. Просто мы жить стали лучше. А память у людей коротка.

Чистые и одетые, мы смогли наконец переступить порог школы. Наружный вид здания (если можно так назвать саманный барак с выбитыми кое-где стеклами) особого впечатления не произвел. Внутренним видом и начинкой мы даже были шокированы. Большой зал с неровным цементным полом и без потолка – только стропила и балки. Потом говорили, что эти балки были излюбленным местом ночных прогулок попавших на службу лунатиков. Правда, их быстро списывали – боялись, что, нечаянно упав, могут задавить сразу несколько человек, спящих на верхнем ярусе нар. Все помещение от входа и до задней стенки было занято двумя рядами двухъярусных нар. На каждом ярусе в два ряда, головами друг к другу, спали курсанты. Над головой – узенькая доска. Это место для личных вещей. Поскольку больше места для личных вещей не было, то не было и личных вещей. Или наоборот. Все остальное пространство, не занятое нарами, называлось проходом. Один центральный и два боковых – вдоль стен. У двери – стол дневального. У входа в казарму две комнаты: слева – канцелярия школы, справа – каптерка старшины.

Распределили нас по взводам. Меня – во взвод топоразведки. Появились командиры отделений и помкомвзводов. Каждый получил свое место на нарах. Набили наволочки соломой, и служба началась.

Первые дни были заполнены работой по строительству землянок и уходом за лошадьми. До нашего прибытия была построена только казарма, а самой школы еще не было. Дивизия недавно перебазировалась из Барабинска и только начинала обживаться на новом месте. Необходимо было построить классы – по одному на взвод. Строили их только взводы управления:

топоразведки, связи и радио. Считалось, что огневики могут проводить все занятия в полевых условиях, в артпарке под открытым небом. Копали землю. Для устройства крыш в 10–15 км от части рубили камыш. На лошадях в седле возили его в часть. Эту работу выполняли за счет самоподготовки, свободного времени бойца, мертвого часа и выходных дней. Расписание занятий и уборка конского состава выполнялись с точностью до минуты. Чтобы уложиться в расписание, мы никогда не ходили, а точнее – нас не водили шагом. С подъема и до отбоя и даже после отбоя мы передвигались только бегом. Как только наступила зима (с декабря по февраль), нас каждую ночь после отбоя – я не оговорился – стали поднимать еще и на проводку лошадей.

День был заполнен так, что курсанту некогда было сходить в уборную.

Во всем отрабатывался автоматизм. Подъем. Через 30 секунд все в строю на улице. Повзводно. Весь наш личный туалет, и то не ежедневно, состоял в утреннем умывании (плеснуть раз-два холодной водой в лицо) без чистки зубов. Брюки и гимнастерку ухитрялись надеть еще в постели, под одеялом. Перед подъемом казарма уже шумела. Кое-где была слышна команда «Раздевайсь!». Это сержанты – командиры отделений и помкомвзводов ловили нарушителей. Потом, перед отбоем или после отбоя, засеченные нарушители – опоздавшие в строй и те, кто был одет не по форме, будут десятки раз одеваться и раздеваться, укладываясь в постель после каждого раздевания. Труднее всего было обуваться. Второй ярус прыгал на голову первому. Случались конфликты. Теснота была такая, что не нагнуться, чтобы обернуть ногу портянкой. Но и здесь находили выход. Портянками накрывалось каждое голенище сапога. Так она просыхала. А при подъеме нога влезала в голенище сразу вместе с портянкой. Надо было лишь подоткнуть концы, чтобы не было видно. Но сержанты и тут были начеку. В строю – не всех, конечно, а тех, кто был на заметке, – заставляли разуваться. И опять сыпались команды «Раздевайсь! Одевайсь!» или – «Два наряда внеочередь!».

Проблем с ночной уборкой казармы и с дневальными на конюшне не было. Очередь по графику постоянно отодвигалась за счет внеочередников. Получившему наряд не позавидуешь. Свой наряд по графику и, кроме того, внеочередной – через день. А наряд нести очень тяжело. Если уборка казармы – это значит, что все курсанты спят, а наказанный моет полы, а утром вместе со всеми идет в строй. А мы и так никогда не высыпались. Наряд на конюшню был суточный. Целые сутки надо было убирать навоз. В стойле у лошади его быть не должно. А лошади порядка не знают.

Все время то в одном конце конюшни, то в другом слышно, как они оправляются. Как будто нарочно в разных концах, чтобы дневальный больше бегал. Кормление, водопой и чистка лошадей в обязанности дневального не входили.

И вот, для того чтобы выкроить хоть немного времени для отдыха, Иван Саранин придумал для лошадей команду «Оправиться!». Как он потом рассказывал, пробовал сначала отдавать команду голосом – не поняли или не захотели выполнять. Были и другие попытки, но самым действенным оказалось пробежать с седлом вдоль стойл, и лошади, как по команде, оправлялись. Теперь убери и можешь присесть на кипу сена. Объяснял он это так. Лошади думают, что их будут седлать, и готовятся. Похоже на правду.

Подъем, построение и бегом на конюшню, на утреннюю уборку лошадей. Те, у кого были лошади, – а не имели их только радисты и связисты, а у ездовых огневых взводов и некоторых разведчиков, они же коноводы офицеров, было и по две лошади – освобождались от утренней зарядки. Сначала надо было зачистить лошадей жгутом из сена или соломы так, чтобы лошадь была сухая и не было пятен грязи. Потом чистка щеткой. Принести брезентовым ведром воды и напоить. Получить у каптенармуса порцию овса, насыпать в торбу и надеть лошади на голову. Пока она ест, надо принести и положить в кормушку сено. Затем в оставшееся время почистить седло и уздечку. Особенно внимательно надо было следить за стременами. Стремена, седла и шпоры на сапогах постоянно должны были блестеть как зеркало. Чистили мы их толченым кирпичом, суконкой и балалаечной струной, натянутой на деревянную развилочку. Такое приспособление почти каждый носил в кармане.

Курсант полковой школы в Чирчике. 1940–1941 гг.

Уборка закончена. Командиры отделений проверяли. Кто плохо почистил, получают взыскания. Порядок был такой: чистить так, чтобы гимнастерка на спине была мокрая. Снова в строй и бегом в казарму. Команда «Стой! Разойдись умываться!» Через 5 минут опять команда – «Строиться! Становись!» Кто проворнее, успевал раздеться и плеснуть несколько раз воды в лицо. Остальные надевали гимнастерки, не умывшись. Умывальников не хватало. На 130 курсантов плюс сержанты было около 40 сосков. Умывальники были самодельные, из

проржавевшего оцинкованного железа. Установлены они были под открытым небом. Кроме того, дневальные часто наливали мало воды. Всем не хватало. Подходить к умывальнику разрешалось только без рубашки, поэтому особенно неприятно было умываться во время дождя и снега.

После умывания – бегом в столовую. Заготовители от каждого подразделения во главе со старшиной или дежурным уже ушли заранее. На каждый стол, на десять человек, подавался бачок с кашей или картофельным пюре, хлеб и сахар по весу. В дележке поданного на стол принимали участие все без исключения. Разделить надо было так, чтобы никому не было обидно. Сахар выдавался колотый, и делить его было трудно. С хлебом легче. Пока хлеб и сахар раскладывались на десять кучек, все выбирали себе кусок побольше. Тянулись так, что рисковали свернуть себе шею.

Я писал, как хорошо нас накормили в первый раз. К сожалению, тот раз был и последним. Праздник для нас кончился, и позже мы все время ходили голодные. Молодые, двигались почти круглые сутки, а питание было такое, что сейчас мне кажется, что на такой пище даже старику при сидячей работе было бы не прожить. Кроме того, перерыв от завтрака до обеда был почти 9 часов. В результате нашим талиям позавидовала бы любая девушка. Поясного ремня хватало на два оборота и под пряжку. Пальцы двух рук свободно смыкались на талии.

Хлеб и сахар разложены. Звучит команда «Огонь!», и на больший кусок падает сразу несколько рук. Деливший в таких случаях получает отставку. Надо было разделить все так, чтобы было поровну.

Ели, у кого была ложка – ложкой, у кого не было – через край, второе – хлебом. Ложек нам в столовой не давали. Приобретали кто как мог. Достать было очень трудно. Военнослужащие хозяйственных взводов (им иногда приходилось проезжать по городу) могли принести ложку оттуда, и только деревянную. Ложки мы носили в карманах брюк или за голенищем. При занятии физкультурой, особенно на брусьях, черенки отламывались, поэтому если у кого ложка и была, то без черенка. Есть надо было быстро. Разложив кашу по мискам, один хватал бачок и бежал на кухню за чаем, это в 100–150 метрах от столовой. Остальные быстро расправлялись с кашей. Чай наливали в те же миски и выпивали через край. Кто не успел съесть, запихивал хлеб и сахар в карман. В это время раздавалась команда «Встать! Выходи строиться!» Кто зазевался, оставался без еды. Поблажек никому не было. Но мы скоро так наловчились, что после завтрака или обеда успевали попытать счастья

получить добавку у раздаточного окна кухни. Удавалось это редко, так как у раздачи оказывались почти все курсанты и половина солдат с батарей. Были, правда, шустрые ребята, которые этим благом пользовались почти каждый день. Курсант Бембель, небольшой, ростом всего 1,55 метра, успевал съесть свою порцию, получить добавку, примерно 30 солдатских порций – и уже на подходе к школе догнать строй.

Есть хотелось все время. Во время работы, в перекуры на занятиях, даже под одеялом в постели можно было слышать разговоры о том, чем кормили матери, что и как готовили. Уже в более зрелые годы, анализируя происходившее в то время, приходишь к выводу, что того питания нам, видимо, хватало. Слабости не чувствовали. Хорошо бегали, прыгали. Не чувствовали большой усталости, проведя без сна по несколько суток или совершив шестидесятикилометровый переход по гористой местности с полной солдатской выкладкой.

Купить хлеба или узбекскую лепешку рядовому курсанту или солдату было почти невозможно, даже имея деньги. Иногда курсанты, чтобы купить несколько лепешек, заведомо шли на преступление – переплывали через арык, хотя знали, что такой поход может кончиться гауптвахтой. Правда, был у нас один курсант, старше нас годами и более развитой, с высшим техническим образованием и приятной внешностью. Он умел поговорить, был знаком с женами некоторых офицеров, и они иногда покупали ему в ларьке для офицеров, находившемся на территории полка, немного хлеба.

Однажды он и мне принес кусок хлеба, граммов пятьсот. Я сразу съел граммов пятьдесят, а остальное аккуратно завернул и положил на свою прикроватную полочку. И чувство голода прошло. Двое суток я жил спокойно, съедая по 50 граммов хлеба в день, конечно, как добавку к обычной солдатской норме. Потом я ловил себя на подобном не раз. Положишь на полочку завернутый в газету кусок узбекской лепешки – и жить становится легче. Есть во фляжке вода – пить не хочешь, нет воды – мучает жажда. Даже на фронте, находясь в экстремальных условиях, чувствуешь себя увереннее, когда у тебя на ремне висит фляжка со спиртом, а в вещмешке лежит банка тушенки и кусок хлеба или сахара.

Вскоре хлеб исчез. Унес его курсант Герасимов. Это был несчастный человек. Служить ему было невыносимо тяжело. Все ему давалось с очень большим трудом – и строй, и учеба, и работа. Он всегда был голоден, всегда замерзал. Повсюду его ругали. Все над ним смеялись. Переломить себя он уже не мог. Единственная работа, которая его устраивала, это быть рабочим

по кухне. Он всегда просился дневальным по кухне, где ел почти сырую картошку. Объедался ею, потом по несколько дней болел, непрерывно бегая в уборную, а на полевых занятиях – за бугорок или в воронку. Выздоравливал – и снова просился на кухню. Неизвестно, чем бы это кончилось, но зимой вышел приказ отправить несколько человек в Казахстан. С ними отправили и Герасимова.

Сейчас много пишут и говорят о тяжелой жизни в армии – как плохо живется солдатам и офицерам и их семьям, и никто не рассказывает, как было раньше, в то, советское, время. Я думаю, что было во много раз тяжелее. И даже представить невозможно, что было бы, если бы кто-нибудь из солдат или офицеров пожаловался на трудности службы.

Я уже упоминал продовольственный ларек для офицеров, находившийся на территории полка. Офицеры нашей части жили в военном городке или снимали углы в Чирчике, в частных домах у узбеков. Одно время я был связным у командира взвода разведки – лейтенанта Лебедева. При объявлении тревоги я должен был передать лейтенанту, снимавшему угол в Чирчике, команду «Тревога!». Помню, что уже не молодой, как мне тогда казалось, лейтенант жил в каком-то саманном сарайчике с маленьким оконцем и земляным полом. Мебель – железная односпальная кровать, стол и табуретка. На территории части, в отдельном домике, жил только командир полка майор Завьялов. С другими солдатами мы как-то обсуждали, почему продовольственный ларек находится на территории полка, а не в военном городке, из-за чего жены офицеров вынуждены ходить за продуктами за два с половиной километра. Одни шутили, что это сделано специально, чтобы подразнить солдат. Другие считали – чтобы создать максимум удобств командиру полка. Третьи же уверяли, и они, пожалуй, были ближе всего к истине, что ларек находится на территории, куда нет доступа гражданскому населению. Будь по-иному, продукты мгновенно раскупили бы местные жители, военный же городок не охранялся, и семьи офицеров остались бы голодными.

Теперь о солдатах. Когда я вижу репортажи о «голоде» в воинских частях, где солдаты в микрофон говорят, что надоела тушенка, «хочу маминых пирожков», у меня возникают двойственные чувства. Радует, что Россия дожила до такого времени, когда солдат кормят тушенкой, и в то же время огорчают такие безответственные репортажи и публикации средств массовой информации. Мне кажется, правильнее было бы сравнить быт нашей армии не с бытом армий западных стран и

Америки, а со вчерашним днем, то есть с довоенными временами нашей собственной армии. Ведь мы оттуда идем. Тогда бы все выглядело совсем по-другому. А то мы 70 лет строили коммунизм, построили неизвестно что и сравниваем нашу жизнь с жизнью капиталистических стран. Нехорошо. Мы получили то, что создавали.

Вот показали бы нашим теперешним военнослужащим, как мои современники солдаты просились в наряд по кухне. Работа тяжелейшая. Уборка, мытье полов и посуды, переноска грузов – ящиков и мешков с продуктами, чистка картошки большими разделочными ножами. Это сутки работы без отдыха и сна. И на эту каторгу у командиров просились. Причем получивших наряд вне очереди на кухню не посылали, поскольку это был наряд, где можно было «от пуза» наесться картошки. Полусырой, полусгоревшей, сваренной украдкой в топке котельной. О мясе, рыбе, котлетах мы понятия не имели. Правда, у нас устраивались так называемые постные дни, обычно приуроченные к учебным выходам на 40–60 км, когда нам на обед давали граммов 50 сухой говяжьей колбасы и не давали воды.

Хорошо это или плохо? С какой стороны посмотреть. Тяжело, даже очень тяжело, но зато нам было не так трудно на войне. Мы месяц могли жить без продуктов, питаясь лишь корой деревьев и кореньями осоки. Могли в октябре – ноябре идти по болотам без сапог. Спать на ходу или в лесах и болотах, под дождем и снегом без палаток, в летнем обмундировании.

И еще одно отступление. Теперь много говорят и пишут о воровстве в современной армии, обвиняя во всем нынешнее правительство и президента. Обвинители стараются показать, что это зло родилось вместе с демократическим режимом. Думаю, что воровство в армии началось гораздо раньше.

Пример на уровне полка. Солдаты голодают. А находясь в наряде на кухне, мы видели, как весь день в больших противнях в кипящем масле жарились пончики. Не знаю, ели ли их офицеры, но рядовой и сержантский состав о них даже представления не имел. Кроме того, в полку была ферма, где выращивались коровы и свиньи. Обслуживал ферму взвод солдат срочной службы, и иногда им в помощь посылали солдат из батарей. Ферма была, а вот ни молока, ни мяса солдаты не ели и даже не видели. Обворовывать солдат продолжали и на фронтах, все годы войны. И пороком этим была заражена не только армия, но и все построенное на лжи советское общество, построенное нечистыми руками и на деньги Германии, противоборствующей стороны в войне с Россией.

Искоренить этот порок, имеющий семидесятилетнюю

давность, не просто, а сейчас, наверное, и вообще невозможно, тем более без коренной реформы армии. Особенно если учесть обстановку в нашем обществе, где такие порядки устраивают значительную часть людей, для которых чем хуже, тем лучше, где невероятно многочисленный генералитет и полно обиженных коммунистических функционеров, всеми силами старающихся повернуть историю вспять.

Через две недели после нас в школу прибыла группа украинцев, 38 человек. Мы уже чувствовали себя старослужащими, а тут новички. Не знаю, может быть, это и не так, но нам казалось, что мы вживались в распорядок дня легче, чем они. А с их приездом – каждый день событие. Особенно при подъеме. Построение. Команда: «Рассчитайсь!» Одного-двух человек в каждом взводе не хватает. Начинаются поиски. Прятались ребята под матрасы, за ружейные пирамиды, но чаще всего под нары. Прошло некоторое время, и все стало на свои места. Уже не слышно было: «Кого нет?» – «Сидоренко!»

Быстро прошел ноябрь с его чудной погодой. Закончили строительство учебных классов. Полным ходом шли работы по строительству конюшен. Лошади пока стояли на коновязях под открытым небом.

Наступил декабрь. Пришли холода. Почти каждый день шел дождь, а то и со снегом. Сутки, и до того напряженные, уплотнились еще больше. На сон времени не оставалось совсем. Оказалось, что лошади менее выносливы, чем человек. В этом мы потом убеждались не раз. Лошади замерзали. Нет, случаев гибели от стужи не было. Они просто дрожали под дождем и мокрым снегом, и их надо было согревать. С этого времени у нас изменился распорядок дня. Или, скорее, распорядок ночи. Если раньше мы спали с 11 вечера до 6 часов утра, то теперь отбой был, как и раньше, – в 11, а подъемов уже два. Первый – в час или два часа ночи, зависело это от температуры, а второй, как и раньше, – в 6 часов. Только успеем согреться в гуще тел, только просохнет белье (даже в холодную и дождливую погоду нам не разрешалось надевать шинели), как гремят команды: «Тревога!», «Подъем!», «Выходи строиться!», «Шагом марш на проводку конского состава!». Мы, тепленькие, только с постели, с закрытыми глазами выбегали на улицу, под дождь со снегом, и, съежившись, становились в строй. Под ногами непролазная грязь. В Средней Азии микропористые грунты, они очень легко промокают, и на довольно большую глубину, превращаясь в вязкое липкое тесто. За сапогами тянутся пудовые глыбы грязи.

В кромешной тьме прибегаем на конюшню. Отвязываем

каждый свою лошадь, и начинается проводка. Водить лошадь можно, как кто умеет и где хочет. Ходить под дождем по грязи не очень приятно, поэтому каждый норовит забраться лошади на спину. Седла и уздечки брать нельзя. Недоуздок с чумбуром (металлической цепью)[2] – вся амуниция. Тут и начинается свалка. Стоит только взобраться лошади на спину, как она становится неуправляемой. Чумбур, заправленный ей в рот вместо удил, не помогал. Лошади пускались бежать, играть, вскидывая задом. Инициаторами игр всегда выступали жеребцы. Кастрировали их уже весной, перед самой войной. Всадники летели в грязь, а лошади оказывались на свободе. Всех беглецов надо было поймать и вернуть на привязь.

Вся наша конюшня была укомплектована полудикими длинношерстными лошадьми с длинными хвостами. Они были набраны из табунов Казахстана, и мы их вводили в «христианскую веру». Обучали ходить под седлом и брать препятствия, щетками, работая почти по пять часов в день, вытирали длинную шерсть, моя каждую неделю теплой водой с мылом, выводили перхоть.

Лошадь сразу чувствует, когда ее отвязали от коновязи, и начинает бегать, а то и прыгать – это уж зависит от темперамента. Ей надо согреться или размяться, может, она просто застоялась, вопрос спорный. Одна пегая кобыла, не поддающаяся приручению, стояла у нас на одиночной привязи – металлическом колышке. Ей на палке подавали воду и подпихивали сено. Даже казахи, от рождения конники, после нескольких попыток отказались ее объездить. Так вот эту кобылу никто никогда не проводил, не согревал, а она прекрасно выглядела и никогда не кашляла. И на фронте лошади круглый год находились под открытым небом, только иногда, при длительной обороне, им строили землянки, хотя были и дожди, и снег, и морозы до 45 градусов, но не было случая, чтобы лошадь замерзла.

После проводки всех лошадей надо было протереть жгутами из сена. И только после этого нас вели в казарму. Но в казарму не пускал дежурный. Мы были грязные с ног до головы. На мойку и чистку сапог и обмундирования уходили драгоценные минуты, и все меньше оставалось времени на сон. Обычно второй раз мы ложились в 4–5 часов. Здесь отбоя не было, кто как управится. Засыпали быстро. На нарах у каждого из нас было место шириной сантиметров пятьдесят. Когда ложились, наши тела плотно прижимались друг к другу, и мы быстро согревались. Мы всегда шутили – «Поворачиваться по команде». Подъем, как всегда, был в 6 часов, без скидок на ночные работы.

В таком ритме и проходила служба два зимних месяца.

Ташкентская зима – декабрь и январь. Шла напряженная учеба по специальности в условиях, приближенных к боевым, в основном в поле. В классе иногда занимались только радисты. Отрабатывали технику. Все другие взводы, разобрав приборы и оружие, уходили под дождь, а затем и под снег. Морозы в том году были для тех мест рекордные – до 20 градусов. Обмораживали носы и уши. Я уже упоминал Герасимова. Так вот он в такие морозы команду «Ложись!» кое-как выполнял, а выполнить команду «Встать!» ему часто не удавалось. Даже винтовка у него выпадала из рук. Мы отогревали ему руки, командиры надевали на него свои теплые перчатки – ничего не помогало. Он тут же опять замерзал.

Много времени уделялось строевым занятиям, конным и физкультуре. Все оставшееся личное время бойца, «мертвый» час и выходной день отдавались строительству конюшен. Подвозили и рубили солому. Разогревали битум. Перемешивали землю с соломой и битумом и набивали этой смесью полы стойл. К весне конюшни были готовы. Мы вздохнули с облегчением. Еще больше, наверное, были довольны наши друзья – лошади. Они перебрались под крышу.

Мы думали, закончим строительство – станет легче, но этого не случилось. Правда, стали давать время (один час) на самоподготовку – это те же занятия, только в классе. Но зато больше стало занятий по тактике и чаще стали поднимать по тревоге или для 40—50-километрового марша. В феврале – марте нам заменили материальную часть. Надо было ее осваивать.

Раньше у нас были 76-мм пушки и 122-мм гаубицы на деревянных колесах. Говорили, что они были в деле еще в Русско-японскую войну 1905 года. Теперь пушки заменили горно-вьючными. Заменили на горно-вьючное и все снаряжение. Даже кухни стали на вьюках. Только гаубицы остались прежние.

Много было разговоров, что вместо лошадей дадут мулов. Мы этого ожидали с трепетом. Как известно, мулы своенравны и не поддаются тренировкам. Но слухи не подтвердились. А может быть, начало войны не позволило осуществить планы. Лошадей же стало значительно больше. Теперь на каждую пушку полагалось по 24 лошади, и работы у огневиков прибавилось: каждый ухаживал сразу за двумя лошадьми.

С появлением новых пушек стали шутить: «Теперь кашу с салом есть будем!» У старых пушек были деревянные колеса с металлическим ободом, который после каждого занятия или простого перемещения пушки для предохранения от коррозии надо было густо смазывать пушсалом.

Новые пушки радовали огневиков. Легкие, с резиновыми колесами, они были легки и в перемещении на огневых позициях,

и при транспортировке на марше. Чаще всего возили их в упряжке. Для транспортировки на вьюках пушка разбиралась на части. Два вьюка – ствол, два вьюка – лафет, один вьюк – колеса. Несколько вьюков – ось, щит, передок и заръящик. Мы всегда жалели лошадь, которая везла кухню. Два котла подвешивались на специальное седло с обеих сторон лошади. Обед, завтрак или ужин готовились на ходу. Повар подкладывал в топки котлов саксауловые дрова. Сизый дымок шел из трубы, возвышающейся над седлом, а в котлах кипело варево. Жалко было лошадь не потому, что ей тяжело, – ей было очень жарко. В летнее время температура около сорока, лошадь почти вся укрыта кошмой, да еще котлы с боков подогревают.

Мы много занимались строевой подготовкой. Строевые занятия длились полтора-два часа. Тяжело было просто шагать два часа подряд, проделывая упражнения с ружьем, но больше всего изнурял строевой шаг. Ногу приходилось тянуть на уровень пояса. Удар ноги получался сильный, и где-то после часа занятий ног уже не чувствуешь, да и сам становишься неустойчивым. Такое ощущение, что позвоночник в пояснице переламывается.

Еще тяжелее были занятия по верховой езде. К ней курсанты относились по-разному. Одни увлекались ездой, для них это был праздник. Другие были равнодушны, думали: надо – значит, надо. А третьи терпеть не могли ни лошадей, ни седло. А может быть, не любили лошадей потому, что не любили седло. У таких слезы на глазах выступали, когда приходилось седлать лошадей.

Верховую езду вел инструктор конного спорта, старший лейтенант, кавалерист. Фамилию теперь уже не помню. Человек жестокий. С курсантами он никогда не разговаривал, и мы о нем ничего не знали, кроме того, что он за выпивки часто находился под домашним арестом. Сообщение, что это занятие будет проводить командир взвода, нас всегда радовало. Мы любили своего комвзвода лейтенанта Лебедева. Всегда чисто одетый, подтянутый. Никогда не допускал грубостей. В отличие от инструктора, он никогда не старался оскорбить или унизить даже самого нерадивого подчиненного. Позже, на фронте, когда встречались бывшие курсанты, мы часто вспоминали своего бывшего командира.

Занятия проводились на размеченном четырехугольнике. Почти все полтора часа занятий мы без стремян ездили шагом, рысью и галопом по сторонам и диагоналям этого четырехугольника. Кто не занимался конным спортом, представить себе, что это такое, никогда не сможет. Когда сидишь на лошади без седла – ноги расставлены не широко, охватываешь ими лошадь и чувствуешь себя устойчиво и даже на бегу

подпрыгиваешь и опускаешься вместе с ней. В седле же ноги раздвигаются широко, ты уже не в состоянии обхватить ими лошадь, а скользкая кожа сиденья и крыльев седла не имеет ни малейшего сцепления с всадником. Всадник оказывается в положении блина на сковородке. У блина, правда, есть преимущество. Его от падения предохраняют борта сковородки. При езде по прямой всадник чувствует себя еще более или менее устойчиво. Одни – более, другие – менее. Это зависит от многих обстоятельств. Например, от формы тела лошади. Грудь, например, у лошади бывает клинообразная и бочкообразная. От походки. Малейшая «развалка» отрицательно отражается на усидчивости. Длинноногий всадник тоже будет более устойчив в седле. Но основное все же – это способности наездника.

На поворотах, особенно на острых углах, удержаться в седле без стремян очень трудно. Трудно подобрать угол наклона. Можно просто сползти, особенно при езде рысью. Можно представить наше состояние в седле, если учесть, что у всех нас никогда не заживали потертости с внутренней стороны ног выше колена. Белье на этих местах всегда было в засохшей крови. Корка с подсохшей раны на первом же круге стиралась, и рана снова начинала кровоточить. А схватиться рукой за луку седла нельзя. За это следовало наказание. Наказывали и за переход лошади на галоп при команде «Рысью!». Нередко наказание кончалось «бочкой». Наказанный въезжал в круг диаметром 8 метров, огороженный двухметровой высоты камышовой стенкой. Дверь закрывалась. Инструктор, находясь вне круга, давал команду «Бросить стремя! Рысью!», а иногда и «Клинок к бою!», неистово хлопал длинным, как у пастухов, хлыстом. Лошадь носилась по кругу. Кончалось обычно тем, что всадник оказывался на земле. Даже если он долго не падал с седла, то лошадь в конце концов пробивала камышовую стенку и, разъяренная и неуправляемая, носилась по полю, пока не сбрасывала ездока. Потом лошадь ловили и вручали пострадавшему. Были и тяжелые травмы. Правда, я не знаю случая, чтобы были ранения клинком или чтобы травма кончилась демобилизацией солдата.

Очень тяжело давались рубка лозы и препятствия. Занятия усложнялись тем, что у нас были молодые необученные лошади да еще не кастрированные жеребцы. Как только всадник вынимал из ножен клинок, лошадь становилась неуправляемой. Позже, когда лошадей объездили, жеребцов кастрировали, а мы, очевидно, кое-чему научились, положение изменилось к лучшему.

Легче, чем другим, конная подготовка давалась курсанту-разведчику Козинцеву. Невысокого роста, быстрый, собранный, он

как бы врастал в седло, ловко рубил лозу, пробовал даже двумя клинками. Неплохо брал препятствия. И наоборот, всегда потешались над Бондарем и Цибульским. Бондарю, правда, делали некоторую скидку: у него лошадь всегда занимала первое место по чистоте, а вот Цибульский часто оказывался в «бочке» и, бывало, падал с лошади с обнаженным клинком. Один раз даже упал в траншею. К счастью, обошлось без серьезных травм.

Лошадей мы всегда держали в чистоте. Каждую неделю для них устраивалась помывка. В поле, примерно в километре от конюшни, на берегу арыка назначенные из каждого взвода в наряд курсанты грели в котлах и ведрах воду. Когда вода была готова, выводились на чумбурах лошади, каждому курсанту выдавали по куску мыла, и работа начиналась. Мытье лошадей всегда проходило весело, со смехом и шутками. Лошади любят мыться. Но никогда мойка не заканчивалась без происшествий. Чаще всего какая-нибудь строптивая лошадь сбрасывала всадника при проводке после мытья (лошади надо согреться), и всем взводом приходилось ее ловить, а после снова мыть всех лошадей, так как они оказывались забрызганными грязью. Обидно до слез бывало, если лошадь убегала уже при возвращении в конюшню.

На всю жизнь мне запомнился один случай. Закончив мойку, я взобрался на спину своей Стрелы – так звали мою лошадь. В одной руке чумбур, в другой ведро. На гребне почти полутораметровой насыпи из грунта, вынутого при рытье арыка, лошадь мотнула головой, чумбур звякнул о ведро, лошадь сделала скачок влево, и я, как блин со сковороды, слетел вправо и всем телом плюхнулся в громадную грязную лужу. Что тут было! Курсанты окружили меня со всех сторон. Каждый старался отличиться в остроумии. Смех и шутки сыпались со всех сторон. Даже никогда не улыбавшийся помкомвзвода старший сержант Пудышев не мог унять хохота. Только мне было не до смеха. Предстояли стирка и сушка обмундирования и белья. Чтобы как-то отвлечь внимание товарищей, я храбрился, заявляя, что это чепуха, что я и не так летал с лошади. Вскоре лошадь была поймана и поставлена в стойло конюшни. Взвод построился и ушел в расположение полка продолжать занятия по расписанию, а меня оставили на конюшне приводить себя в порядок. Надо было постирать обмундирование и белье и, пока оно сушилось, отремонтировать смятое при падении с лошади ведро.

Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область (из воспоминаний)

Вспомнился случай из раннего детства. Было мне тогда лет десять. Ранняя осень. Сенокосы закончены. В эту пору сенокосные угодья односельчан, да и соседних деревень, объединялись и теряли свои границы, и выпас скота разрешался в любом месте. В один из вечеров нас с двоюродным братом (он был на год старше) отправили в отдаленное урочище в ночное. Земли принадлежали соседней деревне. Для выпаса скота они не использовались, очевидно из-за отдаленности, и там после сенокосов всегда была хорошая отава. Вот туда нас и отправили пасти лошадей. Посадили на лошадей, дали металлические путы. Лошадей в то время часто угоняли с пастбищ, вот их и заковывали в толстенную цепь со сложным замком.

Проехали мы километра два. Сумерки начали сгущаться. Кустарники сменились перелесками. Лошади шли спокойно. Отдыхали после тяжелого дневного труда. Только жеребенок резвился на свободе. Но и он, видимо, устал, пристроился к правому боку матери и все пытался ухватить своими теплыми мягкими губами мою босую ногу.

Выехали на поляну. Раньше там находился латышский хутор. Позже хозяева хутора или умерли, или переехали в другое место, и на месте подворья всегда рос высокий бурьян. Днем, в поисках птичьих гнезд, мы доходили до этих мест и даже любили посидеть на камнях бывших фундаментов, но к вечеру старались держаться подальше. В народе об этих местах ходили страшные легенды, и мы, дети, в них свято верили. Например, мы знали, что бывшая хозяйка хутора – мы ее называли просто «латышка», – утонувшая в болоте во время поисков потерявшейся коровы, каждую ночь выходит из болота и всю ночь бродит по полям своего владения и зовет корову, что дочь хозяйки в 12 часов ночи выходит из заваленного теперь почти наполовину хворостом колодца. Мы всегда заглядывали через сгнивший сруб в пропасть колодца, и не было конца рассуждениям, как живет там эта девчонка. Большинство из нас жалели свою сверстницу, но находились и такие, что с гневом бросали в колодец камни.

Напряженность нарастала. По спине пробежал холодок. Приближалось самое страшное место – развалины фундамента дома. Высоченный бурьян и огромные заросли бузины. Кажется,

слышалось хлюпанье ног «латышки» в болоте. Рука, державшая металлическое путо, разжалась, и оно упало на спину лошади. Звенья цепи звякнули. Видно, дремавшая в это время, лошадь сделала резкий прыжок вверх и в сторону, и я, перевернувшись в воздухе, приземлился на голову. Когда поднялся, лошади уже были метрах в двухстах. Андрей мужественно держался на спине своего мерина, ухватившись обеими руками за гриву. Но не долго. Лошади бросились через канаву, поросшую ольхой и кустарником, и Андрей плюхнулся в грязь, сбитый ветками ольхи. Некоторое время мы слышали топот и фырканье лошадей, а затем все стихло. Остались мы вдвоем на самом страшном месте. Но теперь нас уже одолевал не страх привидения, а страх другой – вполне материальный. Мы остались без лошадей. Куда они убежали? Где их искать? И что будет с нами, если мы вернемся домой без них?

Мы хорошо знали нравы своих родителей. Они не будут выяснять подробности происшедшего. С нас просто спустят штаны. Тогда мы не представляли в полной мере трагедию потери лошади в хозяйстве, больше пеклись о своем заднем месте. Это теперь понимаешь, что для крестьянина в то время потеря лошади была равносильна смерти.

Лошадь кормила семью. На лошади обрабатывали землю, вывозили на поле навоз, увозили с поля урожай зерновых, картошку и сено. Увозили часть урожая на сдачу государству. Завозили дрова. А всю зиму на лошади вывозили из лесу и свозили для сплава на берег Западной Двины лес и дрова. Возили из карьера гравий на строительство дороги. Это были обязательные повинности. А если удавалось крестьянину как-то найти свободное время, он ехал в извоз из города Велиж в Витебск и обратно. У нас на родине нет железной дороги. Все товары и сырье завозились и вывозились весной по воде, пока не обмелела Западная Двина, а зимой на лошадях по льду реки или по проселочной дороге. Даже сено возили за 80 км на рынок в город Витебск. Там цены были выше, чем в Велиже.

– Что мы будем делать? – заревел Андрей. – Я не могу идти домой без коня. Меня батька убьет!

– Пойдем искать, – растирая грязными руками по лицу слезы, сказал я.

И мы отправились. Я тащил на плече тяжелое путо, а Андрея стесняла мокрая, грязная одежда.

– Их волки съедят, – ревел один из нас.

– Или украдут цыгане, – всхлипывал второй.

– Или потопчут чьи-нибудь посевы, тогда будет не откупиться, – заявил Андрей.

Ночь наступила быстро. Мы шли в полной темноте, то и дело попадая в глубокие грязные лужи. Хорошо, что не надо было бояться намочить обувь. Мы были босиком. Пройдя километр по лесу, свернули направо. Мы знали, что там, метрах в двухстах, есть поляна. Обследовав поляну, вернулись ни с чем. Не увенчался успехом и осмотр второй поляны, окруженной со всех сторон болотами. Только узкий, 10—12-метровый, перешеек соединял ее с материком. Но и там поиски были тщетными.

Вернувшись на лесную дорогу, мы решили идти до деревни Городец, предполагая, что лошади убежали в городецкие овсы. Прошли до деревни. Свернули с дороги. Вышли к болоту и пошли в обратном направлении. Только теперь не по дороге, а вдоль болота. Лошадей нигде не было. Усталость и холод прижимали к земле. Только страх перед лесной неизвестностью заставлял двигаться.

Перешли через болото и вышли на уже обследованную ранее поляну. Решили отдохнуть, так как дальше идти были уже не в состоянии. Надо раскладывать костер. Но страшно идти в лес за дровами. Отправились вдвоем – не так страшно. Спички нам давали по пять штук каждому. Костерок загорелся. Ночь, и так темная, при свете костра накрыла непрозрачным колпаком, и у костра сон быстро сморил нас. Не заметили, как уснули, пока не разбудил сильный предутренний холод. Одежонка наша отсырела в ночном тумане. Как говорится, зуб на зуб не попадал. Чуть занимался рассвет. Уже был виден низко опустившийся над болотом туман. Но что это? На болоте, совсем недалеко от нас, кто-то сильно всхрапнул. Сердце сжалось: медведь! Через мгновение мы услышали шлепанье и слабое ржание жеребенка и ответ матери. Откуда взялись силы? Мы, не разбирая дороги, через пни и кочки бросились в туман и на окраине болота нашли спокойно пасущихся лошадей. Радости не было границ, хотя на своих лошадей мы были сильно злы. Договорились дома о случившемся не рассказывать. К моему счастью, лужа с большим слоем грязи спасла меня от ушибов, а может быть, и большего несчастья.

Осень 1941 года. Разведка

Но что-то случилось. От набежавших мыслей отвлек Киселев:

– Товарищ сержант, немцы уже обедать собираются, а мы еще не завтракали. Если учесть, что и ужинать не придется, то пообедать бы надо.

– Да, теперь бы по сотне-две пельменей на брата, – прошептал Саранин.

– О, вы, ребята, не голодны, если думаете о пельменях. Я бы сейчас с удовольствием отодрал корку домашнего каравая, – сказал я, а у самого сильно заныло под ложечкой. И рассказал, на каких деликатесах росли деревенские дети на Смоленщине.

Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область (из воспоминаний)

Хозяйство моего отца, Харитона Карповича Андреева, было не последнее в деревне. Семья была небольшая. Отец, мать да нас трое детей – старший Сережа, младший Вася и я. Малыши, но все работали. По силам и уму и работа распределялась. Детям на игры время не отводилось. С четырех лет каждый был при деле. Были у нас лошадь, корова и пять овец. Выкармливали поросенка. Одно время отец даже был определен в подкулачники. Это значит, что и в кулаки не вышел, и от бедняков оторвался.

Отец и мать очень много работали. На отдых и сон оставалось 4–6 часов в сутки. Не знаю, то ли они в самом деле хотели разбогатеть, то ли нас хотели накормить досыта, но работали, напрягая все силы. Даже в воскресенье и престольные праздники, что в то время считалось за великий грех. А жили голодно.

Об одежде и говорить нечего. Если были самотканые штаны и рубаха без заплат, да еще и окрашенная крушиновой или ольховой корой, считалось за благо. Другие и этого не имели. Обувались в лапти. Суконные, из самотканого сукна, портянки считались роскошью. Лапти каждый плел себе сам. Дети этому ремеслу обучались уже в 6–7 лет.

Основным продуктом питания была картошка. Ее варили всегда нечищеную. Поставит мать чугун с картошкой на стол. Перед каждым на стол насыпалась щепотка соли, выдавался кусок хлеба, и тут уж не зевай. На обед подавался картофельный суп – это блюдо называлось картошкой и подавалось на второе, а на первое – щи, называлось оно капустой. Сборная «капуста» для щей квасилась осенью, правда, была она без основного продукта – капусты. Входили туда свекла, редька, брюква и репа. И «картошка» и «капуста» заправлялись свиным шпиком. В большой горшок, а еда готовилась на весь день, опускался кусок шпика граммов примерно сто. Когда суп был готов, мать вынимала шпик на тарелку, растирала его ложкой и опускала в горшок. Но это случалось не всегда. Два дня в неделю – среда и пятница – были постными. А в году еще было три поста. Перед Рождеством шесть недель, перед Пасхой семь-восемь недель и перед Петровым днем – две недели. В постные дни даже молоко не разрешалось есть. Суп и щи ели с постным маслом. На большую семейную миску

варева полагалась одна столовая ложка льняного масла. На поверхности супа плавали масляные «пятаки». Но какой был запах! Для запаха масло жарили на сковородке с луком.

После окончания школы. 1939 г.

Хлеб мать пекла из картошки, добавляя немного муки, а мука мололась из ржи, ячменя или овса с добавкой сушеных картофельных очисток и льняной мякины. Весной в хлеб добавлялись лебеда, головки клевера и стручки хвоща. Сейчас не всякий сможет представить, что это был за хлеб. Похож он был на оконную замазку, только фракции покрупнее. А корка при выпечке трескалась и отделялась от мякоти. Вот за эту корку, которая была нашим лакомством, нам часто попадало. Стоило матери отвернуться, как мы сдирали с буханки корку – и на печь. И даже такой хлеб нам выдавали по порциям.

В деревне ходил анекдот. В избу крестьянки зашел уполномоченный райисполкома и похвалил хозяйку: «Правильно, хозяйка, делаешь, что под печи глиной смазываешь». – «Да нет, товарищ начальник, это я хлеб из печи вынимаю».

У нас, детей, постоянно было желание заболеть. Больного кормили отдельно. Давалось сырое или вареное яйцо или кусок

хлеба с маслом.

А с каким нетерпением ждали престольных праздников! В праздничные дни на стол подавалось свиное сало, масло, хлеб с меньшим количеством примесей, а на Пасху, Троицу и Петров день варили каждому по два-три яйца!

Правда, весной и летом было полегче. Добавлялся подножный корм. Ели все: стручки хвоща, сурепку, корни осоки, щавель, заячью капусту, ягоды зеленые и зрелые, плоды дикой яблони, ягоды крушины, скоблили и ели камбий деревьев – осины и ольхи. Ели и колоски ржи, и многое другое. А уже к середине лета поспевали горох и овощи…

Осень 1941 года. Разведка

Вот и вспомнилась мне корка деревенского хлеба, даже запахом капустных листьев, на которых хлеб сажали в печь, потянуло.

– Вот что, Сережа, – сказал я Киселеву, – ты иди в лес, вдоль реки, насобирай стеблей осоки, а может быть, найдешь заячьей капусты или еще что-нибудь съедобное, а Саранин принесет воды. Только будьте осторожны.

Киселев и Саранин покинули наш наблюдательный пункт. Не прошло и пяти минут после их ухода, как в лагере врага началось движение. Солдаты по одному и группами выходили на дорогу и вглядывались в даль. Неожиданно двое перешли по мосту и стали осторожно продвигаться по берегу. Я замер. Неужели они заметили Саранина? Если так, то вся операция может сорваться! Что предпринять? Я, конечно, мог бы без труда их уничтожить. В то время у меня была автоматическая винтовка СВТ. Мне нравились ее скорострельность и точность боя. Она позволяла прицельно стрелять через 1–2 секунды. А стрелял я хорошо – на лету убивал ворону. Открой я стрельбу, один, без сомнения, был бы убит с первого выстрела, и второй немец не успел бы опомниться, как я бы выстрелил снова. Но это привлечет внимание не только охраны моста, но и немцев в проходящих по дороге колоннах. Кроме того, охрана, надо полагать, имеет связь с каким-то гарнизоном. Пройдя метров сто, гитлеровцы остановились, что-то долго рассматривали в прибрежных зарослях лозняка, затем прошли еще немного, почти вышли на линию наблюдения и повернули назад. Стук сердца стал утихать.

Вслед за легким шорохом показалась голова Саранина. В руке – фляга с водой. На поясе еще две. Отдышавшись, сказал, что у него душа была в пятках. Пройдя метров двести, он только свернул к реке, как увидел движущихся в его сторону немцев. Сердце замерло. Заметили! Лег за дерево. Патрон в патроннике. Решил стрелять, если будут приближаться, но все кончилось благополучно.

Вернулся Киселев, принес полную противогазную сумку съедобной травы. Пообедали. Но голод не стихал.

По шоссе время от времени двигались немецкие части. Наши подопечные, тоже пообедав, успокоились. Отдыхали. Мы уже освоились с обстановкой и чувствовали себя спокойно. Приближался вечер. Вернулись связные и с ними командир взвода, который рассказал, что пушку уже подкатывают, что наша задача – после выстрела пушки не дать возможности уйти живым

ни одному немцу из охраны, если такие будут. Мне наконец разрешили уснуть.

Кажется, веки еще не сомкнулись, как меня уже разбудили. Приказано всей командой выдвинуться вперед, к самому берегу реки. Дальность до цели должна быть минимальной.

Смеркалось и заметно стемнело. Движения по дороге не было. Мы залегли у самого обрыва берега. В это время резануло уши. Выстрел и разрыв слились воедино. На месте полуземлянки немецкой охраны взметнулся черный столб земли вперемешку с бревнами и досками.

Вглядываясь, мы напрягли зрение – надо было обезвредить оставшихся в живых немцев. Но никакого движения, все затихло. Прошли долгие минуты мучительных ожиданий, и из леса на дорожную насыпь у моста стали подниматься упряжки с пушками. Ездовые понукали лошадей. Мы присоединились к орудийным расчетам.

Через километр-полтора свернули на проселочную дорогу. Теперь уже совсем стемнело. Впереди полыхало несколько костров. Приблизившись, увидели, что в 50 метрах от хат деревни горит несколько машин и бронетранспортеров. Немецкие. Потом мы узнали, что группа разведчиков и рота пехотинцев, еще днем переправившись через реку, ближе к ночи уничтожили группу немцев, заночевавших в деревне, обеспечив путь движения дивизии.

Осенняя ночь. Темнота такая, что в метре от себя ничего не видно. Поступила команда остановиться на ночевку в деревне. Это хорошо. Можно покормить лошадей. Лошадь мне уже передали. Завел я ее в какой-то сарай, нашел охапку сена, задал лошади, прилег в кормушку и уснул мертвым сном.

Подняли по тревоге ранним утром. Срочно покинули деревню и разместились в лесу по периметру большой поляны. Поступил приказ – никаких движений, костров не разводить! Все были уверены, что после вчерашнего боя немцы попытаются уничтожить нас с воздуха. Некоторые даже ровики выкопали, на случай воздушного налета. Но пока тихо. Спешно устроились на дневку. Знали, что двинемся в путь только вечером или ночью. Мы, взвод разведки, устроились на опушке леса.

Второй день стоит хорошая теплая солнечная погода. В природе, как и в обществе людей, что-то нарушилось. В начале октября пришла настоящая зима, а теперь, спустя две недели, вернулось «бабье лето». Солнечно, вокруг стоит тишина, безмолвие. Можно подумать, что кончилась война. Но так всегда бывает перед бурей – и на фронте, и в природе. Поэтому все

настороже. Ждем боя или отхода в глубь леса. А пока можно и пофилософствовать.

Через месяц исполнится ровно 40 лет, как кончилась война, а меня все не оставляет в покое вопрос: как мог выстоять в такой войне советский человек, и в частности солдат? Как человек мог месяцами жить без жилья? И не на одном месте, а все время в движении. А значит, он не мог оборудовать для себя даже примитивного пристанища, не имел возможности укрыться от холодных осенних дождей и пронизывающих ветров, от зимних морозов, доходивших порой до 40 градусов, не имел возможности снять и просушить обувь и одежду и даже разложить костер, чтобы согреться. Как он мог проходить в сутки по 80 километров с полной боевой выкладкой – винтовка, противогаз, вещмешок с боеприпасами и личными пожитками? И не по дороге, в теперешнем нашем понимании, а по бездорожью, превращенному тысячами солдатских сапог, военной техникой и обозами в месиво, иногда доходящее до колен, и под проливным дождем, а зимой – в валенках по превращенному в песок снегу. В мороз, при обжигающем ветре. Как мог человек жить без нормального питания и даже простой чистой воды, без сна по несколько дней? Спать в перерывах между боями на дне окопа, превращенного солдатскими сапогами в грязь, а зимой – на промерзшей земле. Жить без санитарной обработки (их стали проводить только в марте 1942 года), без бани и смены белья.

Думаю, что человек рассчитан на значительно большее, чем он отдает в повседневной жизни. Резервы человека неограниченны, и закладываются они с раннего детства. Говорят, человек познается в беде. Это истина. За четыре года войны и два года службы в армии каждый из нас повидал многое такое, чего не увидел бы за всю свою сознательную жизнь в других условиях. Кому было легче переносить тяготы войны – людям, избалованным жизнью или уже в детстве познавшим трудности? Кто был добрее и терпимее к своему ближнему – человек, которому экстремальные условия были по плечу, или выбитому из колеи тяжелой фронтовой обстановкой? А все это влияло и на выполнение своих обязанностей, приказов и распоряжений командиров. Конечно, бывают и исключения, но в основном это так.

При отступлении мы целый месяц, день в день, месили болотную грязь в тылу врага, в лесах и болотах Брянщины, без продуктов, одежды и обуви, но я ни разу не слыхал жалоб своих товарищей. Все воспринимали трудности как должное. Можно возразить – скрывали свое настроение. Думаю, что нет. Мы были очень близки друг с другом. Да и у каждого была возможность

поискать другой жизни. Уйти можно было в любое время. У нас было – я говорю о своем дивизионе – 32 человека уроженцев Смоленской области и 39 украинцев. Родные места и тех и других были не дальше, чем линия фронта на востоке, если она существовала в то время. Можно было просто уйти, и линию фронта переходить не надо, но никто об этом и подумать не мог. Все мысли были направлены только на одно – как быстрее соединиться со своими и дать бой врагу.

Я уже писал, что мы многое доверяли друг другу. Видно, так человек устроен, что необходимо поговорить о том, что ему дорого. Чаще всего наши разговоры приводили нас в детство, в семью, к родным, к матерям. Даже замкнутые люди открывали свое прошлое и мечты о будущем. Никто никогда не пытался показать себя выше других. И вот какой я сделал в то время вывод: мы все прожили свои детские годы примерно в одних условиях. Труд с раннего детства, голод в большей или меньшей степени, надежда на свои силы и стремление в будущее. Очевидно, это и дало нам потом силы переносить все тяготы войны.

Основной вопрос этой главы – как жили и о чем мечтали дети той далекой довоенной поры? Я остановлюсь на своем детстве и детстве моих братьев. Но примерно то же можно было бы рассказать почти обо всех моих сверстниках-односельчанах.

Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область (из воспоминаний)

Мои неграмотные родители (мать не знала ни одной буквы, отец окончил один класс церковно-приходской школы) не изучали методов воспитания детей. Но они твердо знали: чтобы жить, надо работать. Это правило распространялось и на детей. Ребенок, вставший на собственные ноги, уже должен был выполнять посильную работу. В четыре года мы уже пасли кур и теленка, выгоняли в поле на пастбище корову и выполняли любые поручения родителей. В шесть лет мы косили, пололи грядки, сушили и убирали сено, теребили, молотили и мяли лен. В шесть лет я уже пробовал бороновать пашню. Правда, круто повернул лошадь, опрокинул борону и сам чудом не оказался под бороной. Пастьба же скота полностью ложилась на детей. Весной, когда еще не закрыты для выгона скота сенокосные угодья, и осенью, когда сенокос закончен, мы в шесть лет уже зарабатывали свой хлеб, выпасая скот бездетных семей. Платили нам пуд ржи за одну корову за лето.

Можно подумать, ну и что здесь тяжелого, пасти скот? Сиди на кочке, а корова травку щиплет. Какая идиллия! Как знающий эту работу, должен возразить. В то время все крестьяне жили на хуторах. Земельные участки крохотные – 4–6 гектаров вокруг дома да 2–3 гектара сенокоса, расположенного за три километра, среди кустарников. На участке есть пашни под озимыми и яровыми, сенокосы, болота и выгон. Вот на этом выгоне примерно 100 на 100 или 50 на 20 метров надо было пасти скот, и не дай бог, если корова схватит клок травы на сенокосе или на посевах – тут тебе не миновать ремня. Поэтому маленький пастух все время на ногах.

А что стоит подъем! Летом скот выгоняют на пастбище рано, до восхода солнца. Для детей, да и не только детей, в это время самый сладкий сон, а тебя поднимают с теплой постели. Мать поднялась еще раньше, уже подоила корову, наливает в миску молока, смешанного с сывороткой и творогом, и кладет кусок хлеба. Это завтрак. Но какой завтрак, если ты клюешь в тарелку носом. Идем выгонять скот. Утренняя свежесть обжигает холодом, стынут ноги. Еще мучительнее переносишь холод утренней росы. Босые ноги, мокрые до колена штаны, и солнце еще не взошло, чтобы обогреть. Нестерпимо хочется спать. Особенно трудно

удержаться ото сна во время восхода солнца. Были случаи, и нередко, что засыпали и были биты. Когда мне было четыре года, а моему старшему брату Сереже шесть лет, у нас в хозяйстве было две коровы и мы пасли их вдвоем. Коровы у нас были распределены, и каждый пас свою, но в эти утренние часы объединялись в кооператив и пасли поочередно. Один следил, а другой садился на кочку, покрытую толстым слоем мха, ноги под себя, и спал некоторое время. Потом менялись ролями. Правда, часов у нас не было, и, я думаю, старший, более сообразительный, обманывал младшего. Когда поднималось солнце, становилось веселее, да и холод уже не мучил. Но все равно было тяжело. Коровы уже поели травы и норовили схватить что-нибудь повкуснее. Поэтому надо было все время бегать по периметру выгона, отгоняя их от запретной зоны. Да и есть хотелось. Чем выше поднималось солнце, тем больше появлялось оводов – злейших врагов скота. Коровы не выдерживали и в конце концов, подняв хвосты и не разбирая дороги, неслись домой. Зная эту их слабость, мы всячески пытались ускорить наступление этого долгожданного момента. Надо было подойти к корове и прожужжать «зы-зы-зы», корова настораживалась, затем поднимала хвост и улепетывала домой. Если она была не одна, за ней бежали и остальные. Иногда родители разгадывали наши проделки и, отшлепав по мягкому месту, снова отправляли пасти, а иногда принимали наши объяснения за истину. Утренний выпас заканчивался. Будет еще вечерний, когда спадет жара, но он проходит значительно легче – спать уже не хочется, нет росы, мокрых штанов и холода.

А ты теперь получаешь новое задание, а если, на твое счастье, работу тебе не придумали, получаешь приказ – спать. Но разве можно спать в такое время? Сон давно уже прошел. Правдами и неправдами упрашиваешь родителей отпустить сбегать искупаться или сходить в лес. Поблизости у нас водоемов не было, и купаться ходили далеко, на заболоченную речку километрах в трех, а если располагали временем, то и километров за пять на Западную Двину.

Было у нас еще одно любимое занятие – искать птичьи гнезда. Гнезд мы всегда знали много, несколько десятков. Запоминали их местонахождение, замечали, какому виду птиц принадлежит и кто его нашел, то есть кому персонально оно принадлежит. Часто гнездо осматривали, следили, когда вылупятся птенцы, когда они оперятся и когда покинут гнездо. Гнезда мы никогда не разоряли и очень переживали, если птица покидала гнездо. Для того чтобы этого не случилось, мы никогда не брали яйца и птенцов в руки и не дышали на гнездо.

Веселее проходила жизнь маленьких пастухов весной и осенью. В эти времена года межа теряла свое значение – скот пасли вместе сразу несколько хозяйств. На каждую корову или две – пастух. Нас собиралось ребят пять-десять. Границы пастбищ расширялись, да и посевов в полях и потрав тоже было мало, а следовательно, и у нас было больше свободного времени на игры и личные дела.

На всю жизнь запомнились торжественно проходившие обеды. Каждому из нас матери давали с собой обед. В обед входила, как правило, бутылка молока, кусок хлеба и огурец или вареная картошка. И несмотря на то, что каждый из нас всегда был голоден, никто не позволял себе съесть свой паек раньше времени. Определив время обеда по солнцу (часы в то время даже из взрослых никто не имел), собирались вокруг костра и принимались за обед. Блаженствовали те, кто кроме своей коровы пас и чужую. Хозяйки этих коров, выгоняя корову, почти всегда приносили пастуху кусочек сала или пару яиц. Но были и такие, у которых матерям нечего было дать на обед. С ними как-то делились, а чаще всего, чтобы не глотать слюну, они уединялись. Бывали случаи, что голод заставлял таких бедолаг сосать корову.

Да, личные дела. Мы были воспитаны не терять времени зря. Сейчас, когда с тех пор прошло более пятидесяти лет, это, возможно, звучит абсурдно. Найдется немало людей, которые скажут, что это непедагогично, что у нас воспитывали чувство накопительства и еще бог знает какие отрицательные качества. Может быть, это и так. Но тогда мы были плохими воспитанниками. Сколько я знаю, ни один из нас не стал потребителем. Все мои сверстники выросли честными тружениками. Правда, почти все они, за небольшим исключением, не дожили до настоящего времени – отдали свои жизни, защищая свою Родину на полях Великой Отечественной войны.

А разговор пойдет вот о чем. Сколько я себя помню, а это примерно с трех лет, я имел, да и не только я, а все ребята имели свои собственные деньги. Совсем маленькие дети собирали, как тогда называли, утильсырье. Это было тряпье, кости, металлолом. Каждый хранил этот хлам в своем тайнике или в уголке. Затем, когда по деревне с криком «Покупаю утиль, продаю карандаши, тетради!» проезжал на телеге утильщик, мать, а кто был постарше и сам продавали все собранное утильщику или меняли на карандаш или тетрадь. Деньги были небольшие – полушка – 1/4 часть копейки, грош – 1/2 часть копейки или копейка, но и они нам были очень дороги – заработаны были собственным трудом.

Деньги расходовались на собственные нужды. Родители в те

годы не баловали детей подарками, и мы иногда, очень редко, позволяли себе купить конфету, печенину или горсть подсолнуха. В каждой деревне были крестьяне, занимавшиеся мелкой торговлей, а иногда и выпечкой печенья или пряников. Делали они это, пожалуй, больше для престижа, чем для прибыли. У такого торговца всегда можно было купить на грош две конфетки «Малютка». Большего мы себе не позволяли, а точнее сказать – на большее не имели средств. Зато такие необходимые для детей предметы, как карандаш и тетрадь, всегда покупали. На это и уходили наши заработки. Книги мы купить были не в состоянии, а родители, видно, считали, что это роскошь. Поэтому мы все трое братьев учились читать и с упоением читали имевшуюся у нас потрепанную и без обложки книгу «Сказки». Тут мы были счастливчиками. В других семьях и этого не было.

Я, еще будучи дошкольником, уже довольно сносно читал, считал и решал простейшие задачи на четыре действия арифметики. А когда старший брат пошел в школу (он был на два года старше меня), я не уступал ему в знаниях и при необходимости помогал делать домашнее задание. Когда же у нас в доме собирались на посиделки женщины и девушки (чтобы прясть и вязать), я с удовольствием читал им сказки, а они внимательно слушали.

Со временем наши доходы увеличивались. Я уже писал, что у детей тех лет не было свободного времени. Мы становились старше, расширялись и наши производственные возможности. К сбору утильсырья прибавился сбор березовых почек. Этим мы были заняты всю зиму и особенно усердствовали с наступлением весны. Почки становились крупнее, увеличивалась и производительность. Работа сама по себе не тяжелая, нарубить и принести домой березовых веток деревенским ребятам большого труда не составляло. Нам с пеленок разрешалось иметь свой нож и брать отцовский топор, так что этими инструментами мы владели. Труднее было отделить почки от веток. Руки у нас в это время всегда были зеленые и с большими потертостями. А из очищенных от почек веток вязали веники.

С наступлением весны начиналась заготовка коры лозы. Работа эта считалась выгодной и вполне доступной для ребенка любого возраста. Лозу мы «драли» все лето, после школы, совмещая с выпасом скота, когда загоняли скот на полдник. Во время пастьбы вязали и метлы. Гонишь домой корову, а за спиной тащишь вязанку лозы или метел. Между ребятами даже существовало негласное соревнование – кто больше заготовит продукции рыночного или кооперативного сбыта.

Было много и других занятий для детей. Например,

изготовление игрушек. Я не помню случая, чтобы кому-то из ребят родители покупали какие-нибудь игрушки, кроме глиняной свистульки-«петушка». Все игрушки делали собственными руками. Например, какой ребенок обходился и обходится без мяча? Так вот, даже мячи мы делали сами. Шили мяч из тряпок, набивая его паклей. Но чаще всего валяли мяч из шерсти. Целыми днями дергали шерсть у коров, лошадей и собак, чтобы свалять мяч. Каждый из нас владел своей технологией изготовления мячей. Лучшая распространялась среди друзей. Все мы жили очень дружно, хотя не обходилось и без перепалок, но их мы быстро забывали.

Делались игрушки и для продажи – для рынка. Я, например, зимой занимался изготовлением игрушечных мельниц – водяных и ветряных из дровяного материала, а также клеток для содержания комнатных птиц, и особенно увлекало меня изготовление санок для катания с горок. Тогда в магазинах не было санок в том виде, как мы их представляем сейчас. Вернее, не было никаких. Санки делались кустарным способом, как кто умел. Мои санки не залеживались на подводе, покупали их быстро и цену давали хорошую. Делал я санки по всем правилам санного искусства. Зимой ходил в лес или просил отца, чтобы он вырубил в лесу и привез мне кленовые, ореховые или вязовые палки определенной толщины и длины. Из них я делал специальные заготовки, распаривал их на огне в печи и гнул полозья и вязы. Когда все эти изделия высушивались на печи, строгал, долбил, тесал и из готовых деталей собирал санки. Санки собирались так, что в них не было ни одного гвоздя. А были они прочнее и служили дольше, чем теперешние металлические. Позже я усовершенствовал свое изделие – добавил к санкам очень интересную спинку, и получилось что-то вроде возка. Их покупали уже не для того, чтобы кататься с горки, а возили маленьких детей.

Самим нам продавать заготовленное сырье и изготовленные нами игрушки не разрешалось. Все это продавали родители, а деньги откладывали для приобретения для нас одежды и обуви. Так что деревенский ребенок не был потребителем в семье, он с раннего детства как-то жил на заработанные собственным трудом средства. Кроме перечисленного, мы выполняли очень много различных необходимых в хозяйстве работ. Например, нашей обязанностью было заготавливать на корм свиньям болотное растение – бобовник. Работа очень тяжелая. На болоте, километрах в трех от дома, надо было нарвать листьев и сырыми или даже мокрыми принести их домой в вязанке за спиной.

Заготовка грибов, ягод и орехов для потребления свежими и

на зиму, стручков хвоща, липовых листьев и головок клевера для хлеба, луба молодой липы для плетения лаптей, пилка и колка дров полностью ложились на плечи детей. Но это только часть обязанностей подрастающего поколения. Основные сельскохозяйственные работы и работа по дому – ни одна из них не проходила без нашего участия. Переборка, посадка, окучивание, уборка картофеля. Теребление, обмолот, лущение льна, жатва ржи, овса, ячменя. Косьба и сушка сена. Вывозка с поля зерновых и сена. Обмолот зерновых. Во всех этих работах принимали участие, и немалое (нельзя сказать посильное, иногда и сверх сил), и дети. С нашим желанием и даже с возможностями никогда никто не считался. И мы сами все работы считали необходимыми и с желанием или без него выполняли как должное. Правда, были всякого роды казусы. Дети всегда были детьми.

Помню, подняли меня с постели задолго до восхода солнца, накормили, чем бог послал, и отправили косить на дальнюю делянку. Косить надо, пока не высохла роса. Сухая трава косой не режется. По дороге на сенокос дорогу перебежала белка. А белка у нас была великая редкость. Я ее увидел первый раз в жизни. Детский ум сработал. Часа два я гонял злополучную белку. Вспомнил о косе, когда солнце было уже высоко. Прибежал на сенокос, с трудом прошел два-три прокоса, и роса высохла. Машешь косой, рубашка мокрая, а трава не режется. Сел под куст и плачу. Знаю, что без ремня не обойтись. Так оно и случилось. Приехали за сеном мама с Сережей, а сена нет. Расчет был на месте, благо лозняка кругом было много.

Очень тяжело давались такие работы, как теребление льна и жатва серпом колосовых. Надо было целый день под палящим солнцем работать наклонившись. Бывали и мозоли кровавые, и порезы серпом, и очень болела спина. Так наработаешься, что вертикальное положение принять не можешь.

Не могу не остановиться еще на одной мучительно тяжелой работе. Это обмолот зерновых. Обмолот начинался осенью, когда почти все было убрано с поля, то есть в пору школьных занятий. Вернувшись из школы и быстро пообедав, кто-нибудь из нас двоих, я или старший брат, чаще я, отправлялся помогать отцу. Надо было затарить и переносить с тока в закрома намолоченное утром и провеянное отцом днем зерно, а затем принести в евню (так называлась сушилка для снопов) снопы ржи, ячменя или овса. Отец их развешивал или устанавливал на жердочки. Наносить дров и топить печь до тех пор, пока начнут трещать стены. Печь топилась по-черному. Дым мучительно ел глаза, а отходить от печи было нельзя до тех пор, пока не останутся

только угли. Поэтому, подкладывая дрова, дежуривший у печи лежал на полу. Там было небольшое бездымное пространство. Тяжело было носить снопы ржи и ячменя. Ость колосьев набивалась под рубаху, в волосы и штаны и сильно кололась. Но самое неприятное наступало на следующий день.

В 3–4 часа ночи нас поднимали на работу. Просохшие снопы надо было обмолотить к рассвету. Днем предстояли другие работы. Снопы расстилались по глинобитному полу тока, и их нужно было бить деревянными цепами до тех пор, пока не только ни одного зерна не останется в соломе, но и солома будет сплющена. Затем солома тщательно перетряхивалась, убиралась и раскладывалась новая партия снопов. Надо было несколько часов подряд выполнять монотонную работу – ударять цепом, причем в такт со всеми. Мы молотили вчетвером, значит, в четыре цепа. Сбиться с такта – нарушить музыку, значит, получить подзатыльник. Работа тяжелая, монотонная, и страшно хочется спать. И как ни спешили, работая без единого перерыва на отдых, не всегда успевали закончить работу до рассвета. Тут начиналось самое страшное. Надо было идти в школу. А у отца же были другие заботы – быстрее закончить обмолот. В хозяйстве было бесчисленное множество других неотложных дел, от своевременного выполнения которых зависели жизнь и быт семьи. Мы, размазывая грязь по щекам, утирали слезы. А отец злился на нашу нерадивость в отношении к работе. После нескольких ругательств отец давал крепкого пинка под зад, я вылетал через подворотню на улицу и на одном дыхании мчался за связкой школьных учебников, не развязываемых неделями. Слезы исчезали. Забегал домой, чтобы схватить книги и тетради, и несся в школу так, что только босые пятки сверкали.

1940–1941 годы. Чирчик

Людям, не бывавшим в пустынных областях и в полупустынях, трудно представить весь ад среднеазиатского лета. Состояние человека в таких условиях во многом зависит от обстановки, в которой он живет. Местный житель и военнослужащий не в равной степени пользуются «благами» южного климата.

Местные жители, предприятия и колхозы согласуют распорядок дня с температурой воздуха. Они могут укрыться от палящих лучей солнца в тени деревьев или кустарников, под навесом чайханы или в доме, хорошо защищающем от летнего зноя. А какую важную для местного жителя роль играет арык! Даже самый маленький ручеек, струящийся в личном саду, приносит прохладу и уют. Многовековую проверку прошла и одежда узбека. Халат на ватной подбивке спасает хозяина от изнуряющей жары летом и защищает от холода зимой. Женщину спасает от солнечных лучей широкое, прямого покроя, светлое или совсем белое платье.

Другое дело солдат. Он не может изменить форму одежды. Она установлена уставом. А устав распространяется на всю армию, в каком бы климатическом поясе она ни находилась. И это правильно. Солдат не может выбирать для себя поле боя. А поэтому он уже в мирное время должен быть приучен к самым экстремальным условиям. Мы это хорошо поняли после, на фронтах Великой Отечественной. Мы не воевали в климатическом поясе, даже приближенном к Средней Азии, но заложенное в нас службой, еще в довоенное время, сыграло немаловажную роль.

Внутренний распорядок дня, одежда, маршруты передвижения, питание – все было построено так, чтобы приучить солдата не бояться никаких трудностей на войне.

Правда, мы тогда думали не так, как теперь. Трудности мы переживали как необходимость, и не было даже попыток объяснить их себе. Но дисциплина и долг красноармейца не позволяли нам проявлять даже малейшего недовольства или расслабленности.

Ранним утром 10 мая 1941 года полк был поднят по тревоге. На этот раз кроме оружия и инструментов на хозяйственные повозки погрузили и постельные принадлежности – матрацы, одеяла и подушки. С рассветом колонна двинулась на восток. Не прошли и 5 км, как наступил зной. У нас в средней полосе к 10

мая в редкий год деревья распускают листочки, а тут трава зеленела только на северных склонах холмов. На южных и на равнине она уже высохла на корню и растиралась в порошок. Земля тоже высохла и потрескалась. Колонну скрывало густое облако пыли. Пыль не только покрывала мокрую от пота одежду тяжело шагавших солдат, но и заполняла дыхательные пути. Трудно дышать и невозможно разговаривать, рот заполнен дегтеобразной массой. Прополоскать бы рот, выпить глоток – но воды нет. Все время службы у нас не было фляжек, поэтому воды ни у кого не было. Мы знали, что в колоннах каждого полка идет машина с прорезиненной емкостью в кузове, наполненной водой. Но это была вода для кухни. И выдавать из этих запасов хотя бы один глоток могут только по приказу командира полка.

На пятнадцатом километре марша – завтрак. Каша, концентрат и 200–250 граммов чая. Полчаса на завтрак и отдых на привале, и снова в путь. Жара усилилась. Солнце приближается к зениту. Усиливается и жажда. Наш командир взвода разведки лейтенант Лебедев взял на себя смелость достать воды. Получив разрешение начальника школы, Лебедев отправил группу конных разведчиков с бурдюками к роднику. Родник находился где-то в 15 км левее маршрута движения нашей колонны.

Наступили тягостные минуты ожидания воды. Все взоры направлены как при равнении «налево». Показались разведчики и – что это? Все курсанты, еле переставлявшие до того ноги, ожили. Все до единого бегом бросились навстречу конникам. Но офицеры на лошадях опередили пеших. Бурдюки перекочевали на луки офицерских седел. Раздались команды. Каждый офицер построил свой взвод, и началась выдача воды. Поскольку у нас не было фляжек, кружек и даже котелков, то воду выдавали из бурдюка прямо в рот. Командир взвода направлял шланг бурдюка в открытый рот курсанта, разжимал пальцы ровно на столько, сколько надо было выпустить воды на один глоток. Подавать команду «Следующий!» необходимости не было. Все жались к лошади командира с открытыми ртами. Получившие свою порцию не уходили в сторону, не спешили догнать колонну. Все плотно жались к командиру, умоляли дать еще один глоток. Но командир был неумолим, да и воды в бурдюке оставалось чуть-чуть.

Только догоняя колонну, мы заметили, что лошадь курсанта Козинцева ведут в поводу. Почему? Где Козинцев? И вот что нам рассказал возглавлявший экспедицию за водой помкомвзвода разведки старший сержант Пудышев.

При подъезде к источнику курсант Козинцев пришпорил

лошадь и первым был у воды. Пока другие спешивались, Козинцев уже лежал на животе и не отрываясь пил воду. Пришлось применить силу, чтобы оттащить его от источника. За свою недисциплинированность Козинцев был жестоко наказан. Через несколько секунд он весь взмок и потерял сознание. Его с большим трудом привезли и сдали в медсанчасть.

Это был первый урок, как осторожно в подобных ситуациях надо обращаться с водой. Позже я наблюдал много подобных случаев, когда люди из-за своей недисциплинированности рисковали собственной жизнью.

Солнце, кажется, остановилось в зените. Марево раскаленного воздуха и пыль от тысяч солдатских сапог, повозок, орудий и конских копыт как колпаком накрыли медленно двигающуюся колонну. Силы на исходе. Уже кое от кого слышно, что он «больше не может». Но вот с головы в хвост пробегает команда: «Офицеры, в голову колонны!» Среди солдат проносится ободряющий шепот: «Наконец-то пришли». Колонна остановилась. Вернулись покинувшие свои подразделения офицеры и объявили причину остановки. Оказывается, впереди речка. Нам предстоит ее форсировать вброд. При переходе речки ни один солдат не должен даже попытаться напиться. Каждый нарушивший будет строго наказан.

Ну вот и долгожданная вода! Речка оказалась не шире двух метров, с каменистым дном, не глубже 20 см. Вода прозрачная, как хрусталь. И не было в нашем строю ни одного солдата, преодолевавшего эту водную преграду, кто не зачерпнул бы пилоткой или панамой драгоценную влагу. Ни команды офицерского наряда, выставленного у переправы, ни угрозы собственных командиров не имели силы. Тех, кто ложился в воду – были и такие, – силой вытаскивали на берег.

В 2–3 км от речки долгожданный привал на обед. Как дорога солдату команда «Привал!». На какое-то время можно снять с себя винтовку, противогаз и ранец с привьюченной шинелью. Лечь на раскаленную или промерзшую землю, вытянуть ноющие от многокилометрового перехода ноги, а иногда, когда командир делает вид, что не замечает, и снять сапоги, чтобы проветрить сопревшие ноги.

Пообедав и отдохнув – привал длился 30 минут, – снова в путь. В четыре часа прибыли на место. Летние лагеря полка были разбиты на восточном склоне пологого холма. Внизу, метрах в трехстах, – маленькая речушка. Справа гора с отметкой вершины 960 метров и прямо на восток за речкой – другая гора, с отметкой 1200 метров. На отметку 960 метров нам предстоит ежедневно подниматься во время утренней гимнастики. Гору же с отметкой

1200 метров мы обходили стороной. Склоны ее были круты и при попытке подняться на них обрушивали потоки камней.

Два дня занимались устройством жилья и коновязей для лошадей. Установили палатки на 8 человек каждая. Земляные нары (места для постели) и проходы между ними – траншеи глубиной 40 см. Расчистили дорожки и спортивные площадки. На берегу речки оборудовали коновязи. Набили соломой наволочки матрацев и подушек и на третий день уже полностью отдались занятиям по программе.

Жизнь протекала так же напряженно, как и на зимних квартирах. Ни одной свободной минуты. У курсанта не было свободного времени, даже чтобы написать письмо домой. Распорядок дня был рассчитан по минутам. Перемещение во время занятий, в столовую и на уборку лошадей производилось только бегом. Правда, нас не поднимали ночью на проводку конского состава и почти всегда давали час отдыха после обеда (мертвый час). Но час отдыха оказался часом мучений. Воздух в палатке накалялся так, что не только спать, но и дышать было невмоготу.

Вызывали беспокойство фаланги. Их было не так много, но они иногда заползали в палатки. Правда, за полтора месяца пребывания в лагерях в полку был только один случай укуса, да и тот с благополучным исходом. Через 10 дней солдат вернулся из медсанбата.

Несколько слов о распорядке дня курсанта. Объявляется подъем. Через 30 секунд – построение. За 30 секунд надо было надеть брюки и сапоги, выйти из палатки и стать в строй. Очень трудно было уложиться в положенное время из-за скученности. При подъеме курсанты прыгали с нар буквально друг на друга.

Физзарядка. Это бег в гору до отметки 960 метров, а лагерь находился на склоне, на отметке 600 метров. Несколько упражнений и возвращение в лагерь. Надевали гимнастерки и пилотки и бегом на конюшню. Полтора часа – чистка конского состава. Поили лошадей. Задавали корм и бегом в лагерь. Там брали полотенце – и на речку умываться.

Затем завтрак. На завтрак отпускалось 15 минут. После завтрака – бегом на занятия. Все занятия в любую погоду проходили под открытым небом. Самыми тяжелыми были занятия по строевой подготовке, физкультуре и конная подготовка. Строевая подготовка на плацу проводилась младшими командирами под наблюдением командиров взводов и продолжалась два спаренных часа. Полтора часа непрерывной маршировки строевым шагом невыносимо тяжелы. Уже к концу первого часа кажется, что позвоночник не выдержит нагрузок и

переломится.

Физкультура была тяжела тем, что мы обжигали себе ступни. Занятия проводились без рубашек и сапог на раскаленной солнцем площадке. Стоять на месте было невозможно. Казалось, что стоишь на раскаленной сковороде. Чтобы не обжечь ступни, надо было все время переступать с ноги на ногу или подпрыгивать. У нас во взводе все ребята подобрались крепкие, все, кроме курсанта Стрельникова, кожные покровы которого не переносили солнечных лучей, ввиду чего ему было разрешено на физзарядке и на физкультуре не снимать рубашку. О конной подготовке я уже писал. Она проходила по той же программе, что и в школе в Чирчике.

В начале июня начались стрельбы. Начинали с миниатюрартполигона. Затем провели стрельбы на винтартполигоне. Винтартполигон представляет собой настоящий артполигон в миниатюре. В канал ствола пушки вставлено ружье калибром 20 мм. Заряжается оно свинцовыми снарядами. Стреляющий находится на наблюдательном пункте. Пушка на закрытой позиции. Данные для стрельбы на глазок. На поражение цели дается 9 снарядов. Это норма. Мне повезло. Уложился в норму по подготовке данных и поразил цель пятым снарядом. Получил хорошую оценку.

Война

Во второй половине июня полк выехал на боевые полевые учения. Ночью заняли боевые позиции. До утра окапывались. Грунты тяжелые. Без лома и кирки не выбросишь ни одной лопаты.

На рассвете наше отделение приступило к выполнению основной работы. Быстро прогнали ходы по боевым порядкам с привязкой батарей и наблюдательных пунктов, и я, как главный специалист по камеральной обработке, приступил к работе на планшете. Нанес на планшет боевой порядок в условных координатах. Приступил к подготовке данных для стрельбы, и – о ужас! – пропал измеритель. Сейчас смешно, а тогда это было ЧП. За утрату казенного имущества полагалось строжайшее наказание, вплоть до гауптвахты. Но не это главное. Главное в том, что нечем измерить дальность командира (ДК) и дальность батареи (ДБ). К поиску привлекли все отделение. Прощупали всю траву на месте работы. Но безрезультатно. Что делать? Начальник школы уже запрашивает, когда будут данные. Командир взвода лейтенант Лебедев в панике.

И тут случилось непредвиденное – пожар. Загорелась сухая, как сено, трава, и на нас катил вал огня. Все бросились тушить пожар. В ход пошли шинели и гимнастерки, сапоги и лопаты. Но оказалось, что не так-то просто при сильном ветре потушить горящую траву.

Только часам к двум пожар был ликвидирован. Когда посмотрели друг на друга, не смогли удержаться от смеха. Лица, шеи и руки были черными, с подтеками пота, а гимнастерки и брюки мало того, что были грязными, но еще местами и прожжены. К тому же сосало под ложечкой. Время обеда. Вот-вот должна появиться кухня. Надо бы умыться, а воды нет. И водоемов поблизости тоже нет.

Вдали в облаках пыли появилась кухня, а впереди скакал старшина. Подъехав к начальнику школы, доложил:

– Началась война. Командир полка приказал накормить людей и срочно вернуться в лагерь.

Сообщение о начале войны с подробностями перехода немцами границы и бомбежек наших городов люди приняли спокойно, как что-то обыденное или даже неизбежное. Ни паники, ни страха. Все были уверены в силах нашей армии, никто не сомневался, что враг будет разбит в самое короткое время.

К вечеру мы были в лагере. Разобрали палатки, погрузились и к утру, совершив 40-километровый марш, прибыли на зимние

квартиры в Чирчике.

Началась подготовка к отправке на фронт. Выдавали новое обмундирование, ранцы, котелки и ложки. Нательное белье окунали в бочки с мылом «К» (от вшивости). Батареи получали пополнения из приписников и запасников. Весь световой день шла учеба личного состава совместно с приписниками.

26 июня перед рассветом полк подняли по тревоге. Все думали – едем на погрузку. Но двинулись не только в противоположную от Ташкента сторону, но и не по знакомой нам уже по предыдущим выходам дороге. Поднялось солнце. Утренняя прохлада сменилась дневной жарой. Жара и пыль, поднятая тысячами солдатских ног и конскими копытами, затрудняли дыхание. Мучила жажда. Через 15–20 км колонна втянулась во владения колхоза. Впереди слева виднелся населенный пункт, утопающий в зелени садов и пирамидальных тополей, а справа раскинулись хлопковые поля. В бороздах хлопкового поля стояла вода для орошения.

Что тут началось! Наши приписники (мы их называли «стариками») бросались в борозды и лакали грязную воду. Окрики командиров результатов не дали. Колонна двинулась вперед, а нарушители так и остались лежать на краю хлопкового поля. Ими занимались медики.

В этот день мы прошли 60 км. Привал на завтрак был в полутора километрах за населенным пунктом. На завтрак, а затем и на обед выдавался сухой паек. Пока завтракали, мы с командиром отделения старшим сержантом Пестовским побежали в колхозный сад за виноградом. Но виноград оказался зеленым. Пришлось довольствоваться яблоками, правда, тоже зелеными. Вернувшись назад, нашли только свои гимнастерки, а впереди виднелись клубы пыли. Пришлось немало попотеть, чтобы догнать своих. А подобранные медиками на хлопковых полях вернулись в свои подразделения только по возвращении полка в казармы.

В последних числах июня началась отправка полков на фронт. Курсантов полковой школы распределили по дивизионам без присвоения звания – рядовыми. Я попал в вычислительное отделение взвода разведки 1-го дивизиона. Шла подготовка к погрузке и занятия по расписанию. В первый же день полковых занятий командир отделения и старослужащие красноармейцы решили проверить мои знания. Вели ход с привязкой условных батарей и наблюдательных пунктов. Мне поручили работу на стереотрубе. Работа была выполнена быстро и хорошо. Затем дали работу на планшете и подготовку данных для стрельбы. И эта работа была сделана на «отлично». Все были удивлены: как

могло быть, что курсант, не закончивший полного курса обучения, так хорошо владел своей специальностью. Думаю, что о ходе занятий кто-то доложил командиру дивизиона майору Руденко, потому что на следующий день тот меня спросил:

– Почему ты не носишь знаки различия сержанта?

Приказал получить треугольники для петлиц и принять отделение. В мое отделение попали и два бывших курсанта полковой школы – Гриша Шевченко и Стрельников.

В одну из ночей нас подняли по тревоге. Сорокакилометровый марш – и мы на железнодорожной станции Ташкента. Здесь я должен рассказать об одном эпизоде, который немало тогда нас всех взволновал.

Была у нас лошадь по кличке Свинец. Конь со звериным характером. Он долго не поддавался объездке, но и после того, как его объездили, каждый раз хватал всадника за колено, пытаясь стащить с седла. А при приближении к нему любого солдата пытался, и иногда ему это удавалось, ударить копытом или схватить зубами. Попадал в переделки и я. Будучи как-то дневальным, я проходил между коновязями и вдруг, получив сильный удар в плечо, вылетел под ноги лошадям. А это Свинец, как только я с ним поравнялся, прыгнул на перекладину коновязи, пытаясь меня укусить. А укус лошади иногда заканчивается тем, что у жертвы вырывается кусок мяса. Я, к счастью, отделался большим синяком. Свинец не рассчитал, и укуса не получилось, только удар зубами. На мое счастье, не ударился я и об рельс противоположной коновязи. И такие или подобные происшествия случались со многими. И все-таки Свинца мы любили за его твердый характер, который он сохранил даже после кастрации. Так вот этот Свинец отказался входить в вагон. Многие лошади сначала не шли на погрузку, но когда перед такой строптивой лошадью в вагон спокойно входила другая лошадь, то и строптивая меняла свое поведение и поднималась, правда с большой осторожностью, на наклонный помост. А к некоторым упрямцам приходилось применять силу. Выше коленных суставов задних ног закладывалась веревка, и два или четыре человека, стоявших в дверях вагона, ее втаскивали. Применили этот метод и к Свинцу, но он сделал сильный прыжок в сторону, слетел с помоста и сломал ногу. Потом всю дорогу до прибытия на фронт каждого из нас не покидало чувство вины за случившееся.

Погрузили лошадей, имущество и сено, а огневики – пушки и передки. В каждый вагон с лошадьми разместили по четверо солдат, в том числе одного младшего командира, и паровоз дал гудок. Первые сотни километров пути проходили без каких-либо

признаков войны. Крестьяне работали на полях. На станциях шла торговля местными товарами, продавали кумыс и даже самогонку. На остановках получали с кухни суп и кашу, кормили находившихся тут же в вагонах лошадей прессованным в кипы сеном и овсом и поили с железнодорожных колонок. Служба шла, а мы набирали ранее потерянные часы сна.

Но вот поезд остановился на станции, заполненной женщинами, стариками и детьми. Тут же, на натянутых веревках, на выжженной траве, на крышах и в окнах товарных вагонов стоящего в тупике поезда сушилась детская одежда, пеленки и белье. Каким-то отрешенным взглядом смотрели на нас старики и женщины. Только дети, бросив свои незатейливые игры, с любопытством смотрели на стоящие на платформах нашего поезда пушки. Они еще не понимали, какая беда обрушилась на них и их матерей. Это был первый встречный поезд с эвакуированными из западных районов страны. Затем мы их видели на всех станциях и разъездах до самой Москвы. А на некоторых станциях – и не по одному. Железная дорога пропускала идущие на запад поезда с войсками.

На пятые сутки эшелон прибыл в Москву. Ночью наш эшелон долго гоняли с одной станции на другую, а к утру поставили в какой-то тупик. Москвы мы, конечно, не видели. Отходить и толпиться у вагонов было строжайше запрещено. Уже позднее ходили упорные слухи, что решался вопрос об отправке нас назад, как дивизии горно-вьючной. Как будто нашу дивизию отправили по чьей-то ошибке. Но комдив, генерал-майор Петров, настоял на отправке дивизии на Западный фронт. Утверждать достоверность этих слухов, наверное, не возьмется никто. Правда, дивизию прямо в эшелонах принял другой комдив в звании полковника. Фамилию его не помню. А генерал Петров, как мы теперь знаем, был направлен на Юго-Западный фронт командиром кавалерийского корпуса.

Через сутки нас снова в эшелонах отправили на запад и поставили под разгрузку на станции Кубинка, что в 60 км от Москвы. Дальнейший путь на запад в походной колонне, и только ночью. В Верее первый привал и приказ: «Занять оборону!» Наш наблюдательный пункт был выбран на городском кладбище восточнее озера.

Надо заметить, что город Верея расположен, как мне показалось, в живописнейшем месте. Речка с красивыми зелеными берегами, в центре города озеро или большой пруд, а вокруг города зелень полей и лугов, чередующихся с перелесками.

Быстро окопались. Оборудовали наблюдательный пункт «по

науке». В одной из могил был устроен небольшой блиндажик с перископом, выведенным через крест могилы. Мы были настолько зелены, что даже не догадались устроить блиндаж за пределами могилы и переставить к нему крест с перископом.

День прошел напряженно. Оборудование НП, привязка боевого порядка. Засечка ориентиров и подготовка по ним, а также по огням (то есть площадям, доступным для прохода противника) данных для стрельбы.

Наблюдатели днем и ночью сидели в могиле у стереотрубы и перископа. Так прошли два дня и одна ночь, и снова ночной переход. На запад. Сейчас уже трудно сказать, сколько таких переходов мы сделали до выхода на Днепр.

На западе услышали артиллерийскую канонаду. Получили приказ занять оборону. Развернули боевые порядки. Место для обороны было хорошее. Слегка всхолмленная местность. Есть где спрятать от наземного наблюдения батареи и наблюдательные пункты. Хорошо просматриваемый противоположный берег Днепра и прилегающая к нему территория глубиной до 5 км. Оборонительные сооружения строили основательно. Стрелковые окопы рылись в полный профиль. Закапывали батареи. Для личного состава строились ходы и небольшие блиндажики. Строились КП и НП с перекрытыми подходами.

На второй день нашего пребывания самолет противника сбросил на нашу оборону листовки. Был строжайший приказ: листовки не читать. За нарушение приказа – трибунал. Но думаю, что не было солдата или офицера, кто бы их не прочитал. Нас призывали бросить оружие и переходить на сторону противника, убивать комиссаров и командиров. Перешедшему на сторону противника обещали райскую жизнь. Писали, что наша армия уничтожена, а немецкая армия непобедима, и всякую подобную чепуху. В каждой листовке был напечатан пропуск, в котором Геббельс гарантировал жизнь его владельцу. Листовок было сброшено и сбрасывалось в дальнейшем так много, что в некоторых местах, особенно в жнивье полей, ступить было негде. Немцы бумаги не жалели.

Днем и ночью над нами пролетали на восток немецкие бомбардировщики. Несколько налетов одиночных самолетов на наши позиции успеха не имели и вреда нам не принесли. Редко, но появлялись и наши истребители – «ишаки». Мы плакали, глядя, как их тут же сжигали немецкие «мессеры».

Ельня

На третий день я в составе взвода разведки из 10 человек выехал в действующую армию – на смоленское направление под город Ельню.

Подготовились основательно. Побрились, почистились, получили на 10 дней продовольствие для себя и овес для лошадей. А командир взвода, старший сержант Дрегляйнов, кроме того, решил укоротить свою шинель. У него была хорошая кавалерийская шинель, но поскольку нам предстояло не рубиться в конном строю, а ползать по наблюдательным пунктам, он посчитал, что длиннополая шинель будет мешать. Примерил, сколько надо отрезать, чтобы полы не были ниже колен, и отрезал одну полу, затем перевернул шинель и опять отрезал ту же полу. Дальше ничего не оставалось, как укоротить и вторую полу на столько же. Заменить шинель в ту пору было еще негде, и высоченный сержант в необычно короткой шинели был долгое время предметом всеобщего смеха.

Моста и средств для переправы на нашем участке обороны не было, поэтому переправились через Днепр вброд. Глубина была небольшая. В самом глубоком месте вода доставала до крыльев седла, и, став коленками на седло, можно было переправиться, даже не замочив сапог.

Ехали по проселочным дорогам. Места живописные. Но мы думали о другом. Что там, впереди? Никто из нас не видел войну воочию, и наше представление о войне складывалось из кинофильмов. В то же время где-то в глубине души глодал червяк сомнения. Информации с фронтов о ходе боев в то время мы не имели. Знали, где и когда наши войска покинули свои позиции, какие города оставили, сколько сбили немецких самолетов и подбили танков. И не имели ни малейшего представления о тактике боев, а тем более о стратегии. Мы не знали ничего о немецких танках, самолетах, вооружении и транспорте. Знали только, что у нас все лучше, чем у противника, что мы сильнее, что мы сильнее любой другой армии мира и в состоянии разбить любого противника на его собственной территории. И вдруг произошло что-то невероятное. Правда, в то время ходили слухи о том, что мы заманиваем противника в глубь своей территории, чтобы одним ударом уничтожить его. Опровергнуть такие слухи никто в то время не мог, но к таким разговорам было чувство недоверия. Жило какое-то другое внутреннее чувство, и мы им делились со своими самыми близкими и верными друзьями, что что-то у нас недоговаривают, что где-то крупно просчитались,

переоценили свои силы и недооценили противника.

Проезжали через многие, сначала затихшие, как будто вымершие, а ближе к фронту – уже заселенные тыловыми армейскими подразделениями деревни. На колхозных полях не было видно ни техники, ни людей. Зато канонада с каждым часом нарастала. Когда стали четко слышны пулеметные очереди, нашли укромное место на опушке леса у ручья. Спешились. Оставили с лошадьми двух коноводов и отправились выбирать наблюдательный пункт. Было раннее утро. Солнце только поднялось над горизонтом. Впереди слышна ружейно-пулеметная перестрелка. Огневики пушечной батареи рассказали, как безопасней пройти на наблюдательный пункт батареи. Не прошли и половины дистанции до НП, как услышали завывающий звук самолета. Это приступила к работе так называемая «рама» – немецкий самолет-разведчик с двойным фюзеляжем. Заработали и батареи противника, обрабатывая передний край нашей обороны. Но нам разрывов видно не было.

Появился, а затем стал быстро усиливаться гул теперь уже не одиночного самолета. Из-за горизонта появились три самолета Ю-87. Сделали круг над нашими позициями, зашли на второй и в одном месте круга стали со страшным воем проваливаться. Выходили из пике, набирали высоту и снова заходили на цель. Во время пикирования от самолетов отделялись черные капли, и были видны вспышки стреляющих пушек и пулеметов.

Сделав несколько заходов, самолеты ушли, а мы поспешили на высоту, чтобы укрыться на наблюдательном пункте. Как-то неуютно лежать на открытом месте, когда над тобой делают заходы на цель самолеты противника.

По неглубокому ходу сообщения, нагнувшись, прибежали на наблюдательный пункт. Небольшой блиндажик в один накат на скате невысокого холма, полого спускающегося к речке. На земляных нарах, прикрытых плащ-палаткой, сидел лет тридцати – у нас командиры такого возраста считались стариками – старший лейтенант. Сбившиеся черные волосы закрывали широкий лоб. Шевиотовая офицерская гимнастерка порядком помята, но застегнута на все пуговицы. Офицерская полевая портупея в полном комплекте, даже свисток занимает свое место. Взгляд сосредоточенный, строгий.

Наш старший командир, начальник разведки дивизиона младший лейтенант Куропаткин, доложил по всей форме, кто мы и цель нашего прибытия.

– Садись, младший лейтенант, я уже все знаю. Мне звонили с батарей. Ты зачем привел такую ораву? Или ты думаешь, у меня здесь казарма? Ты видишь, мы еле вмещаемся вчетвером.

Отправляй своих гавриков обратно. Могу оставить только двоих, и то на день-два, не больше. Это сегодня фрицы нам дали выходной, а завтра ты увидишь, что здесь будет твориться.

Наш Куропаткин стал уговаривать старшего лейтенанта разрешить нам понаблюдать за передним краем до вечера, а за ночь мы оборудуем свой НП.

Остановились на том, что он двух своих разведчиков отправит в тыл – на батарею, отдохнуть, помыться и отоспаться, а нас шесть человек оставляет при условии, что мы будем выполнять роль разведчиков-наблюдателей батареи, то есть вести журнал наблюдателя и при появлении чего-нибудь существенного докладывать командиру батареи. Оставляет только шесть, и не больше. Все восемь человек в блиндаж НП не вместятся. Двое наших отправились к лошадям, а мы, сложив в угол свои ранцы, приступили к работе.

Ознакомились со схемой ориентиров. Младший лейтенант составил график дежурства наблюдателей, и приступили к работе. Первым занял место у окуляров стереотрубы командир. Мы, расположившись прямо на полу наблюдательного пункта и в ходе сообщения возле него, с нетерпением ждали своей очереди. Нам казалось, что он так никогда и не уйдет от стереотрубы. Но вот Куропаткин заявил, что на переднем крае ничего не видно, и уступил место следующему. Договорились, что каждый понаблюдает по 10 минут, а уже затем наблюдение пойдет по графику.

А тем временем старший лейтенант рассказывал, что на этом рубеже их дивизия стоит уже больше 10 дней, – к сожалению, память не сохранила номер дивизии – и что все это время противник атакует наши позиции. Бывает, что имеет успех – тогда ему удается потеснить нашу оборону. Наши переходят в контратаку, и он, не успев закрепиться, снова откатывается назад.

Подошла и моя очередь занять место у стереотрубы. День стоял солнечный. Видимость хорошая. Десятикратное увеличение прибора и небольшая дальность позволяли видеть каждую морщинку на местности. В сторону противника, прямо на запад, – пологий спуск, поперек которого в нескольких сотнях метров от нас протянулись наши окопы. Метрах в ста впереди окопов протекала речка шириной метров пятнадцать. Это нейтральная – ничейная земля. Прямо за речкой – еще в полусотне метров – уже окопы противника. Левее основного направления к самым вражеским окопам подходила низина, поросшая кустарником. Она позволяла немцам скрытно перебрасывать на передний край подкрепления и боеприпасы. Еще левее на горизонте были видны остатки деревни – колодезные журавли да обгоревшие деревья. В

центре обзор закрывался переломом холма, северный скат которого покрывал смешанный лесок.

В наших окопах кипела жизнь. Были видны головы передвигающихся красноармейцев, направленные в сторону противника винтовки, а кое-где и «максимы». На стороне противника ни единого движения заметно не было, только кое-где поднимались над землей дымки от пулеметных очередей да винтовочных выстрелов. Перед нашими окопами рвались одиночные снаряды или мины. Наша артиллерия молчала.

Кончилось время, отпущенное на обзорный осмотр переднего края. К стереотрубе сел наблюдать проходивший первым по графику, а мы, свободные от дежурства, устроились на отдых – кто где. Здесь же, на земляном заплеванном полу, подстелив плащ-палатку, уснули.

Весь день шла ружейно-пулеметная перестрелка. Впереди нашего наблюдательного пункта в районе наших оборонительных сооружений непрерывно рвались одиночные орудийные снаряды и мины. Над нами с шипением проносились снаряды тяжелой артиллерии, работающей по нашим батареям. Наша артиллерия молчала. Артиллеристы берегли снаряды.

Подошел вечер. Над горизонтом стала спускаться дымка вечернего тумана. Видимость ухудшилась, а затем и вовсе пропала. Вооружившись двумя саперными лопатами, взятыми у благодетелей, приступили к оборудованию своего наблюдательного пункта. Работали всю ночь. Одни копали, другие заготавливали и носили жерди и хворост. Орудием для заготовки лесоматериала нам служили клинки.

Укрытие получилось не хуже, чем у наших соседей. Правда, только в архитектурном отношении. В прочности наш наблюдательный пункт отставал. У соседей он был перекрыт бревнами в два наката, а у нас жердями и хворостом. Для маскировки присыпан землей и укрыт дерном. Отрыли даже ход сообщения, соединив его с ходом сообщения наших соседей.

Траншея была мелкая, и пройти по ней можно было только на четвереньках, но при необходимости можно было выйти не замеченным противником. Мы знали, что как мы, так и немцы в первую очередь охотятся за наблюдательными и командными пунктами. При уничтожении НП артиллерия остается слепа, а пехота на какое-то время – неуправляема.

У амбразуры, на вбитый в стенку обрубок жерди, установили стереотрубу, а через перекрытие просунули перископ. Теперь у нас для наблюдения было два оптических прибора. Биноклями, их у нас было два, в наших условиях пользоваться было опасно. Другое дело, когда идет наступление. Там весь передний край

закрыт гарью и пылью настолько плотно, что блеска стекол приборов противник не разглядит.

Коротка летняя ночь. Не успели закончить маскировочные работы, как ночь посерела. Быстро рассветало. Надо было готовиться к жаркому дневному бою. Нам говорили, что предыдущий день затишья – это как перед грозой или даже перед бурей. Быстро позавтракали и, оставив наблюдателя и дневального у входа на НП, легли отдохнуть после бессонной ночи. Усталость и завтрак сделали свое дело. Через несколько минут все спали.

Сон был прерван сплошным гулом разрывов и криком дежурного наблюдателя Козинцева:

– Началось!

Это был наш первый бой. Шла обработка нашего переднего края. Земля дрожала и стонала. Над нами проносились наши и вражеские снаряды. С включенными сиренами пикировали «юнкерсы». Трудно подобрать слова для описания увиденного. Кажется, сама бездна вырвалась наружу. Все пространство покрылось черной копотью разрывов и поднятой в воздух землей. Разрывы мин, снарядов, бомб и рев самолетов создавали сплошной непрерывный гул. Давило на барабанные перепонки. Невозможно было расслышать слов находившихся рядом людей. Даже в укрытиях тянуло к земле так, что хотелось лечь и прижаться к ней, родной. А сколько она, наша родная земля, и сейчас, и потом, за долгие почти четыре года войны, укрывая собой, спасала нас от смерти. Мы прильнули к окулярам приборов. Залегли с биноклями по ходу сообщения. Знали, что через некоторое время немцы перейдут в атаку, а огонь перенесут в глубь нашей обороны, то есть по наблюдательным пунктам.

Прошло тридцать минут артподготовки. Передний край покрылся черным дымом. Казалось, что там не может остаться ничего живого. А если это так, то немцы пойдут на нас беспрепятственно, и мы не сможем оказать даже чуть заметного сопротивления. Уже позже, на обратном пути, когда мы делились между собой впечатлениями от проведенных на переднем крае дней, все признавались, что такое чувство было у каждого.

Неожиданно все стихло. В одно мгновение прекратила огонь вся артиллерия. Только самолеты своим ревом нарушали тишину. Не успели мы облегченно вздохнуть, как земля вздрогнула во много раз сильнее, чем прежде, а земля, прикрывающая нашу землянку, сплошным потоком посыпалась нам на головы. Это немцы перенесли огонь в глубь обороны, по так называемому второму рубежу, и пошли в атаку на наш передний край.

Переднего края не видно. Все напрягали слух, вслушиваясь в

гул боя. Ждали, когда заговорят наши пулеметы. И заговорят ли? Но вот сквозь гул артиллерии прорезались очереди наших «максимов» и «дегтяревых». Над головой прорезали воздух снаряды наших батарей.

Минут через пятнадцать обработки второго рубежа артиллерийский огонь противника стал заметно затихать. Теперь немецкая артиллерия вела огонь по району наших артиллерийских батарей да минометы малых калибров обстреливали передний край. Поднятая в воздух пыль стала садиться, а дым поднялся над горизонтом, и проявилось, сначала как в тумане, а затем все четче, поле боя.

На левом фланге нашего сектора наблюдения двигались, ведя на ходу огонь, семь немецких танков. За ними просматривались силуэты наступающей пехоты. Впереди танков и среди пехоты были видны нечастые разрывы снарядов.

Пехота то залегала, то снова медленно двигалась вперед под прикрытием танков. Прямо перед нами и на правом фланге были видны отдельные точки залегшей пехоты противника. Наша артиллерия работала по площадям. Но огонь велся вяло. Были видны одиночные разрывы, в лучшем случае разовые залпы батарей. Артиллеристы берегли снаряды. Зато оставшиеся в живых стрелки в окопах не жалели боеприпасов. Ружейно-пулеметный огонь не прекращался ни на минуту.

– Ага, есть один! – закричал Козинцев, сидевший у стереотрубы. – Танк горит!

Мы повернули бинокли в сторону атакующих танков и увидели, как один из них задымил, развернулся на месте и встал. Остальные попятились назад. Пехота тоже стала отходить.

В течение первого дня противник предпринял три безуспешных атаки. Как потом нам сообщил командир батареи, на участке обороны их дивизии ему нигде не удалось потеснить наши части.

Ночь прошла спокойно. Немцы непрерывно освещали передний край осветительными ракетами, да постоянно где-нибудь отбивал пулемет. А мы, выкопав на всякий случай у нашего НП четыре щели, замаскировали их, закрыв сверху ветками, и уснули до утра.

Утром атаки возобновились. Только им предшествовала еще более мощная артподготовка, а самолеты группами, сменяя одна другую, не покидали воздушное пространство. Звено наших И-16 за первые два дня боев появлялось лишь один раз, и то неудачно. Два самолета из них было сбито.

Второй и третий дни наступления противник вел, как нам показалось, бóльшими силами по сравнению с первым. Цепи

солдат были гуще. Дважды немцам, форсировав речку, удавалось вплотную подойти к нашему переднему краю. Но наша пехота каждый раз контратаками отбрасывала их на противоположный берег. За второй и третий дни было подбито или сожжено еще 4 танка. Видя бесперспективность наступления, противник перешел к обороне. Бои продолжались по описанному мною ранее сценарию. И мы, пробыв на переднем крае еще четыре дня, досрочно отправились в обратный путь. За восемь дней некоторые из нас побывали в окопах пехоты, меняли состав коневодов, дав возможность всем познакомиться с войной поближе.

Прощание с нашими опекунами было коротким, но теплым. Командир батареи рассказал нам о предыдущих боях.

Их дивизия приняла первый бой на Березине и с боями отходила до Ельни. Бои на этом рубеже идут уже несколько недель. Наступательный пыл у немцев сбили. Первое время они вели наступление большими силами. Старались любыми средствами прорвать нашу оборону. Местами противнику на небольших участках удавалось вклиниться в нашу оборону. Контратаками наши восстанавливали положение, а иногда «на плечах» противника врывались в его окопы. Обе стороны несли такие большие потери, что речка, протекающая по нейтральной полосе, в дни боев была заполнена трупами – и нашими, и немецкими. Командир рассказывал, что немецкое наступление – не что иное, как стремление противника сковать на этом участке как можно больше наших сил.

Днепр

Вернулись в часть без приключений. Запомнились встречи с жителями деревень Смоленщины, в которых мы останавливались по дороге. Нас окружали растерянные, притихшие женщины и старики. Задавали самые разные вопросы, но все они были связаны с войной. Главные вопросы были: «Пустите ли немцев дальше?», «Что делать, оставаться здесь или уходить на восток?». Спрашивали о родных, призванных в армию: «Не видели ли моего мужа (сына)?» Что мы могли ответить? Безошибочно могли сказать, что мужа или сына не встречали. На другие вопросы отвечали так, как официально говорили нам. Что вот остановили врага. Что собрали силы. Говорили о вероломстве и внезапности. Люди слушали наши рассуждения, им хотелось, чтобы это было именно так, и в то же время страх не покидал их. До этого всем нам очень много говорили, писали и даже пели о нашей силе, непобедимости, о готовности встретить агрессора и о войне на чужой территории. И теперь такое.

Но что думали мы сами тогда? Когда немцы были на дальних подступах к Москве и позже, когда мы были в окружении в тылу у немцев, и когда немцы стояли у стен Москвы, мы всегда были уверены в правоте нашего дела и что враг будет разбит. А чаще всего мы просто не думали об этом. Мы всей нашей жизнью были воспитаны так, что каждый обязан честно выполнить свой долг, чего бы это ему не стоило. Пусть даже жизни.

Вернулись в полк. Начальник разведки ушел докладывать командованию о проделанной работе, а нас окружили солдаты и офицеры дивизиона. Вопросов было много, и самых разнообразных. И что представляет собой немецкий солдат (как будто мы смотрели ему в глаза), и как они ведут себя под огнем, и какие у них танки, и как мы чувствовали себя под артиллерийским огнем и бомбежкой. И мы, как могли, не упуская мелочей, рассказывали о боях под Ельней.

Жизнь на занимаемых дивизией рубежах по берегу Днепра не замирала ни днем ни ночью. Все было приближено к боевой обстановке. Ночью строили оборонительные сооружения – блиндажи, наблюдательные пункты, основные и запасные, ходы сообщения и укрытия для лошадей. Огневики оборудовали огневые позиции батарей и укрытия для боекомплекта. Взводы управления, кроме наблюдательных пунктов, строили штабные блиндажи. Связисты прокладывали проводную связь. Стрелковые полки рыли стрелковые окопы, а также свои НП, ПНП и оборудовали штабные блиндажи. Все, что успевали построить

ночью, к утру тщательно маскировалось. Противник не должен был знать о нашем присутствии. Нам так хотелось. Думаю, что на самом деле это было не так. Немцы не стали бы бросать так много листовок на необжитые смоленские поля. А теперь-то каждый из нас, кто летал на самолетах, знает, как хорошо просматривается земля даже с большой высоты.

Оборонительная линия строилась. Затем совершенствовалась. Затем улучшалась. И когда командиру дивизии или еще кому-то там, наверху, казалось, что больше совершенствовать и улучшать нечего, дивизия ночью меняла позицию и все снова начиналось с точек на карте.

Все работы по оборудованию рубежей велись ночью, а днем каждое подразделение совершенствовало боевую подготовку, солдаты чистили оружие и лошадей, чинили и стирали белье и обмундирование, несли караульную службу. Все наблюдательные пункты несли службу круглосуточно, как в боевой обстановке.

Очень много работы было у нас – топоразведчиков. Ночью мы, как и все, копали землю, пилили и носили бревна, рубили, тесали, маскировали – строили оборону. А днем все построенное и намеченное к строительству наносили на планшеты и карты. Засекали все видимые на местности за Днепром деревья, дороги, высоты и впадины – каждую кочку – и готовили по ним данные для стрельбы всех батарей дивизиона. Работали со стереотрубой и на мензуле с помощью кипрегеля и оптической алидады. Иногда привязку батарей, с чисто учебной целью, с помощью оптической алидады вели и ночью. Работы было много. Приходилось экономить на сне. Спали по 2–4 часа в сутки. Но даже такой ритм жизни нам был не в тягость. Все были здоровы и веселы. Приказы и служба исполнялись энергично. Я не знаю случая проявления малодушия, жалоб или роптания. Все мы были молоды, да и подготовка у нас была соответствующая. Наша служба в довоенное время была не легче. Правда, были у нас в дивизии и «старики». Это призванные из запаса и резервисты. Возраст их был 25–30 лет. Для нас, 18—20-летних ребят, это были старики. Мы им сочувствовали в их нелегкой службе в таком почтенном возрасте и, когда было возможно, старались помочь. Нам и в голову не приходило, что возраст 35–40 лет – это расцвет сил. Человек узнает это, только пройдя сам через этот рубеж.

Заканчивалось лето. Дни становились короче. Чаще небо покрывалось облаками. После продолжительного сухого периода наступило время дождей. В пасмурную или дождливую погоду мы чувствовали себя вольготно. Можно было ходить не только по ходам сообщения. Появления самолетов противника не боялись. Несколько раз вечерами нас возили в соседнюю деревню в кино.

Кинопередвижку устанавливали в каком-то сарае. Мне, по занятости, в кино сходить не пришлось. А вот концерт, поставленный столичными артистами, смотрел. На опушке леса, а скорее кустарника, поставили рядом две грузовые машины с откинутыми бортами. Это была сцена. Мы сидели амфитеатром на земле. Исполняли песни. Возможно, пела даже Шульженко. Утверждать не могу. И под занавес исполнили отрывок из комедии «Собака на сене».

Меньше стало и тяжелых физических работ. Оборудование оборонительных линий, очевидно, подходило к концу. Но зато во много крат стало труднее переносить под открытым небом непогоду. Промокшую одежду сушили на себе. В то время мы еще не строили блиндажей для солдат. Солдаты, свободные от службы и работ, спали прямо на земле. Индивидуальные плащ-палатки служили и постелью, и укрытием. Первое время пробовали их устанавливать, чтобы скрываться от непогоды под крышей. В комплекте плащ-палатки были и подпорка, и колышки. Но палатка не прижилась. Все приложение к плащ-палатке было выброшено, и остался только плащ.

В начале второй декады сентября, при ясной погоде, начались заморозки. Ночью стало совсем неуютно. А у меня к тому же пропала шинель. Чтобы попасть на наблюдательный пункт, надо было проходить через вершину холма по закрытому переходу. Ход сообщения был вырыт не в полный профиль, и проходить надо было согнувшись, а в одном месте даже на четвереньках. Шинель мешала. Я ее снял и положил у входа в проход. А когда вернулся, шинели уже не было.

С июля и до сентября мучился без пилотки. Где-то в пути из Ташкента на фронт в вагоне у меня пропала пилотка. Скорее всего, сжевала лошадь. Пришлось ходить в каске, в то время как другие, вопреки приказу командования, позволяли себе ходить и в пилотках. Старшина бы выдал пилотку взамен утерянной, но было стыдно признаться в своей небрежности. Носить каску все время тяжело. Меня выручало то, что каска мешает работать на оптических приборах и планшете. Под этим предлогом я большую часть суток находился без головного убора. В начале сентября я торжествовал победу. Как-то, вернувшись из кино, красноармеец Саранин вручил мне пилотку, которую он снял в зрительном зале с головы деревенского мальчишки. И вот новая беда – пропала шинель. Днем еще куда ни шло, а ночью стало совсем плохо. Завернешься в плащ-палатку с головой, ляжешь в какую-нибудь борозду, полязгаешь зубами и незаметно уснешь. Ночью проснешься от холода. Плащ-палатка замерзшая, как панцирь. А одежда – гимнастерка, брюки и белье – влажная, почти мокрая от

конденсата. Зубы отбивают чечетку. Поднимешься, побегаешь, пока согреешься, и снова в панцирь плащ-палатки. Простудных заболеваний в то время не бывало.

Путь в неизвестность

30 сентября ночью по тревоге дивизия оставила занимаемый рубеж и, совершив форсированный марш, приступила к погрузке в эшелоны на станции Вязьма. Эшелоны шли в южном направлении. На станциях нас почти не задерживали, но и скоростей больших поезда не развивали. В теплушках отсыпались. Погода стояла солнечная. На коротких остановках получали кашу и хлеб. Поили лошадей, запасались водой для питья и умывания, и снова в путь.

Где-то в районе Юхнова стали попадаться валяющиеся под откосами железной дороги отдельные вагоны и целые составы. На одном из перегонов под откосом лежали исковерканные вагоны с красными крестами на стенах и крышах.

В один из дней эшелон остановился на небольшой станции или на разъезде. Солдаты высыпали из вагонов, чтобы размяться. На западе со стороны солнца слышался нарастающий гул моторов. Прокатилась команда «Воздух!». Те, кто был у вагонов, бросились в ближайший кустарник или залегли на путях. Многие, находившиеся в вагонах, не успели выпрыгнуть из них, как завизжали бомбы и загрохотали разрывы. К нашему счастью, попадание было только одно – в платформу с двумя пушками и двумя зарядными ящиками.

Налет кончился. Быстро переформировали эшелон, и в путь. Потом на перегонах нас еще дважды бомбили группы самолетов по одному звену – три штуки. Попаданий ни в эшелон, ни в полотно впереди поезда не было. Состав без остановки двигался в неизвестность.

В ночь на 5 октября проехали Брянск. Никто, конечно, названия станций не объявлял. Ночью не было видно и вокзалов с надписями. Все было погружено во тьму. Названия станций (а нас интересовало, в каком направлении нас везут) мы узнавали у стрелочников или осмотрщиков подвижного состава, которые, проходя с фонарями синего цвета, хлопали крышками букс вагонов.

На рассвете поезд медленно выполз из леса на поляну. Какое-то время постоял как бы в раздумье и попятился в лес. Эшелон был поставлен под разгрузку на опушке леса. Справа вплотную к путям подступал лес, а слева – небольшая поляна. Железнодорожная насыпь низкая. Разгрузка шла быстро. Скоро всем стала известна причина спешной выгрузки – впереди взорван железнодорожный мост через реку.

Как только эшелон остановился, пронеслась команда:

«Разведчики к командиру дивизиона!» Поставлена задача – установить, кто в городе. Группу разведчиков возглавил замкомандира взвода разведки старший сержант Дрегалов.

Вышли из леса. Солнце уже поднялось над горизонтом прямо по нашему курсу. Слева нитка железной дороги упирается в фермы разрушенного моста. Кругом тишина. Ничто не предвещает опасности. Но чувствуется, как тревога овладела людьми. Все сосредоточены. Оружие наготове. Патроны досланы в патронники. Курки на боевом взводе. Люди идут, затаив дыхание. До реки остается 100–150 метров. Группа делится на две части. Группа прикрытия скрывается за кустами лозняка. Короткими перебежками скрытно приближаемся к берегу реки. Вышли на берег. Команда старшего сержанта (по цепочке): «Не дышать!»

На той стороне реки прижались к берегу постройки города Карачев. На улицах, просматриваемых с нашей стороны, ни одного человека. Город как будто вымер, только где-то за постройками, левее моста, слышно урчание моторов да металлический лязг. Поступила команда: «Двигаемся по берегу влево!» Позади железнодорожного полотна где ползком, где короткими перебежками пробираемся вдоль реки. Все внимание на командира. Командир прижался к земле. Дал знак, и все замерли. Взгляд устремлен на ту сторону реки. Вот в чем дело: на том берегу, в 70—100 метрах от нас, стоял немец. По фуражке с высокой тульей и плащу можно было определить, что это офицер. Он внимательно разглядывал уткнувшиеся в дно реки фермы моста. Думаю, что только занятость мостом и сигарой избавила нас от его внимания. Левее крайних построек города, там, где слышался металлический лязг, были видны передвигающиеся танки. Шла их разгрузка с железнодорожных платформ. Немец, отшвырнув окурок сигары, ушел. Нам надо было спешить с докладом.

Командир дивизиона, выслушав короткий доклад о проведенной разведке, отправился к командиру полка. Пригласил с собой и старшего сержанта Дрегалова. Нам было приказано идти на наблюдательный пункт.

Весь день шла напряженная работа. Пехота закапывалась на отведенных ей участках обороны. Артиллеристы, заняв огневые позиции, рыли ровики для личного состава и капониры для пушек и гаубиц. Разведчики оборудовали простейшие наблюдательные пункты. Один батальон пехоты на правом фланге был выдвинут далеко вперед.

День подходил к концу, когда именно там, на правом фланге, заработали пулеметы. Бой нарастал. С наступлением вечерних сумерек поступила команда «Сниматься!». Просочились слухи,

что на правом фланге противник, форсировав реку Снежеть, теснит наш передовой батальон. Уже в темноте дивизия сосредоточилась на шоссе. Двинулись на восток, прошли километра три, как крупными хлопьями повалил мокрый снег. А через несколько минут впереди взлетели осветительные ракеты и застрочили пулеметы. Колонна сначала остановилась, а затем спешно стала разворачиваться назад.

К мукам голода теперь добавился и холод. Обмундирование быстро промокло. Но все неприятности отступали на задний план перед главным. Тревожила неизвестность: что впереди? А впереди снова осветительные ракеты и пулеметный огонь. Колонна останавливается, а затем движется в обратном направлении. Через какое-то время мы сворачиваем с шоссе на прямую, как просека, лесную дорогу. Командиры торопили ездовых орудий и повозок – «Быстрей, быстрей!». А колонна двигалась все медленней. Стали все чаще останавливаться. Пушки, да и повозки застревали в болотинах. Колонна останавливалась. Тогда, в помощь упряжке, застрявшую пушку, как муравьи, со всех сторон окружали солдаты и, стоя по колено в болотной жиже, выкатывали ее на более или менее сухой участок дороги.

Солдаты устали. Мучил голод. Солдатские кухни уже вторые сутки не работали. Не выдавали и сухой паек. Только в некоторых подразделениях прижимистые старшины еще днем из своих НЗ выдали по сухарю или куску хлеба.

На следующий день, 6 октября, мы узнали, что половина дивизии и все ее тылы не проскочили Брянска. Немецкие войска разрезали дивизию на две части. Мы оказались в окружении, без боеприпасов и продовольствия.

Среди солдат ходил слушок (а скорее, все просто надеялись), что днем отдохнем, что на день мы вынуждены будем где-то затаиться, чтобы не быть разбитыми с воздуха. Но надеждам не суждено было сбыться. День был пасмурный. Облачность низкая. Погода нелетная. И, видимо, командование решило оторваться от противника.

За первые 36 часов движения нам дали только полуторачасовой отдых. И то скорее лошадям, чем людям. Они совсем выбились из сил, то и дело останавливались, отказывались тянуть постромки. Только удары плеток, а иногда и палок заставляли безотказных в других условиях животных выкладывать последние силы. Во время отдыха солдаты должны были найти способ накормить лошадей. Голодные лошади поедали хвою, оставшиеся на кустарниках листья, сухую, жесткую, как щетка, рыжую траву. Солдаты тоже все пробовали на вкус и съедобность – и кору деревьев, и траву, и корневища болотных растений.

Курящие искали, что годится для самокруток. Потом, уже позже, всеми было признано, что самым изысканным блюдом является корневище осоки. Затем папоротник и кора ольхи. В закрутки курильщиков шли листья ольхи.

Если днем было еще терпимо, то на вторую ночь стал невыносимо одолевать сон. Солдаты засыпали на ходу, падали в грязь под ноги сзади идущих. При малейшей остановке колонны люди падали на обочины дороги и тут же засыпали мертвым сном. Те, кто имел лошадей, все реже садились в седло. Стоило только вставить ноги в стремена, как слипались веки. Опасаться, что лошадь увезет не туда, куда движется колонна, не приходилось. Опасность была в другом. Уснувший всадник падал с седла. Падал вниз головой, и при падении можно было сломать шею. К счастью, в нашем дивизионе таких случаев не было. А вот случаи, когда всадники падали с седла на мерзлую землю и не просыпались, бывали довольно часто.

Но солдат на то и солдат, чтобы находить выход из любого положения. Уже на вторую ночь пути можно было видеть, как за повозками, двуколками и заръящиками выстраиваются хвосты спящих на ходу солдат. Кто-то брался за заднюю грядку повозки, за него брался другой, третий и так далее, и все спали. Скоро такой метод сна был широко внедрен во всех подразделениях. Хвосты стали длиннее. За некоторыми повозками уже тянулось по два хвоста. Стали использовать для этого и пушки. Но за ствол пушки держаться нельзя, поскольку его на неровностях сильно подкидывает. Может и убить. К стволу пушки привязывалась веревка, за нее и держался первый, а за ним вся цепочка. Стали использовать для этого и верховых лошадей. Поводья забрасывались на луку седла. Всадник брался за стремя и спал на ходу. С другой стороны тоже кто-то пристраивался – у седла ведь два стремени.

В эшелонах, проскочивших в ловушку окружения, перевозились подразделения, базирующиеся на лошадиной тяге, но каким-то образом в наш эшелон попала автомашина с боеприпасами зенитного дивизиона. И если лошади с помощью солдат как-то тянули пушки и повозки, то автомашина застряла в грязи на первых же километрах пути. Чтобы снаряды и машину не захватил противник, начальник штаба дивизии, он же исполняющий обязанности командира дивизии, полковник Сиязов послал группу разведчиков и саперов машину взорвать. Вернувшиеся с задания разведчики рассказывали, что немцы не стали нас преследовать. Противника разведчики в лесу не встретили. Машина была заминирована и взорвана. Обошлось без приключений.

День провели, затаившись в лесу. Место было подобрано со вкусом. Сосновый бор, не тронутый топором лесорубов. Укрытие с воздуха хорошее. Кроны деревьев как пологом укрывали рассредоточенные подразделения. Промокшая от снега песчаная почва подсохла. Совсем рядом журчал ручеек. Выбившиеся из сил солдаты устраивались на отдых. Конники – солдаты, имеющие лошадей, – кормили своих верных друзей ветками деревьев. Вокруг старшего сержанта Дрегалова собралась группа разведчиков. Шел разговор, где найти что-нибудь «заморить червячка». Предложения поступали самые разные. Все они подпадали по тем временам под военный трибунал. А если учесть, что мы находились вне зоны действия законов, то можно сказать, под расстрел на месте преступления. Но есть все равно надо. Без питания солдат не солдат. А мы хорошо себе представляли, что впереди не одни сутки тяжелого изнурительного пути. Кроме того, мы знали, что нам никто не разрешит бросить боевое оружие и военное снаряжение. Нужны силы, но надо еще и утолить мучительный голод.

Принимается решение: три человека тайком отправляются на поиски продовольствия. Приказ старшего сержанта – по возможности не иметь контакта с населением, а тем более с немцами. Никакого насилия и воровства. Не попадать на глаза своему начальству. Лучший способ приобретения съестного – поискать на полях неубранный урожай. Предпочтение отдавать картошке, но должны знать, что годится все. Выбрали самых находчивых и выносливых. Пошли рядовые Сидоренко и Кусов. Возглавил группу ефрейтор Пронюшкин. Нам оставалось ждать своих товарищей.

День выдался хороший, было сухо и относительно тепло. Каждый из нас старался сохранить силы и больше находиться в покое. Те, кто участвовал в организации похода за продуктами, поглядывали на север, куда ушли добытчики. Время тянулось мучительно медленно, а день уже клонился к закату.

Наконец поступила команда «Приготовиться к движению!». Колонна двинулась в путь. Надежда на долгожданный обед пропала, зато появилась тревога за товарищей. В течение дня не возвратились – значит, что-то случилось. А если ничего не случилось и они в безопасности, то как они нас найдут? Наш маршрут никому не известен и пролегает по бездорожью лесов и болот. Мы даже направления своего движения не знали. Двигались то на север, то на юг.

На рассвете вышли на оканавленную с двух сторон лесную дорогу. Кроны ольхи сомкнулись над дорогой, образуя узкий просвет. Канавы сухие, полузаросшие мелким кустарником.

Дорога идет с легким уклоном в сторону движения. Лошади после долгой ночи преодоления болот и разбитых лесных дорог идут бодрее. Солдаты уже присматривают место для дневного отдыха. Колонна остановилась, и люди стали устраиваться по канавам отдохнуть.

Впереди нашего взвода, метрах в двадцати, на обочине дороги собралась группа солдат. Подошли и мы. Дрожь пробежала по телу. В канаве лежали трупы наших солдат. Сердце сжалось от увиденного – наши братья по оружию. Судя по еще не тронутым разложением лицам, они еще вчера, так же как и мы, шагали по дорогам войны. Прошло столько лет, а меня не покидает вопрос: кто мог расстрелять этих солдат? Признаков бомбежки видно не было. Не могли здесь оказаться и немцы. Они тогда шли только по шоссейным дорогам. В 200–300 метрах от убитых солдат мы увидели четыре брошенные гаубицы без замков и один легкий танк.

Прошло еще двое суток пути. Днем в летную погоду прятались в лесу. Ночью и в ненастную погоду – тяжелый изнурительный путь. Теперь нас, кроме голода и холода, еще мучил вопрос: где наши товарищи? Что с ними случилось? Прошло трое суток, как мы их отправили с надеждой, что они нас накормят. Надежды не оправдались. Сегодня утром неприятные новости. Ночью на переходе исчез лейтенант – начальник штаба дивизиона. Все без исключения, знавшие начальника штаба, безапелляционно заявили, что он немецкий разведчик.

Немногословный, высокий, рыжий, всем своим видом он был больше похож на немца, чем на русского. Особой тревоги уход начальника штаба у нас, солдат, не вызвал. Но кое-кто сожалел, что не разгадал его раньше. Поговаривали, что по нашему следу он может направить немцев или устроить нам засаду. К счастью, этого не случилось. Мало ли в то время было в лесах наших разрозненных армейских групп, частей и подразделений. А немцы тогда были нацелены на захват территорий, и им в этом никто и ничто не мешало.

Когда путь пролегал недалеко от шоссейных дорог, нам был слышен лязг гусениц танков и тягачей, гул моторов машин. Как-то мы получили приказ командира полка посмотреть, кто там движется по дороге. Вышли на опушку леса метрах в трехстах от дороги. Затаились в кустарнике. Долго ждать не пришлось. Показалась одна машина, вторая, третья… Насчитали более 40 бронетранспортеров и машин с солдатами. Через час после первой из леса показалась голова второй колонны, теперь уже в основном состоящей из танков и бронетранспортеров. И так весь день шли и шли механизированные части немцев на восток.

В этот день у меня произошло непредвиденное событие. У меня была лошадь по кличке Стрела. Я решил ее отпустить покормиться. Животное лучше человека знает, что ему можно есть. Я не беспокоился, знал, насколько она мне предана и что далеко она не уйдет. Это было уже не раз проверено. Вот и сегодня она подбирала сухую траву и опавший лист, затем спустилась к берегу ручья. Через некоторое время послышался лошадиный храп. Выбежал на берег ручья, и – о боже! – у самого берега в ручье барахтается в болотной грязи моя Стрела! Все попытки выбраться только усугубляют ее положение: с каждым движением тело все глубже погружается в трясину. При моем появлении она жалобно посмотрела, вздохнула, положила голову на мох, и крупная слеза скатилась на морду. Мне показалось, что она этим сказала: «Это все…». Все попытки вытащить лошадь, даже всем взводом, ничего не дали. Кто-то предложил тащить веревками. В болотной жиже подвели под живот две веревки, и только с их помощью Стрелу удалось вытащить на берег. Все промокли, извозились в грязи, но никто на это не обращал внимания. Каждый старался как-то посочувствовать лошади, обласкать ее. А я сам, по шею в болотной грязи, еще долго собирал сухую траву, скручивал ее в жгуты, протирал дрожащую от холода свою верную боевую подругу.

Западня
(рассказ Пронюшкина)

Пронюшкин легко шагал впереди. Невысокого роста, спортивного телосложения, он всегда, даже в самых тяжелых условиях, был собран, всегда в чистой, ладно сидящей на нем, как будто сшитой по мерке, форме. Но главное, подкупала улыбка, никогда не сходившая с его лица. При этом на левом верхнем зубе блестела золотая коронка – фикса.

До войны служил в армии. После демобилизации три года работал продавцом и год директором магазина. Он и в директора с шестиклассным образованием выдвинулся своим обаянием. В наш уже устоявшийся коллектив вжился легко и просто. Уже в первый день службы он всеми был признан своим парнем, хотя по возрасту был на три или четыре года старше любого из нас.

За Пронюшкиным шел Сидоренко. Украинец. Вырос в крестьянской семье под Киевом. Среднего или даже чуть выше среднего роста. Широкоплечий, для своих двадцати лет казался тяжеловат фигурой. Взгляд пристальный, как бы заглядывающий внутрь. Во взводе его недолюбливали за резкость и зубоскальство. Говорил он всегда свысока. Ему ничего не стоило оскорбить товарища.

Замыкал группу Кусов. Призван из запаса. Инженер-строитель. Возраст – 25 лет. Ростом, как говорят, не вышел, но зато у него было много других достоинств. Немногословен. В любой обстановке сдержан, никогда не терял самообладания. Отличался дисциплиной. Старший по возрасту и с высшим образованием, а в те годы высшее образование в армейской среде, даже среди офицеров, было великой редкостью. До призыва в армию занимал высокую должность начальника строительного управления, а был со всеми нами на равных. Что отличало его – это живой ум. Иногда вставит в разговор одно слово, и все покатываются со смеху.

Через полчаса скорого шага лес перешел в кустарник, а затем перед глазами открылось небольшое, судя по остаткам ботвы, картофельное поле. За полем, в полуверсте, на опушке леса – деревня. Обычная деревня Брянского края. Низкие, крытые соломой хаты плотно теснились двумя рядами вдоль грязной деревенской улицы. От дома до дома забор из хвороста – тын. Огороды тоже обнесены тыном или забором из жердей. В деревне тихо. Если бы не дым над некоторыми печными трубами, можно было бы подумать, что жители деревню покинули.

Кусов предложил не рисковать. Обошли поле по опушке леса, пересекли проселочную дорогу и подошли к деревне с фланга. Здесь лес вплотную подступал к огородам. Толстенные сосны даже красовались в некоторых огородах. Затаились в кустарнике и стали наблюдать. Улица была пуста, но в домах ощущалась жизнь. То в одной, то в другой хате хлопали двери, иногда за тыном промелькнет белый платок женщины. Решили, что один незаметно проберется в ближайший дом и узнает обстановку. В деревню пошел Пронюшкин. Один раз хлопнула дверь избы, затем второй, и над тыном, приглашая в деревню и остальных, появилась пилотка Пронюшкина.

Пригибаясь под низкой притолокой входной двери, вошли в хату. Спертый воздух непроветренного многосемейного жилья удушьем сдавил грудь. Низкий потолок. Закопченные бревенчатые стены, местами оклеенные обрывками газет и листами ученических книг. Маленькие, грязные, еле пропускающие дневной свет окна. Земляные полы в выбоинах. От русской печи, занимающей добрую четверть хаты, вдоль правой стены нары, застланные грязным тряпьем. Здесь же, на нарах, лежат и носильные вещи. Никаких простыней и наволочек на подушках. Лавки вдоль стен да самодельный стол с крышкой из оструганных несклеенных еловых досок с гниющими в щелях остатками еды. Из-за трубы печки смотрели любопытные глазенки ребят.

У печки, опершись на кочергу, стояла хозяйка дома. Еще молодая женщина, но выглядела лет на сорок. Одежда грязная, в заплатках. На голове белый платок со следами коровьего помета – отпечаток коровьего хвоста. Вид отчужденный. Вести разговор об обстановке, а тем более о продуктах, видя такую убогость, не решились. Одно точно узнали, что немцев в деревне не было и нет. Поблагодарив за хорошие вести, отправились к председателю колхоза. Дом председателя находился на другом конце деревни. Низкие подслеповатые хаты, крытые соломой, стояли чуть ли не вплотную друг к другу. Между домами стоял массивный, почти вровень со свесом кровли, тын. Улица узкая. Непролазная грязь на всю ширину улицы. Ни мостиков, ни тротуаров.

Дом председателя заметно отличался от других домов деревни. Две комнаты. Дощатые полы чисто вымыты и покрыты домотканными дорожками. Хозяин дома, мужчина лет шестидесяти, встретил настороженно. Рассказал, что в деревне немцы еще не появлялись. В районном же центре уже имеется комендатура, а в больших деревнях организуются полицейские отряды. Приобрести продуктов в деревне вряд ли удастся. Деревня бедная. Колхозники живут в основном за счет своих

огородов, да и с тех платят налоги. Деньги же, поскольку со дня на день ожидается приход немцев, потеряли свою цену. Хозяйке же приказал сварить картошки. Тепло избы и сытный обед – вареная картошка с хлебом – незаметно сморили разведчиков. Как удар хлыстом, раздалась команда – «Руки вверх!». На пороге стояли два немецких солдата с автоматами у живота и двое русских полицейских в деревенской одежде с повязками на рукавах и винтовками наперевес.

Тянуться за винтовками, стоявшими у стены в двух шагах от стола, уже не было смысла. По приказу немцев полицейские обыскали солдат. Забрали патроны и ножи. Тщательно ощупали одежду. Искали документы. Хозяину приказали организовать подводу для доставки задержанных в комендатуру. К дому было подано сразу две телеги с возчиками – полицейским и деревенским старичком. Пока немцы занимались какими-то делами, разведчики сидели на телеге под охраной полицейских. В полдень тронулись в путь.

В плену (продолжение рассказа Пронюшкина)

Рыжий верзила грубо ткнул Пронюшкина стволом автомата в бок, показывая, что ему надо уступить место, взгромоздился на телегу, и лошади тронули. Всех сверлила мысль, что ждет впереди – могила или плен. Ходили разные слухи. Одни говорили, что немцы всех военнослужащих без исключения расстреливают, другие – что на оккупированной территории создано великое множество больших и маленьких лагерей, где люди содержатся в невыносимых условиях. Колючая проволока с караульными вышками по углам – и все сооружение. В зной и дождь люди находятся под открытым небом, страшный голод, вши, даже питьевой воды не хватает. Ходили слухи и о том, что пленных отправляют в Германию.

– Ну что, ребята… – не успел договорить фразу Кусов, как получил от полицейского удар прикладом.

– Молчать! – крикнул немец. – Один скажешь слово, ми будем стреляйт.

Часа через полтора-два лес расступился, и бричка въехала на окраину не то города, не то большой деревни. Одноэтажные маленькие хатки и дома-пятистенки лепились друг к другу по обеим сторонам немощеной улицы. Непролазная грязь с трудом пропускала перегруженную бричку. Мертвая тишина. Даже всегда перебрехивавшиеся собаки молчали. Но деревня не вымерла. Если смотреть внимательно на окна, то можно было заметить, как приоткрываются уголки занавесок. Выглянет из-за занавески любопытный настороженный глаз, и занавеска снова закрыта. Невыносимо стыдно. Как мы, красноармейцы самой сильной в мире армии, прошедшие уже месяцы по дорогам войны, так легко и просто попали в лапы противника? Да и какого противника… Три вооруженных солдата – двум немцам! А что о нас подумают наши товарищи? Голова раскалывается от мыслей. Что делать? Что делать? И почему они нас не расстреляли на месте? Надо что-то делать. Побег! Пусть расстреляют, но только не плен.

Между тем бричка загрохотала по булыжникам мостовой. Впереди показалось несколько двухэтажных и одноэтажных строений. С балкона второго этажа одного из домов свешивалось красное полотнище с черной свастикой. Бричка остановилась во дворе, обнесенном дощатым забором. Двор пустой. Только

одиноко стояла грузовая машина с крытым кузовом да скрипели двери выносной уборной, прилепившейся к забору.

Команда «Встать!», пинки полицейского, и впереди грязный подвал дома. Дверь захлопнулась. И это уже счастье – оставили одних. Прижались в отдаленном от двери углу. Надо быстро договориться, как себя вести.

Первым заговорил Кусов, как самый старший, да к тому же с высшим образованием:

– Товарищи, надо предпринять все возможное и даже невозможное, чтобы отсюда уйти. Охраны у двери как будто нет. Если нас до вечера не отправят на тот свет, мы ночью должны отсюда выбраться.

– Но как? – прошептал Пронюшкин.

– Видишь окно? Как строитель, я вас уверяю, что оконную коробку при большом желании можно вынуть. Со стороны двора охраны нет, а забор нас не удержит. Видите четыре гвоздя, забитые в швы кладки? Если перерезать гвозди, то оконный блок сам вылетит.

– Ты забыл, что у нас не то что пилы, даже ножа нет, – возразил Пронюшкин.

– Ошибаешься. У меня старая охотничья привычка носить нож в голенище сапога. Причем не в правом, а в левом. Это и позволило его сохранить. Кому придет в голову ощупывать голенище левого сапога? А про этих деревенских сопляков, новоиспеченных фюреров, и говорить нечего. Если бы мне такое рассказали, я бы ни за что не поверил, что русский человек так лакейски может прислуживать завоевателю, а тем более зверствовать в угоду фашистам. Была бы моя воля…

– Ладно махать кулаками, это потом, а сейчас надо думать, как спасти свою шкуру, – сказал Пронюшкин.

– Вот что, если не удастся выбраться из этого подвала самостоятельно, надо сохранить жизнь, а там чем черт не шутит, даст бог, выпадет счастье. Запомните: если будут спрашивать – мы из разбитой дивизии. Номера частей и подразделений им известны, спрашивать не будут, у них наши красноармейские книжки. Их может интересовать местонахождение части. Так вот, после того, как нас окружили под Карачевом, командование всех распустило выходить из окружения мелкими группами. Все, что было до Карачева, думаю, можно говорить. Это для них уже не секрет. Разбив наше охранение, они, наверное, взяли и пленных и узнали все, что им надо. Да и какое это теперь имеет значение. Мы же, не веря в возможность организации сопротивления их могучей армии, решили сдаться на милость. Или, если удастся, разойтись по домам. Вы только не поймите меня в прямом

смысле – «сдаться» и «могучей». Если бы не этот дикий случай, я бы им сдался! Духом не падать. Держаться до конца. Чему быть, того не миновать. А теперь за дело.

Кусов как-то всем сразу подмигнул, улыбнулся и стал проверять окно. Но не суждено было осуществиться планам Кусова. Проскрипела под тяжелой поступью лестница. Звякнул запор, и дверь распахнулась. Перед пленниками стоял мужчина лет сорока с повязкой на рукаве. За спиной ладно пристроилась немецкая винтовка без штыка.

– Ну что, отдохнули? Шагайте к коменданту.

По деревянной лестнице поднялись на второй этаж. Дежурный унтер-офицер открыл дверь и жестом показал – проходите.

Уже немолодой немец в черной форме с двумя ломаными стрелами на петлицах приветливо улыбнулся. На ломаном русском языке попросил подойти ближе к столу. Спросил, из какой части и какого рода войск. Где дивизия воевала, как попала под Брянск и как оказались в деревне. Когда Кусов сказал, что они решили сдаться в плен, комендант оживился и крикнул: «Русский солдат в немецкий плен – это хорошо! Весь русский армий немецкий плен. Советы все капут. Машина фарен – идет сборный пункт. Ви едет туда».

Присутствовавший при разговоре унтер дал знак выйти из кабинета. Опять звякнул запор подвальной комнаты. На просьбу дать что-нибудь поесть конвоир – все тот же полицай – грубо пролаял: «Что, Сталин не накормил?»

День клонился к вечеру, когда пленников посадили в машину. Это был фургон, что стоял во дворе комендатуры. В кабину сели двое – шофер, солдат-немец, и унтер-офицер. В кузов – мешковатый полицай с одутловатым лицом и красными глазами. Видно было, что он мучился после перепоя. Конвоир уселся на переднюю скамейку, закрыв собою заднее окно кабины. Машина тронулась. В заднем просвете фургона промелькнули домики окраины городка, затем – вытоптанного до черноты выгона без скотины, и машина въехала в лес. Тряска уменьшилась. Ехали по извилистой лесной дороге. Еловый лес справа и слева подступал к самой дороге. У конвоира все чаще стали смыкаться веки. Затем раз-другой он клюнул и всхрапнул.

Кусов левой рукой без шороха достал нож, переложил его в правую и, не размахиваясь, с выпадом всем телом вперед ударил в левую часть груди конвоира, одновременно закрыв ему рот ладонью левой руки. Мешковатое тело первое мгновение как бы напружинилось для броска и тут же обмякло. Терять время было нельзя. Ремнем винтовки тело убитого привязали к стойкам

фургона в том же положении, как он сидел раньше. Забрали винтовку, из карманов – краюху хлеба, кусок сала, завернутого в тряпку, и четвертинку самогонки. С ремня сняли подсумок с патронами и выпрыгнули из кузова машины.

Кусов говорил потом, что он очень боялся, что кто-нибудь бросится влево по ходу машины и шофер в зеркало заднего вида обнаружит побег. Но все кончилось благополучно. Побег не заметили, а в крайнем случае теперь уже можно и оказать сопротивление – в руках была винтовка.

Надо было срочно догнать свою часть, но прийти без документов и винтовок было равнозначно самоубийству. С красноармейскими книжками еще можно было как-то выкрутиться, а за потерю оружия по законам военного времени грозил расстрел. Уже наступала ночь. Решили отдохнуть. Да и опасно идти по незнакомым местам без карты: можно нарваться на засаду или на немецкий патруль. Не меньшую опасность представляли и населенные пункты. Теперь уже было известно, что там созданы полицейские дружины. И на месте тоже оставаться было нельзя. Прибыв на сборный пункт, немцы обнаружат побег, да еще с убийством конвоира, и поднимут тревогу. Надо было как можно скорее уходить подальше от дороги.

Мы понимали, говорил Кусов, что немцам будет нелегко найти место, где мы покинули машину, да и ночь была на нашей стороне. Они не решатся ночью устроить погоню. На всякий случай мы отошли от дороги километров на пять и устроились на ночевку. Спали мало. Терзал голод и холод. Подмораживало, а костер разжечь нельзя, опасно, да и спичек не было. Но больше всего волновал вопрос, где взять винтовки.

Чуть забрезжил рассвет – отправились в путь. Решили в часть без винтовок не возвращаться. В первой лежащей на нашем пути деревне сказали, что их односельчанин, ездивший в город, рассказывал о разбитом немцами на переправе через речку отряде Красной Армии. Это километрах в десяти от деревни на северо-восток. В деревне немцев не было.

К приходу немцев население относится по-разному. Есть и такие, кто их ждет. На вопрос, что это, видно, бывшие кулаки, хозяин назвал несколько имен и охарактеризовал их как самых бедных во всей деревне. В некоторых названных семьях сыновья или братья были в армии.

Хозяева дома были на редкость добрыми. Накормили картошкой со свиным жиром и хлебом. Дали в дорогу краюху хлеба и кусок сала. Благословляли на подвиг. Старуха разрыдалась, да и старик не мог сдержать слезы. У них двое

сыновей в армии, и с июня месяца не было писем.

После сытного завтрака шагалось легко. Километрах в пяти, как нас и ориентировали, вышли на маленькую окруженную лесом деревню. Решили зайти. После тщательного наблюдения прокрались огородами в один из домов. Немцев в деревне не было. Старик, хозяин дома, рассказал, что вездесущие ребята ходили на место боя и кое-что принесли. В том числе и винтовки. Помог найти ребят и уговорил их обменять три «трехлинейки» на одну немецкую. Нашлись и патроны. Дальнейший путь был уже без приключений.

Путь в неизвестность (продолжение)

Дивизия использовала каждый нелетный для немецких самолетов час для движения вперед. Нелетные часы приходились на ночь, облачную, дождливую погоду или снегопад. Солдаты, да и командиры, не знали направления движения и пунктов сосредоточения. Карт района движения в подразделениях не было. Вел колонну полковник Сиязов. Мы его иногда видели проезжающим вдоль колонны на белом коне в сопровождении дивизионных разведчиков. На его лице никогда не было ни тени уныния. Он всегда был строг и подтянут. И это вселяло в нас уверенность. Во всяком случае, никто даже в самых трудных обстоятельствах не роптал, не высказывал недовольства или неверия в благополучный исход нашего дела.

Разведку пути вела дивизионная конная разведка во главе с командиром взвода лейтенантом Варопаевым. Варопаев был смелым и решительным человеком. Рослый, хорошо сложенный, всегда подтянутый, он обладал недюжинной силой и имел хорошую физическую подготовку. В совершенстве владел вольтижировкой и клинком. Уже позже, на подходе к реке Упе, в Тульской области, когда на его пути выстроилась немецкая конная разведка – около 40 всадников, он не задумываясь повел свой отряд, уступавший противнику в численности вдвое, в сабельную атаку. И выиграл бой. Немцы дрогнули и повернули назад, оставив на поле боя около десятка убитых. После выхода из окружения Варопаев был награжден орденом Красного Знамени и отправлен на учебу в Военную академию.

А мы с вами, дорогой читатель, подошли к той самой переправе через реку на важном для немецких войск пути движения на восток и к так успешно закончившемуся для нас короткому бою. И теперь, через десятилетия прожитых лет, мне кажется, что этот бой сильно отразился на моральном состоянии бойцов. Мы после боя стали чувствовать себя сильнее, увереннее, поверили, что даже в кольце врага, даже при отсутствии продовольствия и минимуме боеприпасов мы представляем силу, способную себя защитить. После боя была оставлена мысль об уходе из части и формировании партизанского отряда, о чем подумывали некоторые солдаты.

Все дальнейшее движение проходило без каких-либо особых приключений. Но это был нечеловеческий труд всего личного состава. И особенно тяжело было солдатам. Их труд можно

сравнивать только с трудом тех окруженческих лошадей. Днем и ночью, в мороз, дождь и снег, промокшие до нитки, грязные и голодные, они тащили на себе орудия, повозки и двуколки. Тащили солдаты, потому что лошади были не в силах тащить. А если случалось пройти по относительно сносной дороге, где оси пушек и повозок не сдвигали перед собой грязь, как бульдозерный нож, то солдаты отдыхали, а вернее, спали на ходу в самом буквальном смысле, выстроившись цепочкой и держась друг за друга.

Рассветало. Прошла еще одна ночь пути. День, предвещало, должен был быть солнечным. Это нас радовало. Двигаться становилось с каждым днем тяжелее. Маршрут пролегал по каким-то лесным, а скорее, болотным дорогам. Лошади от суточных переходов и без корма обессилели. И все чаще пушки, повозки и двуколки по непролазной грязи приходилось тащить солдатам. Но самое неприятное – это когда ты постоянно находишься под моросящим осенним дождем и не можешь нигде укрыться, даже стать под дерево. И нет у тебя надежды, что где-то остановишься, очистишь от грязи одежду и обсушишься. Поэтому, когда проясняется небо, на душе у солдата становится веселее. Солнечный день – значит, отдых. На день надо затаиться. Обнаружить себя нельзя. Во время таких остановок можно умыться, пособирать каких-то кореньев, чтобы заморить червячка, и вволю выспаться. Мы так приспособились к обстановке, что спали и на ходу, и стоя, и под дождем и снегом, и в грязи, и на мерзлой земле. Голод и непосильный труд сделали нас какими-то безучастными. Не было слышно смеха, разговоров. Не было и агрессивности. Со стороны мы были, наверное, похожи на осенних мух, которые двигаются, но медленно и не создавая шума.

По колонне передали команду «Привал!». Рассредоточились по лесу. Сосновый бор. Место сухое, песчаное. Управленцы расседлали, а огневики и ездовые распрягли лошадей. Безлошадные в это время спали, устроившись под деревьями. Мы, имевшие лошадей, всегда им завидовали. Ехать в седлах мы не могли. Стоило сесть в седло, как тотчас же засыпал. А уснул – значит, упадешь с седла. А падаешь с седла обычно вниз головой. Так что это опасно. Но лошадь не бросишь, даже если она тебе и помеха. На марше ее надо все время вести в поводу, а на привале покормить и напоить. С водой легче, а вот корма нет. Его надо найти и заготовить. Нарвать сухой осоки и наломать сосновых или еловых ветвей. Других кормов не было.

Во второй половине дня поступила команда зарыть в землю военное имущество. Оставить только оружие и боеприпасы.

Личные документы, кроме комсомольских и партбилетов, сжечь. Это нас встревожило. Понимали, что обстановка усложнилась. И в то же время обрадовало. Легче стали повозки, а мы избавились от так мешавших на переходах противогазов. Каски были выброшены еще раньше.

Завершением одного из ночных переходов была дневка в лесу, недалеко от какой-то деревни. Кто-то из нашего взвода незаметно проник в деревню и похитил старую телячью шкуру, видно, долгое время висевшую где-нибудь на чердаке. Шерсть ее была сильно попорчена молью, а сама шкура наполовину съедена мышами.

Мы завернули шкуру в плащ-палатку и, отойдя подальше от расположения подразделения, на костре из сушняка, чтобы не обнаружить себя дымом, опалили. Опалили, правда, плохо. Сделать это было очень трудно. Как только сунешь кусок шкуры в огонь, она тут же сворачивается в трубку шерстью вовнутрь. Обработанную таким образом шкуру разрезали на мелкие части и сварили. И должен вам сказать, что я до сих пор ничего вкуснее не едал. Несмотря на то, что ели мы ее все-таки с шерстью.

Запомнился мне и такой случай, тоже связанный с едой. На одной из дневных остановок кто-то сходил в деревню. Делались эти вылазки тайно. Никто никому не докладывал и не отпрашивался. Да никто никого и не контролировал. На этот раз принесли с килограмм ржаной муки. Мука сильно попахивала прелым, а потом оказалась еще и горькой. Но тогда нас это не смутило, у нас была другая задача – превратить ее в съедобное блюдо. Не будешь же есть сухую муку. Одни говорили, что надо заварить муку в кипятке. Другие – испечь что-то вроде хлеба. Верх взяли последние. Решили испечь блины. Муку замешали в холодной воде. А где испечь? На этот раз костер в лесу решили не раскладывать. Недалеко от опушки стоял одинокий сарай. Вот туда мы и отправились. Сарай оказался овином, то есть местом, где сушат и молотят злаковые. Растопили печь. Откуда-то принесли кусок ржавого до дыр кровельного железа, и работа закипела. Закипела в буквальном смысле слова. На уложенное на костер железо наливаем ржаную болтушку, а она почему-то не запекается, а кипит до тех пор, пока не превращается в угольную корку. Но и тут был найден выход. Как только тесто закипало, железо с огня снимали и содержимое съедали ложками.

Редки солнечные дни осенью. Не успели просушить промокшую, пахнущую прелью одежду, как снова наступили изнуряющие дожди, а то и дожди со снегом.

Под таким дождем колонна уже сутки продвигалась по заболоченным лесам. Скорость движения была очень низкая.

Больше стояли. Все время что-то вытаскивали из грязи. То пушка завязнет, то повозка, и пока солдаты помогают обессилевшим лошадям, колонна стоит.

Наступал вечер, уже сгущались сумерки, когда мы вышли на опушку леса, где стояли приземистые сараи. Это были брошенные хозяевами свинарники. По команде объявлен привал, и мы бросились в укрытия. Были они, правда, не совсем пригодны для человеческого жилья, но для нас и это было блаженство. Не мочил дождь, и спать на навозе было тепло.

Со мной здесь произошло незначительное, но на всю жизнь запомнившееся приключение. Отправляя на фронт, нам выдали новые противогазы, те, которые мы сейчас закопали на маршруте в лесу. Но закопали только сами противогазы, а сумки оставили. Они удобны для хранения нехитрого солдатского имущества. Так вот в карманчиках, пришитых на передней стенке сумки, были две ампулы с противоипритной жидкостью. Предназначались они на случай химического нападения. Если тебя обольют с самолета этой маслянистой жидкостью, которая не смывается водой, ты должен раздавить ампулу и ее содержимым (это примерно 30 граммов спиртового раствора) смыть капли иприта. Но капли иприта на нас, к счастью, не попали, а потому содержимому ампул нашли другое применение. Его давно уже выпили. Я же свои сохранил. Чтобы их кто-нибудь ненароком не вытащил, я их положил в сумку, подальше от людских глаз. Под дождем в болотах о них как-то не думалось, а тут, попав в «комфортные» условия, так свернуло голодом желудок, что рука невольно потянулась за злополучной ампулой. Выпил только одну. Вторую кому-то отдал. Мне показалось, что если бы я выпил две, то кончилось бы это, наверное, смертью. Только через два дня, когда нам на взвод управления дивизиона, то есть человек на тридцать, выдали коровью голову и, разрубая ее, я съел кусок сырого мозга, только тогда я наконец смог закрыть рот. Такое было действие противоипритной жидкости.

Погода становилась все ненастнее, и одежда уже не могла нас защитить от холода. И тогда люди массой согревали друг друга. На каждой остановке, на привале кто-то, подстелив плащ-палатку, ложился на нее, а на него наваливались мокрые и продрогшие его товарищи. Верхние просили, чтобы ложились и на них.

Большую роль сыграли плащ-палатки. Они защищали солдат от дождя, снега, ветра и даже мороза в пути, в окопах и на привалах.

Все хуже становилось и с обувью. Первое время мы почти не разувались. На привалах старались побыстрее согреться и уснуть.

Влажные портянки высыхали на ногах. Затем в сапоги через дыры стала затекать вода и набиваться болотная грязь. Чтобы идти, на каждом привале необходимо было выливать воду и избавляться от грязи, попавшей в сапоги. У моих сапог совсем оторвались задники вместе с каблуками, и это создавало мне немало дополнительных трудностей. Когда подмораживало, резало пятки, а при оттепели за голенища сапог и в брюки запрессовывалось столько грязи, что снять сапоги можно было, только предварительно выковыряв ее через верх голенища с помощью специально выструганной лопаточки.

С наступлением сумерек вышли из леса и сразу же вступили на улицу деревни. Да, удивительные эти места Брянщины. Деревни так плотно окружают леса, что совершенно нет полей. Даже в огородах кое-где растут одинокие сосны. Обычно в деревне одна узкая улица с плотно прижавшимися друг к другу домами. Дома низкие, под толстыми соломенными крышами с большими свесами. Между домами массивные плетни высотой под самые крыши. И вязкая черная грязь. Тротуаров для прохода людей нет. В домах нет деревянных полов. Нет даже глинобитных, как на Украине. Просто земля. Черная. В некоторых домах с выбоинами.

Эта деревня не походила на описанную выше, хотя с двух сторон к домам вплотную подступал лес. С других сторон расположились поля. Две улицы пересекались буквой «Г». Дома были хорошие и стояли редко. Каждый двор представлял собой отдельную маленькую усадьбу. И удивительно сухая дорога.

В этой деревне мы и сделали привал. Наш взвод занял стоящую особнячком маленькую хатенку с таким же маленьким сарайчиком во дворе. Хозяев дома не было. Дверь была заперта на замок. Все убранство единственной комнаты – русская печь да дощатый настил – нары, или, как их называют в деревне, полати. И деревянные полы.

Мне передали распоряжение штаба, что я назначен дежурным по дивизиону. В обязанности дежурного входило организовывать кормление лошадей. Узнав в соседнем доме, где находится колхозное сено, отправил туда ездовых. Навес стоял в 200–300 метрах за огородами одного из домов. Пока солдаты укладывались спать, сено было доставлено, дневальные выставлены, и деревня замерла.

С рассветом где-то накопали картошки. Сварили и, усевшись на полу (стола в доме не было) вокруг ведра с картошкой, принялись за еду. Неожиданно наше застолье было прервано. Дверь распахнулась: на пороге стоял начальник связи дивизиона младший лейтенант Ильин. После того как несколько дней тому

назад, прихватив с собой штабные документы, убежал начальник штаба дивизиона (фамилию его не помню), Ильин был назначен исполняющим обязанности начальника штаба. Мы его знали как довольно-таки трусоватого человека и любителя выпить. Вот и теперь – глаза блестят, лицо красное. Правая рука на рукоятке пистолета, заложенного за отворот шинели. Звучит команда «Встать!», и дуло пистолета упирается мне в грудь:

– За мародерство – расстрел! Шагом марш!

Мы тогда не понаслышке знали, что есть строжайший приказ, предписывающий расстрел на месте, без суда и следствия, за самое незначительное мародерство. Например, на днях, буквально дня два-три тому назад, в стрелковом полку были расстреляны два красноармейца: один за то, что, когда подразделение проходило через деревню, выдернул из грядки замерзшую свеклу, а второй за то, что срезал кочан капусты.

Намерение младшего лейтенанта было принято всерьез. Но за что? В чем выражается наше мародерство? Оказывается, сегодня утром жительница деревни пожаловалась, что у нее из-под навеса кто-то взял несколько охапок сена. А я, как дежурный, не проследил. Я сделал несколько шагов вперед. Теперь дуло пистолета уперлось под лопатку. И в это время слышу голос ефрейтора Ивана Саранина:

– Не дадим расстрелять сержанта!

В один миг взвод с винтовками наперевес окружил Ильина. И опять голос Саранина:

– Если вы застрелите Андреева, то с места не уйдете!

Ильин сначала рассвирепел. Стал кричать:

– Бросить оружие! За невыполнение приказа всех расстрелять!

Теперь уже дуло пистолета переместилось на грудь Саранина, но ни один солдат не отступил ни на шаг. Ильин убрал пистолет за пазуху и, угрожая расправиться с нами позже, ушел.

Этот октябрьский день 1941 года (не знаю только число) можно считать моим вторым днем рождения. Потом их было много. Ох как много!..

Поступила команда на марш. Мы и картошку не успели доесть. Пришлось доедать на ходу. Немного задержались, чтобы погрузить двуколку сена из колхозного сарая и завезти обиженной колхознице. На этом конфликт был исчерпан.

Как-то, когда я рассказал этот эпизод из своей военной жизни, меня спросили: что я чувствовал в это момент? Положа руку не сердце, должен признаться, что страха не было. И не потому, что я не верил в намерение Ильина. Скорее наоборот. Из приказов, объявляемых нам со дня прибытия на фронт, и по

слухам, передаваемым из уст в уста, мы знали, что за расстрел на фронте никто из командиров не несет даже символического наказания, наоборот, такие люди только поощряются. Так что сомнений в вероятности выстрела не было. Но и страха не было. Не было и обиды или ненависти к Ильину. Было лишь чувство вины за не выполненные до конца обязанности дежурного. А больше всего, пожалуй, было безразличия и апатии.

Невыносимые, нечеловеческие условия, особенно в последний месяц, сделали нас совершенно безразличными к себе и к происходящему вокруг нас.

Иногда на привалах мы говорили об отношении к нам местного населения. Всякое рассказывали. У меня же сложилось твердое мнение, что население нас не жаловало. И не потому, что мы были окруженцами. Люди ждали перемен. Не из страха же перед немцами в деревнях их часто встречали с иконами и хлебом-солью. А нам русские женщины кричали:

– Уходите, из-за вас и нас бомбить будут!

Или стоило, например, нашему солдату появиться в деревне, чтобы попросить что-нибудь съестное или щепотку соли, как все дома оказывались на запоре. И не только из-за страшной бедности, вынуждающей беречь каждую щепотку соли или картофелину. И ведь это тогда, когда в этих деревнях немцев еще не было и жителям пока никто не угрожал расстрелом за связь с окруженцами или партизанами.

Мне запомнился такой эпизод. На исходе ночи вошли в населенный пункт. Это был рабочий поселок стекольного или хрустального завода. Наш взвод разместился в добротном рубленом доме с надворными постройками, где в хлевах что-то хрюкало и мычало. Семья из четырех человек. Хозяин – старик лет пятидесяти-шестидесяти, здоровяк с окладистой бородой. Его жена – маленькая худощавая женщина, выглядевшая старше своего мужа. И две дочери лет тридцати – тридцати пяти, обе учительницы. В этом доме мы провели весь короткий осенний день. Погода стояла летная, и мы должны были затаиться. И за весь день нам не предложили поесть. Не дали ни клочка сена нашим голодным лошадям. Больше того, нам не было сказано ни одного человеческого слова. Пришли, заняли одну из четырех комнат, поспали и ушли вечером, как бы не замеченными хозяевами дома.

Прошли не более километра по прекрасному дубовому лесу, и тут под командиром разведки пала обессилевшая лошадь. Подняться она уже не могла. Вернее, смогла бы, но только после того, как ее накормили. А у нас не было ни корма, ни времени. От лошади оставалось добротное кавалерийское седло, которое мы

решили обменять на хлеб. Солдаты рассказали, что одна из четырех комнат в доме у нашего старика завалена мешками с зерном, а подполье забито картошкой. Где же, как не там добыть хлеба. Дрегляйнов снял с седла сиденье и крылья, сделанные из подошвенной кожи. Я сел в седло и поехал в поселок. Стоило въехать во двор, как вся семья закрыла собой дверь в сени. Впереди старик в белой рубахе-косоворотке, подпоясанной кушаком, за ним дочери и старуха. На мое предложение обменять подошвенную кожу на хлеб старик что-то шепнул старухе, и та скрылась в сенях. Через пару минут она вернулась с хлебом. Это была горбушечка весом не более двухсот граммов!

Брянские леса становились все реже. Чтобы не демаскировать себя, командиру дивизии приходилось делать большие петли. И наконец вышли на почти безлесные просторы с часто встречающимися поросшими кустарником оврагами. Но по оврагам не пойдешь, а если идти, то надо бросить пушки и обозы.

Колонна стала двигаться рывками, с дневными остановками. Чувствовалась какая-то нервозность. А однажды до нас дошло известие, что впереди по направлению движения вышла конная немецкая разведка. И наша конная дивизионная разведка под командованием младшего лейтенанта Варопаева разбила ее. На следующий день срочно вызвали из колонны и поставили на огневую позицию пушечную батарею старшего лейтенанта Дегтярева и батальон пехоты. Позже, когда оставленные в заслон батарея и батальон догнали нас (а это было на вторые сутки), рассказывали, что на хвост нашей колонне наступали немцы. Наш арьергард внезапным огнем сначала остановил немцев, а затем заставил попятиться назад. Наши, не потеряв ни одного человека, под покровом ночи снялись с позиций и догнали колонну.

Мне особенно запомнился последний переход перед городом Белёвом Тульской области. Тогда я еще не знал, что мы уже вышли на Тульскую землю. Да нас это и не интересовало. И не только рядовых, но и офицерский состав. Все жили лишь окружающей обстановкой. Все остальное доверяли командиру дивизии. Осенняя ночь так темна, что люди натыкаются на телеграфные столбы. Уже сутки непрерывно идет дождь. Колонна движется по проселочной дороге, разбитой настолько, что грязь черпается голенищами сапог. Все промокли до нитки. Страшная усталость. Хочется спать. Желудок сводят голодные судороги. Кажется, что на следующий шаг уже сил не хватит. Но нет, вытащишь сапог из грязи и ставишь его впереди погруженной по колено в грязь другой ноги. Все, идти нет больше сил, но и остановиться нельзя. Остановишься – погибнешь. Замерзнешь или утонешь в дорожной грязи. Начинаешь искать выход. Все время

кажется, что идешь по колее дороги и что где-то, может быть совсем рядом, есть еще не разъезженная полоска земли. Но стоит свернуть в сторону, как оказываешься по пояс в воде придорожной канавы. Попытка пройти за канавой тоже ни к чему хорошему не приводит. Пашня превратилась в сплошное месиво, только грязь там еще более густая, и чтобы вытащить ногу, надо приложить вдвое больше усилий.

Я уже был на пределе человеческих возможностей, когда мимо меня проехали одна, вторая и третья повозки. Напрягая все силы, я ухватился за грядку третьей повозки, поставил ногу на скобу и залез под брезент. Надо было только не уснуть. Часа через два колеса повозки застучали по булыжной мостовой. Теперь уже можно было покинуть спасительное убежище. У моста через довольно широкую реку (это была Ока в городе Белеве) нашел своих солдат. Перешли реку и остановились в школьном здании. Изрубили несколько стульев и парт, и запылали жаркие печи. Надо было обсушиться. Но как снять сапоги и брюки, если грязь через отвалившиеся задники сапог запрессовалась не только за голенища, но и в брюки, почти до пояса. Уснуть не удалось. Времени хватило только, чтобы обогреться и выковырять грязь из брюк и голенищ сапог. Поступила команда на марш, поскольку до рассвета надо было покинуть город и укрыться в лесу.

Днем произошли два важных для меня события. Из рук старшины я получил новые кожаные ботинки, чему был несказуемо рад, так как мои сапоги пришли в полную негодность. Как сказал старшина, несколько пар ботинок нам подарил партизанский отряд, организуемый в Белевском районе. Оставшиеся от старых сапог голенища были тоже использованы. Получились ботинки с голенищами. Не было, правда, ни носков, ни портянок, но это не огорчало, для этих целей мы использовали любое тряпье.

И второе, не менее значительное событие – нам, на разведчиков и топографов, выдали бог знает откуда взятую коровью голову. Полевой кухни к тому времени, очевидно, уже не было. У нас ведь кухни были на вьюках, и тащить их, как никому не нужный груз, не имело смысла. Нет продуктов – зачем кухни? Разрубать, то есть делить, голову поручили мне. Прошло столько лет, а я до сих пор помню вкус сырого мяса и мозгов. Это было невероятно вкусно, но невероятно мало.

Моросил мелкий дождь, поэтому с воздуха угрозы не было. Шли весь день. А лучше сказать, тащили пушки и повозки, помогая измученным лошадям. К вечеру вошли в довольно большую деревню и получили команду размещаться на ночевку. На ужин на взвод выдали приличный кусок свежей свинины. В

деревне еще оставалась колхозная свиноферма. Чугунок с мясом уже стоял в растопленной печи, когда меня вызвали в штаб полка.

По непроверенным данным, в городе Одоев, расположенном в 8—10 км западнее – мы обошли его стороной, – работает пекарня и немцы в город еще не вошли. Приказ – взять пару повозок, немедленно поехать в Одоев и забрать весь имеющийся в наличии в пекарне хлеб.

Пока ездовые запрягали лошадей, я забежал во взвод. Узнав, что я уезжаю, мне отрезали кусочек только что закипевшей свинины. Мясо проглотил на ходу, без хлеба. И обоз из двух повозок тронулся в путь. Дождь не переставал. Одежду просушить не удалось, и мокрому сидеть в седле было неуютно. Теперь я уже не представляю, каким чувством я искал дорогу, скорее всего, лошади шли сами, и, как потом выяснилось, по правильному пути. Ночь была настолько темна, что с седла не было видно даже головы лошади.

Километра через два я уже проклинал себя за то, что съел свинину. В животе поднялась такая буря, что лошадь стала шарахаться в стороны. Надо бы остановиться, но как, если на тебе все мокрое, под ногами грязь по колено, а сверху поливает холодный осенний дождь? Свернул с дороги и только поднял ногу, чтобы перенести ее через круп лошади, как фонтан пробил до голенищ сапог. Читателю остается только представить мое ужасное состояние. Пришлось в такой обстановке разуться, раздеться и снова одеться, выбросив часть казенной одежды. Но ничего другого мне не оставалось.

Догнал свою команду, а через несколько минут въехали на узкую улицу, застроенную одноэтажными домами, какие обычно стоят на окраинах провинциальных городов. Надо было выяснить, Одоев это или какой-нибудь другой населенный пункт, есть ли здесь немцы, и если это Одоев, то как найти пекарню.

Проехали до перекрестка. Остановились. Нас окружала мертвая тишина. Город казался вымершим. Ни одного огонька или звука. Даже собаки не лаяли. Подъехал к дому и осторожно постучал в ставню окна. Тишина. Постучал погромче. Результат тот же. Решил, что в доме никто не живет. Подъехал к другому дому. На стук никто не ответил, но было слышно, как к окну кто-то осторожно подошел. На просьбу открыть окно ответа не последовало. Только после настойчивого требования и угрозы применения оружия окно открылось и владелец мужского голоса ответил, что это Одоев, что немцы в город еще не вошли, что военных в городе нет, и объяснил, как проехать к пекарне.

Пекарня, как я увидел, представляла собой приземистый сарай кирпичной кладки. Во дворе встретили запахи ржаного

хлеба. Переступив порог, я оказался в «царстве небесном». Тепло, сухо и чисто. В центре комнаты топилась внушительных размеров печь. А по левой от входа стене стояли стеллажи с буханками ржаного хлеба. Рабочие, двое мужчин, рассказали, что город переживает тревожные часы. С часу на час, а скорее всего утром, должны войти немцы. На вопрос, почему и для кого они пекут хлеб, ответили, что хлеб они пекут для населения города и работают потому, что они не получили команду погасить печь. Никаких препятствий нам не оказали, даже больше, попросили забрать все, что выпечено, и помогли погрузить. Пока шла погрузка, одну буханку разломили на четыре части и съели. Нас было четверо. Оставив расписку за реквизированное, тронулись в обратный путь. К утру хлеб был доставлен в штаб полка. Теперь я уже не помню, по сколько выдали солдатам и выдали ли, но хорошо помню, что, кроме съеденной в пекарне буханки теплого хлеба, ездовые и солдаты из хозвзвода полка не посмели отщипнуть от буханок даже крошки.

В районе Одоева стояли около суток, и опять марш на северо-восток. Сильно подморозило. Замерзшая земляная корка пушки выдерживала – они были на резиновых колесах. А гаубицы прорезали мерзлоту узкими деревянными колесами, и приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы их выкатить.

Форсированным маршем переправились через реку Упу и вышли из окружения. Марш по немецким тылам закончился. Батареи сразу же заняли огневые позиции. К вечеру выпало довольно много снега. Ночь провели в деревне, а утром узнали, что реку удалось пересечь не всем. Тылы дивизии не смогли оторваться от немецкой колонны и на подходе к реке были разбиты.

Оборона Тулы

Шла последняя декада октября, а у нас уже вступила в свои права настоящая зима. Морозы доходили до 30 градусов. К нашему счастью, всю зиму держался глубокий снежный покров. Думаю, что снег в ту морозную зиму спас многие тысячи солдат. Особенно жестоко страдали от холода мы, окруженцы. За полгода пребывания на фронте порядком обносились. Немалую роль играло и истощение. В районе Брянска закопали ломы, кирки и лопаты, а малые лопаты бросили еще раньше. И теперь, когда стали в оборону, нечем было окопаться. Да и промерзшая земля была прочнее гранита.

Оборону держали по реке Упа, в районе населенных пунктов Порогва, Новое Павшино и станции Бродихино. Установилась ясная морозная погода. Начались ежедневные налеты немецкой авиации. Наши самолеты не появлялись, зато немцы летали где хотели, как хотели и когда хотели.

Еще до выпадения снега получили приказ провести разведку с целью захвата «языка». Нас от противника отделяла река Упа. Не широкая, но течение сильное, а поэтому, несмотря на морозы, лед еще не стал.

Группа разведчиков, восемь человек, подбиралась из добровольцев. Подготовки к операции не было. Даже о лодке не позаботились. Кроме оружия, у нас была одна веревка. Трудно сказать, для каких целей ее брали, может быть, чтобы вязать пленного, но она сослужила большую службу при переправе.

С наступлением темноты подошли к реке. У берега тянулась узкая, сантиметров 30–40, полоска хрупкого льда. А в черной, как тушь, воде плыли отдельные некрупные льдины. По приказу командира разведки старшего сержанта Дрегляйнова нарубили сушняка и связали плотик. Красноармеец Саранин первый разделся и переплыл на противоположный берег реки, перетащив один конец веревки, а затем и плотик с уложенной на него одеждой. Переплыв реку, быстро оделись и двинулись в путь. Озноб прошел. Немалую роль, видно, сыграло нервное напряжение. Шли по территории, занятой противником. Мы уже знали, что немцы ночью не воюют, что они спят по хатам с жарко натопленными печами, что деревни охраняются только на въездах и выездах, и все-таки напряжение не покидало ни на минуту.

К деревне подошли без происшествий, в 200 метрах от ее западной окраины, где вдоль ручья тянулся низкорослый лиственный лесок. Незамеченными от леса по огороду подошли к плетню. Залегли. Прислушались. В деревне ни звука. Затем где-то

несколько раз тявкнула собака, и снова тишина. Решили, что шесть человек, по одному, подходят к сараю, а двое остаются в засаде. Затем трое, подобравшись к дому, должны в него пробраться и действовать по обстановке. Все шло по плану. Уже двое находились у стены сарая, как под ногой Галкина, третьим пробиравшегося к сараю, треснул прут от плетня. И почти в тот же миг от крыльца дома простучала автоматная очередь. Все бросились к речке. К первому автомату присоединилось еще несколько, но преследовать нас не стали. Опять вплавь переправившись через Упу, вернулись все – благополучно, но безрезультатно.

В окружении оказалась только часть нашей дивизии. Через Брянск успели пройти эшелоны с 405-м стрелковым полком, одним батальоном 470-го полка, двумя дивизионами 299-го артиллерийского полка, противотанковый и зенитный дивизионы. Остальные подразделения, в связи с тем что Брянск и Сухиничи немцы уже взяли, разгрузились на станции Хатынь (407-го сп, батальон связи и тылы 405-го сп) и в районе Калуги (616-го сп, дивизион 299-го артполка и тылы дивизии). В районе города Белев к нам присоединилась группа подразделений, разгрузившихся на станции Хатынь. Но дивизия была не полная. Пополнение не получали, и поэтому все время с первого дня боев шли переформирования внутри дивизии и в ее подразделениях. У нас в дивизионе, поскольку все приборы и планшеты были закопаны в брянских лесах, был расформирован взвод топоразведки. Одного красноармейца из запасников командир дивизиона взял личным поваром, а остальные были направлены во взвод разведки. Меня, не знаю из каких соображений, назначили помощником старшины управления дивизионом. Началась несвойственная моему характеру служба по снабжению подразделения питанием.

В то время это было совсем не просто. Дивизию поставили на продовольственное и вещевое снабжение 50-й армии. Но склады, видно, были пусты. Нам выдавали только соль, крупу, редко муку. Рожь хозвзвод полка брал в деревнях и отдавал молоть, а затем ее отдавали для выпечки хлеба по домам в деревнях. Старшина управления – сверхсрочник Шевцов, до войны заведовавший продовольственным складом полка и, видно, испорченный вниманием командования еще до войны, хозяйством совершенно не занимался. Все снабжение легло на мои плечи.

Приходилось очень много ездить. Когда стояла ненастная погода, ездил днем, а в летную погоду – только ночью. Тогда не было четкой линии обороны и война шла за деревни. Деревни

иногда переходили из рук в руки в одну ночь почти или совсем без боя. Сил у обеих сторон было очень мало. Дивизия держала оборону, а иногда даже отбивала деревни, расположенные на расстоянии десяти и более километров. Причем надо учесть, что мы, по существу, держали круговую оборону. На юго-запад и восток. После выхода к Кашире немцы повели наступление на запад. Если это можно было назвать наступлением. Я думаю, что на этом участке вообще наших войск не было.

Так вот, ездить приходилось с большим риском. Едешь по лесу. В санях двое – ты и ездовой. На двоих две винтовки. Вокруг лес. Тихо, ни души. Знаешь, что за лесом справа или слева деревня, занятая немцами, и что между тобой и деревней нет ни одного нашего солдата, что немецкая разведка может беспрепятственно пройти в наши тылы на любую глубину. Что они и делали, и «языков» брали. И наша разведка тоже ходила (позже и я ходил) и тоже брала «языков». Но едешь. Знаешь, что надо. На каждую веточку, выглядывающую из-под снега, гадаешь, что это – елка, пень или залегший у дороги немец. Страха большого не было, но все время присутствовала тревога.

В первых числах ноября, а точнее с 7 ноября, стали выдавать вино или водку, чаще – вино. В мои обязанности входило ежедневно получить на складе ПФС (продовольственно-фуражного снабжения) и привезти старшине спиртное и все, что там было в наличии из продуктов, достать, а вернее, реквизировать в колхозах сено для лошадей, и самое главное – обеспечить подразделение мясом.

В ту зиму, а вернее в первые месяцы зимы, проблему снабжения войск мясом и жирами кто-то решил просто. Каждый батальон и дивизион получал в штабе полка бланки накладных с красной и синей полосой по диагонали. По первой накладной владелец имел право забрать в любом колхозе скот на мясо, оставив взамен заполненную накладную, а по второй – зерновые и сено. С бланком накладной я обычно приезжал в деревню. Шел к председателю колхоза. В то время колхозы были небольшие. В каждой деревне колхоз. Не знаю, получали ли председатели указание сверху или они сами понимали, что армию надо кормить, но я не помню случая, чтобы хоть один из них сказал «нет». Обычно председатель долго думал, у кого взять. Колхозных ферм уже не было. Когда решение было принято, вел в один из домов деревни и приказывал отдать овцу, теленка или корову. Особенно тяжело было хозяйке. Именно хозяйке. Мужчин в деревнях не было. Разве только инвалиды или старики. Сколько было женских и детских слез! Семья лишалась последней кормилицы. Мы тогда считали, что это колхозный скот,

розданный по дворам на время войны. Но так ли это, уверенности нет. В то время все могло быть.

Затем я должен был два раза в сутки накормить солдат и офицеров на передовой. Утром выдавался хлеб на сутки и каша и спиртное. Горячее доставлять удавалось редко. Старшина ухитрился расположить свое хозяйство подальше от дивизиона. Безопасней и дальше от глаз людских. Термосов тогда еще не было, приходилось возить в чем попало, и за дорогу все остывало. Хорошо, если управление и наблюдательный пункт располагались в деревне и была возможность разогреть пищу. А так завтрак солдата проходил в поле. Я уже писал, что в ту зиму мы еще не имели возможности закапываться в землю. Окопы строили из снега.

Привезешь обед в такой окоп, а привезти надо до рассвета, пока не вылетела немецкая авиация, и мороз по коже пробирает. Нет, не от пуль и снарядов, которые здесь свистят в любое время суток, и не от мороза минус 30, от которого тебя не очень защищает твое обмундирование, состоящее из летнего белья, хлопчатобумажных брюк и гимнастерки и шинели. На голове шапка или шерстяной подшлемник. На ногах разбитые сапоги и, если есть, газетная бумага.

Мне казалось, что я был в лучшем положении. Да так и было. Когда я замерзал, была возможность соскочить с розвальней и пробежать, чтобы согреться или даже, если ты проезжаешь по деревне и тебя не лимитирует время, зайти в дом, чтобы обогреться. А как они, солдаты, в том же обмундировании, сутками в окопе из снега и без огня! Костры разжигать было категорически запрещено. Нарушивший приказ становился мишенью для противника. Немцы снарядов не жалели.

Как-то раз дивизион наступал на деревню Луковицы. Наши позиции находились на опушке у низкорослого редкого лиственного леса. Впереди за ровным, как стол, полем – деревня. На переднем плане барская усадьба, а за оврагом – улица деревни. Постройки кирпичные (это я узнал, когда деревню уже взяли). А тогда вдали были видны строения усадьбы и поле с чернеющими на снегу кочками трупов наших убитых солдат.

Рассветало. За бруствером снежного окопа, высотой не более одного метра, двигались посиневшие, дрожащие солдаты. Двигались, чтобы не замерзнуть. Двигались согнувшись, спасаясь от пуль. Противник все время вел пулеметный огонь. Теперь я уже не помню, какие продукты были привезены, кроме хлеба. Но до сих пор помню, с какой радостью и надеждой согреться был принят бурдюк с вином. Но вино замерзло, превратившись в чешуйки. Все попытки разлить вино по кружкам не увенчались

успехом. Тогда один солдат, сам весь продрогший, положил ледяной бурдюк за пазуху. Отогрел его, и каждый получил свои 200 граммов.

Позже я узнал, что получаемое нами плодово-ягодное вино местного производства, и без того низкого качества, Шевцов разбавлял водой. Таким образом, украденного у солдат вина хватало штабу дивизиона и старшине с его многочисленными деревенскими бабами. Похищалось не только вино, но и другие продукты, и не в малом количестве.

Любил выпить командир дивизиона капитан Родионов, но особенно сильно грешил этим политрук – старший лейтенант (фамилию не помню). Дело дошло до того, что политрук стал приказывать, чтобы вино привозили ему. Он сам будет выдавать его личному составу. Не знаю, получали ли в такие дни вино офицеры, но солдаты точно его не получали. Зато командир с комиссаром жили весело. Тогда очень часто меняли позиции, и штаб дивизиона переезжал из деревни в деревню. Так вот, еще до переезда отправлялся квартирьерский разъезд в составе начальника разведки и одного-двух разведчиков для подыскивания для штаба приличной хаты с хорошими девушками.

Я не мог смириться с положением, что солдаты обкрадываются как бы при моем содействии, и еще труднее было видеть, что разворовывается последнее, отнятое у крестьян. Когда я стал протестовать против незаконных действий, Шевцов большого значения этому не придал. Надеялся на силу командира, но вино в штаб стал все-таки возить сам.

К нашему счастью, очень скоро комиссар исчез. Нам сказали, что его взяли на учебу. Мы в этом очень сильно сомневались. Исчез бесследно и старшина Шевцов. Старшиной назначили личного повара командира дивизиона красноармейца Защепкина, а я принял отделение топоразведки. А вскоре командиру дивизиона майору Родионову осколком оторвало ногу. Командиром был назначен бывший командир батареи старший лейтенант Антонов, комиссаром – политрук Кавицкий.

Может быть, мне и следовало тогда сообщить о безобразиях вышестоящему командованию, но думаю, что я поступал правильно, не сделав этого. Командование полка (я не знаю, что делалось в дивизии и выше) грешило тем же. И не только в ту зиму, но и на протяжении всех военных лет.

7 ноября к нам, в управление 1-го дивизиона, приехал начальник штаба полка майор Авралёв. Мы его знали еще по довоенной службе в Чирчике как скромного, знающего свое дело офицера. Под Ташкентом он служил в той же должности, только в

звании капитана. А тут он даже к нам в дивизион не постеснялся приехать с девушкой. Когда нас поздравляли с праздником 24-й годовщины Октября, Авралёв в свое оправдание сказал: «Вы не думайте, что это моя девушка». Мой командир взвода, младший лейтенант (к большому сожалению, фамилию его не помню), умный, трезвый командир из запасников или приписников, тут же заметил: «Что вы, что вы, мы знаем, что полковая». Может быть, это и явилось причиной скорого исчезновения младшего лейтенанта. Скорее всего, от него постарались избавиться. Вероятно, отправили во вновь формирующиеся полки и батальоны. Неугодных артиллеристов обычно отправляли в пехоту. А Авралёв? Изменил он свое поведение после этого? Да нет. Потом он стал командиром полка и все время возил с собой девушек. Я позже напишу, как на этой почве даже преступления совершались.

Несколько слов о том, почему у нас формировались новые подразделения. Наша дивизия вышла из окружения не в полном составе. Знамя осталось в эшелоне с тылами дивизии, разгрузившемся в Калуге. А нет знамени – нет дивизии. И вот для того, чтобы не расформировывать почти три полка, нам дали знамя другой дивизии, вынесенное из окружения группой штабных офицеров 258-й сд. С этого времени наша дивизия стала называться 258-й стрелковой.

Как-то в дивизионе произошло чрезвычайное происшествие. В первой батарее старший сержант, командир орудия, застрелил красноармейца, сапожника хозяйственного отделения своей батареи. Застрелил ни за что, и никто с него за это не спросил. Правда, он и сам скоро погиб в бою, но тогда его поступок в солдатской среде вызвал много разговоров.

А дело было так. Переправившись через реку Упу, батарея стала на огневую позицию. Хозяйка дома, где разместилось хозяйственное отделение, угостила бойцов медом. И в это время в дом зашел командир орудия и попросил или приказал отдать ему мед. Сапожник, который никак не был подчинен старшему сержанту, мед не отдал, за что и был выведен из дома и в 10 шагах от крыльца застрелен из нагана в затылок. Мотивировка – невыполнение приказа.

Не успели утихнуть разговоры о первом ЧП, как случилось новое происшествие. Вторая батарея ночью сменила позицию. Огневики всю ночь копали капониры для пушек и укрытия для боеприпасов и личного состава. На рассвете, оставив на огневой дежурными двух красноармейцев, все ушли в деревню отдыхать. Комиссар батареи – помполит, носивший в то время четыре треугольника, уже отдохнувший, пошел проверять дежурство.

Застав дежурных дремавшими, сидя на станинах пушек, поднял батарею по тревоге и перед строем собственноручно их застрелил. Помполит затем рос как на дрожжах. Уже в 1944 году он носил погоны полковника-политработника. На фронт он уходил рядовым. Правда, уже тогда он был очень активным коммунистом. Я его запомнил по выступлению на митинге по поводу подписки на заем. Тогда он заявил, что подписывается на 100 % своего солдатского денежного содержания и призывал последовать его примеру.

Мой бывший однополчанин, связист (по профессии – художник), а с 1943 года заведующий клубом полка (и такая была должность) писал мне, что он уже в семидесятые годы спрашивал бывшего помполита, как он оценивает тот свой поступок с расстрелом опухших от голода солдат. Комиссар вести разговоры на эту тему отказался.

На конкретном примере хочу показать, в каком состоянии была наша и немецкая авиация.

Поддерживаемый нашим дивизионом стрелковый полк наступал на деревни Луковица и Конево. Стояла ясная морозная погода. Я до рассвета привез на НП вино, хлеб и завтрак. И как ни торопился быстрей раздать, вовремя уехать не удалось. Пока разогревали вино и делили хлеб, стало рассветать. Ездовой нахлестывал лошадь. Надо было проехать лесом, проскочить безлесную равнину километра два в поперечнике, затем проехать по деревне, опять километра полтора по полю вдоль леса, а в следующей деревне уже стоял хозвзвод.

При выезде из леса на поляну дорога разветвлялась, и ездовой вместо правой дороги поехал по левой, которая сначала шла по опушке, а затем сворачивала в лес. Пока мы размышляли, повернуть ли нам назад или ехать по этой дороге дальше, в небе показались немецкие самолеты. Действовали они нагло, безнаказанно. Прощупывали каждую деревню, каждую полевую дорогу. Как-то я ездил в деревню. Если не изменяет память, это была деревня Павшино, я сам видел следы, и мне рассказывали, что немецкие самолеты летали на бреющем полете по широким улицам деревни и вели огонь из всех видов оружия.

Надо было маскироваться. Лошадей с розвальнями мы свели с дороги и поставили в лес, где погуще. Сами легли за стволы деревьев по другую сторону от дороги. Но наши хитрости не помогли. Первый же самолет, пролетавший вдоль дороги, нас обнаружил. Развернулся и сделал два захода, обстреливая из пулемета. С третьего захода пробомбил, и наступила пауза. Самолеты ушли на заправку. А мы поторопились за это время добраться до деревни.

Мы уже были на перекрестке в центре деревни, когда первый же самолет первой же очередью смертельно ранил нашу лошадь. Это была моя Стрела. Стрела, которая служила мне еще в довоенное время и прошла уже полгода по военным дорогам. Пуля попала где-то в лопатку и вышла в нижней части шеи под хомутом. Из выходного отверстия ударил фонтан крови. Стрела остановилась, широко расставила ноги, как будто стараясь не упасть, затем ноги подкосились, и она рухнула на оглоблю.

Господство немецкой авиации продолжалось вплоть до осени 1943 года, на всем нашем маршруте до Днепра. Только во время боев на плацдарме на правом берегу Днепра мы наконец почувствовали наше равенство в воздухе.

* * *

Бои за деревни Луковицы и Конево закончились успешно. В очередной приезд свой наблюдательный пункт я нашел уже в деревне Луковицы.

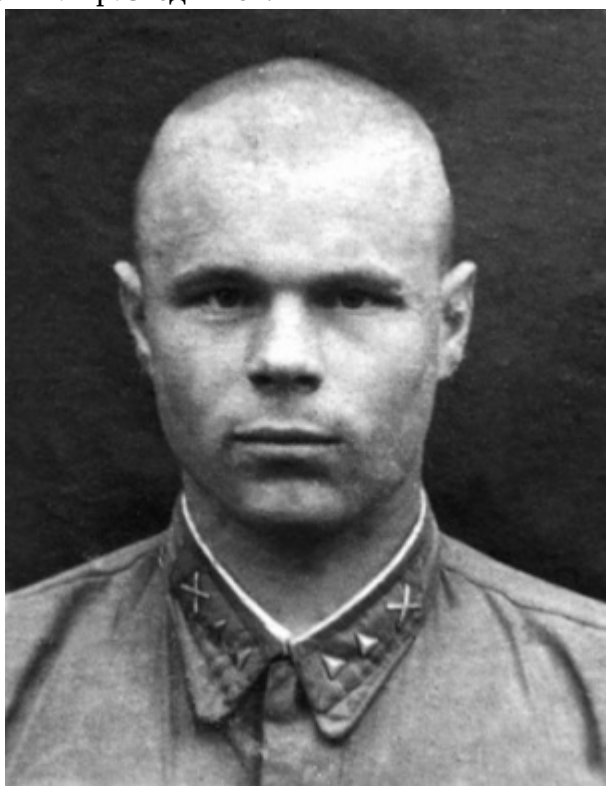
На подступах к деревне лежали многочисленные трупы наших солдат. А на территории прекрасного парка бывшей помещичьей усадьбы были видны и трупы в шинелях мышиного цвета. Когда на следующие сутки наш взвод переехал в деревню Луковицы, немецких трупов там уже не было. Я тогда еще возмущался, что наши убитые еще лежали на заснеженном поле, а немцы уже убраны. Но на деле оказалось иное. Трупы немецких солдат, так же как, впрочем, и наших, не были похоронены. Деревенские мальчишки использовали их для катания с горок.

Земли Тульской и Орловской областей сильно изрезаны оврагами, местами очень живописными, с протекающими по дну речками. Это прекрасные горки для саночников и лыжников. Очень часто деревни строились по краям оврагов, и деревни Луковицы и Конево не были исключением. Не знаю, что толкнуло мальчишек – отсутствие ли санок и лыж или ненависть к чужеземцам, но трупы немецких солдат они использовали для своих развлечений. Подбирались для этого скрюченные трупы. Спина обливалась водой, и, когда вода замерзала, средство для катания с горки было готово. Ребята затаскивали труп на горку, становились на то место, где был живот, и, держась за ноги, со смехом скатывались вниз…

Разведка на восток

Шел второй месяц оборонительных боев под Тулой. Противник всеми силами старался сомкнуть кольцо окружения города. Но, несмотря на то что наши батальоны уже сильно поредели, сделать это ему не удавалось. Думаю, что на нашей стороне воевал и мороз. Мы были обмундированы ничуть не лучше немцев, но мы с детства приучены к холодам. Наша печать много писала, как мерзнут немцы. Да и сами мы видели убитых немцев, закутанных в реквизированные в наших деревнях женские платки и в огромных размеров соломенных чунях на ногах.

Наш взвод был снова узаконен. Возглавил его бывший разведчик, младший лейтенант Михайлов. Сибиряк. Смелый, знающий свое дело офицер-разведчик. По ряду причин, в частности, из-за частой смены позиций, отсутствия оптических инструментов, частого использования батарей на прямой наводке, да и из-за того, что командир сам был из разведки, нас чаще всего использовали как разведчиков.



На фронте. 1941 или 1942 г.

В первых числах декабря я был отправлен в штаб полка. Управление нашего дивизиона и первая батарея 76-мм пушек стояли в деревне Конино, а штаб полка, кажется, в деревне Воскресенское. Получил приказ провести разведку линии обороны, а вернее, установить, в каких населенных пунктах в восточном от нас направлении находится противник. Группа в количестве восьми человек была в основном укомплектована разведчиками полка. Кроме того, нам было придано по одному человеку от каждого дивизиона. На вооружении – винтовки и два автомата. Транспортные средства – двое розвальней, запряженных лошадьми, и две лошади под седлами. Для чего мы взяли верховых лошадей, я не знаю. Ехать в седле при морозе 30–40 градусов, какие тогда стояли, было невозможно. Всадник на первых же километрах пути отмораживал половые органы. А поэтому в седла никто и не садился. Верховые лошади шли в поводу за санями.

Выехали в конце дня. В первых двух деревнях еще встречались наши солдаты. Третьим на пути был совхоз «Богучар». В поселке уже никого, кроме местного населения, не было. Место мне показалось очень живописным. Совхозные яблоневые сады и посадки ягодных кустарников. Виднелись ряды ульев совхозной пасеки. Сам поселок из одноэтажных и нескольких двухэтажных домов располагался между садами и лесом. Хвойный лес, что большая редкость в Тульской области, с востока вплотную подступал к жилым домам. Ночь. В поселке стояла мертвая тишина, но жители не спали. Узнав, что приехали солдаты Красной Армии, люди стали выходить из домов. У конторы совхоза нас окружили женщины.

Нас интересовало, где немцы, жителей – что будет с ними. Придут ли сюда наши войска, чтобы защитить их от немцев. Нам им ответить было нечего, а они нам рассказали, что немцы находятся совсем рядом, в поселке Ревякино – в двух-трех километрах, и на станции Ревякино, в 6 км от усадьбы совхоза. Обсаженная елями дорога на пос. Ревякино открыта. Наших войск нет. Население спать не ложилось. Немцы могли появиться в любую минуту.

Исполняющий обязанности директора совхоза – так он отрекомендовался, – невысокого роста мужчина лет 35–40, совершенно растерянный, предлагал забрать находящийся в ульях мед. «Все равно немцы все заберут», – говорил он.

Мед мы, конечно, взять могли, но я не мог себе представить, как можно открывать улей зимой. Это значило заморозить пчел. И я отказался. Теперь уже не помню, сколько еще деревень от совхоза Богучар мы проехали до железнодорожной станции

Хомяково. В центре одной из них, у крыльца дома, стоявшего рядом со зданием сельсовета, были привязаны две лошади, запряженные в сани. А в комнате дома сидели две молодые женщины, одетые в пальто. Одна из них – председатель сельсовета, а вторая – врач, готовые при появлении в деревне немцев бежать в Тулу.

Станционный поселок Хомяково выглядел вымершим. Только у складских помещений элеватора дежурило несколько вооруженных винтовками рабочих. Они рассказали, что ожидают прихода немцев от станции Ревякино, то есть со стороны Москвы, поскольку Ревякино в руках у немцев и наших войск здесь нет. В их обязанности не входит оборона станции, и они оставлены, чтобы взорвать элеватор и склады с пшеницей. Не сделали же этого до сих пор потому, что жалко уничтожать хлеб. А вдруг немцы не придут? Тогда сооружения и хлеб будут уничтожены напрасно. Склады и элеватор заминированы, и они зажгут бикфордовы шнуры, как только появятся немцы, а сами уйдут в Тулу.

Я зашел в один из складов. Это очень больших размеров помещение было наполовину загружено мешками с пшеницей. Мы попросили у них овса для лошадей. Овса не оказалось, пришлось нагрузить сани мешками с пшеницей. Поблагодарив рабочих за информацию и пшеницу, двинулись в обратный путь. До рассвета надо было вернуться в полк.

До совхоза «Богучар» доехали без приключений. Это было примерно на середине нашего маршрута. В скверике у конторы совхоза остановились, чтобы дать отдохнуть лошадям. Нас сразу же окружили жители. Спать они, видно, так и не ложились. Узнав, что у нас в санях пшеница, стали предлагать за нее вино, гусей и еще что-то. Одна женщина даже принесла пятилитровую бутыль вина. Опять подошел заместитель директора совхоза и пригласил в контору. Налил по стакану красного вина (совхоз плодово-ягодный и имел свой винный завод). Опять стал упрашивать забрать мед. Но неожиданно разговор был прерван. Открылась дверь, и оставленный мною часовым у подвод ездовой Евсеев крикнул из-за порога: «Немцы!» Евсеев на ходу рассказал, что он видел, как с дороги на одну из улиц свернула группа немцев. Пока мы выезжали из сквера, подбежали несколько женщин и рассказали, что пришло человек двадцать немецких автоматчиков. Спрашивали у них дорогу в деревню (название не помню). К счастью, они нас не заметили и маршрут их был в противоположную от нашего сторону, к железнодорожной станции Хомяково.

Вернулись без приключений, если не считать

перевернувшегося воза, да еще того, что при погрузке выпавших из саней мешков я упал и очень сильно разбил об градку саней щеку. До рассвета мы были в деревне, где стояли тылы полка и располагалось хозяйство нашего старшины. Разведчики ушли в свои подразделения, а я, позавтракав, поехал в штаб полка. Доложил обстановку помощнику начштаба полка по разведке. В хозвзвод возвратился к вечеру. Решил там переночевать и пораньше выехать, чтобы к рассвету уже быть в дивизионе. Стояла ясная морозная погода, и днем передвигаться было нельзя, так как немецкие самолеты безнаказанно господствовали в воздухе. После сытного обеда и бессонной ночи я мертвым сном уснул в теплой избе.

Поднялся до рассвета. Старшина уже погрузил в возок продукты для управления дивизиона и первую в эту зиму партию зимнего обмундирования для командного состава. Это было пять пар валенок и столько же моряцких бушлатов. Только собрались впрягать в возок лошадь, как подъехал старшина батареи, стоявшей в Конево, старший сержант Кондаков. На мою просьбу подождать, чтобы ехать вместе, Кондаков лишь крикнул «Догоняй!» и щелкнул хлыстом. Когда проехали Воскресенское, стало заметно рассветать. Дорога пошла под уклон, и лошадь бежала легко. Тихо. Мороз под 40 градусов. Оставалось проехать вторую половину спуска, мост через речку и небольшую высотку. За высоткой уже Конево. Но неожиданно справа от возка вырвались фонтанчики снега. Я знал, что до противника минимум полтора километра, однако хлестнул лошадь и, взглянув вперед, увидел, как трассирующие пули пересекают дорогу, и услышал справа впереди работу немецкого пулемета и в ответ ему пулеметные очереди из деревни Конево. Привязав лошадь к перилам моста, сначала в рост, а затем по-пластунски поднялся на высотку. Впереди открылась картина боя. Конево обстреливалось из пулеметов из-за речки и из деревни Луковицы. Быстро светало. Только стал отползать назад, как меня заметили. Кругом вспыхивали фонтанчики снега. Затаился, но лежать нельзя, ноги теряют чувствительность. Замерзли. Только зашевелился, как огонь возобновился. Пришлось выбирать: замерзнуть или быть убитым. Отполз в недосягаемое для пулеметов пространство и попытался встать на ноги, но не смог. Обеих ступней ног как будто не было. На мое счастье, в этот момент, вероятно из деревни Луковицы, отходили какой-то младший политрук в шинели, изрешеченной на спине пулями, и красноармеец. Видя мое положение, помогли мне добраться до возка. Сели и сами. Солдат взял вожжи, и мы благополучно миновали зону обстрела. Политрук с солдатом остались в

Воскресенском, а я поспешил дальше, чтобы вернуться в хозвзвод. Надо было спасать ноги.

Идти сам я не мог. Меня внесли в хату и положили на скамейку. Разрезали кирзовые голенища сапог и ботинки. Самих сапог уже давно не было, а голенища я использовал как краги к ботинкам. Оторвали примерзшие к ногам портянки и ботинки, и обнаружилось, что обе стопы до лодыжек замерзли. Женщины – хозяйка и ее постоялицы – запричитали, но, не теряя ни минуты, приступили к работе. Одни, вооружившись чугуном, бросились за снегом, другие стали искать шерстяные тряпки. Меняя друг друга, они работали до пота, растирая мне ноги до тех пор, пока они не ожили. Было больно, даже очень больно. Тот, кто не испытал боль при обморожении, этого не поймет. Я до сих пор благодарю этих простых деревенских женщин, сохранивших мне ноги. Правда, следы обморожения остались. Двадцать пять лет оставались незаживающие язвы, да и после они периодически открывались, но я все же остался с ногами. Остался в строю. И после войны уже более 50 лет на ногах. Иногда тяжело, но хожу. В послевоенные годы хирурги говорили, что оттирание отмороженных частей тела – это варварство, что я должен был обратиться к врачу. На что у меня всегда один ответ: пока бы меня везли в неизвестно где развернутый медсанбат, ноги бы замерзли до колен и их бы запросто ампутировали. А затем СМЕРШ выдал бы заключение, что отморожение получено в результате членовредительства. А далее был бы приговор. Только один. Каждый, кто прошел войну, знает много таких примеров. У нас, еще в окружении, в брянских лесах, расстреляли сержанта только за то, что у него сонного у костра сгорел задник сапога и обгорела пятка.

Старшина принес огромные валенки. Думаю, что снял их со своего ездового, почти двухметрового роста казака, и новые портянки. С трудом натянул я их на больные, местами с большими потертостями, ноги. С помощью солдат добрался до возка. Старшина по моей просьбе дал своего лучшего ездового Лутцева.

Я знал, что немцы ночью атаковали деревни Луковицы и Конево. Это я видел сам, и кое-что мне рассказал младший политрук, пока мы выбирались из-под пулеметного огня. Поэтому я решил ехать в штаб полка. Начальнику штаба полка майору Авралёву, видно, доложили, в каком я состоянии. Майор вышел из хаты, подошел к саням и рассказал чуть больше того, что я уже знал: что деревня Луковицы нами оставлена, что в Коневе идет бой и связи с капитаном Родионовым (это командир дивизиона) нет. Я, в свою очередь, рассказал, что сам видел утром.

– Если можешь, попробуй, проберись в деревню Конево, – не

приказал, а попросил майор.

Принесли карту. Прикинули, где с большей вероятностью можно прорваться в окруженную деревню. Получил устный приказ командиру дивизиона: «Деревню оставить! Из окружения вырваться!» Что было очень важно, поскольку действующий приказ «Ни шагу назад!» не позволял оставить занимаемую позицию. За его нарушение командир мог лишиться не только звания и должности, но и головы!

День клонился к вечеру. Мороз набирал силу. Выехали в поле и повернули вправо на канонаду боя. Деревня осталась справа. Неглубокий снег позволял свободно двигаться по целине. Въехали в редкий лиственный лес, который метрах в ста впереди кончался, и начиналась поляна с уклоном в сторону деревни. По-пластунски, маскируясь за деревьями и кустарником, подползли к опушке леса. Перед нами как на ладони открылось поле боя. Место, где мы залегли, оказалось исключительно удобным наблюдательным пунктом. Даже без бинокля были видны места расположения минометных батарей и пулеметов противника. Прямо перед нами лежала дорога, по которой я утром ехал в Конево. Сейчас она была пуста. За дорогой речка с берегами, поросшими кустарником. Теперь они без листвы и обозначают контуры русла. Поросший кустарником противоположный берег круто поднимается вверх. Сама речка уходит в сторону деревни Конево, деля ее на две неравные части, и далее в деревню Луковицы, а в другую сторону – к селу Воскресенское. С нашей стороны, правее нашего наблюдения, вторая речка под прямым углом впадает в первую. Высокий берег речки позволял противнику хорошо просматривать нашу оборону и вести прицельный огонь.

Деревня Конево (домов 30–35) непрерывно обстреливалась немецкими минометными батареями и из пулеметов. За какие-нибудь полчаса наблюдения я насчитал и определил расположение трех минометных батарей. Одна из них вела огонь из деревни Луковицы, вторая – из сада бывшей помещичьей усадьбы, что находилась левее Луковиц, а третья – из оврага, который врезался в речку правее конюшен совхоза. По вспышкам хорошо были видны и места пулеметных гнезд. В Коневе были видны разрывы мин и слышался редкий ружейный огонь.

Оценив обстановку, я решил, что здесь пытаться прорваться в деревню рискованно. До деревни было метров 800 открытого, хорошо простреливаемого пространства, еще и с уклоном в сторону противника. На этом участке даже слабенький артиллерист поразит цель. Да и пулеметы справа из-за речки достанут. Решил испытать другой участок леса, левее, где деревья

подступали значительно ближе к деревне, располагаясь метрах в трехстах. И спуск к деревне там был значительно круче, что позволяло преодолеть это расстояние значительно быстрее.

Мы вернулись к саням, потом углубились в лес, проехали до нужной нам точки и повернули вправо по направлению к деревне. Стрельба и разрывы позволяли ориентироваться безошибочно. Снова, стараясь себя не демаскировать, выползли на опушку и оценили обстановку. Прямо на нас выходила дорога, которая метрах в ста от деревни под прямым углом поворачивала в сторону бывшей помещичьей усадьбы. Лутцев подвел лошадь к опушке. Я завалился в сани. Несколько минут бешеной скачки – и мы уже скрыты от глаз противника домами деревни. Подъехали к штабу дивизиона. Лутцев остался с лошадью, чтобы поставить ее в сарай, а я побежал в дом.

В доме темно. В окнах вместо стекол – подушки и скрутки из тряпья и одежды. Командир дивизиона, начальник штаба и другие офицеры и солдаты сидят или лежат на полу. Подниматься выше подоконника опасно – залетают осколки и пули. Передал приказ начальника штаба полка. Офицеры с радостью сменили сапоги на валенки. Майор Родионов решил, не дожидаясь темноты, доложить штабу полка обстановку. Ефрейтору Саранину приказали в седле, уже испытанным мною маршрутом, выскочить из деревни. Оседлали лошадь, и двое сопровождающих повели ее в поводу до выхода из деревни. Но через некоторое время Саранина привезли с ранением в щеку. Лошадь убита. Вторую попытку установить связь делать не стали.

Перед немецким наступлением наш наблюдательный пункт у деревень Конево и Луковицы был вынесен вперед, на высотку, расположенную метрах в 700 от деревни Луковицы. Это был небольшой оборудованный телефонной связью окопчик, накрытый плащ-палаткой. В ту ночь на НП дежурили помощник командира взвода разведки старший сержант Дрегляйнов и один связист, фамилию которого не помню, – невысокого роста солдат лет тридцати, из запаса. Летом 1942 года он погиб. Пехоты ни впереди, ни на рубеже НП не было. Она занимала оборону в самой деревне Луковицы.

Старший сержант Дрегляйнов обнаружил немецкую пешую колонну, когда она уже прошла мимо наблюдательного пункта между деревней и НП. Телефонный кабель, видно, примело поземкой, и колонна прошла через него, не заметив.

Дрегляйнов посчитал себя отрезанным от дивизиона и ничего другого придумать не мог, как бежать в деревню, где находился штаб полка. А оставшийся на НП связист сообщил о случившемся в штаб дивизиона и оставался на месте, пока не получил приказ

покинуть НП. За это он был награжден орденом Красной Звезды.

Пройдя мимо НП, немецкая колонна разделилась на две части. Одна круто повернула направо на Луковицы и заняла ее, выбив малочисленную роту, занимавшую там оборону без артиллерийского прикрытия, а вторая напала на деревню Конево, где стояли штаб нашего дивизиона, 1-я батарея и одна рота, такая же малочисленная, как и в Луковицах.

Деревня Конево речкой разделена на две части. Меньшая часть – не более десяти домов, совхозная конюшня и еще кое-какие постройки – находилась за речкой на стороне противника. В этой части деревни и располагался личный состав батареи, а в пустующей с начала войны конюшне теперь стояли лошади батареи. Огневая же позиция батареи находилась на противоположном берегу речки у огородов. Таким образом, получилось, что, когда противником были заняты Луковицы, жилье и коновязи оказались впереди самой батареи и сектор стрельбы стал проходить чуть левее своей же конюшни. Пехота тоже находилась в самой деревне, и когда немцы обошли Луковицы слева, они вышли на незащищенную часть Конева.

Спас батарею дневальный топившейся батарейной кухни, вовремя заметивший на снежном поле приближение немецкой колонны. Поднятые по тревоге огневики убежали на батарею, а ездовые – на конюшню. Немцы без единого выстрела заняли эту часть деревни. А когда при попытке перейти речку получили отпор, атаковать деревню не стали, а занялись подготовкой к осаде.

Они обошли деревню слева и установили пулеметы, перерезав дорогу, связывавшую деревню с внешним миром. Вторая дорога на Луковицы уже была перерезана. В овраге у речки установили минометную батарею, и началась осада. Деревня была взята в подкову. Разрыв в этом круге приходился на поле шириной около 300 метров, круто поднимающееся от деревни к лесу. Загадка: почему немцы не вошли в лес на холме, буквально нависающем над деревней? Скорее всего, побоялись повернуться спиной к расположению наших войск. Если бы они это сделали, тогда и деревня, и батарея были бы у них как на ладони. Может быть, они не хотели мерзнуть, оторвавшись от жилья, или, может быть, посчитали, что поляна и так надежно перекрывается не только минометным огнем, но и пулеметами.

Командир дивизиона, узнав, что батарея лишилась лошадей, приказал командиру батареи отбить у противника конюшню.

Огневики, оставив пушки, взялись за винтовки. В атаку батарейцев повел командир батареи старший лейтенант – молодой темпераментный грузин. К сожалению, фамилию уже не

помню. Положение атакующих усложнялось тем, что они не могли вести артиллерийский огонь по конюшне, надо было сохранить лошадей. И все-таки внезапность атаки и храбрость солдат и командира сделали свое дело. Конюшню отбили. У стога сена нашли ездового с простреленными автоматной очередью ногами. А второй спрятался в ясли конюшни и остался жив. Не пострадали во время боя и стоявшие в конюшне лошади.

Бой за деревню шел весь день. К вечеру, когда я оказался в деревне, наша батарея уже отбила у немцев конюшню конезавода и дома за речкой, где до нападения находились расчеты. Лошадей вывели в деревню, а солдаты отошли на батарею. После этого часть деревни за речкой снова была оставлена противнику, поскольку защищать ее было некому. Вынесли и наспех похоронили погибших. В этом бою, поднимая в атаку огневиков, от ранения в шею погиб командир батареи – молодой, энергичный и бесстрашный офицер.

С наступлением темноты в центр деревни стали стягиваться немногочисленные группы пехотинцев. Разрывы мин на улицах стали реже. Снялась с боевой позиции и батарея, на которой уже не осталось снарядов. Поскольку дорога, ведущая в наш тыл, была перерезана противником, двинулись по полю. Отсутствие техники и наступившая темнота позволили нам покинуть деревню незамеченными и без приключений прибыть в расположение штаба полка.

На маршруте я поговорил со старшиной батареи. Он раненый лежал в санях. Рассказал, что, ничего не подозревая, проехал мост через речку, поднялся на гребень холма и примерно в том же месте, где и я, попал под пулеметный огонь. Ему ничего не оставалось делать, как только гнать лошадь вперед. Кондаков и его лошадь были ранены, но успели прискакать в деревню под защиту каменных сооружений.

Батарея заняла новую огневую позицию у одной из двух огромных конюшен конезавода в селе Воскресенское, а мы – в каком-то подсобном помещении этой фабрики лошадей для нашей славной конницы. Ночь прошла спокойно, а утром за речкой неподалеку от села появились немецкие танки. Мы хорошо их видели и слышали. Они весь день перемещались вдоль речки. А мы, заняв оборону, весь день ждали, когда они перейдут речку и выбьют нас из села. По-другому и быть не могло. Винтовочным огнем мы бы их не остановили, а снарядов на батарее не было. Но все кончилось «миром». Мы тогда в своей среде пытались разгадать причину такой нерешительности противника и сходились на том, что у немцев не было разведданных. Не знали они, кто перед ними стоит, а идти на

авантюру, видно, не решились.

Здесь мы впервые увидели, как противник применял тяжелые бомбардировщики. Точно посередине между двумя конюшнями осталась огромная воронка от бомбы, такая большая, что в ней свободно поместился бы деревенский дом, если его поставить вниз крышей.

Это были последние дни ноября. Противник перешел в наступление от Каширы на запад, перерезал железную дорогу Тула – Москва и уже замыкал кольцо окружения вокруг Тулы. Дивизия оборонялась в двух направлениях – на запад и на восток. Расстояние между выступающими навстречу друг другу частями противника составляло не более пяти километров. Деревни переходили из рук в руки. Наши подразделения были так малочисленны, что ни один полк не мог бы всем своим составом укомплектовать и батальон. А фронт обороны дивизии был огромен. Вот и приходилось командованию затыкать дыры, чуть ли не ежечасно перебрасывать батальоны, роты и батареи из деревни в деревню. Бои шли только за деревни. Все пространство между деревнями было ничейной землей.

Нас вечером того же дня тоже сняли и бросили в ночной бой за какую-то деревню. Хорошо помню, как темной ночью деревня появлялась перед нами. Все ближе разрывы снарядов и стук пулеметов. Батареи стали занимать огневые позиции, а мы, управленцы – каждое отделение, – занялись своим делом. Мы, несколько человек вместе с командиром дивизиона, отправились на связь с командиром поддерживаемого батальона пехоты.

В полночь стал слышен бой в глубине немецкой обороны. Командир батальона предположил, что в тыл немецкой обороны вышел один из батальонов наступающего полка. Огонь противника на нашем направлении стал затихать. А к рассвету мы вошли в деревню.

Позднее выяснилось, что командир дивизиона был прав, что, пока полк атаковал деревню с востока, в тыл противника, перерезав единственную дорогу на запад, вышел один из батальонов. В результате немцы вынуждены были оставить деревню, а в ней и на дороге на запад – машины и артиллерию. Нами было захвачено 4 полковых орудия, 16 минометов, 30 пулеметов, 4 автомашины с боеприпасами, 5 повозок с продовольствием и кухня.

Мороз стоял за 20 градусов, и солдаты сильно промерзли. У всех было лишь одно желание – обогреться и уснуть. Зашли в первый попавшийся дом и были поражены горем хозяйки. Молодая женщина металась по комнате и рвала на себе волосы. Оказалось, что во время боя за деревню в ее дом вошли двое

немцев. Видно, обогреться. И в это время заплакал лежавший в люльке ребенок. Тогда один из солдат взял ребенка за ноги, ударил головой об печь и выбросил за порог. Это было первое увиденное и поэтому так хорошо запомнившееся мне зверство немцев.

Наступление

6 декабря 1941 года, когда до конца войны оставалось три года и пять месяцев, полки дивизии перешли в наступление. Отмечу одну деталь. Если осенью 1941 года расстояние от Брянска до Тулы, отступая, мы прошли за один месяц – с 6 октября по 7 ноября, то наступая, к городу Болхов Брянской области (начальный пункт нашего отступления) вышли только в конце июля 1943 года, преодолев то же самое расстояние за 1 год и 7 месяцев непрерывных боев. Немцы двигались по нашей территории в 19 раз быстрее нас. И потери немецкой армии были примерно во столько же раз меньше наших.

Теперь, когда празднуют Победу в Великой Отечественной войне, мне становится не по себе. Я думаю, что отмечать праздник Победы, кричать о Великой Победе могут только отъявленные эгоисты или даже ненормальные люди. Разве можно праздновать Победу, когда наши потери были в несколько раз больше потерь противника. Это только потери убитыми, а сколько искалеченных! Сколько горя и страданий перенесли оставшиеся живыми мужчины, женщины и дети. На фронте и в тылу. Сколько материальных ценностей, созданных поколениями, мы потеряли. Все это даже близко нельзя сопоставить с потерями и страданиями народа Германии. Я говорю это со знанием предмета. Я дважды прошел по своей территории – с запада на восток и с востока на запад, а потом и по территории Германии до самой Эльбы. Я все это видел своими глазами.

Дивизия наступала в южном направлении. Стояли сильные морозы. Температура опускалась до минус 45. Можно себе представить положение солдат, одетых в летнее обмундирование. Наша пропаганда в ту зиму очень много места на страницах газет и в листовках уделяла положению дел с зимней одеждой в немецкой армии. Да, это была правда. Мы видели убитых немецких солдат в соломенных ботах, одетых на кожаные сапоги или ботинки, с укутанными в бабьи платки головами или одетыми под мундиры шерстяными кофтами, отнятыми где-то у населения. Все это так. Но мне кажется, что недостойно осмеивать немецкую армию, когда своя находилась в еще более худшем положении. Немецкие солдаты были одеты в такие же, как и у нас, шинели, но в шерстяные мундиры и шерстяное нательное белье, а на ногах у них были сапоги и шерстяные носки. Мы же в то время были одеты в хлопчатобумажные гимнастерка и брюки и в белье из простынной ткани. На ногах – сапоги или ботинки с обмотками и тонкие хлопчатобумажные

портянки. Преимущество у нас было в головных уборах. Шапки-ушанки нам начали выдавать раньше, чем немцам. Надо заметить, что с шапками у них, видно, и в последующие годы дело было поставлено плохо. Я знаю случай, когда зимой 1942/43 года немец выменял у нашего солдата шапку на автомат «шмайссер».

Кроме того, немцам, чтобы спасаться от холода, видимо, было разрешено заниматься мародерством – отбирать у населения теплую одежду и одеяла, что для нас было невозможно. За мародерство у нас расстреливали без суда и следствия, и это, очевидно, было правильно. Не будь такого закона, наша армия разграбила бы все до основания, и тогда не выжить бы мирному населению. И второе: у нас даже в самых трудных условиях не позволялось отступление от установленной формы одежды.

Отмечу еще одно преимущество немецкого солдата перед советским. Немецкий солдат был хозяином на нашей земле. Я уже писал о снабжении действующей армии в зимнюю кампанию 1941/42 года. Наш солдат никогда не чувствовал себя сытым. А голод на морозе переживается намного труднее, чем в тепле. Население же, даже при всей доброте, не могло нас прокормить. Люди сами были полуголодные или голодные. Правда, бывали случаи, когда хозяйка дома варила и ставила нам на стол чугунок картошки в «мундире». Но это было редкостью. Немцы же, как нам казалось, снабжались хорошо. В ранцах убитых, в разбитых повозках и машинах мы всегда находили консервы, черный хлеб длительного хранения, чай и другие продукты. Я не знаю, как много продуктов немецкий солдат получал у своего каптенармуса и почему у него всегда был кусок хлеба про запас, но немецкий солдат мог к тому же брать и у населения все, что ему вздумается, что он и делал. По рассказам местного населения, немцы очень любили сало, масло, кур, молоко. Мы же больше чем на угощение картошкой не рассчитывали.

В первые дни наступления мы освобождали деревни, где дома полностью или частично уцелели. Немцы отступали, оставляя деревни целыми. Мы их занимали и размещались по домам. Командование распределяло улицы или дома по подразделениям, нижестоящие командиры, в свою очередь, – по ротам, взводам и отделениям. В доме можно было обогреться, поесть, если старшина привезет что-нибудь или хозяйка окажется состоятельной, и, конечно, выспаться. Солдат человек нетребовательный. Спали на полу, на лавках и под ними. Иногда в хату набивалось столько солдат и офицеров, что лежали только на боку, лечь на спину места не хватало. Если кому-то надо было

выйти в караул или по надобности, он проходил по телам спящих. А иногда места в доме всем не хватало, и тогда оставшиеся без места устраивались в холодных сенях.

Ну вот, улеглись, кажется, можно и выспаться. Ан нет! Через некоторое время кто-то из самых смелых или нетерпеливых поднимается и пробирается к источнику света. Обычно это коптилка. Снимает шинель, гимнастерку и нательную рубаху и приступает к бойке вшей. За ним поднимается второй, третий, четвертый. Окружали коптилку плотным кольцом. Опоздавшие ждали, когда освободится место. Размещение в деревнях – на первый взгляд блаженство – становилось тяжелым испытанием.

Все лето и осень до ноября 1941-го у нас не было вшивости. Мы были грязные, не мылись месяцами, но вшей не было. Весь секрет в том, что, отправляясь на фронт, еще в Чирчике мы вымочили белье, гимнастерки и брюки в мыле «К». К тому же все это время у нас не было контакта с местным населением. И это нас спасало от вшивости.

Просто удивительно, насколько армия была не подготовлена к войне. В нашей дивизии первая помывка с прожаркой одежды была организована только под Сухиничами. Это уже в феврале или марте 1942 года. Когда были под Смоленском, случались самодеятельные помывки в водоемах или в чьих-нибудь банях. Но если они и были, то без прожаривания одежды. С октября же и этого уже быть не могло. Октябрь в окружении. Осень. Все время в движении по лесным дорогам. За все время лишь одну ночь провели в деревне и одну – в колхозном свинарнике на опушке леса. Там было не до помывки. А после выхода из окружения никто не мог помыться, потому что было негде. Бань в Тульской области, там, где мы проходили, нет. Местные жители моются в русской печке. Мы же сделать этого не могли по своим причинам. Во-первых, мы это не могли себе позволить в присутствии женщин. А во-вторых, когда солдаты останавливались в доме, то просили натопить печь посильнее. Надо было согреться, да и спать ведь придется на полу.

Правда, бывали и исключения. У нас ходили слухи о недостойном поведении начальника связи полка капитана Черепанова. Рассказывали, что капитан Черепанов, несмотря на то что в доме находились женщины, приказывал хозяйке пожарче натопить печь, раздевался в присутствии женщин и закладывал одежду в печь.

Немецкая армия и в санитарном отношении имела перед нами преимущество. Я не знаю, были ли у них организованные санобработки, но они были обеспечены мылом для мытья и специальным мылом для намыливания при бритье. Но самым

большим преимуществом у них было отсутствие понятия стыда. По рассказам жителей одной из деревень, немцы приказывали натопить печь до такого состояния, чтобы в избе было жарко, как в бане, и нагреть как можно больше воды. Затем среди комнаты устанавливалось корыто и, невзирая на присутствие в доме женщин, устраивалась помывка. Причем они по очереди усаживались в корыто, а одной из женщин приказывали их мыть.

* * *

Наступление развивалось успешно. Бои шли за населенные пункты. Сплошной линии обороны противник не имел и, опасаясь выхода наших войск в тылы, откатывался на новые позиции, не оказывая долгого сопротивления.

12 декабря, продвинувшись на 20 км, вышли на реку Упа на участке Площанка – Слободка.

В середине декабря батальон старшего лейтенанта Кривенцова ночью на дровнях прошел в тыл противника на 20 км, занял районный центр поселок Дубна и удержал его до подхода дивизии. Сопротивление противник на этом участке оказывал слабое. В это же время отряд конных разведчиков лейтенанта Варопаева перешел линию фронта у села Воскресенское, прошел около 125 км по тылам противника и за 8 суток уничтожил свыше сотни гитлеровцев.

Направление наступления дивизии изменилось. Теперь мы продвигались не на юг, а на северо-запад, в направлении на Алексино, а затем повернули чуть западнее, на Калугу. На границе Калужской области шли бои за деревни Титово, Кутьково и Столбово.

А пока отметим некоторые детали жизни подразделений нашего полка. Я уже писал, что в окружение в Брянской области попала примерно половина частей и подразделений дивизии. В первом же бою у города Карачев мы потеряли батальон, прикрывавший наш отрыв от противника. Непрерывные в течение месяца бои в районе Тулы еще больше обескровили дивизию. Пополнения дивизия не получала. Но вот началось наступление, и пополнение, хотя и маленькими ручейками, стало вливаться в подразделения. Вышла из окружения и присоединилась к нашей дивизии группа офицеров штаба 254-й стрелковой дивизии. Офицеры вынесли знамя своей дивизии. А поскольку знамя нашей дивизии осталось в частях, не попавших в окружение, то мы оказались без знамени, а значит, и без номера. С присоединением к нам группы офицеров 254-й сд нам был

присвоен номер этой дивизии.

Приходили к нам окруженцы, как одиночки, так и целые группы солдат и офицеров. Один из них, младший лейтенант по фамилии Шило, прошел по дорогам войны в должности начальника связи нашего дивизиона до самой Эльбы и закончил войну майором. Частично дивизия пополнялась и за счет вернувшихся в свои деревни окруженцев, с приходом наших войск вновь мобилизованных.

Теперь остановлюсь подробнее на истории младшего лейтенанта Шило. Считаю необходимым показать на этом примере, как «ценились» у нас люди, в том числе офицеры, которых так не хватало нашей армии. Судите сами, какая нужда была в командирах, если временами полками командовали младшие лейтенанты, а (артиллерийскими!) взводами – совершенно неграмотные лейтенанты, вчерашние ездовые!

Еще в довоенные годы у нас в хозвзводе полка служил ездовым рядовой Садыков, казах по национальности. Стройный, красивый, всегда подтянутый, но совсем неграмотный. Я не знаю, как он выполнял свои обязанности по подвозке сена на конюшню, мы каждый день видели его там на бричке, а вот его патологическую тягу покомандовать знали все. Старшина школы иногда ради забавы удовлетворял его настойчивые просьбы покомандовать курсантами, идущими в строю. Садыков всерьез принимал строй под свое командование. И что тут происходило! Садыков из рядового превращался в генерала. Он готов был гонять строй хоть весь день. А надо было видеть, как он реагировал, если кто-то нарочно сбивал ногу. Нам было смешно, а он вполне серьезно готов был заставить «провинившегося» весь день «гонять строевым» или ползать по-пластунски. В окружении ходили слухи, что Садыков тайком ходит в деревни и крадет или отбирает у крестьян овец или телят для штаба полка. После выхода из окружения Садыков был назначен командиром хозвзвода полка, с присвоением звания младшего лейтенанта. Затем, через два месяца, стал гвардии лейтенантом, а еще через некоторое время и гвардии старшим лейтенантом. Иронизируя или завидуя, офицеры поговаривали, что Садыков скоро вырастет до полковника, а то и до генерала. Но что-то случилось, и Садыков прибыл к нам в дивизион командиром огневого взвода. И неграмотный старший лейтенант, раньше видевший пушки только на расстоянии, с облучка армейской брички, стал командовать двумя пушками. Можно себе представить, куда падали бы снаряды, не будь на батарее хорошо подготовленных командиров орудий и грамотного второго командира взвода. Батарейцы, ругаясь, копали для своего командира укрытие,

откуда он и не вылезал, пока не получил нового назначения на должность заведующего продовольственным складом дивизии. Хозяйственники полка рассказывали: «Сидит весь в портупеях, а писари и кладовщики работают». Вспоминая подобное, думаешь, не такой ли офицер командовал «катюшами» при форсировании Оки у Болхова, когда огнем термитных снарядов был уничтожен только что переправившийся на плацдарм батальон пехоты полного комплекта?

Из рассказа П.Ф. Шило

В 1941 году Петр Филиппович Шило окончил Ленинградское училище связи и получил направление в одну из воинских частей, развернутых на западной границе, в городе Шепетовке. Поезд, в котором он ехал, оказался в тылу противника. С группой офицеров он удачно вырвался из окружения и… попал в руки НКВД. Тюрьма, куда их поместили, была заполнена офицерами – окруженцами, сумевшими прорваться через линию фронта. День в тюрьме начинался с того, что офицеров выстраивали на тюремном дворе. Выводили из строя и тут же перед строем расстреливали двух старших по званию офицеров. Оставшихся в живых снова разводили по камерам. И так каждый день. До Шило очередь не дошла, он был самым младшим и по званию, и по возрасту. В первых числах октября он был освобожден и направлен в 50-ю армию, которая формировалась в Белых Берегах, западнее Брянска. И опять не удалось доехать до места назначения. Опять окружение. И снова путь не на запад, где в Могилевской области Белоруссии жили его родители, а на восток. В одной из деревень он и встретился с нами. В сорокаградусный мороз он был одет по полной форме советского офицера – в прорезиненный офицерский плащ и хромовые сапоги.

Но и этого было мало для испытания П. Шило. Как-то освободили деревню, в которой на одной окраине уцелел один дом, а на другой – сарай. Пехота ушла вперед, а мы остались ночевать в сарае. Хату заняли под штаб. В сарае разожгли костер. На улице костры жечь не разрешалось, поскольку летали немецкие самолеты, да и немецкая артиллерия всегда была начеку. В сарай солдат и офицеров набилось, как говорят, под завязку, и каждому хотелось устроиться поближе к костру. Мороз был около 40 градусов, и, конечно, место у костра в первую очередь было предоставлено младшему лейтенанту. Он его заслуживал и по званию, и по должности, но больше всего из-за одежды. Мы были одеты в шинели и кирзовые сапоги, куда кроме портянок могли положить еще и газетную бумагу, а младший лейтенант был полураздетый. Каждый старался придвинуться к костру поближе. И в результате у младшего лейтенанта сгорела пола плаща. Пока старшина не привез ему шинель, лейтенант ходил в плаще без полы.

К его счастью, а может быть и к нашему, начальника связи нашего дивизиона младшего лейтенанта Ильина назначили начальником штаба дивизиона. Прежний начштаба покинул нас еще под Брянском, прихватив с собой кое-какие документы.

Командир дивизиона майор Родионов не отправил Шило в штаб полка, а своей властью назначил его на должность начальника связи, а затем уже оформил по команде.

П.Ф. Шило оказался честным, порядочным человеком. Он не старался выделить себя над другими, даже младшими командирами, а честно выполнял свои обязанности. И даже когда на Днепре он был контужен, то отказался от госпитализации и остался в строю.

Я написал «к счастью», так как были возможны и другие варианты. Например, я знаю случай, когда на один из дивизионов нашего полка из окружения вышел лейтенант. Он готов был петь и плясать от счастья. Но в соответствии с приказом из дивизиона лейтенанта направили в штаб полка. А там старший лейтенант, помощник начальника штаба, спросил у него: «Где твои солдаты?», потом вывел во двор и застрелил.

Другой вариант. Младший лейтенант Шило мог бы и не вернуться из штаба полка. Его могли и не расстрелять, это смотря на кого бы он попал, а назначить в другой дивизион или отправить в штаб дивизии, и тогда на свою должность вернулся бы пьяница и развратник, ничего не понимающий в штабном деле, младший лейтенант Ильин.

Лучшую характеристику Ильину дает такой эпизод. Морозная лунная ночь. Дивизион меняет боевые порядки. Управление дивизиона расположилось в деревне. В таких случаях надо оперативно привести батареи в боевое управляемое состояние. Командир дивизиона с разведчиками выбирает и оборудует наблюдательный пункт. Взвод топоразведки определяет координаты наблюдательных пунктов командиров батарей, командира дивизиона и огневых позиций батарей. Связисты управления дивизиона прокладывают телефонную связь на НП командира дивизиона и на все три батареи. Уже успевший напиться, начальник связи и исполняющий обязанности начальника штаба дивизиона младший лейтенант Ильин, как всегда, вызвал помощника командира взвода связи старшего сержанта Заборского и приказал лично проложить телефонную линию на 2-ю батарею, занявшую огневую позицию метрах в восьмистах от штаба. Время исполнения – 10 минут. Заборский заявил, что за 10 минут протянуть телефонный кабель по снежной целине нельзя. Ильин повторил свой приказ и добавил: «Через 10 минут доложить о выполнении приказа, а в случае невыполнения приказа в срок ты будешь расстрелян».

Заборский проложил линию, установил связь с батареей и доложил о выполнении приказа. Ильин, посмотрев на часы, сказал, что Заборский не уложился в срок, это равносильно

невыполнению приказа, за что последний будет немедленно расстрелян. Ильин оделся, наставил в грудь Заборского пистолет, скомандовал: «Кругом! Шагом марш!» – и повел в овраг за деревню.

Связистам, да и не только связистам, но и бойцам специальных отделений и взводов по штату полагалась винтовка. Можно представить продуктивность работы связиста или топоразведчика, когда он с винтовкой на одном боку и противогазом на другом тащит на себе тяжеленную, 16–20 кг, катушку провода и большущий ящик – телефонный аппарат. Или топоразведчик с тем же вооружением (винтовка и противогаз) несет тяжеленный ящик со стереотрубой, треногу, а иногда еще и рейку.

Кроме того, у солдата почти всегда за плечами вещмешок со всем его имуществом и продуктами, если он их не съел. Дневную пайку – хлеб или сухари – солдат чаще всего съедал сразу. Во-первых, всегда есть хочется, а во-вторых, на фронте говорили: «Ешь сразу все, а то убьют и хлеб останется!»

Кроме того, что он должен был носить эти тяжести, связист обязан был прокладывать провод и маскировать его, где это было необходимо – укладывать его в борозды, местами закапывать в землю, а зимой в снег, или подвешивать по деревьям. Топограф должен был устанавливать стереотрубу, переносить ее «по ходу», снимать отсчеты, а при работе с кипрегелем или оптической алидадой еще и работать на планшете. Поэтому, уходя на линию, все старались не брать с собой винтовку. А поскольку на войне без оружия быть нельзя, клали в карманы или подвешивали на пояс пару гранат. А кому это удавалось, приобретали пистолеты, чаще всего немецкие. Командование строго следило, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не приобрел нетабельное оружие. Никто не знает почему, но это считалось криминалом. Заборский любил гранаты. У него на ремне всегда висело две «лимонки». Он им не изменял все четыре года.

И вот, когда приговоренный и палач стали спускаться в овраг, Ильин заметил, что Заборский снял с пояса гранату. Он остановил Заборского и приказал гранату отдать. На что последний, выдернув чеку, ответил: «Застрелишь, но и сам не уйдешь!» Ильин испугался – он был большой трус, и мы это видели на протяжении всей войны. Сначала он приказывал, но, видя решительность Заборского, стал упрашивать его отдать или выбросить гранату. Он уже перешел с официального «старший сержант» на ласковое неуставное «Аркаша». Но Заборский был тверд. Он не сдался даже тогда, когда Ильин поставил пистолет на предохранитель и положил его за борт шинели. Он всю войну,

даже когда уже служил в штабе полка, носил пистолет за пазухой. Так ближе было взять.

Дело дошло до того, что Ильин отдал свой пистолет Заборскому, и только тогда Заборский вставил чеку в гранату и оба вернулись в штаб. Я это к чему рассказываю. Можно себе представить, что мог наделать, именно наделать, такой человек, останься он в должности начальника штаба дивизиона или даже начальника связи дивизиона. А так он провоевал всю войну в штабе полка. И на войне, и без войны.

* * *

Ночью управление дивизиона разместилось в двух домах деревни. Солдаты, свободные от службы, расположились на отдых на полу. Но сон был недолгим. На рассвете вестовой командира дивизиона крикнул: «Андреев и Шило, срочно к командиру дивизиона!» Через три минуты мы стояли перед майором Родионовым.

– Вторая батарея захвачена немцами. Силами управления дивизиона надо батарею отбить!

Срочно были организованы два боевых отряда. Первый, под командованием младшего лейтенанта Шило, из взвода связи. Второй – из двух разведчиков и шести топоразведчиков. Командовать приказано мне. Пока мы брали оружие, нам подготовили две упряжки лошадей, и мы в дровнях выехали к месту события.

Вторая батарея в ту ночь заняла боевую позицию на хуторе, расположенном километрах в двух от деревни. Развернули карту. Обширная поляна, с трех сторон окаймленная лиственным лесом. С четвертой – болотистая низина. За болотом, в двух километрах, деревня, занятая противником. Поляну на две почти равных части делит протекающий в сторону противника ручеек, на берегу которого в 200 метрах от леса хутор – дом с надворными постройками. Через речку напротив дома – еще одна постройка, предположительно баня. Огневая позиция батареи скрыта от наблюдателей противника хутором и возвышенностью с поляной. Определяем боевой порядок взводов. Берем винтовки – и в розвальни.

По лесной дороге мы приблизились к опушке. Лошадей оставили на попечение ездовых и стали занимать боевой порядок. Решено было выходить на хутор с двух сторон. Моя группа наступала с юга, а группа Шило – с севера.

Рассредоточившись по опушке леса в линию, выждали время,

пока вторая группа дойдет до места своего сосредоточения, вышли из леса и залегли. Перед нами, на самом высоком месте поляны, на снегу был виден щит пулемета.

Дальше продвигались по-пластунски. Пулемет огонь не вел. Когда до цели оставалось метров 100–150, показались люди. Наши солдаты. Поднялись и мы. Подойдя, увидели на снегу тела семи наших офицеров и младших командиров. Все лежали лицом вниз. Один – помощник политрука батареи – подавал признаки жизни. Он сильно хрипел, и на затылке пузырилась кровь. А то, что мы приняли за щит пулемета, оказалось откинутым воротником матроски. Буквально за два-три дня до этого офицерам, за неимением форменного, выдали морское белье и матроски.

Подъехала подвода. Раненого отправили в санбат. Потом мы узнали, что он по дороге скончался. Прибыл командир дивизиона, и когда ему доложили подробности происшедшего, он схватился за пистолет. Гнев его был направлен против командира огневого взвода лейтенанта Бондарева. К счастью, все обошлось и лейтенант не попал под пулю второй раз. Бондарев закончил войну майором в должности командира отдельного противотанкового дивизиона.

А произошло вот что. На исходе ночи батарея прибыла в указанную ей точку. Расчеты остались на опушке леса, устанавливать пушки и окапываться, а командир батареи, командиры взводов (их три), помполит, артмастер и санинструктор пошли на хутор, находившийся в 250 метрах от огневой позиции. У дома выставили часового. Тот спрятался от ветра за ворота и слишком поздно заметил группу немцев человек в сорок, когда те уже залегли перед окнами дома. Два немецких автоматчика вошли в дом, в то время как наши батарейцы совершали утренний туалет. Кто умывался, кто брился, кто пришивал пуговицы. Оружие и одежда были сняты и разложены по скамейкам. Раздалась команда «Хенде хох!», и все подняли руки. Все произошло неожиданно, люди оказались безоружными, и им ничего не оставалось делать, как сдаться. Бондарев говорил, что он потянулся к кобуре пистолета, лежавшей недалеко от него, но немец направил на него автомат, и он тоже поднял руки.

Немецкие разведчики – а это были именно разведчики, иначе бы они напали на батарею, – шли за «языком» и задачу свою выполнили. Немцы всегда ходили в разведку большими группами. Не знаю случая, чтобы они шли в наши тылы группой меньше 20 человек.

В двухстах метрах от хутора начиналось болото, поросшее

лиственным лесом, а за лесом, в двух километрах, – деревня, занятая немцами. Разведчики могли бы увести свою добычу по ручью, высокие берега которого укрыли бы их со всех сторон. Кстати, на хутор они пришли именно по этому ручью. Но они чувствовали себя уверенно и решили сократить путь. Вместе с пленниками немцы как раз выходили на середину поляны, когда их увидел расчет возвращавшегося из ремонта орудия. Батарейцы сразу же сбросили орудие с передка и готовились открыть огонь. Но немцы не стали рисковать: они приказали нашим офицерам лечь и, прошив их автоматной очередью, скрылись за бугром. Снаряды достать их уже не могли.

Немцы расстреляли восемь человек. Семерых наших батарейцев и хозяина дома – мужчину лет тридцати, в офицерской форме без петлиц. Хозяйка дома сквозь слезы сказала, что это ее муж. Очевидно, окруженец, вернувшийся домой или женившийся уже в окружении. Но убили только семерых. Лейтенанта Бондарева ни одна пуля не задела. Вот его-то за то, что он не оказал сопротивления, и хотел расстрелять майор Родионов. К счастью, этого не случилось.

По приказу командира дивизии убитых похоронили, уложив в яму, неизвестно для чего выкопанную под окном дома и наполовину засыпанную снегом. Накрыли их шинелями и засыпали снегом.

Батарее приказали сниматься. Она оказалась в районе, где не было ни одного пехотинца и ее в любое время можно было взять голыми руками. Чья-то ошибка все-таки была исправлена, хоть и с опозданием.

* * *

У нас много говорили и сейчас говорят о дисциплине и порядке в немецкой армии, воевавшей против нас. Да, это так, но были и у них грубые нарушения воинской дисциплины, приводившие к большим потерям. Приведу два характерных эпизода, произошедших в том же декабре 1941 года.

Наше командование всех рангов было увлечено разведкой с взятием «языка». Мне кажется, что порой это делалось не для дела, а ради славы. Все, кто имел власть, посылали в разведку любых солдат, даже самых неподготовленных. Ходили и одиночки. Например, при вручении ордена командиру 2-го дивизиона нашего полка майору Дегтяреву, кстати, умнице и храбрецу, командир дивизии объявил ему замечание за вылазки в расположение противника. Добровольцами, и не один раз, ходили

и мы. Благо тогда очень легко было пройти на территорию, занятую противником. Иди в любом направлении, лучше ночью, только в деревни не заходи. Немцы ночами отдыхали в хорошо натопленных избах. Ночью их даже на дорогах можно было встретить очень редко. Это мы все дела по передислокации, снабжению боеприпасами, фуражом и продовольствием делали в основном по ночам. Днем же головы нельзя было высунуть, все давила немецкая авиация. Мы чувствовали себя свободно только в дни нелетной погоды. Нашей же авиации не было совершенно, и немцы днем могли чувствовать себя вольготно, а ночью спать.

В тыл противника мы ходили часто, но безрезультатно, и все из-за немецкой осторожности. Пробраться в деревню было практически невозможно. А где еще взять «языка»? Вот кто-то и придумал ловить линейных телефонистов. Перережут разведчики где-нибудь в лесу телефонный кабель и устроят засаду. И линейщики попадали в руки разведчикам. Но продолжалось это недолго. На восстановление телефонной связи немцы стали направлять целые отделения автоматчиков и даже бронетранспортеры. Просидят разведчики ночь в снегу и возвращаются ни с чем.

Но бывали и удачи. Об одной я и расскажу. Деревня Березовка вытянулась одной улицей вдоль покрытой льдом и снегом речки. Разведчики подошли к деревне по речке и решили снять пулеметчика. Немцы, чтобы меньше отвлекать солдат в караулы, на всех дорогах, выходящих из деревни, ставили посты с пулеметами. Так вот, когда наши разведчики подползли к такому посту, то увидели, что пулемет стоит, а солдата нет. Разведчики беспрепятственно разошлись по деревне и открыли автоматный огонь, забрасывая в окна домов гранаты. Около трехсот солдат и офицеров, спокойно спавших в теплых постелях в одном белье, а некоторые даже без кальсон, просто обезумели. Создалась паника. Одеваться им было некогда. Полураздетые или даже совсем раздетые, немцы бросились из деревни. Очень немногим из них удалось добраться до следующей деревни. Глубокий снег и сорокаградусный мороз сделали свое дело.

Деревня Волково, с тремя улицами, образующими треугольник, расположилась на склоне невысокого холма, окаймляя своими огородами небольшой пруд. За деревней раскинулось плоское, как крышка стола, покрытое снегом поле, которое в километре от деревни полукольцом обрамлял сосновый бор.

Глубокой ночью, перевалив через вершину холма, полк походной колонной подошел к деревне. Командиры вошли в

первую хату, чтобы сориентироваться. У порога их встретила испуганная хозяйка и шепотом сообщила, что в деревне немцы и их очень много. Рассредоточившись, полк открыл по деревне огонь. Началась паника. Немцы, а их было около 800 человек, плотной толпой бросились в направлении леса. Здесь их и настиг пулеметный, минометный и артиллерийский огонь.

Я проезжал через эту деревню на следующий день и увидел на поляне массу обнаженных трупов. Особенно плотно они лежали в 100–200 метрах от деревни. Некоторые трупы лежали в огородах и даже висели на изгороди. Встретившаяся мне жительница сказала, что раздели убитых жители деревни.

Наступление на Калугу

Если в начале наступления бои шли за деревни, заняв которые солдаты могли обогреться, то позднее таких возможностей становилось все меньше. Бои шли уже не за деревни, а за их пепелища. Ночью горизонт в сторону противника всегда был окрашен огнями пожарищ. А продвигаясь вперед, на месте деревень среди черного снега мы видели печные трубы да изгороди. Солдатам стало еще труднее. Днем – в бою на морозе, но вот противник отошел, бой закончился, и опять оставшиеся в живых всю ночь мерзнут, зарывшись в снежный сугроб. Условия были настолько тяжелые, что живые завидовали погибшим. Но чаще всего, отбив у противника населенный пункт, шли вперед, чтобы не дать ему закрепиться в следующей деревне, и если деревню не брали с ходу, то снова непрерывный бой до взятия деревни.

Официальная пропаганда проклинала немцев за варварство по отношению к мирному населению. Да, варварство было неслыханное. Население деревень – а это были старики, женщины и дети, – в один час лишившись всего самого необходимого для жизни, вынуждено было уходить в другие деревни или леса и, переждав бой, возвращаться на родные пепелища, чтобы жить под печью или в погребе. В тех деревнях, где чудом оставались целыми несколько хат, в них поселялись все жители деревни.

Нетрудно себе представить, каково было им, матерям с маленькими детьми, девушкам и старикам, когда в такую избу вваливались мы, несколько десятков солдат. Привилегированные места на полу занимали мы, а они – все остальное пространство, но только сидя. Даже лечь им негде было. Я все думаю, как они могли терпеть всю ночь без туалета. Мы, для того чтобы выйти по естественным надобностям или перебить у коптилки очень уж расшалившихся вшей, шли по телам спящих, а они этого себе позволить не могли. Так и сидели всю ночь, ожидая, пока нас не позовут вперед.

Некоторым нашим солдатам не давала покоя глупость немцев – сжигать деревни, которые самим бы пригодились, если не для обороны, так хотя бы чтобы подкормиться или обогреться. Мороз их не жаловал так же, как и нас. Политработники и армейская печать объясняли это тем, что немцы боятся партизан, находящих приют у местного населения. А истина для меня и моих товарищей открылась значительно позже, уже летом 1942 года, когда командир отделения радистов старший сержант Подгорный рассказал нам по секрету, как он в команде факельщиков

участвовал в выжигании деревень в тылу противника.

Команды во главе с офицером формировали из высоких, рыжих или белобровых солдат. Одевали их в немецкую форму, вооружали немецкими автоматами и забрасывали в тыл противника. В команде один или несколько человек должны были знать хоть несколько немецких слов. Действовали они в глубоком тылу немцев, в зоне, где не было немецких войск. Заходила такая команда в деревню и шла по домам с требованием их покинуть. На сборы обычно давалось минут тридцать. По истечении срока факельщики проходили по деревне, зажигая дом за домом. Во время акции никто не имел права разговаривать на русском языке.

Подгорный рассказывал нам, что в одной из сжигаемых ими деревень жители – мужчины – вооружились вилами и убили одного из его товарищей. Он не сказал, сколько человек, но дал понять, что защитники своих домов были расстреляны.

Таким способом противнику создавались неблагоприятные условия обороны. Ему не за что было уцепиться. Он замерзал. Да и мы мерзли не меньше немцев. Но где же мораль? Почему в этой грязной бойне должны были страдать дети, старики и женщины?

* * *

Наступление на населенные пункты Титово, Кутьково, Градново и другие шло трудно. Противник оказывал упорное сопротивление в каждой деревне, но мы медленно, но уверенно отвоевывали позицию за позицией, продвигаясь по 5–6 км в день в направлении на юго-запад.

23 февраля вышли из боя и двинулись на Калугу. Начальнику разведки дивизиона и мне было приказано выехать вперед для связи с пехотным полком.

Ясная зимняя ночь. Мороз около 40 градусов. Возок скрипел полозьями по хорошо укатанной дороге. Проехали не менее 20 км. На пути ни одной деревни. Мы уже совсем окоченели, как вдруг на пригорке перед нами появилась изба. У избы стояло несколько лошадей, запряженных в возки и дровни. У дверей часовой. Все наши уговоры пустить обогреться остались без внимания. Ответ один: «Изба занята». Пришлось применить силу.

Первая половина дома был полна военными. Во второй расположился генерал. Капитан – думаю, что это был его адъютант, – проверив, кто мы есть, разрешил обогреться. Присели на полу у порога. В тепле моментально стали слипаться глаза. Но спать нельзя, надо двигаться вперед. Да и лошадь могут увести. А

ездовому тоже надо дать обогреться.

Догнали полк, который уже вошел в соприкосновение с противником. К утру подошел и наш дивизион. Начались бои на подступах к Оке, юго-западнее Калуги. Наступали в направлении на север, отрезая противнику пути отхода из Калуги. 24 декабря заняли деревню Квань. Наступление развивалось на Ромаданово, санаторий «Анненки» и Жалобино. Противник оказывал упорное сопротивление.

Ночью заняли наблюдательный пункт на северной окраине деревни. Сектор наблюдения справа и слева ограничивал лес. С рассветом пехота поднялась в атаку на позиции противника, прикрывавшие подступы к Оке. Первое время было заметное продвижение. Но через некоторое время пехота начала пятиться назад, а затем и побежала. У немцев из укрытий вышли танки. А под прикрытием танков их пехота перешла в контратаку. У нас же на прямой наводке ничего, кроме полковых орудий, не было. А полковая артиллерия бороться с танками не могла. Началась паника. Бежала пехота, артиллеристы на рысях увозили пушки. Все перемешалось – люди, лошади, сани. И все это на заснеженной равнине, под плотным огнем противника.

Уже и в самой деревне сворачивались штабы и хозяйственные взводы с кухнями, запрягали лошадей. Все уже было готово к движению, как справа послышался ружейно-пулеметный огонь. Из леса во фланг контратакующим немцам вышел наш батальон. Противник не выдержал и повернул обратно. Наша пехота сначала остановилась и залегла, а затем снова, уже ползком, стала продвигаться вперед.

Бой шел до позднего вечера, а ночью противник оставил позиции. К утру мы по льду переправились через Оку и прошли по прекрасному сосновому бору – зоне отдыха калужан. Слева от дороги стояли уцелевшие дачи какого-то дома отдыха или санатория и чернели пепелища сожженных домов. Кое-где лежали трупы немецких солдат. На уже окоченевшую руку одного из трупов, лежавшего на спине так, что рука была поднята вверх, какой-то шутник надел головку швейной машины.

Через несколько сот метров открылась другая картина. На небольшой лесной поляне, среди уцелевших двухэтажных деревянных домов, зловеще выделялось пожарище с грудой головешек и обгоревших человеческих тел. Почерневшие тела лежали и на некотором удалении от пожарища. Позже, уже в Калуге, мы узнали, что немцы согнали в один двухэтажный дом то ли живших, то ли работавших в этих домах инвалидов и сожгли. А выбрасывавшихся из окон расстреливали.

Управление дивизиона расположилось в лесничестве.

Дивизия вела бои за юго-западные окраины Калуги, пока части 50-й армии обходили город с севера. Опасаясь полного окружения, 30 декабря немцы покинули город. А мы из лесничества на одни сутки переехали в Калугу. От пребывания там ничего особенного в памяти не осталось. И все-таки на одном эпизоде хочется остановиться.

У нас во взводе топоразведки служил в то время ефрейтор, а позже сержант Саранин Иван Алексеевич. Тогда ему был 21 год. Во взводе были солдаты и старше, были и на 2–3 года моложе, но никто его не называл ни по фамилии, ни по званию, даже уже тогда, когда он стал сержантом. Все звали его только по имени – Иван.

Отличался он своей простотой и непосредственностью. Окончив школу, он поступил в Томское военно-инженерное училище железнодорожных войск. Но, проучившись год, подал заявление и был отчислен с направлением в воинскую часть рядовым. Так он попал в формировавшуюся тогда в Барабинске 194-ю стрелковую дивизию. Невысокого роста, черные густые волосы, смуглое круглое лицо с очень маленьким носом-кнопкой. Отличительной чертой его была прямота. Все, что ему приходило в голову, сразу становилось известным всем. Часто он вызывал общий смех своими переживаниями вслух, что он еще не только не имел ничего с женским полом, но даже ни разу не целовался. И, кроме того, он не знает, как подойти к женщине, а еще боится опозориться, так как у него всего четырнадцать сантиметров и больше не растет. И так уже повелось, что, когда не о чем было поговорить и посмеяться, кто-нибудь переводил разговор на проблемы Саранина.

Так и в тот раз. Расположившись в квартире молодой, лет тридцати, женщины, стали, по обыкновению, зубоскалить над Сараниным. Надо заметить, что он никогда на это не обижался, наоборот, всегда поддерживал разговор. Хозяйка же, занимаясь своими делами, прислушивалась к разговору и, проходя мимо, все время старалась как-то задеть Саранина. Когда же, накормив нас картошкой, она стала укладываться спать в своем закутке, затащила туда и его. Похихикав между собой, мы уснули. Еще до рассвета получили приказ на сборы в дорогу. Хозяйка, хмурая, возилась у печи, а Саранина пришлось на руках выносить в сани. Он не мог ходить. Позже рассказывал, что он не только что-нибудь совершить, а даже дышать боялся. Саранин выздоровел. Боль прошла без врачебной помощи, а разговоров и смеха хватило до конца войны на все управление дивизиона.

Газеты в те дни много писали о больших трофеях, захваченных в Калуге, – танках, орудиях, пулеметах, минометах,

350 автомашинах и бронетранспортерах и большом количестве боеприпасов.

За боевые заслуги наша 258-я стрелковая дивизия была переименована в 12-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а командир дивизии полковник Сиязов был награжден орденом Красного Знамени и получил звание генерал-майора.

Отдохнув и обогревшись в Калуге, на что было отведено чуть больше суток, мы снова вступили в бой. Направление на северо-восток, на Полотняный завод.

Бои здесь ничем особенным не отличались, разве только особенно активными действиями немецкой авиации. Самолеты все время утюжили наши позиции. Мы могли покидать укрытие лишь в те 15–20 минут, когда они улетали на заправку или в нелетную погоду, что бывало очень редко.

Летали немцы совершенно безнаказанно, как бы издеваясь над нами, где хотели и как хотели. Не находя значительных целей, стали охотиться не только за отдельными подводами, но и за одиночными солдатами. Рассказывали, что как-то самолет дважды обстрелял из пулеметов какого-то солдата и, обнаружив, что оба захода оказались безрезультатными, в третьем заходе не стал расходовать патроны, а убил солдата выпущенным шасси. Как-то я тоже имел неосторожность выехать утром в седле и был настигнут самолетом. Сам остался невредимым, а лошадь погибла.

Обстановка в воздухе заставила наше командование вести наступательные бои ночью.

В Полотняном заводе около суток мы жили в каком-то флигеле в парке. Думаю, что это был парк Гончаровых. Недалеко от нашего дома была заснеженная поляна с укутанным снегом памятником в центре. Видны были и разбросанные по парку строения. И сейчас очень жалко, что тогда мы не осмотрели место, связанное с жизнью А.С. Пушкина. Тогда мы жили лишь одним днем, усталые, измученные боями, полуголодные и холодные. Сейчас кажется странным, что, пробыв в Калуге более суток, я так и не видел города. Единственное, что я разглядел и хорошо запомнил, – это какой-то сад с высокими деревьями и каким-то памятником перед окнами дома, где мы ночевали.

Дивизия выведена из боев, и мы совершаем 120—150-километровый марш строго на юг, на Сухиничи, где противник перешел в контрнаступление и отбросил 10-ю армию генерал-лейтенанта Голикова на 45 километров.

Город Сухиничи, крупный железнодорожный узел, был окружен нашими войсками. Но противник нанес удар извне по

юго-западному флангу и прорвался в город, деблокировав его. Нашу дивизию вывели из состава 50-й армии генерал-лейтенанта Болдырева и передали в распоряжение командования 10-й армии. Дивизия заняла оборону западнее города в направлении на Усты. Утром противник вновь перешел в наступление, и один из полков откатился назад, оставив три деревни. Но дивизия все же сумела остановить наступление немцев, вернула оставленные позиции и, продвинувшись на юго-запад, освободила еще несколько деревень. Противник, опасаясь, что гарнизон Сухиничей окажется в глубоком тылу русских, оставил город. Начиная с Сухиничей немцы изменили тактику. Впервые на участках действия нашей дивизии они перешли от обороны в населенных пунктах к обороне в поле. На черной, испещренной разрывами снарядов холмистой равнине снег был изрезан гусеницами танков, а по склонам холмов тянулись траншеи.

В последних числах января несколько дивизий, в том числе и нашу, переподчинили 60-й армии генерал-лейтенанта Рокоссовского. Дивизия перешла к обороне.

Наблюдательный пункт командира дивизиона находился на обращенном к противнику склоне высоты. Сюда и прибыл генерал Рокоссовский. К землянке с амбразурой для наблюдения вел неглубокий ход сообщения, по которому, нагнувшись, можно было пройти не замеченным противником. Высокий, в кожаном пальто, в окружении офицеров нашей дивизии и адъютантов, он не отреагировал на просьбы адъютантов спуститься в ход сообщения и прошел на наблюдательный пункт по брустверу. Оглядев в стереотрубу передний край обороны противника и задав несколько вопросов командиру дивизиона, тем же путем покинул наблюдательный пункт. А солдаты, да и офицеры еще долго говорили о храбрости генерала.

Дивизия месяц стоит в обороне. Свободные от службы солдаты и офицеры расположились в деревнях. Каждый взвод занимает хату. Но солдаты не бездельничают. Разведчики, меняясь, дежурят на наблюдательном пункте, связисты обслуживают телефонные линии и дежурят на телефонных аппаратах. Взвод топоразведки, закончив привязку боевых порядков и подготовив данные для стрельбы по целям, огням сосредоточения и заграждения, на случай наступления противника перешел к отысканию новых целей и определению их координат. А в промежутках солдаты несут караульную службу.

Управление дивизиона занимает две хаты, одну – взвод связи, вторую – взвод топоразведки из шести человек. Здесь же

небольшое отделение разведки, хозотделение из трех человек и неразлучные друзья – медицинский и ветеринарный фельдшеры.

Хозяйки дома – очень любезные молодые сестры. Даша – невысокого роста, очень подвижная толстушка. Замужем около двух лет. Муж на фронте. Писем не получает, да и не могла получать, поскольку деревня была на оккупированной территории. Катя – высокая стройная девушка лет двадцати, в движениях медлительная. Лицом обеих бог не обидел. По натуре обе очень общительные. С первого часа нашего пребывания в их доме они влились в нашу фронтовую семью.

Третий член семьи – их мать. Высокая, худая, очень больная ворчливая старуха. Дочери говорили, что в молодости, да и в зрелом возрасте была очень красивой женщиной и не упускала моментов, чтобы попользоваться прелестями жизни.

Жили они бедновато и поэтому стали питаться с нашей кухни. Но речь о другом. Командовал взводом топоразведки недавно получивший звание младшего лейтенанта бывший старший сержант Михайлов. Высокий, всегда подтянутый, всегда сдержанный, уже женатый сибиряк.

С первых же минут нашего пребывания в доме мы стали свидетелями «величайшего патриотизма» девушек. Со стороны было даже интересно наблюдать, как Катя откровенно предлагала себя лейтенанту. И чем больше он демонстрировал свою незаинтересованность в этих играх, тем настойчивее действовала девушка. Самое интересное началось, когда стали укладываться спать. Только Михайлов устроился на полу, рядом с ним тут же легла и Катя. Тогда он перешел на другое место, но и Катя оказалась там же. Оказавшись в столь трудном положении, он вынужден был отодвинуть от стены узкую скамейку и, поставив ее по диагонали комнаты, лечь на нее головой в красный угол, как кладут в деревнях покойников. Катя обошла вокруг устроившегося на ночлег столь необычным образом Михайлова и, видя, что тут ей никак не пристроиться – скамейка была настолько узка, что улечься на ней даже одному было почти невозможно, завалилась на наших фельдшеров: медицинского – Гусева и ветеринарного – Бадрединова, устроившихся на хозяйской кровати. Те раздвинулись, и она оказалась в объятиях двух мужчин.

Даша, как более опытная старшая сестра, не стала испытывать свою судьбу на офицерах. Она выбрала себе мужчину другого плана – ездового хозотделения Дусенбаева. Маленького роста, со смуглым, лоснящимся жиром лицом и маленькими, черными, бегающими в прищуре лукавыми глазами. И место свиданий было выбрано куда более спокойное – двор, не на

глазах у ворчащей матери, как это делала Катя. Правда, у Кати для матери всегда был готов ответ: «Ты свое взяла, теперь помалкивай».

Не каждый знает, что такое двор в Тульской, а местами и в Калужской области. Это пристройка к хате, служащая для содержания скота. Обычно это плетенные из прутьев стены, обмазанные глиной с одной или двух сторон, и общая с хатой соломенная крыша. У одних часть пространства двора отгорожена стенкой или изгородью под сени, у других и сеней нет. Вход в хату через двор. Ляжет корова у такого хозяина к порогу двери, и выходи из хаты через окно. Во дворе содержался домашний скот – коровы, лошади, овцы и свиньи. Хранилось и сено. Хлев или двор служил для семьи и уборной, ничем не отгороженной. Солдаты, в основной массе, не пользовались этими отхожими местами. Опасаясь быть застигнутыми хозяевами дома, мы ходили по нужде за углы двора. Там же избавлялись и от части вшей, вытряхивая их, обездвиженных на морозе, из-за рубахи и гимнастерки.

Вот в таком дворе, на виду у коровы и наших армейских лошадей, и занимались любовью Даша с Дусенбаевым. Но самое необычное, что после каждого такого свидания Даша рассказывала всем без разбора, что она в первый раз встретила такое счастье. И дальше шли подробности их интимных встреч.

Позже, когда мы двинулись дальше на запад, Даша, неизвестно каким чутьем, определяла маршрут нашего движения и в мороз и метель, пробежав десяток-полтора верст, находила нас, чтобы увести Дусенбаева на несколько минут. А один раз, когда хозяйка дома оказалась ее знакомой, так как Дашин муж работал в этой деревне трактористом, она при всем честном народе затащила Дусенбаева на печь.

Кончался февраль – третий месяц непрерывных наступательных боев и переходов, а вместе с оборонительными боями после выхода из окружения под Тулой – уже четвертый месяц. Четыре месяца без бань и санобработок. Вшивость стала угрожающей. На наше счастье, не нашлось ни одной тифозной. Все здоровые, отъевшиеся на солдатском теле. Только в двадцатых числах февраля в районе Сухинич был развернут «санпропускник». В свой день и час по графику мы на дровнях прибыли в указанный пункт. Группами по 20–25 человек заходили в палатки. Раздевшись и сдав одежду с навешенными бирками, проходили в мыльное отделение. Одежду уносили на тепловую обработку, как тогда называли – в вошебойку. Процедура помывки зависела от времени прожаривания одежды и длилась около 30 минут.

Помывшись и надев свежее новое белье, почувствовали себя вновь родившимися. Стали разбирать свою одежду, и тут грохнул смех. Старший сержант Заборский демонстрировал свою меховую шапку, годившуюся только на куклу с головой с мужской кулак. А разведчик Пронюшкин, ухитрившийся сдать в прожарку сапоги, получил обувь для пятилетнего ребенка. Добавлю, что санобработка была неэффективной. Поголовье вшей восстановилось очень быстро.

Попково

Попково – довольно большая деревня, расположенная на равнине. Примерно в 300 метрах от восточной ее окраины начинается подъем холма в нашу сторону. Дома, да и другие постройки – кирпичные. Кирпичная, внушительных размеров церковь в центре деревни и двухэтажная кирпичная школа на окраине деревни с нашей стороны.

Сама деревня представляла собой внушительный рубеж обороны. Каждый дом – дот. Особенно серьезными оборонительным и наблюдательным пунктами были церковь и школа. Но немцы еще больше укрепили свою оборону, проложив перед деревней траншею окопов с пулеметными ячейками и ледяным бруствером, а обрушив крыши и перекрытия крайних домов, устроили мощные доты с амбразурами подвальных окон. Подходы к деревне со стороны наступающих представляли собой открытую равнину с одной кирпичной постройкой бывшей машинно-транспортной станции в виде большого сарая.

Наш наблюдательный пункт находился на склоне холма, обращенном к противнику и слева от нашей наступающей пехоты.

Находясь на левом фланге, на одинаковом удалении как от противника, так и от нашей пехоты, и на значительном возвышении над ними, мы могли даже без оптических приборов видеть на снегу каждого своего солдата. Солдат противника мы не видели. Они находились в надежных укрытиях. Зато хорошо видели плотный огонь всех видов оружия.

На рассвете, в мороз 35–40 градусов, батальон пехоты при поддержке шести танков и батарей полковой и дивизионной артиллерии, после непродолжительной артподготовки, пошел в атаку и, не выдержав плотного огня противника, залег. Танки, утюжа снег позади залегшей пехоты, били по школе, откуда вели шквальный огонь немецкие пулеметы. Снаряды 76-мм пушек не пробивали кирпичную кладку, а лишь оставляли выбоины в стенах. Вырваться же вперед, чтобы прикрыть пехоту собою, танки не решались, да и приказа такого они, видно, не имели. Залегшие батальоны подняться уже не могли. Раненые и оставшиеся в живых тоже оставались на поле боя, и все замерзали. С поля боя не ушел никто.

На второй и третий день события повторились. И только на третий день, 7 марта, с наступлением темноты противник стал отходить, и наша пехота и танки ворвались в деревню. Только школа и крайняя улица были заняты нашей пехотой, когда мы, став на лыжи, вкатились в деревню. Бои шли в центре деревни и

за церковь. Уже совсем стемнело, когда мы нашли сани с убитой в упряжке лошадью. Тут же лежало два трупа немецких солдат с ранцами. Забрав из ранцев продукты, вернулись на наблюдательный пункт. К полуночи деревня была в наших руках. Бой затих.

Левее Попково в это время шли бои еще за две деревни, не попадавшие в сектор наступления нашей дивизии.

Через день или два после взятия Попково мы вчетвером на дровнях, сейчас уже не помню, с каким заданием, приезжали в одну из тех деревень. Дорога на протяжении двух километров пролегала по открытой, без единого кустика равнине с уклоном в сторону обороны противника. Мороз. На линии обороны противника спокойно. Выстрелов не слышно. Наши солдаты не встречаются. Спустившись вниз, метров через пятьсот, на месте бывшего леса мы увидели страшную картину. За восемь месяцев войны многое пришлось повидать, но такое увидели впервые…

Метров за пятьсот от бывшей уже линии немецкой обороны увидели редкие трупы наших солдат, припорошенные снегом. Чем ближе подъезжали к немецким позициям, тем плотнее лежали убитые. Наконец трупы так плотно покрыли землю бывшего редкого леса, что мы вынуждены были оставить лошадь, чтобы не ехать по телам. Пришлось шагать по замерзшим убитым солдатам, в большинстве своем одетым в полушубки и валенки, а примерно в 300 метрах от огневых точек немцев убитые лежали уже в два слоя, последние – всего в 10 метрах, перед самыми пулеметными гнездами. Местами трупы были придавлены деревьями, срезанными пулями. Огонь немцев, вероятно, был настолько плотный, что редкое дерево устояло, и от леса остались лишь пни метровой и более высоты с расщепленными пулями срезами. Оружия у солдат не было, и создавалось впечатление, что наступавшие шли на огонь противника безоружными.

Увиденное настолько поразило, что я решил детально изучить произошедшее.

Немцы занимали оборону на месте бывшей деревни в одну улицу – дворов двадцать-тридцать. В описываемое время ни домов, ни других построек в деревне уже не было. Не видно было и следов пожарищ. Надо полагать, что оборону противник строил на месте уже не существовавшей деревни. Доказательством тому могут служить и оборонительные сооружения оборонявшихся. Вплотную к деревне со стороны наступавших подступал хвойный лес. На опушке в полукилометре от деревни стоял сарай со стенами из плетня – единственное надземное строение во всей деревне. Далее километра на два простиралась равнина,

амфитеатром обращенная в сторону обороны противника и полукругом охваченная смешанным лесом. Вся оборона немцев состояла из нескольких (не более семи) дерево-земляных погребов, приспособленных ими и под жилье, и под пулеметные гнезда, и снежных, с ледяными брустверами, огневых точек, расположенных на огородах. Их я насчитал около десяти. Огневых позиций артиллерии и минометных батарей видно не было.

Из рассказов очевидцев и приказа по армии, зачитанного офицерскому составу, стала известна трагедия произошедшего.

Дивизия полного состава прибыла с Дальнего Востока. Ранее в боях не участвовала. Получила приказ выбить противника из упомянутых мною ранее крохотных деревень. К месту сосредоточения для атаки опоздала. На хорошо просматриваемую противником равнину вышла батальонными колоннами, вышла, когда уже рассвело. До подхода на дистанцию ружейно-пулеметного огня колонны подвергались артиллерийскому и минометному обстрелу. Выйдя на опушку леса, дивизия разделилась на две части. Одна часть без артиллерийской подготовки бросилась в атаку на находившиеся прямо перед ней немецкие пулеметы и, не добившись ни малейшего успеха, полегла полностью. Из боя не вышел никто…

Вторая часть дивизии наступала на другую, такую же крохотную деревеньку, расположенную примерно в километре от первой. Участь ее постигла та же, что и первую. Дивизии не стало.

В приказе говорилось, что командир дивизии, видя, что линейные полки успеха не имеют, бросил в бой штабы и хозяйственные подразделения, и тоже безуспешно. Позже, после взятия Попково, немцы деревню оставили без боя.

Не больше двух рот оборонявшихся немцев уничтожили кадровую дивизию полного состава. Причем деревни находились в лесном массиве. Между ними обороны противника не было. И справа и слева от них можно было пройти беспрепятственно и легко окружить противника. В приказе по армии было сказано, что командир и комиссар дивизии преданы суду военного трибунала.

А погибших не хоронили, а, раздев вплоть до белья и сложив штабелями в оставшийся целым сарай, сожгли.

Через несколько дней мы в походном порядке вместе с пехотой проходили через эту деревню. Трупов я уже не заметил, и одинокого сарая тоже не было видно.

Пройдя бывшую деревню, услышали впереди в голове колонны мощный взрыв. Колонна на некоторое время

остановилась, а затем, когда мы двинулись вперед, увидели разбросанные по заснеженному лесу и висящие на сучьях деревьев части человеческих тел и обрывки одежды. Поперек дороги от взрыва трех противотанковых мин, установленных в ряд, образовалась траншейка.

После взятия укрепленного пункта обороны немцев Попково дивизия двадцать дней безуспешно вела наступательные бои за населенные пункты Брынь, Зимницы, Куклино, Сорочку и Чановку[3].

Мизюлин

Пока идут безуспешные бои, расскажу комичную историю.

Служил во взводе боепитания нашего дивизиона рядовой Мизюлин. Даже не ниже среднего, а совсем маленького роста, с кривыми ногами и большой головой. Может быть, она была не такая уж большая, но для низенького Мизюлина она была явно велика. Одним словом – рахитик. Лицо неприятное. Неграмотный деревенский парень. Одевался неряшливо. Среди солдат, видно, чувствуя свои недостатки, держался особняком. Но был послушен. Приказы командиров выполнял исправно. Лошадь свою в любых условиях старался накормить. Снаряды, если они были, подвозил вовремя. Одним словом, службу свою знал. Приехал на склад дивизии, погрузил, привез на батарею, разгрузил – и к себе во взвод. Благо взвод боепитания всегда стоял даже дальше от противника и батарей дивизиона, чем старшина со своим хозяйством – кухнями и повозками.

Все шло своим чередом, но командование всерьез задумалось не только о нашей гигиене, но и о здоровье. Как-то нас всех, и офицеров и солдат, повзводно стали направлять на медосмотр, на предмет венерических заболеваний. Проводить это мероприятие по деревням, где располагались батареи полка, ездили два человека – врач медсанбата, женщина лет тридцати, и Ольга – санинструктор нашего полка, девушка с приятным лицом и стройной фигурой, которая почему-то работала не на ППМ (передовом передвижном медпункте), а при штабе полка.

Мы выстраивались в затылок друг другу и с замиранием сердца и потными ладонями ждали своей очереди. Подходили, называли свое звание и фамилию. Ольга в списках ставила птичку, назвавший себя спускал штаны. Обе внимательно у тебя смотрели, затем приказывали надавить на головку, опять смотрели и разрешали наконец штаны надеть.

Осмотр прошли. Венбольных, к счастью, не обнаружили. Мы похихикали над особенно стеснительными и успокоились. Но оказывается, не все. Наша Ольга стала частой гостьей взвода боепитания. Командир взвода, лейтенант Бенедиктов, из приписников, умница и музыкант-виртуоз, игравший на всех без исключения музыкальных инструментах, сначала на требование Ольги отпустить с ней Мизюлина ответил ругательствами, но когда последняя заявила, что без него не уйдет, сдался. Приказал Мизюлину: «Иди, вые… ее!», и тот пошел и приказ, видно, выполнил с усердием…

Так и пошло и поехало. Как бы далеко ни стоял взвод

боепитания от штаба полка, какая бы ни была на дворе погода – метель, мороз, Ольга, иногда пробежав с десяток километров, обязательно наведается к Мизюлину. Или едет Мизюлин в дровнях по деревне, где стоит штаб полка, порожняком или со снарядами, увидит его Ольга и так просто не пропустит. Схватит шинель, догонит сани, завалится в них и проводит Мизюлина за околицу.

Трудно сказать, сколько бы длился роман наших героев, но однажды, уже по весне, Мизюлина куда-то из полка отправили. Ольгу тоже убрали, но это уже позже…

Последние бои зимы 1941/42 г

В последних числах марта противник наконец был выбит из занимаемых им деревень и стал отходить.

Ночью вошли в деревню. Управление дивизии разместилось в двухэтажной кирпичной школе, до нашего прихода почему-то заселенной женщинами с детьми. Женщины освободили для нас несколько комнат. Мокрые, усталые, замерзшие и голодные, не снимая шинелей, улеглись на полу. Зашел старшина, принес кусок коровьего вымени. Молодая, очень общительная женщина предложила свои услуги, чтобы приготовить ужин. Жареное вымя оказалось настолько вкусным, что многие из нас говорили, что ничего подобного еще не ели.

Утром увидели весеннее половодье. Река Драготонь вышла из берегов и затопила такое пространство, что противоположного берега, где был противник, без бинокля не было видно. Решили порыбачить. Нашли лодку-плоскодонку. Изготовили связку гранат и втроем – Саранин, Галкин и я – выгребли на просторы разлива. Долго искали русло реки. Наконец заметили полосу сильного течения и решили бросать гранаты.

Встав в центре лодки, я размахнулся, чтобы бросить. Но неустойчивая плоскодонка сильно накренилась, и я еле удержался, чтобы не вылететь вместе с гранатой за борт. Граната упала в трех метрах от лодки. Все замерли. Галкин, сидевший на веслах, перестал грести. Лодку сносило прямо на место падения гранаты. Считали мгновения. Взрыв. К счастью, течением нас чуть пронесло над местом взрыва, и буран воды поднялся в метре от борта. Лодку отбросило, но не перевернуло.

Спасла нас чистая случайность. Тогда на реках и озерах у нас погибло очень много солдат и даже офицеров. В том числе дважды Герой Советского Союза командир батальона Михайлов. Чтобы глушить рыбу, брали противотанковые гранаты, начинка которых – 500 граммов тола. Рассчитывали, что чем сильней взрыв, тем больше будет рыбы, и не задумывались над тем, что противотанковая граната взрывается не только от соприкосновения с танковой броней, но и с поверхностью воды. Это и приводило к трагедиям. Взрыв гранаты настолько сильный, что, даже брошенная на десять метров, она смертельно поражала бросавшего. Желание рыбачить у бойцов скоро пропало.

Вернулись в деревню. Нас уже ждут. Приказ на марш. Нам сменили сектор наступления. Жалко было расставаться с крышей над головой. Тем более что наступило время, сравнимое разве что с осенью. То мороз, то дождь. А марш был по бездорожью. Шли в

валенках по раскисшему снегу.

Опять наступаем. Противник выбит из деревни Каменка. Остановились в доме. Не успели обсушиться, как снова получили приказ подготовиться к маршу. Нас сменяет другая дивизия. Марш – 95 километров. Что делать? Снег раскис, местами проталины, грязь, а все, кроме офицерского состава, в валенках. Валенки выдали в конце января – в феврале, а сапоги сдали на армейские склады. Надо искать какой-то выход.

Еще накануне женщины показали нам могилу в центре деревни с восемнадцатью похороненными немцами. Решили раздеть покойников. Раскопали могилу. Попали на офицера. Убитый укрыт кожаным пальто на лисьем меху. На ногах солдатские сапоги. Пальто не взяли, с трудом стащили сапоги. Дальше стали раскапывать только ноги захороненных. Но взять было нечего. Убитые были похоронены без сапог. Снятые с офицера сапоги решили отдать мне.

Переход был исключительно тяжелый. За одни сутки по весенней распутице прошли 95 километров. Я же всю дорогу проклинал тот час, когда согласился надеть сапоги с убитого немца. За эти сутки я перенес невероятные муки. Даже сменив сапоги, я еще дней десять не мог нормально ходить.

Оказалось, что нас отвели в тыл, в резерв Ставки Верховного главного командования. 27 апреля прибыли в город Козельск.

Козельск

Козельск – маленький старинный городок. Старинная крепость, так отчаянно оборонявшаяся русскими ополченцами во время нашествия татаро-монголов и за это получившая название от последних «Злы город», полуразрушена. На ее территории обосновался военный госпиталь.

Наш дивизион расположился на постой в домах горожан на малой стороне города, разделенной на две части рекой Жиздра. Маленькие рубленые дома деревенского типа. Огороды. На задворках небогатых домов – сараи.

Установилась теплая весенняя погода. Остатки снега исчезли буквально за считаные часы. Разместившись по домам повзводно, получили приказ привести себя в порядок – побриться, помыться и приступить к занятиям.

Без разрывов снарядов и бомб, без пулеметных очередей, да еще и в теплых домах солдаты блаженствовали. Но никогда все хорошо не бывает. Теплая весенняя погода и зимняя одежда – ватные штаны, фуфайки и валенки – создавали благоприятную среду для размножения вшей. Не давал себя спокойно чувствовать и голод. Не такой голод, чтобы люди умирали, но мы все время испытывали его. Еще нас мучил запах разлагавшихся лошадиных трупов. В районе Козельска разлагалась масса трупов убитых в зимнюю кампанию лошадей. Зимой, да и уже и при нас, трупы лошадей свозились и перетаскивались волоком к мыловаренному заводу, соседствующему с улицей, где мы жили, для переработки на мыло. Трупы не успевали закапывать в ямы для длительного хранения, чтобы переработать позднее, поэтому они продолжали разлагаться под весенним солнцем уже на городской территории, отравляя воздух всей округи.

Занимаясь боевой и политической подготовкой, вели и борьбу со вшами. Добывали где-то бочки, чаны и ведра. Грели в них воду и мылись. Кипятили и стирали одежду. Санинструкторы и медфельдшер Гусев проводили ежедневные осмотры на педикулез. Через несколько дней выдали сапоги и заменили брюки. Выдали новое белье. А вши все присутствовали. Ходила легенда, и многие в это верили, что вши лезут из тела голодного человека.

Стало прибывать пополнение. В мое отделение дали двух солдат. Москвича, 48-летнего инженера-химика, и бывшего председателя колхоза Кировской области того же возраста. Оба крупного телосложения, но настолько исхудавшие и отощавшие в запасном полку, где их готовили к боям, что их жалко было

привлекать к выполнению служебных обязанностей. Чтобы как-то накормить, я их старался назначать дневальными на кухню. Повар Н. Трунов усиленно, даже за счет других, их кормил. А когда он мыл котлы, они упросили его потом и остатки пищи не выливать, оставлять в ведре. Вот эти 10 литров помоев и остатков пищи дневальный по кухне за ночь и съедал. Днем наши «старики» всегда отпрашивались собирать «плюшки». Сразу за огородами простиралось картофельное поле, на котором можно было насобирать оставшуюся с осени картошку. Правда, она уже на картошку не походила. Это были мешочки кожуры темного цвета, внутри которых было такого же цвета крахмальное тесто. Вот наше поколение, люди, имеющие жизненный опыт, и собирали картошку – «плюшки». Затем содержимое выливалось в какую-нибудь посуду, добавлялась соль (если она имелась), перемешивалось и пеклось в виде оладий на ржавом листе кровельного железа, уложенного над костром. И блюдо получалось непривлекательное, но вкусное. Мы все с волчьим удовольствием эти оладьи ели.

В Козельске произошло одно из радостных для нас событий: нас перевооружили. Гаубицы с деревянными колесами заменили новыми, более легкими, на резиновых шинах, а горно-вьючные пушки – на более совершенные, с большей дальностью стрельбы пушки-полуавтоматы ЗИС-3. Заменили и тягу. Вместо лошадей, требующих большого ухода, дали американские «Студебеккеры». Лошадей оставили только в хозяйственных взводах да на две двуколки взвода управления. Огневики усиленно осваивали новую технику управления, готовили новых специалистов из вновь прибывших. Все шло хорошо, только не могли избавиться от вшей. Командование решило, что вши у солдат от общения с гражданским населением, и постановило лишить нас такого общения. Из теплых хат переселили в лес, в построенные своими руками шалаши из веток деревьев и кустарников.

Закончив сооружение шалашей, все внимание уделили боевой и политической подготовке и санитарному состоянию личного состава. Снова все перекипятили с прожаром, вплоть до шинелей, устроили поголовную помывку личного состава, но полностью от вшей избавиться все же не удалось. Тогда военфельдшер нашего дивизиона майор медслужбы И. М. Гусев предложил всем без исключения сбрить все волосяные покровы. И когда это проделали, вшивости не стало.

В июне провели боевые стрельбы. Данные для стрельбы подготовили на полной топографической основе. Батареи заняли огневые позиции. Командир дивизиона начал пристрелку. Два снаряда разорвалось в районе цели, разрыв третьего не

обнаружили. Пристрелку прекратили. Мне было приказано найти место падения снаряда. Взяв двух разведчиков, выехал на местность по сектору стрельбы. Преодолев вброд реку Жиздра, въехали в деревню, через которую велась стрельба, и сразу же нашли место падения снаряда. Снаряд, сделав недолет около километра, попал в стену бревенчатого дома. Прошел между двумя бревнами и взорвался в дощатой перегородке, разрушив ее и часть полов, комнаты и, конечно, не оставив в доме ни одной оконной рамы и дверей. Урон дому был нанесен большой. Хозяин и хозяйка дома сильно переживали и в то же время были довольны: они за несколько минут до взрыва вышли из дома во двор, что и спасло их от верной гибели.

Летнее наступление 1942 г

Июнь 1942 года был на исходе. Солдаты за более чем полтора месяца пребывания в тылу, без боев, посвежели и подтянулись. Даже «старики» из нового пополнения отъелись и, казалось, даже помолодели. Но приближались последние дни отдыха. Так мы называли свое пребывание в районе города Козельска.

Сбор по тревоге. Маршрут следования – на юг, на город Белёв Тульской области и дальше на город Болхов Орловской области.

Дивизион занял боевые порядки восточнее пос. Выгоновское. Слегка холмистая местность с кустарниками по низинам хорошо укрывала наши батареи. Наблюдательный пункт командира дивизиона оборудовали на обращенном к противнику пологом скате холма. Ход сообщения до НП через вершину холма выкопали в полный профиль. Всем было ясно, что готовимся наступать, хотя нам этого никто не говорил. Мы привязывали и перепривязывали батареи и наблюдательные пункты. Засекали огневые точки и окопы противника. Готовили данные для стрельбы как по целям, так и по площадям для подавления обороны противника при наступлении нашей пехоты, также и заградительные огни на случай контрнаступления противника. На батареи завозилось по два боекомплекта (120 выстрелов на орудие). Это впервые с начала войны. До этого артиллерия все время была на голодном пайке.

Стояла солнечная погода. К вечеру, как перед бурей, все затихло. Работы закончены, можно поспать. Противник молчит. Быстро темнеет. Оставили двух наблюдателей у стереотрубы, вышли из укрытия и разлеглись на лужайке, метрах в пятидесяти от НП. Земля теплая. Нигде ни звука. Только осветительные ракеты над нейтральной полосой напоминают, что война еще не кончилась.

Не успели уснуть, как с востока стали слышны шорохи. Прислушались. Прямо на нас двигалась колонна солдат. Взлетела осветительная ракета, и стал виден строй бойцов не меньше роты со скатками шинелей, винтовками, ручными и станковыми пулеметами. Головы опущены, лица суровые. Ни одного звука. Только слышно тяжелое дыхание массы людей, выполняющих грязную тяжелую работу. Так всю ночь шли и шли с небольшими перерывами колонны солдат, в основной своей массе к последнему рубежу жизни.

Знали бы эти тысячи солдат всех возрастов, что кончится эта бессонная тихая ночь, с наступлением раннего утра вздыбится земля от выстрелов тысяч орудий и разрывов снарядов. А затем

взлетит красная ракета, и по команде «Вперед!» они беспрекословно покинут свои укрытия, где провели свои последние часы, чтобы навечно лечь на эту теплую чужую землю, далеко от родного дома.

Сам я, пройдя всю войну от ее начала до конца, не могу поставить себя на место этих необстрелянных и не слышавших свиста пуль и разрывов снарядов солдат. Я врастал во фронтовую жизнь постепенно. Первые дни – оборона в глубине. Потом линия обороны, куда не только не долетают пули, но не достают и снаряды. Боевое крещение мы получали под бомбами самолетов. Затем непосредственно крещение огнем противника, но, опять же, в своих окопах или складках местности, в каком-то укрытии. Я всегда надеялся на благополучный исход. Прижимаясь к земле, всегда надеялся, что она меня защитит. Уже позже, когда прошагал сотни километров лесами и болотами в глубоком тылу врага, перенеся невероятные физические трудности, голод и страх, надежды притупились.

Я чувствовал только свое предназначение, необходимость выполнения своих обязанностей, чего бы это мне ни стоило. Я был постоянно настроен на повседневное выполнение обязанностей, в невероятно тяжелых условиях, иногда по трое суток без сна, грязный и мокрый или промерзший до костей, приведенный в такое состояние, когда уже не думаешь о том, чтобы сохранить свою жизнь, а, наоборот, идешь на верную смерть, ищешь смерти, думаешь, что только смерть прервет мучения.

А эти солдаты, да и офицеры тоже (тем летом стали приходить лейтенанты, окончившие после школы трехмесячные курсы военных училищ), о чем они думали в эти часы на марше на передний край и в окопах перед боем? Какое мужество надо иметь, чтобы покинуть укрытие и оказаться под шквалом пуль и разрывов снарядов.

Вернемся к конкретному бою. Чуть забрезжил рассвет, как район расположения артиллерии осветили всполохи света, а затем заскрипели «катюши». Над нами прочертили небо огненные стрелы. И тут же рявкнули пушки, гаубицы и минометы всех калибров. Орудийные выстрелы, разрывы снарядов, свист и шипение снарядов, летящих над головами, – все это слилось в единый, все заглушивший рев. Человеческого голоса даже в одном шаге от говорящего слышно не было.

Артиллерийская подготовка из 400 орудий на километр обороны противника, длившаяся полтора часа, была первой такой в нашей дивизии с начала войны. Мы ликовали. Мощь артиллерии и тысячи пехотинцев, прошагавших ночью на

передний край, вселяли в нас уверенность, что свершается что-то грандиозное. Перед такой мощью никакая оборона не устоит. Мы двинемся снова вперед, а это приблизит конец войны.

Идет второй час артподготовки. Кажется, не будет конца этому аду. Чтобы не лопнули барабанные перепонки, стоим с открытыми ртами. Наконец огонь стал ослабевать. Звуки разрывов снарядов значительно ослабели. Огонь перенесен на вторую линию обороны. В это время наша пехота поднимается штурмовать переднюю линию обороны противника. Видимости нет. Все в дыму. Но мы знаем, что сейчас решается судьба боя. То, ради чего работали по организации наступления тысячи людей в штабах и в непосредственной близости от обороняющегося противника. Ради чего выброшены тысячи тонн снарядов и мин.

Ждем, пока рассеется дым. Огонь нашей артиллерии стал стихать, и в то же время усилился огонь немецкой артиллерии. Нам, дивизионной артиллерии, предстоит прицельным огнем подавлять отдельные очаги сопротивления, если такие будут. Стали слышны немецкие пулеметы. (Мы их определяли безошибочно.) Командир дивизиона разговаривает с командиром поддерживаемого батальона. Поняли, что пехота в немецкие окопы не ворвалась. Залегла. Командир батальона просит поддержать огнем, подавить огневые точки противника.

Наконец дым начал рассеиваться и солнечные лучи стали достигать поля боя. В стереотрубу с десятикратным увеличением все четче стала вырисовываться картина боя. Трудно было найти ориентиры. Передний край обороны стал неузнаваем. Проволочное заграждение порвано. Местами совсем снесено. Весь передний край из зеленого стал черным. Перед проволочным заграждением местами еще сохранилась зеленая трава. Видны кучно лежащие наши солдаты. Здесь же видны разрывы снарядов. При солнечном свете слабо заметны дымки нескольких пулеметных точек. Майор Антонов по телефону кроет командиров первой и второй батарей за их медлительность в подавлении огневых средств противника, не дающих подняться в решительную атаку пехоте. А тем временем командир третьей гаубичной батареи корректирует огонь своей батареи, пытаясь уничтожить, как мы предполагаем, немецкий наблюдательный пункт. Снаряды поднимают вокруг небольшого бугорка за линией окопов фонтаны земли, но прямого попадания нет. Видим, как голые по пояс расчеты полевых пушек ведут огонь, пытаясь подавить огонь пулеметов. Пехотинцы по-пластунски сокращают расстояние до немецких окопов. Отдельные солдаты поднимаются, устремляясь вперед, но тут же, то ли убитые, то ли прижатые огнем, падают. Наконец недружно поднимается вся

цепь наступающих, но перед самыми окопами вновь залегла, а затем и попятилась назад.

И так весь день, то затихая, то усиливаясь, идет артиллерийский огонь. Среди наших залегших цепей беспрерывно рвутся, если судить по вспышкам, мины малых калибров. Пехота, сделав несколько попыток ворваться в окопы противника, откатившись назад, залегла окончательно.

Солнце все ниже, и реже артиллерийская канонада. С наступлением ночи прекратился и ружейно-пулеметный огонь с нашей стороны. Только глухие звуки немецких пулеметов да частые осветительные ракеты немцев нарушали покой ночи. К полуночи снова уже новые роты и батальоны потянулись на передний край.

На рассвете, получив ночью подкрепление, после огня жиденькой артподготовки наша пехота снова начала атаковать позиции противника. Все повторилось, как в первый день. Все атаки отбиты. Прошел слух, что на правом фланге, на участке другого полка, удалось ворваться в окопы, но контратакой противника наши были выбиты и положение восстановлено. Только к вечеру третьего дня на левом фланге нашей пехоте удалось прорвать оборону противника и, углубившись на 1,5 км в оборону противника, занять стертую с лица земли деревню.

Наступила ночь, и бои прекратились. А к утру противник вернул утерянные вечером позиции. Многие тысячи наших солдат и офицеров стали жертвами нашего головотяпства. Немцы, отступая, сознательно или случайно оставили в пос. Меркуловский несколько бочек спирта и водки. Этого было достаточно, чтобы наши напились и крепко уснули. Да так крепко, что немцам даже не потребовалось тратить патронов. Но самое удивительное, что наше командование не догадалось ввести в прорыв свежие дополнительные силы. Наступательная операция на Брянск в июле 1942 года бесславно завершились. Армия перешла к обороне.

Летнее 1942 г. наступление немцев на тульском направлении

Ровно месяц дивизия занимала оборону на болховском направлении. Несколько раз меняли сектор обороны и каждый раз заново строили оборонительные сооружения, усиливали рубежи.

Понеся большие потери в июльском наступлении, дивизия была малочисленна, и упорно ходили слухи, что нас вот-вот отправят на формирование в глубокие тылы. Говорили, что чуть ли не в Куйбышев. Действительно, 9 августа с наступлением темноты стали прибывать батальоны другой дивизии. 11 августа полк снялся с боевых позиций и двинулся в направлении Белёва. Трудно сказать, сколько километров мы преодолели, предвкушая отдых в глубоких тылах. Но мечте не суждено было сбыться. Среди ночи колонна развернулась и форсированным маршем двинулась в направлении деревни Железницы. Уже рассветало, когда батареи стали рассредоточиваться вдоль дороги, в кустарниках по берегу оврага.

Не успели огневики отцепить от машин пушки, как появились немецкие самолеты. Батареи развертывались под непрерывными бомбежками и пулеметным огнем самолетов. Самолеты летали на небольшой высоте совершенно безнаказанно. В небе не появился ни один наш самолет. Не было и зенитной артиллерии. Особенно угнетающе действовали пикирующие бомбардировщики Ю-87. С включенными сиренами они пикировали почти до земли, сбрасывали бомбы и в то же время вели огонь из 20-мм пушек и пулеметов.

Я получил приказ явиться на наблюдательный пункт северо-западнее Железницы. Надо было пройти открытый участок бывшей пашни, чтобы спуститься в овраг и затем уже оврагом подойти к НП.

Скошенное овсяное поле. Впереди, метрах в трехстах, кустарник. Пока нет самолетов, надо успеть добраться хотя бы до кустарника. Но прямо передо мной гул, а затем и сами самолеты. Ложусь в борозду. Самолеты, порядка 10–15 штук, прошли надо мной и стали бомбить разворачивающуюся в кустарнике у оврага нашу вторую батарею. Тороплюсь, пока самолеты бомбят батарею, добежать до кустов. На ходу все время оборачиваюсь назад. Слежу за самолетами. Но вот один самолет отделяется от группы и идет на меня. Я решил, что у него кончился боезапас и он возвращается на аэродром, но на всякий случай решил лечь в

борозду. Чем черт не шутит. При таких же обстоятельствах такие же летчики и с таких же самолетов уже убили подо мной две лошади. Точно так же нападая на одиночную цель. Правда, тогда цели были покрупнее. В одном случае всадник на лошади в седле, а в другом – двое в санях. Но я знаю, что зимой 1941/42 года в районе Тулы и Калуги немецкие самолеты нападали и на одиночных солдат. И не успел я прижаться к земле, как рядом со мной прочертила землю пулеметная очередь. Пока я думал, подниматься или еще переждать, самолет развернулся и сделал второй заход. И на этот раз очередь прошла рядом. В это время другие самолеты закончили свою работу и, построившись клином, направились на запад. Подымаюсь и я. Надо успеть добежать до кустарника до новой волны самолетов. Знаю, что там начинается овраг, которым можно подойти к наблюдательному пункту.

Второй налет застал меня уже на подходе к штабу батальона. На этот раз самолеты обрабатывали траншеи нашего переднего края обороны.

Останавливает часовой. Прошу вызвать кого-нибудь из офицеров. Из дыры в стене оврага, завешенной плащ-палаткой, вышел ст. лейтенант. Оказалось – начальник штаба батальона 28-го гвардейского стрелкового полка нашей дивизии. Полка, который держит здесь оборону, а наш дивизион придан ему для артподдержки. Старший лейтенант сказал, что командир дивизиона майор Антонов на наблюдательном пункте комбата майора Конькова. По почти отвесной стене оврага, цепляясь за кустарник, поднимаюсь наверх. Впереди гул боя. Сплошные разрывы снарядов, непрерывные пулеметные очереди и ружейная стрельба. Пока я не вижу ни нашей обороняющейся пехоты, ни наступающих немцев. Наши окопы находятся на скате высоты, обращенной к противнику. Иду по неглубокому окопу. На перевале окоп уже в полный рост ныряет в землянку. Это и есть НП. В амбразуре две стереотрубы. Здесь же три телефониста с полевыми телефонами. У одного из телефонов командир батальона кому-то во весь голос доказывает, что необходимо немедленно прислать подкрепление, что у него в ротах осталось по 7—10 человек, что немцы готовятся к очередной психической атаке и он не уверен, что она будет отбита. Бой не затихает ни на минуту. Снаряды и мины рвутся рядом с НП.

От командира дивизиона я получил задачу немедленно, хотя бы глазомерно, нанести на планшет боевой порядок дивизиона и подготовиться для стрельбы по заградительным огням и местам предположительного сосредоточения противника. Подошел к стереотрубе. Впереди, метрах в ста от НП, по пологому склону,

обращенному к противнику, тянулась ломаная линия наших окопов. Местами были видны дымки винтовочных выстрелов и тупо стучали короткими очередями «максимы». Через НП и левее, из оврага, редко постреливают наши минометы. Дальше по полю видны отдельно лежащие предметы. Я решил, что это убитые. Метрах в трехстах от наших окопов, перед оврагом, поросшим кустарником и небольшими деревьями, чуть заметна хорошо замаскированная линия окопов противника. Из окопов ведется интенсивный пулеметный огонь, а в овраге виден дым и слышны звуки стрельбы разнокалиберных минометов.

Вместе с командиром разведки наношу на карту увиденное и по линии связи отправляюсь в обратный путь. Спустился в овраг и за ручьем, в ответвлении основного оврага, нашел штаб, развернувшийся в землянках, оставленных ранее занимавшей оборону частью. Начальник штаба накалывает на карту две батареи. Мне остается третья. На скорую руку готовим командирам батарей и командиру дивизиона данные для стрельбы. Вызывает начальник штаба. Звонил командир дивизиона, срочно вызывает на НП. Беру данные для командира дивизиона и командира 1-й батареи, который находится на одном НП с командиром дивизиона, и бегу туда. Путь ружейным огнем не простреливается. Только рвутся отдельные мины и снаряды, выпущенные по случайным целям. Докладываю о прибытии и выполненном задании. И тут же получаю новое: срочно подготовить данные для стрельбы по двум точкам – основной и запасной немецким батареям. Оказалось, что, пока я занимался привязкой батареи и готовил данные для стрельбы, немцы предприняли очередную «психическую» атаку на наш обороняющийся батальон. Немцы, чувствуя жидкий огонь с нашей стороны, короткими перебежками стали приближаться к нашим окопам. Им это удавалось, и когда до окопов оставалось метров 150, они по команде поднялись – по пояс голые, с упертыми в живот прикладами автоматов и, ведя непрерывный огонь, пошли на наши окопы. К счастью, наша пехота устояла. А пулеметный, минометный и артиллерийский огонь сначала остановил, а затем и заставил наступающих повернуть обратно. Перед окопами осталось много убитых, в том числе совсем недалеко от окопов лежал офицер. Он был во френче, фуражке и с офицерской сумкой. Как только немцы показали пятки, кто-то из смельчаков вылез из наших окопов и снял сумку с убитого. В ней была карта с нанесенными двумя батареями. Неизвестно, какие трофеи добыл солдат, рисковал он, надо полагать, не из-за карты, а карта пригодилась.

Сразу же гаубичная батарея была привязана инструментально

в истинных координатах, подготовили данные и нанесли два огневых налета по батареям. Неизвестно, были ли поражены немецкие батареи, мы ведь находились в обороне и на место их расположения не выходили и видеть их мы с наших НП не могли, так как они находились на закрытых позициях.

Во второй половине дня левый фланг нашей обороны не выдержал. Немецкие танки двинулись на деревню Железница. Бои завязались в самой деревне. Деревня горит. Все это рядом. Мы слышим лязг гусениц и урчание танковых моторов. Противник в 500 метрах слева от нас, и ни одного нашего солдата в обороне. Позже мы узнали, что немцы прорвали оборону, занимаемую двумя дивизиями нашего корпуса, справа и устремились на Тулу. Остановлены они были только на реке Упе, продвинувшись на 40 км. Наши разбитые дивизии оказались в окружении. Но тогда мы этого не знали. Не знали, что и справа у нас, как и слева, территория, занятая противником. Группировка, прорвавшая оборону слева от нас, продвинулась на 7 км и все-таки была остановлена. В деревне Железница был полностью уничтожен наш противотанковый дивизион. Погиб и командир дивизиона.

Наступила ночь, бой затих. Обычная фронтовая ночь. Осветительные ракеты и пулеметные очереди со стороны противника. Наша сторона молчит.

Утром с НП в штаб дивизиона пришел командир 28-го гв. сп. Он бросил в бой последние резервы: писарей, поваров, ездовых – всех, кто еще мог держать оружие. В батальонах осталось по семь человек. За пулеметы легли офицеры. А противник продолжает атаковать.

Ездовой хозотделения принес термос с кашей. Солдаты стали подходить с котелками. Вдруг относительную тишину разорвали несколько совсем близко взорвавшихся снарядов. Бросились в ровики и землянки. Разрывы участились. И, больше того, снаряды летят с востока, из наших тылов. Наши землянки, врытые в стене оврага, обращенной к противнику, теперь открыты для снарядов наших батарей. Хорошо, что у нас на батареях экономили снаряды. Десятиминутная канонада закончилась, и потерь не было. Не обошлось и без эксцесса… Обстрел закончился, все вышли из укрытий, кроме командира дивизиона. Антонов исчез. Все ахнули. Решили, что любимый командир попал под снаряд. Бросились по кустарникам искать и нашли… сидящим со спущенными штанами. Капитан выругался: «Вы что, командиру и в уборную самостоятельно сходить не разрешаете?»

Позавтракав и подлечив зубы, капитан ушел на НП. Телефонист доложил, что он прибыл, и на полуслове связь

прервалась. Начальник связи лейтенант Шило приказывает линейному связисту восстановить линию. Тот, взяв винтовку, бежит по линии, но в 100 метрах от командного пункта падает с пулевым ранением в ногу. Раненого посадили в двуколку, чтобы отправить в медсанбат, но, как только двуколка выехала из оврага, совсем рядом щелкнул винтовочный выстрел и со смертельным ранением в кончик носа падает ездовой. Раненый связист, перехватив вожжи у убитого, повернул лошадь назад. А в это время немцы по одному, с автоматами на изготовку, стали пробираться вдоль ручья, отрезая нас от переднего края и наблюдательных пунктов. Мы оказались в ловушке. И сообщить на НП, что немцы зашли им в тыл, не можем, нет связи. Начальник штаба приказывает занять круговую оборону. Паники нет. Да, мне показалось, что всерьез это окружение никто и не принял. За исключением двух солдат, все 16 человек, находившихся здесь, воевали с самого начала войны и в 1941 году побывали в более серьезном окружении. К нашему счастью, немцы, из каких-то только им известных соображений, заняв все подходы к КП, в овраг не пошли.

Уже близился вечер, когда нас всех по одному стал вызывать комиссар дивизиона старший политрук Кавицкий. И каждый, кто еще не был членом партии, под его диктовку написал заявление о приеме: «…и если погибну, считать коммунистом…».

Мы знали, что немцы ночью не воюют. Ночью они спят. Это удел русских – ночные атаки. Однако по ночам немцы вели разведку, поэтому все солдаты и офицеры (их было трое: начальник связи, ст. военфельдшер и ст. ветфельдшер) занимали боевые посты, а комиссар Кавицкий и начальник штаба капитан Черноусов были как бы начальниками караула.

Ночь прошла спокойно. Наступило утро. Вызывает комиссар. Получаю приказ: установить место, где находятся немецкие стрелки, простреливающие подходы к нашему оврагу. Это надо выйти (вернее, выползти) на высоту, находящуюся между двумя оврагами – тем, что у деревни Железница, где находятся немцы, и нашим, где располагаемся мы. Пространство небольшое, метров 250–300, но это пашня без единого кустика, к тому же и скат в нашу сторону, и хорошо просматривается с деревьев, растущих в овраге, занятом немцами. Кроме того, нам не известно, насколько далеко они выдвинулись от своего оврага.

Знаю, что задача невыполнима. Не могу я выбраться туда незамеченным, а если буду незамеченным, то и сам ничего не увижу. Однако приказ не обсуждают. Беру винтовку и отправляюсь в последний путь. Так я считал. Страха не было, была только злость. На немцев. Злость на командиров, так

бездумно отдающих приказы. И, как назло, ночью выпала сильная роса. Ползу, как можно плотнее прижимаясь к земле. На первых же метрах гимнастерка промокла и покрылась грязью. Мешает винтовка. Знаю, что сейчас она не нужна, никак ею не воспользуешься, но и бросить нельзя. Прополз около 100 метров, когда на западе услышал гул самолетов, а затем и увидел их – порядка двадцати, и шли они прямо на меня. Плотнее вжался в землю в небольшой котловинке, и тут же завизжали бомбы. Я их не только слышал, этот пронизывающий душу визг, но и видел, как они отрываются от самолета и падают прямо на меня. Это всегда так кажется, когда на них смотришь снизу, а не со стороны. Разрывы бомб оглушили. Трудно удержаться прижатым к земле. Какие-то силы словно поднимают, пытаются оторвать от земли, подставить тебя под осколки рвущихся бомб. Наконец волна разрывов стала удаляться. Бросаюсь в еще дымящуюся свежую воронку. Здесь чувствую себя спокойнее. Приходит на ум теория вероятности. Пока я менял позицию и считал, сколько надо сбросить бомб, чтобы попасть в мое убежище, самолеты сделали разворот и обрабатывали еще раз поляну, только ту ее часть, которая принадлежала немцам, и их же овраг с деревьями. Считаю, что мне больше здесь делать нечего. Возвращаюсь. Докладываю. Комиссар удовлетворен.

В первой половине дня мы заметили, что подразделение немцев, вклинившееся в нашу оборону по ручью, стало отходить без боя. Тут же отправили связистов по проводу и восстановили связь с НП.

Кончился третий день боев. Наступает тревожная ночь. Занимаем круговую оборону. Ужасно хочется есть. Весь неприкосновенный запас съели (да он почти весь был съеден раньше). Начальник штаба принял решение, что ночью надо добраться до старшины и доставить питание.

Все спокойно. Но вдруг окрик старшего сержанта Забарского: «Стой! Кто идет?» И ответ: «Свои». Идут переговоры. Оказалось, что к нам подползли разведчики артдивизиона. Того самого дивизиона, который нас обстреливал накануне. Дивизион прибыл на поддержку нашей дивизии, но где-то кто-то неправильно поставил задачу. Наш овраг уже считали сданным противнику.

Пять дней шли ожесточенные бои. Противник, видно, не мог допустить, что здесь они топчутся на месте, в то время как справа и слева ему удалось прорвать нашу оборону, а слева они даже имели тактический успех. Не дали результата и психические атаки. Только 16 августа немцы прекратили атаки и перешли к обороне.

А еще через неделю наши полки начали наступление на

Железницу. Через сутки противника выбили из деревни. Но он не может смириться с потерей и все время контратакует наши позиции. В воздухе все время самолеты. Снова брошены в бой танки. Наши упорно сопротивляются, но 30 августа противнику удается ворваться на южную окраину деревни. Контратакой наши снова выбили немцев, и 1 сентября дивизия перешла к длительной обороне.

Пять месяцев в обороне

Заканчивалось лето. Противник оставил попытки захватить деревню Железницу, и стороны перешли к обороне.

Наш дивизион сменил ранее занимаемые позиции и перебазировался в район деревень Озерна и Госьково. Управление дивизиона ночью выбрало место в самых верховьях оврага, в километре от Госьково. Оставшуюся часть ночи копали землянки и щели. Недалеко от землянок нашли, видимо нашими предшественниками выкопанную, яму-колодец. Всю ночь брали из нее котелками и пили воду, а утром увидели в полутора метрах от колодца останки двух разложившихся трупов наших солдат. Третий труп лежал на стенке оврага, и дождевые воды, омывавшие его, скатывались в колодец. К счастью, все кончилось благополучно, никто не заболел. Трупы похоронили, колодец очистили и прохлорировали. Из него еще долгие пять месяцев пили воду. Закончив устройство упрощенных временных укрытий, приступили к строительству капитальных. Построили наблюдательный пункт с ходом сообщения к нему, затем жилье для комиссара Кавицкого в две комнаты с перекрытием в три наката. Комиссар, старший политрук Александр Павлович (как он любил себя называть), любил комфорт. Для этого он никогда не жалел труда солдат. Командный пункт – он же штаб и жилье начальника штаба и заместителя командира дивизиона – был значительно скромнее. В одну комнату и перекрытие послабее – только два наката. И в последнюю очередь построили две землянки для личного состава. Одну для солдат и офицеров взвода топоразведки и взвода разведки и вторую – для взвода связи, а на небольшом отдалении – укрытие для лошадей. Их у нас было три, по одной на взвод. Старшина со своим хозотделением оборудовал свою стоянку в километре восточнее.

По ночам занимаясь строительством, днем каждый взвод выполнял свои прямые обязанности по изучению переднего края обороны противника, привязке его огневых средств и оборонительных сооружений, а также своих батарей и наблюдательных пунктов и готовил данные для стрельбы.

Закончив строительство, приступили к повседневным занятиям по повышению боевой и политической подготовки. Начальник штаба капитан Черноусов строго следил за выполнением расписания занятий. Учеба проводилась и на наблюдательных пунктах. Например, мне пришлось проводить занятия по топографии и арттопоразведке с командирами батарей и командирами взводов управления. Занятия

проводились на их наблюдательных пунктах, чтобы не отрывать их от выполнения своих обязанностей.

По расписанию занятий эти дисциплины должен был проводить командир взвода топоразведки лейтенант Степанов. Но этот молодой лейтенант, прибывший к нам в дивизион весной 1942 года, до войны был техником молочной промышленности. В 1941 году он был призван на военную службу, всего за 6 месяцев окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище, эвакуированное в г. Энгельс Саратовской области, три из которых работал на лесозаготовках. Можно себе представить, что он знал об артиллерии и тем более об арттопослужбе. Например, он рассказывал, что им, курсантам, за весь курс только один раз показывали дальномерную рейку, а о таких инструментах, как теодолит, кипрегель или оптическая алидада, он и представления не имел. Как очень честный, дисциплинированный человек, он очень болезненно переживал свое положение. Иногда краснел перед старослужащими солдатами из-за своей некомпетентности, иногда как-то старался показать, что он знает вопрос, и попадал в таких случаях в незавидное положение.

Один из примеров. Лейтенант медслужбы Гусев и лейтенант ветслужбы Бадрединов в свободное от дел время, а его у них было, не в пример другим, немало, упражнялись в остроумии. Как-то один из них в разговорах об оптических инструментах спросил Степанова, изучали ли они в училище такой прибор, как пенис. Тот на миг смутился, а затем, чтобы показать свою военную подготовку, ответил – да, изучали. А затем, думая, что его могут попросить рассказать, что это за прибор и для чего он служит, и чтобы не попасть впросак, пошел к начальнику штаба капитану Черноусову и попросил его рассказать, что за прибор и как на нем работают, так как в училище его не изучали и, если придется работать на нем, ему будет неудобно перед подчиненными. Это лишь один из многочисленных эпизодов, и таких шуток для разрядки было много.

Так вот, надо проводить занятия, а в дивизионе к концу 1942 года только два человека, окончивших нормальные военные училища. А поскольку даже в нормальном военном училище за два года курсанты не могли усвоить все дисциплины, то при обучении упор там делали только на основные. Топография, видно, считалась дисциплиной второстепенной. Из офицеров нашего полка только начальник штаба полка капитан Авралёв интересовался арттопослужбой и топографией и знал ее. В довоенное время он, начальник штаба полка, не стеснялся иногда приходить к нам в полковую школу на уроки по этим дисциплинам. Иногда устраивал жаркие дискуссии по

арттопослужбе с курсантами.

При таком положении Степанов с ведома начальника штаба просил меня проводить занятия. А мне, сержанту, чтобы не краснеть перед офицерами, приходилось как следует готовиться. Приходили на наблюдательный пункт вместе со Степановым. Делалось это ночью. Днем ходить было нельзя, можно получить пулю от пулемета или от снайпера и, кроме того, нельзя демаскировать наблюдательные пункты. Я вел занятия, а Степанов сидел и тоже усваивал предмет.

Позже, в должности командира взвода управления, Степанов считался сильным офицером. За преподавание я всегда получал вознаграждение. Степанов делился со мной своим дополнительным офицерским пайком. К большому сожалению, Степанов топографом не стал. Где-то сразу за Днепром он был назначен командиром взвода управления батареи, а осенью 1944 года под Либавой был тяжело ранен и вернулся домой уже после окончания войны без ноги.

Один такой поход на НП чуть было не кончился трагически. На этом участке фронта мы как-то уж очень близко соседствовали с немцами. Окопы наших пехотинцев местами были в 100 метрах и даже ближе от немецких. И батареи, и наблюдательные пункты были необычно близко расположены от немецкого переднего края. Например, батареи при дальности стрельбы 12 км стояли на расстоянии полутора километров от немецких окопов. При подготовке данных как-то непривычно было писать «прицел-30». Обычно это было 50–60.

Стояла очень морозная погода. Светлая лунная ночь. Вышли с НП командира первой батареи далеко за полночь. Наст держал хорошо. За разговорами не заметили, как отклонились от своего направления (ориентиров не было, кругом только снег), и спохватились, когда перед носом взлетела осветительная ракета. Складки местности спасли нас от автоматного огня.

В ноябре месяце солдаты стали болеть. Высокая температура, слабость, отеки конечностей. Больных отправляли в медсанбат. Через несколько дней нам сообщили, что солдаты больны туляремией. Заразная болезнь, переносимая мышами, которых обитало в соседстве и среди нас великое множество. Ходили слухи, что засылали зараженных туляремией мышей немцы. А дело, очевидно, было в том, что для мышей создалась хорошая кормовая база. Население из прифронтовой полосы было выселено, и вся рожь, не скошенная или уже в снопах, оставалась в поле. А мышей было так много, что трудно было ступить на землю, чтобы не наступить на мышь. Весь снег был испещрен мышиными ходами. Мыши проникали в землянки и бегали по

спящим солдатам, а бывало, и кусали их, почему-то за носы и уши. Очень трудно было спасти от них хлеб, который выдавали на сутки. Хлеб на шпагате в мешках из-под маскхалатов стали подвешивать к потолкам землянок. Но мыши каким-то чудом и туда забирались.

Мышей отлавливали изготовленными из консервных банок мышеловками, у которых надо было находиться постоянно, чтобы вынимать пойманных мышей и настораживать мышеловку снова. Желающих попасть в нее было так много, что не успевали отнять от мышеловки руку, как она уже захлопывалась. Там уже была мышь, а то и две. Видя, что мышеловками и палками от них не избавиться, построили вокруг лагеря крепостную стену из утрамбованного снега, облитого водой. Снег на месте строительства стены выбирали до мерзлой земли. В полуметровом проходе в стене постоянно стоял солдат, в обязанности которого входило убивать пытавшихся проникнуть в лагерь мышей. Но и это особых результатов не дало. Мыши все равно бегали по спящим, кусали их и хлеб съедали. Правда, заболеваний почему-то не стало. Ближе к весне мыши исчезли. Я думаю, что, съев все зерно, они затем сожрали сами себя.

В ту зиму солдаты заговорили о питании. Если раньше никто из нас не спрашивал повара или ездового хозотделения, доставлявшего в термосах за плечами пищу на передний край, что он сегодня принес, то теперь все чаще и чаще звучало: «Что, сегодня опять пшеничка?» Солдатам, несмотря на недостаточность питания, особенно в белковой пище, уже настолько надоели суп и каша из пшенички, выдаваемые подряд в течение нескольких месяцев, да еще и без жиров, что даже при пустом желудке все делали гримасу.

Как-то нам всем выдали лыжи. Сразу же начали учить ими пользоваться. Были ведь солдаты, да и офицеры, которые на них никогда до этого не становились. Организовали катание с горы по стенке оврага. Соорудили даже небольшой снежный трамплинчик, кстати, прыгая с которого я дважды в кровь разбивал лицо. Время пошло быстрее, так как люди засиделись в тесных сырых и холодных землянках. Печи были только в штабах да у комиссара.

В конце года произошло три трагических случая.

У меня в отделении служил красноармеец Мягких. Туляк, возраст 35 лет. Призван был из запаса уже во время войны. Первое время за ним ничего не замечалось. Только был он какой-то вялый. Но с наступлением весны стал все больше и больше кашлять. В ППМ (передовой передвижной медпункт) выдавали таблетки, и то редко. Со временем кашель Мягких стал просто

забивать. В землянке, где солдаты в буквальном смысле спали друг на друге, такой кашель для других стал невыносим. А его мало того, что не лечили, но наравне с другими посылали в наряд. И только когда у него горлом пошла кровь, его отправили в медсанбат. А через несколько недель мы узнали, что Мягких умер.

Во взводе топоразведки по штату были двуколка, лошадь и ездовой. Тихий аккуратный солдат немногим старше 30 лет, тоже призванный из запаса. Жил он в «норе», вырытой в стенке оврага рядом с конюшней. Холод сделал свое дело: у солдата разболелись зубы, а потом появилась большая опухоль на шее. Отправили в ППМ. Начальник санслужбы полка, кстати, сам зубной врач по образованию, удалил больной зуб, а солдат вернулся в свою «нору» и через два дня умер.

Через несколько дней после смерти ездового утром нашли мертвой и нашу любимицу, кобылу Букашку. Маленькая мышиного окраса лошадка честно служила нам около года. Смерть ее была похожа на самоубийство. Она просунула голову между стойкой, поддерживающей перекрытие, и стойкой землянки и легла, передавив шею, отчего и скончалась.

Новый, 1943 год встречали небольшими пирушками в землянках, повзводно.

В условиях обороны, когда солдаты и офицеры, по нашим понятиям тех времен, находились в терпимых условиях, редко кто выпивал выдаваемые ежедневно свои 100 граммов водки сразу. Большинство водку сливали во фляги и, когда ее там было несколько сот граммов, устраивали маленькие организованные выпивки. Надо заметить, что за всю войну у нас не было случая, чтобы кто-нибудь напивался допьяна. Во всяком случае, я такого не знаю. Соответственно, шло приготовление и к встрече Нового года. Выпивка была, закуска тоже – хлеб.

Командир дивизиона, предварительно выпив, тоже решил отметить эту дату. На гаубичной батарее было четыре осветительных снаряда, и он решил их использовать. Ровно в 12 часов ночи был дан залп осветительными снарядами. А когда ракеты повисли над немецким передним краем, прогремел залп из восьми пушек и четырех гаубиц. Так мы использовали свой недельный лимит снарядов.

В январе мне посчастливилось 10 дней провести в Доме отдыха, организованном при одном из армейских госпиталей. Это был первый и последний случай за все четыре года войны. И побывало в нем из нашего полка всего два человека: командир орудия второго дивизиона и я.

Дом отдыха находился в каком-то общественном здании, в

двух километрах от поселка. Дисциплина была воинская. Ежедневные поверки. Даже ночью проверки. За отлучку выписывали и отправляли в часть. И все-таки мы находили возможность улизнуть в город. Делать там, конечно, было нечего, а все-таки приятно было почувствовать себя человеком, посмотреть на девушек, а то и поговорить с ними.

Однажды вечером, когда нам было запрещено отлучаться, мы вдвоем с писарем строевого полка побывали с девушками в кино. В другой раз девушки увели нас в деревню в 4 километрах от поселка, откуда мы вернулись в Дом отдыха уже после подъема и чуть было не попали в число штрафников. На наше счастье, дежурный офицер оказался сердобольным человеком. Но больше всего мне запомнились два эпизода, говорящие о поведении или, скорее, о положении женщин в годы войны. То, что девушки нас повсюду через окна, чаще всего знаками или голосом, приглашали в дома, это было в порядке вещей. А в один день произошло событие неординарное.

На улице с нами поздоровалась (мы были вдвоем) и заговорила прилично одетая и не дурная собой женщина лет тридцати. Предложила нам пойти в кино. Сказала, что у нее есть подруга, которая тоже скучает одна. И она нам «с великим удовольствием» составит компанию. А пока в кино идти рано, предложила посидеть у нее дома. Нам надо было убить время, и мы согласились. Не успели мы переступить порог дома, как на нашу знакомую обрушился поток ругательств. Мужчина и женщина, как потом выяснилось, свекор и свекровь нашей знакомой, кричали на нее, что она забыла находящегося на фронте мужа и не уделяет внимания ребенку. А невестка, ничуть не смущаясь, хлестко отбивалась и, взяв нас под руки, увела из дома. Мы были настолько поражены случившимся, что потеряли дар речи. А наша знакомая, ничуть не смутившись, всю дорогу нам втолковывала, что старики прожили жизнь, а мы молоды, и им нет дела до того, как мы живем. Говорила, что ее подруга живет одна и после кино мы проведем время у нее. В вестибюле кинотеатра она быстро нашла свою подругу, но та не отпускала локоть старика – капитана интендантской службы. Так и осталась наша знакомая ни с чем.

Другой случай. Девушки увели нас в деревню в четырех километрах от поселка. Засиделись за полночь и в поселок пришли уже под утро. В Дом отдыха идти рано, нас сразу поймает дежурный – надо бы вернуться к подъему. Солдаты побегут в уборную. Мы снимем и накинем на плечи шинели, смешаемся с солдатами и с ними проскочим в палату. Но где бы провести эти три часа до подъема? И нам повезло. В центре поселка у магазина

стояла большая очередь за водкой. Чтобы получить водку по талонам, жители занимали очередь еще с вечера. Как только поравнялись с очередью, одна молодая женщина в шлеме летчика бросилась наперерез и, взяв нас под руки, с ходу предложила пойти к ней домой. По дороге она рассеяла наши опасения о возможной встрече с родителями или свекровью, рассказала, что она живет одна, но и вторая пара будет составлена – у нее дома живет подруга. Вошли в комнату и в недоумении остановились. На полу вдоль одной стенки на соломенной подстилке спали дети. Шесть головок детей. Заметив наше замешательство, наша знакомая объяснила, что ее детей только четверо, а двое – подруги. Подруга тоже оказалась здесь.

У стола стояла высокая, лет тридцати пяти, женщина в халате и чистила картошку. И тут же на стуле сидел годовалый ребенок. Нам было предложено раздеваться и ложиться в постели. Постели были в разных комнатах. Хозяйка объявила, что, пока мы спим, она купит причитающуюся ей по карточкам водку. «И тогда будет все…» – сказала она и убежала. «Приказ» мы выполнили, но долго лежать не смогли. Сон не шел. Во-первых, нас беспокоила самовольная отлучка, а во-вторых, на нас напали полчища клопов. Быстро оделись и, доложив второй хозяйке, что мы очень торопимся, покинули гостеприимный дом. Надежды хозяйки не оправдались. Можно представить разочарование вернувшейся домой молодой женщины.

Хочу коснуться вопроса о нашем отношении к поступкам женщин. Мой приятель был старше меня на четыре года, был женат и имел ребенка. На фронт он пошел в начале войны. Наши койки в Доме отдыха стояли рядом. Мы много говорили о довоенной жизни. Говорить о войне никому не хотелось. Да и после войны десятки лет о войне говорить было не принято. Так вот Николай, по профессии агроном, очень много говорил о ботанике, о сельском хозяйстве. Его любимая тема – как поднять урожайность зерновых. Не обходили в разговорах и женщин. У него был в этом деле опыт, и он много рассказывал о своих отношениях с женщинами в свои студенческие годы и уже женатым. При этом никогда не отзывался о них негативно. Много говорил о жене, характеризуя ее самым лучшим образом. Но это было до вышеупомянутых мною эпизодов. После них Николай свое мнение о женщинах изменил. Он стал все чаще о чем-то задумываться, а то, вдруг обрывая совершенно другую тему разговора, говорил: «А ведь и моя жена может вести такой же образ жизни…»

Десять дней пролетели незаметно, но их было достаточно, чтобы научиться курить и приучиться к комфорту

пятнадцатикоечного теплого общежития с чистыми простынями и сну без сапог и шинели. Не меньше недели, вернувшись в часть, пришлось опять привыкать к холодной сырой землянке, земляным нарам и сну вповалку, не снимая сапог и фуфайки или шинели.

После непрерывных наступательных боев, больших переходов и потерь тихую жизнь в обороне мы считали раем. Выполняли охранную службу и углубляли знания по специальностям, ну и, конечно, изучали марксизм-ленинизм. По каждому слову вождя – два часа занятий. Потерь в войсках не было. Артиллерийские дуэли не велись. У нас был жесткий лимит на боеприпасы, а редкие артналеты и одиночные обстрелы нашей обороны немцами успехов не имели. Мы хорошо окопались и не демаскировали себя. Помню только один случай, когда на немецкой стороне в непосредственной близости от окопов появилась автомашина. Одна наша батарея открыла огонь и разбила ее. Постоянную же работу немецких пулеметов мы в расчет не брали, да и результатов они не имели.

Как-то командир дивизиона, вернувшись из штаба полка, вызвал к себе начальника разведки дивизиона капитана Бенедиктова и приказал провести разведку с целью взятия «языка». Разведку было приказано провести помкомвзвода разведки старшему сержанту Митягову.

Несколько суток, не отрываясь от стереотрубы, изучали передний край противника. Искали уязвимое место. Остановились на одном блиндаже в системе траншей. Лощинка позволяла незаметно подползти к проволочному заграждению, да и расположено оно было подальше от немецких окопов. Дождавшись безлунной ночи, группа из 8 человек в белоснежных маскхалатах с обмотанными бинтами автоматами двинулась в путь. Все, затаив дыхание, ждали результата. Все тихо. По расчетам, группа уже должна быть на месте. Но вот автоматная очередь. Осветительные ракеты и очереди трассирующими пулями с обеих сторон. Разведка вернулась ни с чем. К счастью, и без потерь. Митягов рассказал, что проволочное заграждение разрезали удачно. Немцы всегда вешали на проволочное заграждение пустые консервные банки, которые при малейшем прикосновении к проволоке звенели. В этом случае сигнал не сработал или часовой зашел погреться. Группа захвата вплотную подползла к траншее. Оставалось только преодолеть бруствер окопа, но часовой у блиндажа открыл автоматный огонь, и ничего не оставалось, как отходить под защитой огня группы прикрытия.

Я уже упоминал, что наши и немецкие траншеи были расположены так близко, что немцы из своих окопов ежедневно

сообщали нашим солдатам, чем их будут сегодня кормить. Они знали звания и фамилии всех командиров подразделений, стоявших перед ними, и, как бы хвастаясь, часто об этом говорили нашим солдатам. Солдаты так долго близко и мирно стояли друг перед другом, что стали пользоваться полным доверием. И как-то ночью произошло невероятное. Ночью часовые переднего края, наш и немецкий, договорились и поменяли автомат на шапку-ушанку.

Первым выполз на середину расстояния между окопами немец, положил свой автомат и ушел обратно в свои окопы. Затем наш солдат таким же образом доставил туда ушанку и, забрав автомат, вернулся назад. Так рассказал сослуживцам утром наш герой, очевидно думая, что сделал доброе дело, ни за что ни про что приобрел автомат. Но дело обернулось другой стороной. Солдата увели в особый отдел, и в роту он больше не вернулся.

Февральское наступление 1943 г

В начале февраля дивизия была передислоцирована в район деревни Зайцево. Это направление от Мценска на Орел. Двухдневные наступательные бои успеха не имели.

Запомнилось исключительное мужество бригады морской пехоты, действовавшей на участке наступления нашей дивизии. С нашего НП хорошо было видно, как морские пехотинцы двигались по снежному покрову на укрепленные позиции противника. Огневая артиллерийская поддержка была слабая, а артиллерийский и пулеметный огонь противника настолько плотный, что, несмотря на исключительное упорство и мужество моряков, прорвать оборону противника не удалось.

Мы поражались мужеству моряков-артиллеристов. Батарея 76-мм пушек стояла рядом с нашим наблюдательным пунктом на прямой наводке. Просматривалась противником батарея хорошо, поэтому и огонь по ней велся непрерывно. И несмотря на это, батарейцы в одних тельняшках (это был февраль месяц) непрерывно вели огонь по окопам противника, помогая своим товарищам-пехотинцам. Своих погибших товарищей артиллеристы клали на брустверы снежных валов, возведенных вокруг пушек, чтобы увеличить их высоту. У них даже мертвые защищали живых.

Но жертвы оказались напрасными. После двух дней наступательных боев дивизия перешла к обороне. Морская бригада в первую же ночь ушла, оставив погибших на подступах к немецким окопам и на подходах к ним. А мы снова, на новом месте, стали закапываться в землю. Меня часто посещает мысль – кто бы посчитал, сколько земли за войну перекопал солдат. Задача невыполнимая. Однако те, кто прошел войну, согласятся со мной, что это, пожалуй, побольше, чем вырабатывают землекопы за такое же время.

Несколько слов о переходах или передислокации в зимнее время. Почему в зимнее? Да потому что переходы зимой имеют свои особенности. Когда колонна движется летом, а перебазирование из-за секретности и опасности бомбардировок всегда проводится только ночью, солдаты и офицеры, имеющие средства передвижения – мехтранспорт, спят. Им все равно, движется колонна или стоит. Пешие тоже пользуются остановками, чтобы поспать. Если погода сухая – ложатся на обочине, в сырую погоду спят стоя.

Зимой колонна выглядит по-другому. Люди не спят. Уснешь – обморозишься. Да и те, у кого есть транспорт, нет-нет да и

пробегут рядом с машиной или повозкой. На остановках люди собираются группами, иногда большими. Кто-то достает гармошку, и начинаются пляски. Чтобы согреться, пляшут иногда даже те, кто раньше и на танцах никогда не бывал. Частушки, смех, песни, чехарда или игра «кто» отвлекают людей от тяжелых, я бы сказал, нечеловеческих условий жизни и согревают их. Все эти мероприятия, кажется, должны бы проводиться политработниками. Ан нет, здесь они не участвовали.

В апреле дивизию отвели в резерв 61-й армии в район Рязани, Литвиново, Кузьминки.

Во время этого формирования, так мы называли время пребывания в резерве, произошло событие, потрясшее, думаю, весь личный состав полка. Ну если не весь, то старослужащих – безусловно.

Еще в довоенное время у нас в полку в должности командира батареи служил ст. лейтенант Дегтярев. Очень смелый, грамотный и волевой офицер. На фронте он получил к этому времени звание майора и должность командира дивизиона. Лучшей характеристикой ему может служить то, что он первый в полку был награжден орденом Отечественной войны I степени. Солдаты и офицеры дивизиона любили своего командира за храбрость и справедливость, ему пророчили большое будущее. Но этому не суждено было осуществиться.

Я уже упоминал санинструктора Ольгу и Мизюлина. Мизюлина теперь уже в полку не было, а Ольга продолжала служить. Для нее всегда у штаба полка строили землянку, где она могла бы принимать гостей, и у входа ставили часового.

Рассказывали, что один такой часовой, это был уже пожилой, в возрасте около 50 лет инженер, на выговор Ольги: «Почему ты пропустил л-та Х?» ответил: «Оля, ты дай мне график посещений. А так я не знаю, кого и когда пропускать». Утверждать достоверность этого не берусь. Может, это и анекдот, но очень похоже на правду.

Так вот, как-то мы узнали, что в землянке или у землянки Ольги убит майор Дегтярев. Официальная версия гласила, что Дегтярев напал на часового, того самого старика-инженера, преградившего ему вход к Ольге. В схватке часовой выстрелил и убил Дегтярева. А на самом деле Дегтярева убил начальник штаба полка подполковник Никольский, по характеру пьяница и хулиган. И не у землянки, а в землянке, прямо на Ольге. Пуля была не винтовочная, а пистолетная, и прошла через задний проход до грудной клетки. В первую версию никто не поверил. Здоровяка ростом под два метра, Дегтярева часовой одолеть бы не смог, да он никогда бы этого и делать не стал. Дегтярева

похоронили. Никольского куда-то убрали, скорее всего, перевели в другую часть, а Ольгу променяли в другой полк на другую Ольгу.

Дивизион стоял в деревне, где было много разрушенных и сгоревших домов. Снаряды противника нас не доставали, бомбежек тоже не было. Лето, тепло и сухо. Мы занимались учебой и чувствовали себя превосходно. Но не все. После окружения и уничтожения отдельного противотанкового дивизиона в районе деревни Железница к нам на должность замкомандира дивизиона был назначен бывший заместитель командира разбитого дивизиона. Так вот, он целыми ночами не спал и наводил страх на других слабонервных. Через наше расположение в наши тылы всю ночь летали немецкие бомбардировщики. Они наводили на капитана такой страх, что он всю ночь с открытым ртом стоял под перемычкой дверного проема (дома в деревне были кирпичные). Как будто кирпичная стена над головой могла бы защитить его от бомбы. К счастью и его и нашему, его, видимо по настоянию командира дивизиона, скоро убрали.

Самолеты дальнего действия всегда шли на большой высоте, и мы знали, что они для нас не опасны. Только один раз мы проснулись от страшного рева самолетов, шедших на малой высоте, и от визга бомб. Деревня была освещена белым светом. На улицах и в огородах горели многие сотни зажигательных бомб, но прямых попаданий в постройки было мало. Утром было обнаружено очень много несгоревших бомб. Вооружившись винтовками, мы стали их расстреливать. От попадания пуль они загорались, разбрасывая огненные брызги. Но загорались не все. Исследовав пробитые пулями, но не загоревшиеся бомбы, мы обнаружили, что они вместо термита начинены шлаком.

На следующий после бомбежки день я был удостоен чести быть сфотографированным за работой на оптической алидаде. Фотография и статья о моих заслугах были напечатаны в дивизионной газете.

9-й гвардейский корпус в составе трех гвардейских стрелковых дивизий (12, 77 и 78-я) сосредоточился на болховском направлении по реке Оке. Место для обороны как для нас, так и для противника очень удобное. С нашей стороны к реке спускался пологий склон. Наши окопы шли по склону параллельно реке. К окопам и НП через перевал проходило несколько ходов сообщения. Возвышенность хорошо защищала подходы к нашей обороне и тылу. Наш берег реки с наблюдательных пунктов немцев не просматривался, зато хорошо был виден противоположный – оборона противника. У немцев

местность отличалась разве что тем, что на левом от нас фланге склон был более крутой, а прямо перед нами в излучине реки был заливной луг на глубину около 500 метров от реки, а дальше полого поднималась возвышенность с оврагами. Прямо перед нами, со стороны противника, в Оку впадала речка Нугрь.

Наш передний край долго и тщательно оборудовался. Мы совершенствовали укрепления, доставшиеся нам по наследству от наших предшественников, и строили новые. Весь боевой порядок привязали на полной топографической основе. С пунктов сопряженного наблюдения засекали замеченные укрепления и огневые точки противника. Организовали ночные дежурства и по вспышкам засекали вражеские батареи. Сержант Митягов в цветах нарисовал несколько экземпляров панорамы с НП командира дивизиона. Готовились к наступлению основательно.

В район наших батарей приезжали, примерялись и снова уезжали «катюши». Все говорило о том, что на нашем участке готовится наступление. Дивизионная разведка пыталась взять «языка». Безуспешно. А немцы взяли двух наших солдат – на тропе в районе наших огневых позиций. На тропе, по которой мы ходим в штаб дивизиона и к своему старшине.

Немцы, чтобы просматривать нашу оборону, часто поднимали своих наблюдателей на аэростате. Мы их быстро засекали с пунктов сопряженного наблюдения. Я наносил точку и давал данные для стрельбы командиру дивизиона майору Антонову. Батарея открывала огонь. При первом же выстреле аэростат убирали, а через некоторое время снова поднимали, но уже в другом месте.

...личный топограф гвардии сержант П. Х. Андреев за работой по п... боевого порядка артдивизиона.

Фото В. САВРАНСКО...

Фотография во фронтовой газете. 1943 г.

Как-то меня вызвал командир дивизиона и попросил помочь ему организовать пристрелку по сетке. В полевой артиллерии было (что есть теперь – не знаю) несколько методов пристрелки целей. Самый простой и распространенный, которым у нас пользовались всю войну, – глазомерная пристрелка. Хорош он был тем, что его можно было применять быстро и в любых условиях. Измерив с помощью бинокля или стереотрубы отклонение разрыва от цели и умножив его на коэффициент удаления и шаг угломера, подавай команду «левее» или «правее» столько-то делений угломера и одновременно увеличивая или уменьшая прицел. Недостаток его заключался в том, что для пристрелки требуется много снарядов. По 3–9 штук. Другие способы пристрелки – полная подготовка данных по координатной сетке и графику – не применялись. Для полной подготовки данных, когда снаряд летит прямо в цель, у нас не было ни метеорологических, ни баллистических данных (температура и влажность воздуха, направление ветра, влажность порохового заряда, отклонение в весе порохового заряда и снаряда, срок хранения заряда и др.). Этих данных нам не давали. А в полках и дивизиях таких служб не было.

Для пристрелки же по сетке и графику полной подготовки данных не требовалось. Надо было иметь только данные для стрельбы на топографической основе. Метод этот чуть посложнее глазомерного, да и пользоваться им можно было не во всякой обстановке, например, не будешь наносить отклонение снаряда на листе бумаги (графике) при дожде, снеге и даже при ветре. Но с помощью этих методов экономились снаряды (4–5 на пристрелку) и, кроме того, время на поражение цели сокращалось, а это имело большое значение, особенно когда надо было поразить движущуюся цель.

Молодые офицеры не знали, а некоторые даже не слышали, а старые порядком забыли эти методы и пользовались только глазомерным. Так вот, майор Антонов решил восстановить забытое. Решили пристрелять хорошо просматриваемый с нашего НП блиндаж, расположенный на самой высокой точке немецкого переднего края. Я подготовил данные для стрельбы, начертил сетку – произвели выстрел. Три корректировочных выстрела, и четвертый снаряд попал в цель. Разрыв поднял в воздух бревна и части блиндажа. Это была первая и последняя пристрелка по науке.

Немецкие самолеты были частыми гостями над нашим расположением. Сначала делала облет «рама». Мы уже знали – сейчас появятся бомбардировщики или штурмовики. «Мессершмитты» и «юнкерсы» летали так низко, что мы не могли удержаться, чтобы не открыть по ним огонь из винтовок. Даже ручной пулемет укрепили на столбе для стрельбы по самолетам. Чтобы отдохнуть от стереотрубы и подышать свежим воздухом, а не табачным дымом, мы иногда, по ходу сообщения, выходили за бугорок и там, если немцы не стреляли, спокойно отдыхали. Во время такого перекура над самой землей с нашего тыла прямо на нас выскочили два «мессершмитта». Прижавшись к земле – убегать в укрытие было некогда, – открыли ружейный огонь. И один самолет резко пошел на снижение. Сержант Саданик с криком «Сбили!» бросился на гребень высоты, за которым скрылся самолет. Вернулся расстроенным – самолеты улетели.

В начале июля на нашем участке фронта появились ночные бомбардировщики По-2. С наступлением ночи с востока приближалось характерное стрекотание. Пройдя над нами, самолеты сбрасывали мелкие бомбы на траншеи немецкой обороны и улетали назад. За ночь делали 2–3 вылета. А в одну из ночей, как только самолеты пролетели над нами, заговорила «катюша». Немецкая оборона осветилась разрывами термитных снарядов. И тут же самолеты сбросили бомбы на освещенную территорию.

Как-то раз девушка (на По-2 летали девушки), недотянув до противника, сбросила бомбы на наш наблюдательный пункт. Одна бомба упала на бровку хода сообщения. Землей засыпало часового, стоявшего у входа на НП. К счастью, солдат Стрельников отделался легким испугом.

Немцы постоянно вели агитационную работу. На переднем крае устанавливались мощные репродукторы, транслировалась музыка, а затем на чистом русском языке сообщалось положение на фронте и в мире, а затем раздавались призывы бросать оружие и переходить к ним, гарантии сохранения и хорошие условия жизни. Батарея дает два залпа в направлении динамиков. Музыка смолкает.

С нашей стороны тоже регулярно велась пропаганда. Мы не слышали, что говорили наши пропагандисты, но очень часто видели, как в сопровождении наших солдат в окопы на передний край проходил с рупором солдат в немецкой форме.

В дивизион пришло пополнение из призыва 1943 года – молодых 17-летних ребят, маленьких, тщедушных, в обмундировании не по росту. Первое время никто их всерьез за солдат не принимал. Им было очень тяжело. Тяжело постоянно находиться в нечеловеческих условиях, когда еще не забыт домашний уют. Тяжело было беспрекословно выполнять приказы командиров, иногда с прямым риском для жизни, и терпеть грубые шутки товарищей. Часто можно было видеть, как мальчишки-солдаты тайком глотали слезы, а то и в открытую плакали.

Не обошлось и без «приключений». Стоя на посту у штаба дивизии, один из таких солдат, связной, пытался из запала ручной гранаты сделать мундштук для курения. Запал взорвался, солдат лишился пальцев и получил ранение лица. Как с ним поступили дальше – нам не сообщили. Могли признать умышленное членовредительство и расстрелять. Человек в то время ничего не стоил.

Бывали случаи и чрезмерной необдуманной храбрости старослужащих солдат.

Огневая позиция 3-й батареи во время стрельбы сама подверглась артобстрелу. Огневики благополучно, вовремя и без потерь успели убежать в укрытия (в щели), а когда обстрел закончился, обнаружили между станин лафета одной гаубицы артиллерийский снаряд 150-мм калибра. Это снаряд весом 30–40 кг. По команде старшего на батарее расчеты ушли в укрытие. Снаряд мог взорваться в любую минуту. Но ушли не все. Солдат Лутцев, здоровенный детина-сибиряк, из тех, что в довоенное время в армии получали двойную порцию питания, спокойно

подошел к снаряду, легко взял его на руки, вышел за пределы батареи и сбросил в овраг.

Или другой пример храбрости, граничащей с хулиганством. У самой тропы, ведущей к нашему наблюдательному пункту, лежал неразорвавшийся немецкий снаряд длиной в человеческий рост, диаметром около 400 мм. Так вот, нашелся человек или несколько, которые подняли снаряд и поставили в вертикальное положение.

И еще пример. Мой земляк и сокурсник по полковой школе подобрал неразорвавшуюся немецкую мину, установил ее взрывателем к себе и из окопа выстрелил во взрыватель. Мина взорвалась, и взрывной волной ему снесло голову.

Между тем мы видели, что идет подготовка к боевой операции. В лесу, примерно в километре от нашего НП, накапливались войска. А недалеко от нашего штаба в лесу установила 120-мм минометы женская минометная батарея. Наши офицеры издевались над командиром огневого взвода минометчиков, пожилым ст. лейтенантом, который при каждой команде от командира открыть огонь бегал, матерясь на чем свет стоит, по лесу, собирая своих минометчиц, осваивающих лес с нашими фронтовиками.

Перед самым наступлением начальник штаба решил перебраться поближе к передовой. Нашему взводу было приказано построить штабную землянку в ближайшем к НП лесу. Придя проверить ход работ, я обнаружил, что за сутки, данные на все строительство, в глинистых сухих грунтах солдаты вырыли не более половины проектной глубины. Посчитав, что при работе ломом и лопатой потребуется еще не менее двух дней, я решил ускорить работы путем взрыва. Изготовили связку из противотанковых гранат. В середину заложили гранату Ф-1 – «лимонку» с отогнутыми усиками чеки. В центре окопа вырыли яму и заложили туда связку, привязав к чеке провод. Теперь стоит дернуть за провод, привязанный к чеке, связка гранат взорвется, и взрыв разрыхлит землю. Дернули. Чека выдернулась, а взрыва не получилось. В котловане получилась мина замедленного действия. Теперь оставалось только засыпать котлован обратно или оставить так, но это опасно. Может, кто-нибудь другой решит использовать яму для укрытия. В любом случае время на строительство штаба увеличивается еще на сутки-двое. Я решил мину извлечь. Несмотря на просьбы солдат не подвергать себя почти стопроцентной опасности, спускаюсь в котлован. Штык-ножом осторожно раскапываю землю, уже сильно утрамбованную нами при попытке взорвать мину с помощью связанных жердей. Нахожу рычаг, прижимаю его пальцем, затем освобождаю связку

от земли и выбрасываю ее из котлована. Сильный взрыв – и опасность ликвидирована. Строительные работы были продолжены. И напрасно. Началось наступление. Переезжать штабу было некогда и незачем.

Орловско-Курская битва

Вечером 11 июля 1943 года дневная жара уступила ночной прохладе. Кругом тишина. Даже стук пулеметов прекратился. Мы вышли из прокуренного насквозь блиндажа наблюдательного пункта.

– Вот и кончилась наша мирная жизнь, – сказал Митягов. Кто-то спросил:

– Это почему?

– Разве не видишь? Смотри, – ответил Митягов и показал рукой. Сразу все обернулись в направлении вытянутой руки. Справа от нас к берегу Оки двигалась колонна пехоты. Шли как бы крадучись. Ни команд, ни разговоров. Позже мы узнали, что это был штрафной батальон.

Почуяв близкое начало – наступление с форсированием реки, – все как бы обмякли и притихли. По опыту мы знали, что это будет завтра на рассвете. Каждый думал о своем. Раздалась музыка. Из-за Оки неслись звуки какой-то очень волнующей мелодии. Мы слушали песни и музыку, и в то же время из головы не уходили мысли о завтрашнем дне.

Из НП вышел майор Антонов. Несколько минут слушал песню, резко повернулся и со словами «Сейчас ты замолчишь!» нырнул под плащ-палатку дверного проема. Через несколько минут с наших огневых позиций послышались пушечные выстрелы, и тут же в районе громкоговорителя стали рваться снаряды.

Музыка прекратилась, и мужской голос с той стороны прокричал:

– Какой там мудак стреляет, мешает вам слушать музыку? Пристрелите его!

– Ах, они меня еще и мудаком будут называть? Я им покажу! – И, вбежав в землянку, Антипов приказал командиру батареи открыть беглый огонь. Концерт закончился.

Прорыв обороны проводился штрафным батальоном без артподготовки. Ночью батальон незамеченным переправился на левый берег Оки. Я уже писал, что в пойме р. Нугрь, прямо перед стрелковым полком, поддерживаемым нашим дивизионом, был обширный заливной луг. А передний край обороны противника находился довольно далеко от берега реки, что позволило штрафникам высадиться незаметно. Немаловажную роль в удачном форсировании, видимо, сыграл и Петров день. Немцы, отмечая наступление праздника, не только нас развлекали, но и сами развлекались. Об этом можно судить по тому, что они

позволили штрафному батальону почти без боя овладеть участком окопов и на 2 км углубиться в их оборону. Причем наступление было проведено настолько внезапно, что в землянках захватывали офицеров, спящих с девушками.

Однако крупного успеха прорыв не имел. Немцы перешли в контратаку, и штрафников потеснили к реке. 12 июля, с рассветом, началась полуторачасовая артиллерийская подготовка. А под ее прикрытием пехота переправилась на западный берег Оки. Как только артиллерийский огонь был перенесен в глубь обороны противника, пехота бросилась вперед, заняла переднюю линию окопов и стала продвигаться вглубь.

Наш артиллерийско-пулеметный огонь был настолько плотным, что были подавлены основные огневые средства противника. А оставшиеся в живых немцы, как потом рассказывали пехотинцы, обезумев, стояли в окопах с открытыми ртами. За день пехота продвинулась почти на два километра и уже заняла вторую линию обороны, когда мы первыми по только что наведенному штурмовому мосту переправились на левый берег. Заняли немецкий блиндаж, построенный для солдат-окопников. Наши солдаты тоже строили землянки в окопах, но они строились в основном для офицеров. И то самые примитивные. Обычно это был небольшой окопчик, перекрытый одним накатом бревен, а то и жердями или дверным полотном, снятым в хате близлежащей деревни. Местом для отдыха служила земляная лежанка. Дверной проем закрывался плащ-палаткой. Стол – ящик из-под снарядов. Солдаты же для себя делали в стенке траншеи подкоп на одного-двух человек. Там они и отдыхали в свободное от несения наряда время. И спали в полусидячем положении или лежа, согнувшись в три погибели.

Здесь же, у немцев, были построены блиндажи, каких мы до того не видели. Мы и раньше кое-что видели и сопоставляли быт наших и их солдат, но такое встретили впервые. Землянки двухэтажные. Стены и потолки обшиты досками. Перекрытие не возвышается над землей. Двухъярусные кровати из стволов березы. На кроватях матрасы и одеяла. Полы устланы свежей соломой. Для спуска в нижний этаж – деревянная лестница. В каждой комнате – деревянный стол. Перекрытие покрыто дерном. Ход в землянки – по ходу сообщения, тоже перекрытому.

Немцы все время контратакуют. С НП мы видим, как на грузовиках подвозятся свежие силы. У нас тоже пришло подкрепление. Через Оку переправился полностью укомплектованный батальон пехоты. Немцы его обнаружили и открыли артиллерийский огонь. Батальон залег на берегу Оки. И в это время, не разобравшись в обстановке или допустив ошибку в

данных для стрельбы, наши «катюши» накрыли залегший батальон таким плотным огнем, что батальон был уничтожен весь.

А в это время полки нашей дивизии возобновили атаки и во второй половине дня заняли деревню Пальчиково, на подступах к которой немцы сначала остановили наступающих, оказав упорное сопротивление. Не смирившись с потерей деревни, противник ввел новые силы. Наши позиции атаковали 20 танков и около 400 человек пехоты. Пехота не выдержала и в панике побежала, оставив без прикрытия нашу 1-ю пушечную батарею, выдвинутую на прямую наводку. Артиллеристы огневую позицию не бросили и вели бой до последнего человека. Когда деревня вновь перешла в наши руки, выяснилось, что последним погиб командир орудия, старший сержант Великанов. Оставшись в живых последним из расчета, он вел огонь один, пока не был заколот штыком. Высокий, атлетического телосложения, знавший свое дело, артиллерист Великанов за храбрость, проявленную в боях на Халхин-Голе, был награжден орденом Красного Знамени. За проявленное мужество в своем последнем бою он был посмертно награжден вторым орденом Красного Знамени.

Вечером контратакующие немцы силами 32-го гв. сп были остановлены ударом во фланг.

На третий день наступления снова произвели артиллерийскую обработку позиций противника. Противник не выдержал и стал спешно отходить. К исходу дня наш прорыв в глубину составлял уже 10 км. Вслед за пехотой двигались и наши батареи. Командиры дивизионов и батарей находились вместе с командирами батальонов, а командиры взводов управления – вместе с командирами рот. Во время наступления нам очень часто приходилось менять наблюдательные пункты. Как-то, заняв НП на высотке, недалеко от нас мы заметили оставленную немецкую 85-мм пушку, стоявшую у немцев на открытой позиции. В окопчиках лежало много ящиков со снарядами. Пушку развернули, сориентировали по компасу, рассчитали дальность, установили прицел и открыли огонь. Маловероятно, что мы нанесли урон противнику, но снаряды расстреляли. На западном склоне высоты, в овраге, нашли четыре шестиствольных миномета и тоже много мин к ним. Пытались развернуть и их и использовать против бывших хозяев, но не смогли. У нас никто не умел ими пользоваться. А почему бы не научить наших солдат или офицеров использовать немецкое вооружение? Стрелковое оружие наша армия использовала. Особенно ценились у нас немецкие автоматы. Винтовками пользовались реже. Кроме того, что их оружие обладало техническими достоинствами, его

использование полностью решало проблему боеприпасов. Не в пример нам немцы боеприпасами были обеспечены. Об этом можно судить хотя бы по тому, что они круглосуточно не по целям, а чтобы поднять боевой дух себе или нагнать страх на наших солдат, вели огонь из пулеметов и автоматов. И по тому, сколько патронов и снарядов оставалось после них при отступлении в окопах, землянках и на огневых позициях батарей. А насколько бы увеличилась огневая мощь наших войск, если бы нас научили пользоваться немецкой техникой и вооружением. Сколько было брошено немецких танков, бронетранспортеров, пушек, минометов. И все это в лучшем случае пошло на металлолом. В худшем – осталось разбросанным и проржавело на полях, в лесах и болотах нашей необъятной Родины.

Бои идут за деревню Багриново. Приказ – и дивизия меняет направление на Болхов. Полки ведут бои за д. Лутовиново и Макеево. Пять дней, с 25 по 29 июля, идут бои за г. Болхов. Наконец город взят. Началось преследование почти без сопротивления отступающего противника. За три дня прошли более 40 километров. 1 августа дивизия из района Маховица – Погорелое выведена в резерв 61-й армии, в район Локны.

Из всей операции последних пятнадцати дней до сих пор перед глазами оставленная немцами у плетня деревни батарея пушек. На станине одной из них сидел, навалившись на щит, солдат со спиленной, как пилой, выше бровей головой. Мне, уже бывалому солдату, видеть это было не по себе.

Страшная картина представилась нам. Развернувшееся перед нами поле встречного боя танковых соединений. Не последнюю, а может быть, и главную роль в этом бою, видно, сыграла авиация. На поле, изрытом воронками и перепаханном гусеницами танков так, что, кажется, и целой травинки было не найти, стояло несколько десятков подбитых, сгоревших, а больше всего взорванных и разбросанных по полю бесформенными частями наших и немецких танков. В основном, наших. По непроверенным данным, это был бой нашей танковой не то дивизии, не то корпуса, прорвавшегося в тыл противника, в район г. Карачев, с задачей перерезать железную дорогу Брянск – Орел. Тут же, на краю поля, в овраге стоял немецкий танк со свежей краской и без признаков повреждения. Мы его тщательно обследовали снаружи и внутри, хотели завести, но, к нашему сожалению, у нас не нашлось ни танкистов, ни шоферов.

В последних числах августа начинаем марш на Чернигов. Двигались не торопясь, без происшествий. Погода стояла солнечная. Тепло, сухо. Население встречало хорошо, но без восторга. Иногда, правда очень редко, останавливались в

населенных пунктах, и хозяевам было чем нас покормить. Видели следы боев других частей. Особенно запомнились следы действия конницы, скорее всего, 2-го кавалерийского корпуса. Улицы и огороды большого красивого украинского села были изрыты бомбами и снарядами. Тут же валялась масса уже вздувшихся лошадиных трупов. В километре западнее деревни, на дороге, в канавах и на повозках лежали трупы зарубленных клинками немецких солдат. В упряжи повозок – убитые лошади.

Как-то, уже на Черниговской земле, остановились в большом селе. Сколько будем стоять – никто не знал. Никто и не думал, что идем в бой. Шли, как на прогулке. Разместили нас по хатам. Нашему взводу досталась большая чистая хата. Когда мы вошли во двор, окруженный нехитрыми постройками, нас поразила огромная куча проса прямо посреди двора. Кроме того, снопы сжатого, составленного в бабы проса стояли в огородах и на полях вокруг деревни. Это сильно контрастировало с бедностью пройденных нами мест России.

Хозяйка, женщина лет сорока пяти, и ее 22-летняя дочь накормили пшенной кашей с тыквой и указали места для ночевки. Вечером зашел начальник штаба капитан Черноусов. Увидев дочь хозяйки, стал за ней настойчиво ухаживать. Но она ему ответила отказом. И стала оказывать внимание мне. Стало темнеть. Мать, поворчав на дочь, ушла спать. А дочь увела меня в огород – в копны проса. Развалив одну из них, мы провели несколько часов в объятиях и поцелуях. Запретную часть не переступили. Заслуга в этом была моя. Я был чистым, наивным мальчиком. Договорились, что днем встретимся в поле, куда девушки пойдут на какие-то работы.

Позавтракав, доложил командиру взвода, что иду в поле проводить занятия. Получив «добро», забрав стереотрубу с треногой, рейку и планшет, отделение направилось туда, где должны были работать девушки. Состав взвода постоянно менялся. Одни погибали, другие убывали в госпиталь по ранению или болезни, как Мягких, а на их место прибывало пополнение, не имеющее никакой подготовки по нашей специальности. А не имеющий хотя бы элементарных знаний солдат будет не помощником, а обузой. Вот почему я каждую свободную минуту уделял подготовке солдат по специальности. А тут занятия были связаны с приятным событием – встречей с девушками.

Ход тянули в намеченный накануне пункт. Девушки нас ждали. Они сидели группами на краю поля у неглубокого оврага, поросшего орешником и дикой грушей. Было их ровно столько, сколько и нас – четверо. Скорее голод, чем здравый смысл, заставил прекратить попытки разъединить подружек, чтобы

уединиться в кустарниках оврага. Было уже около двух часов, когда пришлось отправиться в часть, то есть в село. Поднявшись на высоту, увидели бегущего по полю командира взвода. Увидев нас, он стал усиленно махать пилоткой. Мы поняли, что что-то случилось, и пустились бегом. Степанов рассказал, что полк получил приказ выступить в 12.00. Но, ввиду нашего отсутствия, уже два часа стоит, выстроившись в колонну. Назревала серьезная неприятность. Хозяйка дома, зная наше положение, со слезами на глазах пыталась хоть на ходу нас покормить. Когда мы отказались и, схватив вещевые мешки, бросились из хаты, она бежала за нами с кувшином в руках, просила хоть молока выпить. Но нам было не до молока. Колонна полка стояла, вытянувшись на запад. Я уже карабкался на борт штабной машины, когда услышал голос начальника штаба: «Андреев, ко мне!»

Доложил о прибытии. Приказано явиться к командиру дивизии. Явился. Доложил. Тот приказал следовать за ним. Зашли во двор усадьбы. Отчитал за то, что на два часа, пока нас искали, задержал полк. И пригрозил, что по прибытии на место я буду строго наказан. Но с ходу вступили в бои, и никто из командования об этом так и не вспомнил.

Чернигов и Любеч – бои на Днепре

20 сентября дивизия с марша вступила в бой в районе Чернигова. У немецкого командования, видимо, не было планов держать на нашем участке фронта плацдарм на восточном берегу Днепра. Сопротивление оказывалось только для того, чтобы дать возможность основным силам переправиться через Днепр.

Дивизия брала деревню за деревней, и днем 26 сентября сначала один полк, а к полночи и другие вышли к Днепру у местечка Любеч и озера Воскресенское.

Наступление развивалось так быстро, что артиллерия не успевала развернуться. Противник сдавал деревни без артиллерийской подготовки. Кроме того, в районе Чернигова кончилось горючее, и полк остановился. На берег Днепра в Любеч прибыли только 1 октября. Уже 29 сентября, с ходу, стрелковые полки заняли остров на Днепре в районе озера Воскресенское, а затем по штурмовому мосту, в панике не взорванному немцами, переправились на правый берег. Захватили плацдарм и удержали его. Плацдарм был маленький, даже, точнее сказать, крохотный – 500 метров по берегу и 100–150 метров в глубину, но он сыграл важную роль в дальнейших боях.

Любеч расположен на высоком восточном берегу Днепра, примерно в 800 метрах от реки. Наблюдательный пункт командира дивизиона устроили в самом Любече на чердаке дома, примерно в километре от переднего края противника. От высокого берега до уреза воды простирается обширный заливной луг, поросший осокой и мелким кустарником. В то время берег реки на нашей стороне возвышался метра на 1,5–2, не более. Прямо перед нами, от Любеча к реке, тянулась оканавленная с двух сторон дорога. С правой стороны дороги, прямо за канавой, стоял наш самолет, штурмовик, совершенно целый, только лопасти пропеллера загнуты назад.

По самому берегу Днепра на той стороне в день захвата плацдарма пехота успела выкопать неглубокую траншею окопов. Немцам надо было во что бы то ни стало выбить наш десант со своего берега и ликвидировать плацдарм, а нашим не только его удержать, но и по возможности спасти свою жизнь. Поэтому там ни на минуту не затихал бой. Круглые сутки немцы вели по окопам огонь изо всех видов оружия; ночью, подползая, забрасывали окопы гранатами. Обороняющиеся выбрасывали упавшие в окоп гранаты обратно в сторону противника. Но в темноте ночи найти упавшую гранату не всегда удавалось, и тогда – смерть. Кроме мужества, наших солдат на плацдарме

удерживала безысходность. Штурмовой мостик уже был разбит артиллерией, а броситься в воду Днепра, чтобы переплыть его, мог только сумасшедший. Однако и такое бывало. Об этом чуть позже.

В ночь на 2 октября, после артподготовки, переправившаяся на подручных средствах пехота атаковала противника и продвинулась метров на 800 вперед. В это же время 2-я батарея нашего дивизиона переправлялась на западный берег на прямую наводку. Наше командование знало, что немцы не смирятся с захватом плацдарма и, чтобы ликвидировать его, применят танки, и тогда без противотанковой артиллерии пехоте не устоять.

Пушки на плоту переправлялись на остров, а с острова на берег вручную, с помощью веревок, по дну протоки. К этой операции, кроме расчетов орудий, были привлечены солдаты стрелкового полка. За веревку пушку тянули солдаты и офицеры, в том числе и командир дивизиона майор Антонов. В эту массу людей попала минометная мина. Восемнадцать человек погибло. Среди них капитан Галустов. Майор Антонов и несколько человек были ранены. Антонову осколком оторвало руку и выбило глаз.

5 октября я получил приказ и.о. командира дивизиона капитана Никанчука отправиться на плацдарм и нанести на карту передний край обороны противника. Кустарники скрывали от нас его оборонительные сооружения, но и устраивать наблюдательный пункт на западном берегу не имело смысла. Там, на занятой нашими полками территории, не было ни одной высоты, позволявшей подняться над кустарником так, чтобы просматривалась оборона противника. Сообщение с плацдармом было возможно только ночью. Днем немцы могли поражать цели на переправе прицельным огнем. Кроме того, в воздухе постоянно находился самолет-наблюдатель «рама». Малейшее движение на нашей стороне – и в воздухе появлялись самолеты-штурмовики.

В ночь на 6 октября начальник штаба Черноусов провел меня на берег. Договорились с офицером, командовавшим на переправе, чтобы мне дали место в лодке. Ожидавшие переправы сидели в ровиках, куда устроился и я.

На переправе творилось что-то жуткое. Совершенно темная осенняя ночь, освещаемая взлетающими справа и слева осветительными ракетами (плацдарм был очень узким) и трассами пулеметных очередей. На воде и на берегу рвутся снаряды и мины. Солдаты под огнем грузят в лодки ящики с боеприпасами. Туда же садится по несколько человек, и лодки уходят к противоположному берегу, на плацдарм.

Наконец, подошла и моя очередь. Ночь настолько темная, что не видно сидящих у другого борта. Мы сидим, а кто изловчился

захватить пространства побольше, лежит на ящиках со снарядами и патронами. Над водой и над лодкой непрерывно струями проносятся трассирующие пулеметные очереди. Тут же, рядом, рвутся мины и снаряды, со свистом над лодкой проносятся осколки. Все молчат, затаив дыхание, ждут своей пули или осколка. Огонь настолько плотный, что, кажется, ничто живое его преодолеть не может. Но минуты проходят, переправщик изо всех сил налегает на весла, и мы наконец-то приближаемся к спасительной земле.

Переправились благополучно, но, не кривя душой, признаюсь, что минуты, проведенные в лодке, показались часами. Нет, на земле все-таки воевать лучше – прижмешься к ней, родной, и чувствуешь себя спокойнее. Бывало, что снаряд или мина, а как-то под Пинском даже бомба взорвалась в одном метре – оглушит на какое-то время, а осколки пройдут над тобой по восходящей, и ты невредим. На воде же все совсем по-другому. Даже упавшая у борта мина перевернет лодку взрывной волной, продырявив ее борта и людей осколками. А о прямом попадании и говорить нечего. И в том, и другом случае никому спастись не удается. И на этой переправе таких случаев было много.

Лодка носом врезалась в песчаный берег. Как по команде, все вывалились за борта. Команда «Быстро разгружать!» – и в считаные минуты ящики были уже на береговом песке. Переправщик заработал веслами, и лодка, приподнявшая теперь борта над водой, легче заскользила к своему берегу за следующей порцией груза. Конечно, если повезет.

Выполняя распоряжение офицера, солдаты стали переносить ящики в укрытие, а я отправился искать свою батарею.

Батарея стояла метрах в 150 от берега, скрываясь от противника за небольшими песчаными барханами, поросшими редким низкорослым лозняком. Остановил часовой. Огневики отдыхали. Поскольку ночью все равно делать нечего, я тоже прилег отдохнуть до рассвета. А он уже близился. На востоке все выше поднималась светлая полоса. Сон не приходил, несмотря на то что всю ночь не спал. Видно, не прошло еще только что пережитое нервное напряжение на переправе.

Погода стояла сухая и теплая. Ничто не предвещало грозы. Даже пулеметы на рассвете стали стучать меньше. И вдруг ударили орудия. Заработали пулеметы. Воздух наполнился громом выстрелов и разрывов. Над головой, с прижимающим к земле визгом, проносились снаряды. Разрывы поднимали смерчи песка. Наша батарея тоже открыла беглый огонь. Показалась бегущая в паническом беспорядке пехота. Пехоту преследовали стадо коров и танки. Офицеры бросились останавливать бегущих.

Стреляли над головами обезумевших в панике солдат. Одни падали, а другие, прыгая через их трупы, пытались достичь воды, не понимая, что переплыть реку не удалось бы даже самому лучшему пловцу. Только у самой воды бегущих удалось все-таки остановить и повернуть назад.

А в это время вся артиллерия, стоящая за Днепром, вела по наступающим массированный огонь. 2-я батарея тоже вела беглый огонь прямой наводкой по танкам и бронетранспортерам, преследующим бегущую пехоту. Одна самоходка, высунувшаяся из-за кустарника, была расстреляна в 50 метрах от батареи.

На следующий день мы узнали, что на 2 часа дня было назначено наше наступление, но немцы на 6 часов нас упредили. Немцы бросили в бой два батальона пехоты, 30 танков и самоходных орудий. А впереди, чтобы прикрыть свою пехоту, гнали стадо коров, около 300 голов. Кроме того, на таком узком участке и такой массой обезумевшего скота вполне можно было раздавить наших солдат в обороне.

Отбив атаки немцев, наши полки перешли в контрнаступление и заняли очень важные в тактическом отношении песчаные высоты у деревни Старая Лутава и деревню Глушец. Нам говорили, что в этом бою противник потерял более 300 солдат и офицеров, 46 человек взяли в плен, подбили 12 танков и 3 автомашины.

Теперь противник был уже за высотами, а батарея оказалась на закрытой позиции. Я без приключений дошел до высот. На всем километровом расстоянии лежали трупы и очень много убитых коров и быков. Немцы закрепились в деревне, а наша пехота окопалась на высотах. Тут же был наблюдательный пункт 2-й батареи. Нанеся все необходимое на карту, во второй половине дня я вернулся в Любеч.

Наш взвод управления занимал хату рядом с НП и КП дивизиона. Кто-то из солдат принес мне обед. В это время над нами пролетели немецкие самолеты. Штук двадцать. Мы решили, что самолеты полетели бомбить наши тылы, и никто не двинулся с места, чтобы уйти в ровики, которые заранее были вырыты в огороде у стены хаты. Уселись на скамеечку для ног, а может, детскую (стола в хате не было) и только принялись за кашу, как под рев самолетов хата стала подпрыгивать от рвущихся рядом бомб. Не раздумывая ни секунды, я выскочил из дома (сеней не было) и свалился в ровик у самой двери дома. Ровик был глубиной более метра, но уже с осколками оконного стекла, о которое я порезал руки. Кажется, все хорошо, укрытие, защищающее от взрывной волны и осколков, найдено, можно переждать бомбежку. Но нет, какие-то неведомые силы

выбросили, вернее, заставили под разрывами бомб перебежать в другой окопчик. Он был в 10 метрах от хаты, глубиной не более 50 сантиметров и, оказывается, уже занятый хозяйкой дома, женщиной лет пятидесяти. Кое-как втиснувшись в укрытие, пришлось теперь успокаивать до смерти напуганную, плачущую навзрыд и молящую Бога о спасении женщину.

Волна разрывов стала удаляться. Поднялся я из ровика и увидел, что от хаты остался один только угол да часть печи. Ровиков у входной двери, а их было два, в том числе и тот, в котором я вначале сидел, уже не было. Их засыпало землей. Стали вылезать солдаты и из других ровиков. Кто-то сказал, что в одном из ровиков у входа был лейтенант Степанов. Я стал разгребать землю руками – лопат под рукой не оказалось. Включились в работу и другие. Показался ремень портупеи. Потянул. Ремень порвался. По портупее определил, где голова. Показался затылок. С обеих сторон подвел руки под голову и вырвал ее из земли. Лицо офицера было покрыто черноземом с кровью. Кто-то разгреб землю, освобождая ноги. Еще несколько человек подхватили безжизненное тело лейтенанта, чтобы вытащить из ямы. Вдруг Степанов глубоко вздохнул и сочно выругался. Оставив его на попечение военфельдшера Гусева, бросаемся раскапывать другой ровик, тот самый, где первый раз находился я. Кто-то сказал, что там засыпан мой подчиненный, солдат Шевченко Гриша. Шевченко был на посту у соседнего дома, где находился штаб нашего дивизиона. И какие-то силы заставили его оставить свой пост и под разрывами бомб добежать до своей могилы. Что это за силы? Меня они в буквальном смысле выбросили из этой готовой могилы, а Шевченко туда загнали. Может быть, это судьба? Раскопали, вытащили, но Шевченко был необратимо мертв. Потом мы установили, что бомба попала в край ровика. И Шевченко, видно, погиб от взрывной волны. Внутри у него все как-то переливалось.

А в это время связисты спасали своего командира – начальника связи дивизиона капитана Шило и с ним еще трех человек, засыпанных в другом ровике. Все получили легкие контузии, а один солдат был еще легко ранен в голову. Раненого отправили в медсанбат, а капитан Шило, лейтенант Степанов и два связиста, получившие контузию, от госпитализации отказались и остались в дивизионе. Шевченко похоронили на Любечском кладбище. Похоронили в гробу, со всеми воинскими почестями.

Да, так распорядилась судьба. Шевченко родился и вырос на берегу Днепра. Его родина – чуть ли не то село, где родился великий кобзарь Шевченко. До призыва в армию работал

матросом на речном теплоходе на Днепре. Мы с ним служили в одном взводе и учились в одном отделении полковой школы в Чирчике. На фронте с первого и до последнего дня (дня гибели) он служил в моем отделении. Я да и другие командиры были самого лучшего о нем мнения. Хороший был солдат. Смелый, честный, исполнительный. А как он любил Украину, любил Днепр! Любил свою мать, сестру, невесту. Как он красочно и часто нам обо всем этом рассказывал. Он с нетерпением ждал освобождения своей родины, мечтал получить весточку от родных и от любимой. С самого начала войны никто ему не писал, кроме дяди, генерал-лейтенанта Шевченко, служившего на Дальнем Востоке начальником штаба армии. Генералу Шевченко я написал письмо. Генерал ответил, поблагодарил за то, что ему сообщили о месте гибели и захоронения племянника, и пообещал после освобождения Черкасской области сообщить о гибели сына его матери.

В считаные часы понтонеры навели переправу через Днепр. Саперы приступили к строительству моста. Мы расположились на западном берегу недалеко от переправы. Стояла ясная солнечная погода, было не по-осеннему тепло. Командиры батарей со своими разведчиками ушли на отбитые у противника песчаные высоты. Мы ждем указаний начальника штаба. Наблюдаем, как саперы ручной бабой забивают в дно реки деревянные сваи. Работы ведутся с обоих берегов, и мост растет на глазах.

Начальник радиостанции старший сержант Подгорный развернул радиостанцию, чтобы послушать Москву, когда на западе послышался гул самолетов, а затем мы увидели бомбардировщики, идущие в сопровождении истребителей в сторону переправы. Саперы бросились в укрытия. Мы, спрятавшись в ровики, затаили дыхание. Только по понтонному мосту, ускорив шаг, в пешем строю двигалось какое-то подразделение.

Самолеты были уже на подходе к переправе, когда из-за Любеча вынырнуло несколько пар наших истребителей и, набрав высоту, бросилось на бомбардировщики. Другие вступили в схватку с истребителями. В воздухе истребители устроили воздушную карусель. Все смешалось. Рев пикирующих истребителей, пулеметные очереди. Подгорный крутит ручки радиостанции. Из динамика вырывается: «Ахтунг, ахтунг, в воздухе Покрышкин!» «Мессеры» сразу стали шарахаться в разные стороны. Немцы не выдерживают атак наших истребителей, и строй бомбардировщиков стал распадаться. В панике сбрасывая бомбы куда попало, самолеты поворачивали назад и покидали поле боя. Наши преследовали их. Только несколько бомб упало в

реку рядом с мостом, не причинив ему серьезных повреждений. Один немецкий самолет ушел со шлейфом дыма. Улетели в свою сторону и наши самолеты. Это была первая победа в воздухе. Это был перелом.

Столько радости испытали мы в тот час, что некоторые наиболее эмоциональные ребята даже в пляс пустились. Летом первого года войны, увидев в воздухе наши самолеты, мы уже знали, чем кончится бой, даже дрожь пробегала по телу. Мы не понимали, кто и по какому праву посылал наших летчиков на верную смерть. Потом первые два года войны наших самолетов почти не было. Только редкие случаи полета наших «петляковых» – бомбардировщиков дальнего действия – через линию фронта в тылы противника. В основном это было ночью. По звукам двигателя мы безошибочно определяли не только «наши» это или «не наши» самолеты, но и их наименование.

Так что для нас это событие было не из рядовых. Наконец-то на третьем году войны у нас появилось прикрытие с воздуха. Кончилось безнаказанное издевательство немецких летчиков над нами.

Противник не смирился с потерей высот и 8 октября вновь перешел в наступление на деревню Глушец. Но атаки были отбиты, и на поле боя осталось много трупов.

Видя, что их попытки ликвидировать плацдарм безуспешны, немцы стали усиленно укреплять свою оборону. А к нам на плацдарм прибывало пополнение. С наступлением темноты прибыла колонна солдат в гражданской одежде и с мешочками разного цвета за плечами. Вооружение – винтовка на троих. Это были мобилизованные на только что освобожденной территории Черниговской области.

На оккупированной территории Украины, и в частности, в Черниговской области, где в 1941 году замкнулось кольцо окружения Юго-Западного фронта, осталось много окруженцев. После освобождения области все они сразу же были мобилизованы, но, как выяснилось, не для пополнения рот и батарей действующей армии, где каждый солдат был на вес золота и комплект рот часто составлял не более 10 %, а, вероятно, для наказания. Страшное поражение нашей армии в 1941 году ставилось в вину не Главному командованию, а простым солдатам и офицерам.

В нашей среде кем-то распускались слухи, что это все предатели Родины. Что в то время, пока мы воевали, они отсиживались в немецком тылу, пили водку, ели сало и спали в теплых постелях с бабами. Они бросили оружие, пусть теперь добудут его в бою. На рассвете, как всегда, началась атака без

артподготовки. Почти безоружных людей подняли в атаку на хорошо укрепленный рубеж обороны противника. Немцы, находившиеся в окопах и блиндажах, безнаказанно убивали ни в чем не повинных людей.

Огонь был настолько плотным, что за несколько минут была убита основная масса атакующих. Остальных прикончили артиллерия и минометы. Живым с поля боя не вышел никто. Того, кто отдал этот нечеловеческий приказ, думаю, это устраивало. Некому будет рассказать о диких (так и хочется написать – звериных) нравах тех, кому полагалось быть заботливыми отцами вверенных им людей. И расчет был сделан, видимо, правильно. Прошло столько времени, и никто из историков и мемуаристов об этих зверствах так и не написал. Или, может быть, я ошибаюсь и мне в руки не попал такой материал?

В нашей среде по данному событию бытовали разные мнения. Одни обвиняли убитых в предательстве и говорили, что они другого и не достойны. Другие помалкивали, зная, что высказывать свое собственное мнение, противоположное официальному, весьма опасно.

Лично у меня здесь произошло очень неприятное событие. Наш наблюдательный пункт уже находился за рекой Старицей. Взвод занял небольшую, оставленную в немецких окопах землянку, перекрытием которой служило дверное полотно. На наблюдательный пункт, где я находился, прибежал взволнованный красноармеец Чистопольский и сказал, что землянка наша разрушена какими-то тремя солдатами с офицером. Более того, засыпаны были оптические приборы, планшеты и одежда. На мой вопрос «Вы что же, отстоять не могли?» он сказал, что офицер их не послушал, приказал солдатам разобрать перекрытие и забрать дверь. Увидев засыпанное землей взводное имущество, я бросился догонять несущих дверь солдат и сопровождавшего их мужчину в офицерской форме без погон.

На мое требование вернуть дверь на место офицер, а это, как выяснилось позже, был начальник штаба батальона, выхватил из кобуры пистолет и направил его на меня, угрожая расправой. Не думая о последствиях, я схватил у одного из своих подбежавших солдат винтовку и ударом по руке выбил у офицера пистолет. В это время мои ребята без сопротивления забрали у красноармейцев дверь. Ушел, подобрав пистолет, и офицер.

Казалось, конфликт был исчерпан. Но нет. В тот же день меня вызвал комиссар дивизиона майор Кавицкий. Спросил о существе произошедшего и сказал, что по команде уже доложено командиру дивизии полковнику Мальцеву об избиении

сержантом офицера и тот распорядился передать материал в прокуратуру. Я себя виноватым не считал и, по своей наивности, ничуть не испугался. Кавицкий же трактовал это дело более серьезно. Он сказал, что если командиру дивизиона, а он уже этим занимается, замять дело до поступления материала в прокуратуру не удастся и оно попадет в трибунал, то можно быть уверенным, что кончится все штрафным батальоном. К счастью, командиру полка полковнику Авралёву удалось конфликт уладить.

15 октября дивизия перешла в наступление, заняла одну высоту и еще одну деревню, но упорное сопротивление противника вновь вынудило наступающих перейти к обороне. Через неделю, 23 октября, дивизия опять возобновляет наступательные бои и занимает несколько населенных пунктов, в том числе Старую и Новую Лутаву.

В этих боях погиб мой лучший товарищ, командир отделения разведроты 2-го дивизиона старший сержант Сергей Киселев. С Сережей я познакомился еще задолго до службы в армии – в 1938 году. В то время я работал агентом по закупке сена для лагерей НКВД на строительстве дороги Москва – Минск. В одной из деревень когда-то Усмынского, а позднее Велижского района Смоленской области (теперь – Великолукского района Псковской области) у меня прессовщиком сена работал Сережа, 16-летний паренек из семьи с трагической судьбой.

В семье было четверо детей. Три старшие сестры были слепыми с рождения, а последний, Сережа – нормальный, здоровый, красивый, общительный и очень трудолюбивый мальчик. Родителей у Сергея в то время уже не было. Умерли. И Сережа был главой семьи. А семью надо было кормить и одевать. И вот он, по теперешним понятиям ребенок, успевал ухаживать за скотиной (корова, поросенок, куры), обрабатывать огород, с которого кормилась семья, и еще работать в колхозе. Надо было вырабатывать определенное количество трудодней, иначе отберут огород, не дадут пасти корову на колхозной земле и заготавливать сено. И со всем этим Сережа справлялся, да еще вынужден был подрабатывать на стороне, чтобы как-то кормить и одевать семью. Еще и в школе учился и к тому времени окончил семь классов. В деревне школы не было, и он по бездорожью ходил три километра в другую деревню.

Два года мы с Сережей не виделись и встретились уже в армии. В полковой школе были в одном взводе. Подружились. После школы, на фронте, служили в разных дивизионах, но дружбы не теряли. Встречались, если выдавался случай. Чаще прибегал Сережа. Рассказывал о деревне, об общих знакомых, о

сестрах, обо всем, что писали ему в письмах. О войне мы на фронте почти не говорили. Разве что мечтали: «Кто останется живой, вот поживет! После войны вот жизнь будет!..» В полковой школе Сережа был хорошим курсантом, а на фронте – отважным разведчиком. И погиб он, как мне рассказывал его друг и сослуживец по 2-му дивизиону ст. сержант Пестовский, проявив излишнюю храбрость.

Прошло столько времени, а я не могу себе простить, что так и не нашел возможности съездить на родину Сережи, узнать, как живут без своего кормильца его слепые сестры. Может быть, чем-нибудь помочь. И еще меня не покидает мысль: что у нас за дикие, бесчеловечные законы? В мирное время в армию призывали, а может быть, и теперь призывают, единственного кормильца семьи. Да еще из семьи калек!

Шли упорные бои. Противник держался за каждую деревню, хутор, высоту. Нередко переходил в контратаки. Но дивизия медленно, но упорно, с большими потерями, продвигалась вперед. К концу октября наша пехота подошла к населенным пунктам Бересневка и Моложин. К этому времени дивизия обезлюдела, и нас стали снимать с боевых позиций, заполняя фронт другими подразделениями, а мы были отведены в неглубокие тылы к Днепру.

Через Днепр, в том месте, где наша дивизия форсировала его 2 октября на подручных средствах, меньше чем за месяц, а точнее за 15–20 дней, был построен мост, который немцы всеми силами старались разрушить. Самолеты постоянно рвались к переправе. Мы подошли к ней во второй половине дня. Не успели рассредоточиться по кустарникам, как появились немецкие бомбардировщики в сопровождении истребителей. И тут же из-за Днепра появились наши истребители. Завязался воздушный бой. Причем если раньше нашим самолетам чаще всего приходилось обороняться, уходить от преследования или падать горящими, то тут, впервые на наших глазах, преследуемые нашими истребителями немецкие самолеты сами стали бросаться в разные стороны[4].

Полесье

Дивизию отвели на пополнение на левый берег Днепра, в район местечка Радуль Черниговской области. Я не согласен, когда говорят, что часть или подразделение отвели на отдых. У солдата отдыха не бывает. Даже, больше того, в окопах, между боями, физически солдат отдыхает больше, чем в тылу, имеет больше возможности поспать. А как только вышли из боя, сразу же начинаются занятия по специальности и политические, разные хозяйственные работы и наряды в охрану. Создаются посты у штабов и домов, где расположились офицеры, у мест расположения личного состава, у кухонь, складов, автомашин, коновязей, пушек и пр. Все охраняется. А учитывая то, что на пополнение выводят только тогда, когда уже воевать некому, то понятно, что солдаты, да и младшие командиры почти каждые сутки бывают в наряде.

И все же за три недели мы почистились, подремонтировали обмундирование, пополнили отделения и взводы. А те, кому выдалось счастье остановиться в деревенских хатах, даже попробовали пшенной каши с тыквой.

В середине ноября наступила морозная, бесснежная осень. По тревоге снялись с обжитых мест и двинулись в направлении Калинковичей.

Соприкосновение с противником произошло в песчаных дюнах Полесья. Исключительно тяжелые условия как для наступающих, так и для обороняющихся. Невысокие песчаные дюны, местами поросшие кустарником лиственных пород. Видимость плохая. Строений и деревьев нет. Мест для наблюдательных пунктов выбрать негде – равнина. Видимость с НП в лучшем случае 200–300 метров. Вести корректируемый огонь с закрытых позиций в таких случаях невозможно, и поэтому почти вся дивизионная артиллерия использовалась на прямой наводке. И тут дело доходило до курьезов. Иногда места для расположения орудий указывались в непосредственной близости немецких окопов. Так, орудийный расчет 1-й батареи, меняя позицию, выкатил орудие прямо к немецким окопам и был обстрелян автоматными очередями. Командир орудия, висевший на конце ствола пушки, как противовес станинам лафета, был убит первой же очередью. Других солдат из расчета спасло то, что они были прикрыты щитом или колесами и лафетом пушки.

Но самым тяжелым оказался быт людей. Солдата на фронте спасает земля или снег, а здесь ни того ни другого не было. Закопаться нельзя – песок осыпается. А если и выкопаем ямку, то

перекрыть нечем. Мороз, ветер, песчаная пыль. Холод пронизывает до костей, а костер разложить нельзя. Это было начало исключительно тяжелой зимы. Зиму 1943/44 года для нашей дивизии и для меня лично можно сравнить разве что с зимой 1941/42 года. Зимой 1942/43 года мы вели оборонительные бои и сидели в окопах. Зима 1944/45 года была более мягкая, и дивизия наступала в приморье – в Прибалтике, а затем, с января месяца, – от Варшавы. А для меня лично она прошла еще легче, с октября по январь я залечивал рану в госпиталях на территории Латвии.

В дивизионе прошел слух, что в полк прибыло пополнение – две девушки на должности санинструкторов. А через два дня на вторую батарею привели сержанта Олю. Лет восемнадцати, невысокого роста, курносая, веснушчатая девушка. Только маленький рост выдавал ее принадлежность к женскому полу. Оля с первого дня нашла свое место среди солдат и офицеров батареи. На язык она не уступала батарейным краснобаям, а охотникам до женского пола быстро дала по рукам. Одним словом, поставила себя наравне со всеми солдатами и за это очень быстро была признана за свою. Оля отличалась и завидным хладнокровием, если не сказать храбростью. Под артиллерийско-минометным огнем перевязывала и отправляла в медсанбат раненых. Ходила на наблюдательный пункт и постоянно настаивала, чтобы ее брали в группы разведчиков, в чем ей, правда, всегда отказывали. Спала она вместе с солдатами, как и мы все, вповалку, но вольностей никаких не допускала. Она так быстро сжилась с коллективом, что всегда и во всем не отличалась от других солдат. Помню, летом 1944 года на реке Стырь под Пинском мы организовали купание. Пришла и Оля. Солдаты, кто уже был раздет, бросились в воду, а кто до ее прихода раздеться не успел, стали купаться в кальсонах (трусов и плавок в то время в армии не было). Оля же спокойно сняла с себя все, в том числе и кальсоны. Больше того, организовала ныряние с моста, первой, на глазах у онемевших солдат, прыгнув с парапета в воду.

Под Пинском Оля была легко ранена осколком бомбы. После выздоровления вернулась в батарею и прошла по дорогам войны до города Альтруппин, это северо-западнее Берлина, где и погибла – была убита осколком в голову. Последний на нашем направлении немецкий снаряд упал рядом с машиной, на которой она сидела. Похоронили еще не остывшую Олю наспех, на берегу озера в Альтруппине. Делать гроб и устраивать похороны было некогда, батарее было приказано занять новую огневую позицию в соседнем Нойруппине. Так и зарыли ее, завернув в плащ-

палатку.

Вторую же девушку, прибывшую с Олей, назовем ее Надей, оставили в штабе полка. В отличие от Оли, она была красавицей – среднего роста, белокурая, нежная, как потом выяснилось, застенчивая и очень боязливая, но в то же время с характером. Домогательства старших командиров, начиная с командира полка и кончая помощником начальника штаба, она отвергла. Продержав Надю несколько дней в штабе полка, решили взять ее испугом. С нарочным ее отправили на стоявшую на открытой огневой позиции 1-ю батарею. Там это растерявшееся нежное создание приняли с большим участием. Уступили ей лучший ровик, а затем вырыли, и даже кое-чем прикрыли, блиндажик. Но через три дня, когда Надя уже начала осваиваться в коллективе, ее снова увели в штаб полка. И снова через несколько дней вернули на батарею. Потом снова забрали и в третий раз уже не вернули. Ее обменяли. На нее в стрелковом полку выменяли другую девушку, Ольгу. В противоположность Наде высокую, черную и очень вольных нравов. Она так и осталась в штабе полка на правах ППЖ, а затем, уже после войны, стала женой командира полка, полковника Авралёва. С довоенной женой полковник оформил развод.

К концу ноября дивизия овладела несколькими населенными пунктами на подступах к селению Малые Автюцевичи, что в 12–15 км от крупного железнодорожного узла Калинковичи у Мозыря, и перешла к обороне.

В декабре выпал снег, усилились морозы. Войска окапывались, а в первых числах января вновь перешли в наступление. Ежедневные артподготовки и атаки пехоты не приносили успехов. Лишь на отдельных участках продвинулись на 1,5–2 км. И только с вводом в бой лыжного батальона дивизия подошла к Калинковичам.

Город Калинковичи расположен на равнине. С юго-запада, со стороны наступления 28-го гвардейского стрелкового полка и нашего 1-го дивизиона 31-го гвардейского артиллерийского полка, перед городом простиралось заснеженное поле около километра шириной. Мы вышли к полю по сосновому бору. Город просматривался как на ладони, но плотный огонь противника не давал возможности даже выйти из леса. Сильный артиллерийский огонь всех наших батарей, выведенных на прямую наводку, и угроза окружения города вынудили противника к отступлению. Ночью наша пехота вышла на окраины города, а с наступлением рассвета и мы уже грелись у печи одноэтажного деревянного дома. В тот же день, 14 января, другие полки дивизии вошли в оставленный опасавшимся окружения противником Мозырь.

Около недели блаженства в домах жителей Калинковичей – и снова преследование противника.

Не могу не остановиться на одном, на мой взгляд, интересном эпизоде из жизни местного населения. Как-то, во второй половине промозглого зимнего дня, меняя позицию, дивизион остановился в деревне, разделенной на две части речкой. Управление дивизиона заняло два дома из четырех оставшихся после боев на нашей стороне речки. Второй половине деревни повезло больше, но там все сохранившиеся дома уже были заняты тылами какой-то дивизии.

Один из домов из двух комнат занял штаб дивизиона. Это – командир дивизиона и его заместитель, комиссар, начальник штаба, парторг, писарь, повар командира дивизиона и ординарцы командиров. Второй дом в одну комнату заняли остальные офицеры и солдаты управления. Это взвод связи, взвод топоразведки, отделение разведки, хозяйственное отделение, старший военфельдшер и ветфельдшер. Всего человек тридцать. Кроме того, в доме жила семья из трех человек – хозяйка с сыном и дочерью – и шесть молодых женщин из разбитых домов этой же деревни. Встал вопрос: как разместиться такому количеству мужчин и женщин в одной небольшой комнате. Решили устроить двухъярусные нары. До наступления темноты успели соорудить из подручного материала нары только вдоль одной стены.

Поужинав и покормив женщин, стали устраиваться на ночлег. Верхний ярус нар заняли офицеры (их было три человека). Кроме того, они пригласили к себе трех женщин. Хозяйка разместилась на русской печи. Дочь и сын хозяйки улеглись на рассчитанных на одного человека нарах у печи. Все остальные солдаты и младшие командиры стали устраиваться на полу. Надо было видеть, как расцвели женщины, когда их тоже пригласили ложиться с собой. Увидев, что женщины дали согласие, кавалеры быстро помогли им разуться, лапти и портянки развесили на просушку у печи и разлеглись на полу. Только связисту, сержанту Елкину, места не хватило. Но он был не в обиде и устроился на печке с хозяйкой.

На полу места для всех явно не хватало. Ведра с водой и шайку с помоями вынесли в сени. Улеглись плотно, от порога до красного угла, оставался только узкий проход между печью и солдатскими ногами в валенках. Кто-то поднялся и погасил лампу. Наступила мертвая тишина, только за стеной слышалось покашливание часового. Но солдаты не спали, волновало присутствие женщин, каждый прислушивался к шорохам. Наконец где-то уже послышался легкий храп. И вдруг в сопровождении мата вырывается: «Тебе что, чужой… жалко?»

Сержант Саранин не выдержал близкого соседства молодой дородной белорусской колхозницы, которую уложил к себе сержант Егоров, и попытался подобраться к ней с тыла. Но Егоров свое охранял зорко. Завязалась словесная перебранка. Солдаты зацыкали: «Не мешайте спать!», и Егорову, как джентльмену, пришлось увести свою даму в холодные сени, на соломенную собачью подстилку за снятой с печи и прислоненной к стене входной дверью, где и провел он с ней двое суток, пока командование готовило для нас участок для наступления.

Вновь воцарилась тишина, а затем все большее число храпов стало включаться в общую симфонию. Вдруг что-то грохнуло, раздался детский крик, а затем злобный женский голос. Оказалось, что с самого края второго этажа нар устроился ординарец начальника связи дивизиона капитана Шило, ефрейтор Ворычев, и сразу же уснул. По нашим понятиям – старик, было ему около 40 лет. Почувствовав, что солдаты уснули, офицеры, ст. лейтенант медслужбы Гусев и ст. лейтенант ветслужбы Бадрединов зашевелились со своими дамами, да настолько, что столкнули Ворычева с нар на спящего внизу мальчишку, сына хозяйки. И что тут поднялось! Вопли испуганного мальчишки, нецензурная брань его матери и ржание тридцатиголосой солдатской братии. Но вот на хозяйку цыкнули командирским голосом, и она умолкла. Мальчик, всхлипывая, полез к матери на печь. Умолкли и солдаты.

Утром – как будто ничего не произошло. Солдаты принесли с кухни котелки с кашей и занялись солдатскими делами. Девушки обулись в свои лапти и ушли, только одна осталась лежать с сержантом Егоровым на соломенной подстилке в сенях за дверью. Прошел день, принесли ужин, а девушки не появились. Кто-то сказал, что они ушли в деревню за речку, где стоят тылы дивизии. Тут же была организована инициативная группа, и через час сильно подвыпившие, веселые дамы были доставлены. Наши гвардейцы нашли их за столом в компании офицеров-тыловиков, и тем пришлось уступить их без боя. Девушки же долго не могли успокоиться: «Там же еще полные фляжки горилки!» Девушкам снова помогли раздеться, лапти и портянки развесили на просушку, а их владелиц уложили спать. Ночь прошла без приключений, если не принимать во внимание, что солдаты долго не могли уснуть, прислушиваясь к происходящему у соседей, да небольшого скандала. Днем сержант Галкин без особых усилий сблизился с 16-летней дочерью хозяйки дома, а вечером уже «на законном основании» и с негласного одобрения ее матери устроился в ее постель на лежанке печи. Этот эпизод прошел бы незамеченным, но среди ночи сержанта вызвали в штаб

дивизиона. Когда Галкин вернулся, то обнаружил, что его место уже занято другим сержантом. После небольшой перебранки тот в панике бежал на свое место на нарах.

Утром получили приказ выступать, и расставание было не без слез.

Из дневника: «Калинковичи позади. Кончилась и морозная зима, в конце декабря и первой половине января. Морозы сменила слякотная погода. Ночью подмерзает, а днем чаще всего идет дождь, а чаще дождь со снегом. После короткого отдыха после взятия Калинковичей вступили с ходу, без подготовки, в бой. Места отвратительные. Заболоченные лиственные леса. Окопаться нельзя. Вода хлюпает под ногами. Обсушиться нельзя. Все время мокрые. Ужасно холодно».

Уже 20 января вступили в бой. Наблюдательный пункт оборудовали на небольшой высотке. Вырыли ровики. Перекрыли чем попало – плащ-палатками, хворостом, осиновыми или ольховыми бревнышками. По высоткам противник все время ведет артиллерийско-минометный огонь. Сыро, грязно и холодно. К несчастью, разболелись зубы. Командир дивизиона не выдержал моих мучений и приказал покинуть НП. КП (штаб дивизиона), куда я прибыл, находился в лесу, в 1–1,5 км от наблюдательного пункта. Личный состав взвода управления и хозяйственного отделения находился даже в худшем положении, чем разведчики наблюдательного пункта. Заболоченная местность не позволяла здесь зарыться в землю. От непогоды в шалашах из хвороста лиственных деревьев солдаты укрыться не могли. Палаток у нас никогда не было, а индивидуальные плащ-палатки мало у кого сохранились, да и помочь они бы не смогли. Единственным сооружением здесь был срубленный на скорую руку из осиновых и березовых бревен сруб размером 2,5 на 2,5 метра и высотой в рост человека с покрытием брезентами от хозяйственных повозок. Это был штаб.

Короткий зимний день клонился к ночи. Мои заботы – где и как устроиться на очередную бессонную ночь – были прерваны вызовом к начальнику штаба дивизиона капитану Черноусову. Приказ – заступить на дежурство по дивизиону. После вечерней каши стали устраиваться на ночлег. Солдаты заползали в крошечные шалашики с подстилкой из прутьев и под повозки. Начальник штаба с начальниками служб и старшиной устроились под тентом в кузове единственной в управлении дивизиона автомашины. Только комиссар дивизиона майор Кавицкий остался ночевать в штабе. Дежурному телефонисту было

приказано на столе, собранном из жердей, соорудить ему постель. Укладываясь в эту «постель», майор подложил под голову стопку книг, заявив, что это для того, чтобы быть умным. Укрылся шубой и приказал лучше топить печь, чтобы его не заморозить.

Кроме постели майора, в импровизированном блиндаже было и мое место, и место дежурного телефониста. Сидели мы с ним на снарядных ящиках со штабными документами. Кроме того, в штабе была трофейная печурка. У нас своих печей, как и многого другого, не было, и мы при случае приобретали отопительные приборы противника. У них с этим нужды не было. Маленькая цилиндрическая чугунная печурка без дверцы – топливо закладывается сверху через конфорку – принимала любое топливо и отдавала очень много тепла. Вот такую печь, кроме своих служебных обязанностей, нам и вменялось топить.

Майор улегся. Елкин подложил в печь сырых березовых чурок. Печь загудела и вся стала красной. Наша кубатура наполнилась теплом. Майор заворочался и сбросил с себя шубу. Выматерился трехэтажным матом и пообещал сжить нас со света за то, что мы его спарили. Топить перестали. Майор опять натянул не себя шубу и уснул. Временное сооружение быстро выдуло. И опять мат майора, только теперь за то, что его сознательно заморозили. И опять угрозы наказать. И так продолжалось до утра. К нашему счастью, угрозы остались угрозами, и не больше. Я же был доволен, что мог погреть у печи щеки, за которыми болели зубы. Днем старший военфельдшер дивизиона Гусев сообщил адрес медсанбата, куда я и отправился, определив азимут направления. Прошагав 5–6 километров, оказался в крошечной деревне с еще более крошечными хатами.

Зубной врач, молодой грузин, ст. лейтенант, принимал в совершенно крошечной хатенке с земляным полом и при керосиновой лампе. Станок приводился в движение через ножную педаль. Молодость врача, обстановка и инструментарий не придали мне оптимизма. До этого я уже дважды пользовался услугами зубных врачей и знал, что это такое. Первый раз, еще в Туле, в зубном кабинете поликлиники врач, женщина средних лет, загнала мне в зуб сверло чуть не по самую рукоятку. И второй раз, будучи уже курсантом полковой школы, пришлось мне обратиться в медсанбат 194-й отдельной дивизии в г. Чирчике, где я служил. Там порядок был вообще дикий. Зубной врач, военврач III ранга, принимал по 14 человек в день, и не больше. И через полчаса все уже были свободны – и врач, и больные. Больные уходили без зуба, а врач, надо полагать, продолжать пить. Так как он и до этого был нетрезв. Зубы он не лечил, он их даже не смотрел. Брал клещи, выламывал зуб, давал

больному пинка, чтобы тот не распускал слезы и быстрей освобождал кабинет, и кричал следующего. После такой операции я трое суток не спал. От боли не находил себе места. И трое суток, не прекращаясь, шла кровь. Надо представить мое положение теперь. Но делать нечего. Я знал, что с зубной болью шутить нельзя. Я уже упоминал, как после удаления зуба с запущенной болью у меня во взводе умер 32-летний солдат.

Но все оказалось совсем не так, как я ожидал. Боялся я зря. Доктор открыл нерв зуба, не задев его, то есть почти без боли. Жаль только, что мне так и не представилось возможность вновь посетить этого врача для удаления мышьяка и убитого нерва и чтобы поставить постоянную пломбу. И зуб через несколько лет разрушился.

Немцы держали оборону за заболоченным лесом. После оттепели (снег растаял) наступили заморозки. Мне было приказано подобрать наблюдательный пункт. Надо заметить, что в Полесье и в районе Пинска это всегда было проблемой. Равнина, кустарники и болота. Очень трудно найти место, откуда можно было просматривать оборону противника и тем более организовать сопряженное наблюдение, чтобы засечь его огневые точки и оборонительные сооружения.

Нас было пять человек. Пробирались по болоту в нейтральной полосе, вне зоны досягаемости винтовочного выстрела. Вышли на пятачок сухого леса диаметром не более 50 метров и остановились. Не успели оглядеться, как в кронах сосен стали рваться снаряды. Мы прижались к стволам деревьев – так меньше площадь попадания. Помню, я сел за сосну и… очнулся в полной темноте. Услышал мужской голос. Человек доказывал, что он Бог, и просил, чтобы его отпустили. А его, видно, пытались связать. У меня сильно, до тошноты, болела голова. Разобраться, ослеп я или нахожусь в подземелье, так и не смог. И снова провал.

Второй раз очнулся в большой светлой комнате. Была, думаю, середина дня. Это было классная комната школы, переоборудованной в госпиталь. По трем стенам – сплошные одноярусные нары и мы, лежащие головами к стенам, плотно прижавшиеся друг к другу. У двери столик и за ним девушка в белом халате.

Я оказался в самой середине нар по большой стороне стены, напротив двери, за которой был коридор, оканчивающийся почему-то всегда открытой дверью на улицу. Уже спустя некоторое время я пришел к выводу, что это было сделано для лежащих на носилках вдоль стен умерших.

В палате не было ни одного ходячего, однако шел разговор,

что ночью убежали два больных офицера и недалеко от госпиталя их нашли замерзшими. И ничего удивительного в этом не было: одеты мы были по двое в одну пару белья довольно непрезентабельного вида – один в кальсоны, другой в рубашку. Хотя в палате было тепло.

Сколько надо было иметь терпения и мастерства врачам, сестрам и санитарам, чтобы лечить раненых и больных, лежащих вповалку. Врачу, чтобы осмотреть больного, надо было стать на колени на нары со стороны больного. Сестра, чтобы сделать укол, делала то же самое. На перевязку больного за ноги стаскивали с нар на носилки. Умывание по утрам проводил санитар Петька. По-другому его не называли. Он окунал полотенце в воду, слегка отжимал его и протирал лица всем больным.

Но самым неприятным было пользование судном и «уткой». Такое мог выдержать, точнее, ухитриться проделать, только солдат. Русский солдат. Да и то не всегда. Меня этот вопрос долго мучил. И как-то, когда было уже невтерпеж, решился я на рискованный поступок. С моего ложа было видно не только коридор, но и кое-что за его пределами. Метрах в десяти – пятнадцати от здания, на пустыре, стояла уборная. Ее я и решил посетить. Ночью, когда сестра спала, положив голову на стол, слез с нар и, держась за стены, вышел на улицу, на мороз, а затем, с помощью какой-то палки, буквально дополз до уборной. Как вернулся в палату – один Бог знает. Другой раз я на такой подвиг уже не решился. Запомнился и такой курьезный случай. Больной слез с нар и помочился на спину спящей за столом сестры. Но больше всего палату раздражал больной старшина-разведчик – здоровяк с зычным голосом. Он был совершенно глухой и сутками требовал вернуть ему папаху, подаренную генералом. Даже слезал на пол и искал ее, ползая под нарами. Мы позже встречались с ним в госпитале в Мозыре. Там ему три раза в день давали по столовой ложке сухой крови.

Или еще. Это было на второй или третий день моего поступления в госпиталь. Утром, проснувшись, почувствовал, что дрожу от холода. Петька уже протирал нам глаза. Протер моему соседу слева, затем мне, затем стал протирать соседу справа и выругался. Позвал сестру, та – врача, и моего соседа слева положили на носилки и вынесли в коридор. А затем то же сделали и с соседом справа. Он тоже был мертв.

Но долго залеживаться в теплом здании нам не дали. Как-то, закутывая в одеяла, стали грузить на сани и перевозить в другой госпиталь, в брезентовые палатки, разбитые на территории железнодорожной станции. В палатах те же нары. Только без соломенной подстилки и матрацев. Матрацами служила

сплошная подстилка из старых байковых одеял. В центре палатки топилась печь, сделанная из бочки, которая не столько грела, сколько дымила. Мы ужасно мерзли. Кроме того, почти каждую ночь станцию бомбили, и осколки снарядов наших зениток, отбивавших налеты, падали на палатки. Нам говорили, что рядом с палатками есть щели, где можно укрыться, но даже самый последний трус, если бы он даже мог ходить, не решился бы укрыться в ровике в кальсонах без рубашки или в рубашке без кальсон.

А еще госпиталь запомнился тем, что у нас был замечательный рассказчик. Я лежал в объединенной палатке. В одной половине лежали мы, солдаты и сержанты, а в другой – офицеры. Так вот, на офицерской половине лежал ст. лейтенант, кавалерист, по национальности татарин. Это был прирожденный артист. Он приходил, садился на нары, ноги калачиком. И весь день рассказывал анекдоты и занимательные были. Затихали стоны больных. Чтобы не отвлекать рассказчика, сестры приносили ему еду на «рабочее место». Проходило дня два, люди начинали уставать, кое-кто даже выказывал недовольство, в первую очередь тяжелобольные, и старший лейтенант прощался и переходил в другую палату.

Время шло. Раны заживали. Мне уже голову не бинтовали, а делали марлевую наклейку. Головокружение стало слабее. Только язык все еще был жесткий да слух восстанавливался слабо. Но, видно, надо было освобождать место для других. Как-то утром принесли ботинки с обмотками и солдатское обмундирование б/у и приказали одеваться и готовиться к эвакуации в госпиталь выздоравливающих.

Нас привезли в Мозырь, в госпиталь, который был сформирован в Свердловске и только что развернут в каких-то складских помещениях – без света, воды и, естественно, без канализации. Даже уборную не организовали. Поскольку все мы, поступившие 13 человек, были ходячие, нам указали отхожее место за углом какого-то здания.

Мы были первыми пациентами этого госпиталя. Сестры и врачи молодые, еще не испорченные, а отсюда и нормальное отношение к подопечным. Разместили нас вместе, рядовых и офицеров, в одной палате на двухъярусных нарах. Мы были хотя и плохо, но обмундированы, времени свободного много, желаний тоже, сестер и санитарок было больше, чем больных, и с первого же вечера начались ухаживания, благо администрация и врачи на нас внимания не обращали, да и за сестрами контроля не было. Сестры умели постоять за себя. Ухаживания они принимали, но не больше. Поэтому, когда через три дня поступила

выздоравливающая военнослужащая – парикмахер, большинство больных переключились на нее, стриженную под машинку. К счастью для нее, через день пришла машина, и ее увезли в часть по месту службы.

Поток выздоравливающих усилился. Стали поступать партии по 40–60 человек. Госпиталь заполнялся, и нас стали сортировать. Одних направляли в запасные батальоны, а тех, кто еще не совсем выздоровел, – во взвод выздоравливающих при госпитале. Мне понравилась такая жизнь – спать в чистой постели в теплом помещении, регулярно мыться и нормально питаться, не слышать разрывов снарядов, не кланяться вжикающим пулям. Да и жить и работать в тылу уже значило сохранить себе жизнь. Больше того, сразу же после комиссии сестры привели меня к старшей медсестре и организовали стол с бутылкой кагора. Выяснилось, что госпитали и кагор получали, только к раненым он не попадал. За шесть месяцев пребывания в госпиталях во время войны о кагоре я никогда, кроме как здесь, даже и не слышал.

Спать в теплой постели было хорошо, но у меня была другая мысль – вернуться в полк. Не мог я себе позволить кантоваться в тылах, когда мои сослуживцы мерзнут в сырых холодных окопах под огнем. Я считал это предательством, а себя – вполне здоровым, способным выполнять свои обязанности в дивизионе в полном объеме.

В первые дни пребывания в госпитале выздоравливающих меня навестил ст. сержант Митягов. Он тогда исполнял обязанности начальника разведки дивизиона. Оставил мне карту с наколотой точкой дислокации дивизиона. Рассказал, что дивизия дошла до реки Птич и после кровопролитных боев, понеся большие потери, отведена в тыл для пополнения и стоит в лесу в 18 километрах от Мозыря. Он же рассказал мне, как я оказался в госпитале.

Оказывается, мне разбило голову срезанной снарядом сосной. Подобрали меня без признаков жизни. Кровь изо рта, носа и ушей. С нейтральной полосы надо было уходить, поэтому решили на скорую руку похоронить. Углубили немного какую-то яму, подстелили соснового лапника, положили и снова вынули. Сержант Иван Саранин, помкомвзвода топоразведки, решил все-таки вынести тело в расположение дивизиона, чтобы похоронить, как у нас во взводе было принято, – хоть в простом, но в гробу. А покойник во время этих опусканий и вываний вдруг задышал. Вот и вынесли меня и отправили в медсанбат. А в госпитале я еще и тифом переболел.

Наступила ночь. Я лежал на нарах с открытыми глазами. Решал задачу жизни и смерти – бежать или остаться? Жить в

тепле с удобствами или вернуться в холод, грязь, бессонные ночи, многокилометровые переходы, под постоянный огонь, но к своим друзьям. Два с половиной года пребывания на фронте, видно, уже выработали особый вид человека. И я сделал выбор. Посчитал, что если останусь работать в госпитале и останусь живым, то после войны всю жизнь буду чувствовать себя предателем. В 12 часов ночи оделся, замотал обмотки, на цыпочках прошел мимо спящей на посту медсестры и покинул госпиталь.

Идти было тяжело. Отвык. Более месяца лежал. Болела голова. Наступила распутица. Моросил дождь. Грязь по щиколотку. Вышел на пределы города. На патруль не нарвался. Рассвело. Остановилась встречная машина «Студебеккер». Открывается дверца машины, и окрик: «Андреев, ты?» На подножке машины стоял начальник штаба дивизиона капитан Черноусов. Расспросил, посадил в машину. Сделав свои дела в городе, капитан, оставив меня в машине, зашел в госпиталь. Вернулся часа через полтора веселый и хмельной, доложил, что «все оформил».

А я и не сомневался. Капитан Черноусов у нас был удивительный человек. Молодой, красавец, решительный и храбрый до безумия. Любимец и солдат и офицеров, всех, кроме командира полка полковника Авралёва. Но больше всего его любили женщины. Казалось, что он их гипнотизировал. Так я вернулся в свой родной дивизион.

Дивизия была выведена из боев и стояла в лесах Полесья, набираясь сил для новых бросков на укрепления противника. Дивизион расположился в редком сыром смешанном лесу. Полуземлянки-полушалаши заглублены в землю на 50–60 см, и все равно на полах стояла вода. Холод и грязь в шалашах, мерзкая слякотная погода не придавали энтузиазма после госпиталей, но радовало то, что опять нахожусь среди своих. Налили 100 граммов, покормили обедом. Только собрался отдохнуть, ночь-то провел без сна, как появился наш главный спаситель – ст. лейтенант медслужбы Иван Гусев и вручил направление в карантин при штабе дивизии. Оказывается, был приказ, что в связи со свирепствующим в армии тифом ни одно подразделение не имело права принять прибывающих без двадцатидневного карантина.

Карантин размещался в кирпичном здании в деревне. Человек тридцать, в основном прибывших из госпиталей, изнывали от безделья. Отлучаться было запрещено. Медицинского контроля не проводилось. Заведовал карантином капитан-особист. На третий день после моего прибытия начищенный, красномордый капитан вышел к нам, собравшимся

в кружок карантинцам, и объявил, что дивизия получила приказ о новой дислокации и что завтра предстоит 100-километровый марш. На мою просьбу отпустить меня в полк, поскольку с не зажившими еще ранами головы, неснятыми повязками и с сильным головокружением преодолеть такое расстояние я не смогу, капитан заорал, что он заставит меня ползком проползти. Я возразил и в итоге был силой затащен в его кабинет. Капитан выхватил из кобуры пистолет, вырвал все пуговицы моей фуфайки. И все это сопровождалось отборным матом и угрозами расстрела. Но есть Бог на свете. В самый разгар процесса демонстрации предстоящего расстрела в комнату вошел полковник. У капитана звериный оскал в один миг сменился на умиленную подобострастную гримасу, а пистолет тут же оказался в кобуре. Воспользовавшись случаем, я в тот же миг покинул кабинет и не медля отправился в дивизион. Никто меня ни в карантине, ни в дивизионе не пытался задержать. Даже и не спросили, почему двенадцатидневный карантин я отбыл за два дня. Видно, не до того было: в дивизионе готовились к маршу.

Состоялось мое знакомство с новым комиссаром дивизиона, капитаном Люхтером. На марше в районе Мозыря полк подвергся бомбежке, и в результате были ранены комиссар нашего дивизиона майор Кавицкий и санинструктор 2-й батареи Оля.

О майоре Кавицком я уже упоминал. Это был барин, ничем не оправдывающий затрат на свое содержание. Высокого роста, спортивного телосложения и умел себя показать. Вся его работа заключалась в том, что он в перерывах между боями, а это было очень редко, вызывал к себе пропагандистов батарей и инструктировал их, как провести беседы по какому-нибудь выступлению Сталина. Единственным его достоинством было то, что он не вмешивался в дела командира дивизиона и командиров батарей. Капитан Люхтер, в противоположность майору Кавицкому, представлял собой карикатуру на офицера. Низкого роста, одетый всегда неряшливо, в не по росту подобранную шинель, говоривший с сильным еврейским акцентом, всегда старавшийся выпятить себя, он вызывал по меньшей мере улыбку. Запомнился эпизод, когда Люхтер с пистолетом в руке прыгал перед взятым разведчиками стрелкового полка «языком»-фельдфебелем. Громадного роста немец без испуга смотрел на капитана, как ребенок на диковинную игрушку.

Если Кавицкий требовал, чтобы ему строили блиндаж из двух комнат в 3–5 накатов и за счет взвода связи держал денщика-повара, то потребности Люхтера были значительно скромнее. Он довольствовался простым окопом или даже спал в штабной землянке. Питался у Василия Ивановича, повара командира

дивизиона. Инструктажей и занятий не проводил. Да и что он мог сказать, малограмотный сапожник, занимавший перед войной должность заведующего мастерской по ремонту обуви в небольшом местечке в Белоруссии? А слушать его пришлось бы рядовым и сержантам из взвода управления дивизиона, среди них, до призыва – директор школы, три учителя, четыре инженера-строителя, строитель, агроном, художник, артист, три студента разных вузов и т. д. Зато если Кавицкий не оказывал ни малейшего внимания женщинам (он очень часто с нежностью вспоминал свою жену, проживавшую в Туле), то у Люхтера этот вопрос был первейшим.

Одновременно с Люхтером в дивизион прислали телефонистку Клаву, женщину лет тридцати пяти. Вот на нее капитан и тратил все свободное время. А его было много. Больше-то заняться было нечем. Он с нее глаз не спускал. И не потому, что она была красавица, скорее наоборот. Возможно, он был в нее влюблен, а скорее, считал своей собственностью. Но не зря говорят, что Бог создал три зла – черта, бабу и козла. Клава всегда говорила: «Солдаты тоже люди, они тоже хотят» – и никому не отказывала. Точнее, всем предлагала. Дело дошло до того, что Клава занялась благотворительной деятельностью и в других частях нашей армии. Как-то недалеко от управления дивизиона заняла огневую позицию батарея РГК. И, как только батарейцы построили блиндажи, Клава ушла к «чужим». Капитан забегал по лесу, но безрезультатно. Стал спрашивать у солдат, и кто-то подсказал, где ее можно найти. Нашел он ее в самом неприглядном виде с целым орудийным расчетом. Да еще на его «Ты что же делаешь, блядь такая» Клава заявила: «А ты что, один хочешь?» Это был финал, через некоторое время от Клавы избавились.

В марте, в самую распутицу, дивизия совершает 100-километровый марш в район города Столин. Непрерывные наступательные бои с 18 по 22 марта успеха не имели, и дивизия перешла к обороне.

Установилась хорошая весенняя погода. Каждое подразделение усиленно зарывалось в землю. На вязких песках, где закопаться было нельзя, из бревен строили срубы. Наш взвод из четырех человек, кроме земляных работ и охраны, привязывал постоянно меняющиеся огневые позиции батареи и наблюдательные пункты. Днем и ночью с пунктов сопряженного наблюдения мы засекали укрепленные и огневые точки переднего края и в глубине обороны противника. Все это наносилось на карты штаба, командиров дивизиона и батарей, готовились данные для стрельбы. Дивизия готовилась к прорыву обороны.

Кроме того, все по очереди, включая и сержантский состав, стояли часовыми или дневальными.

Первое время я не спал по трое суток. Кроме невыносимой усталости и нервного напряжения, мучили последствия сотрясения мозга. При резком наклоне или подъеме, а под обстрелом это приходилось делать часто, земля с бешеной скоростью вращалась, и вместе с ней через голову вращался и ты, что часто вызывало тошноту. Свой недуг приходилось скрывать, не знали об этом даже близкие друзья. Я боялся, что снова попаду в госпиталь. Боялся не госпиталя, а попасть в маршевую роту, а оттуда в другую часть. Этого я допустить не мог. И думаю, был прав. Месяца через три головокружение прошло.

Штаб дивизиона оборудовали в лесу. На ковре белого мха стояли золотистые стволы сосен. Не нарушая строя деревьев, оборудовали три блиндажа. Один большой, в три наката, из свежих сосновых бревен – под штаб. В одной половине стол из соснового кругляка, в другой – двухъярусные нары из того же материала с настилом из елового лапника. Дверной проем завешен плащ-палаткой. В одном уголке, на снарядном ящике со штабными документами, место дежурного телефониста. В другом – печь-буржуйка. Два других блиндажа, один – разведчиков, другой – телефонистов, поскромнее. И накатов поменьше, и без столов и печей. Узенький проход и нары. Старшина со своей хозяйственной командой – поваром и ездовыми, – как всегда, где-то подальше от передовой.

Это главное подразделение на фронте. Без организованного питания долго не навоюешь. Хоть один, даже совершенно не поддающийся зубам сухарь, из непропеченного, без дрожжей ржаного хлеба, но солдату дать надо. Потому-то старшина всегда, и в мирное время, а тем более на войне, в Красной Армии был главной фигурой, как у солдат, так и у офицеров. У немецкого солдата, думаю, потребности в старшине (или как там у них он назывался) было поменьше. В ранцах убитых мы всегда находили и хлебцы в заводской упаковке (говорили, что он может храниться чуть ли не годами), и шпроты, и масло, и колбасу или мясные консервы, и чай или кофе. И маленькая спиртовка с сухим спиртом была. Наши солдаты этот спирт размачивали в тряпке, выжимали и выпивали. А чтобы добыть все это богатство, часто, рискуя жизнью, выползали на нейтральную полосу, чтобы снять с убитого немца рюкзак.

Однако отвлекся. Вернемся к теме. Погода установилась летняя. Тихий вечер. Даже пушки смолкли. Пришел с наблюдательного пункта командир дивизиона капитан Никанчук, сменивший раненного на Днепре и убывшего в госпиталь майора

Антонова. Никанчук, кадровый офицер лет за сорок, был невысокого роста, тщедушного телосложения, нос крючком, только не вниз, а вверх, и с татарскими скулами. Его вид невольно вызывал если не смех, то по крайней мере улыбку. Не знаю, то ли из-за своей бестолковости, то ли из-за вида он так долго рос до капитана. Но, несмотря на свой на первый взгляд отталкивающий облик, он очень любил женщин, смело к ним подходил, и, надо сказать, они его привечали.

Еще днем на прекрасной лошади в седле приехала ст. лейтенант медслужбы – военфельдшер дивизиона 2-го кавалерийского корпуса. Стройная молодая девушка, красавица. А как ладно на ней сидела казачья кавалерийская форма! И вот эта красавица встретила на военных дорогах нашего начальника штаба капитана Черноусова. И завязалась дружба, а может, и любовь. Как будто в целом казачьем корпусе не нашлось подходящего казака. На протяжении восьми месяцев, от Полесья и до Бреста, как бы далеко ее дивизион ни находился, казачка ухитрялась отлучиться, чтобы на несколько часов заглянуть к капитану Черноусову.

К капитану Никанчуку пришла прикомандированная к нашему полку художница Уранова[5]. Женщина лет за тридцать, невоеннослужащая. Говорили, что она до безумия влюблена в командира 1-й батареи, двадцатиоднолетнего ст. лейтенанта Попова, и из-за его равнодушного к ней отношения падала перед ним в обмороки и устраивала истерики. Не знаю, так ли это, но все время между боями, то есть в то время, когда Попов не был на НП, Уранова обитала в его 1-й батарее, не забывая, правда, и Никанчука. Люхтер пригласил Клаву. Старшина Защепин привез, что в таких случаях надо, и закипела пьянка. И солдатам не спалось. До поздней ночи они крутились перед брезентовой дверью землянки, особенно после того, как там была потушена лампа. И часовой в их числе.

Строительные работы заканчивались, и мы уже надеялись, что скоро появится возможность отоспаться. Но поступил приказ сниматься, подошла другая дивизия. Во второй половине апреля мы снова были на марше.

Пинские болота

Полк снялся с боевых позиций с наступлением ночи. Никто в дивизионе не знал ни маршрута движения, ни того, что ожидает нас впереди. Колонна двигалась на юг. День отдыхали в деревне в Ровенской области. Сделав еще два ночных перехода, утром вошли в деревню, протянувшуюся одной улицей вдоль болота. Получили приказ занять оборону на участке южнее Пинска. Поддерживаемый нашим 1-м дивизионом, 28-й стрелковый полк стал перед заболоченным до 8 км в глубину правым берегом реки Припять на участке Хойно, Малая Вулька, Жидче.

Штаб дивизиона занял стоящий особняком у старой Припяти, видимо, бывший помещичий дом. После «освобождения» в 1939 году Западной Белоруссии в особняке была школа. Взводам управления дивизиона и 2-й батареи, огневая позиция которой была в огородах деревни Маньковичи, отдавалась вся деревня, домов тридцать. Лучший дом, дом священника, в одну комнату, с дощатыми полами, заняли офицеры. Солдатам было приказано размещаться в крестьянских домах. Население из деревни было выселено еще до нашего прихода.

Наступила ночь, и солдаты стали покидать дома и устраиваться или на полу в поповском доме, или в огородах и сараях. Мало кто выдержал пытки до утра. Оказалось, что в домах, кроме грязи, осталось невероятно много блох и клопов. Да к тому же еще и голодных. Стоило пробыть в любом доме пять минут, как блохи так плотно на тебе устраивались, что брюки цвета хаки становились черными. Поскольку средств борьбы с насекомыми в армии предусмотрено не было, дома остались стоять пустыми, а точнее, были заняты насекомыми, а солдаты строили для себя землянки.

Стояла теплая солнечная погода с ночными заморозками. Дивизион окопался. Батареи наколоты на планшет, но нет наблюдательных пунктов и целей, по которым надо готовить данные для стрельбы. Нас с противником разделяет почти 8 километров болота и река Припять. Мы не видим противника и его оборону так же, как и он нас. Правда, он в более выгодном положении: река находится на его стороне болота, и он свободно может организовать переправу через реку и, пройдя через болото, достичь нашего расположения. Хорошо, что ему в то время было не до нападения. Инициатива в то время было у нас. Однако даже небольшая разведывательная или диверсионная группа, переправившаяся в наше расположение, могла причинить нам большой урон.

Ввиду того, что дивизия была уже малочисленна и занимала очень большой участок фронта, у нас не было сплошной линии обороны. А на нашем участке вообще не было пехоты, и артиллерия стояла в первой линии. Это накладывало на каждого солдата двойную нагрузку. Ночью надо было выставлять усиленные посты. Зато днем была тишь да благодать, немцы нас не обстреливали, как и мы их. Вслепую стрелять – только снаряды тратить. А ближайшая деревня, где, безусловно, находились немцы, была недосягаема для наших 76-мм пушек и 122-мм гаубиц.

Мы с Сергеем Митяговым попробовали вести наблюдение с самого высокого дерева на нашем берегу. Установили лестницу, сделали площадку, установили стереотрубу, но большое расстояние и деревья на левом берегу Припяти результат свели к нулю. Надо было искать другие пути. Мы готовились к наступлению, и надо было изучить оборону противника, чтобы при прорыве подавить максимум огневых средств. Было принято решение направить группу разведки на противоположный берег болота, чтобы в течение светового дня вести наблюдение и изучить возможности переправиться на левый берег. Операция была поручена ст. сержанту Митягову.

Во второй половине дня группа разведчиков из пяти человек, вооружившись, кроме автоматов, шестами, вышла на болото. За остаток дня и за ночь они должны были преодолеть топи непроходимого болота, день наблюдать и следующей ночью вернуться.

Вернувшись, Митягов докладывал, что они вышли на берег Припяти, измученные до основания, мокрые и с ног до головы в болотной грязи. Местами проваливались по шею. К их счастью, днем стояла теплая солнечная погода, и за день они даже обсохли. При возвращении все повторилось. Только дома смогли они обмыться и переодеться. С изучением обороны противника дело обстояло не лучше. Сильно мешали кустарники и деревья на левом берегу Припяти. Пришлось несколько раз менять точки наблюдения, и все-таки весь передний край немцев не просматривался. А поскольку без координат наблюдательных пунктов нельзя определить координаты огневых средств обороны противника, встал вопрос, как организовать сопряженное наблюдение, чтобы путем засечек нанести на планшет оборону противника и подготовить данные для стрельбы. Нужно было переправляться через Припять. Но лодок у нас не было, да если бы и были, их невозможно было перетащить через болото. Вязать плот в непосредственной близости от обороны противника на реке тоже нельзя.

Мы с Сергеем решили переправляться по дну реки. Собрали и испытали на р. Старица приспособление из противогазных масок и наращенных противогазных трубок с поплавком на конце. А чтобы самому не всплыть, была предусмотрена сумка с камнями. Одновременно искали и более проходимый участок болота. На топографической карте броды нанесены не были, и пришлось обращаться к местному населению. Нашли в деревне старика, который показал построенную еще в войну 1914–1918 годов гать из бревен и веток.

Наконец, была организована вторая вылазка. Днем, взяв все необходимое, в том числе две стереотрубы, мы вышли на указанную стариком дорогу. Правда, дорогой ее назвать было никак нельзя. Гать давно уже утонула, местами на целый метр. На ней даже уже выросли кустарники. Но все-таки мы ныряли в болото уже не по шею, а только по пояс. Выбирая направление, все время прощупывали шестами глубину. В кустарнике, уже на берегу Припяти, позавтракали и с рассветом приступили к работе. Нашли два пункта, наиболее подходящие для наблюдения. Установили стереотрубы, протянули между ними телефонную связь, и работа началась. Переправляться через Припять не решились. Слишком близко проходил передний край обороны, и нас могли обнаружить. Да еще мы увидели, что немецкие солдаты ходят на реку за водой.

За Припятью наблюдалась очень удобная для обороны равнина, полого спускающаяся к реке. Слева в глубине просматривалась деревня Хойно, а правее ее виднелась колокольня церкви. Оборонительная линия немцев на таком сравнительно небольшом расстоянии просматривалась хорошо. Отсчеты на цели записывали в журнал наблюдений. Дома все это ляжет на планшет, но цели будут в условных координатах, оторванных от координат батарей, а теодолитный ход от батарей на такое расстояние по болотам проложить невозможно. Одной точки с координатами – это была церковь – недостаточно, и если не найти вторую, вся наша работа окажется бессмысленной. Но вторую точку найти нам не удалось, и пришлось искать какое-то другое решение. Я решил эту задачу, привязав пункты сопряженного наблюдения графическим методом, по координатам одной твердой точки с замером азимутов. К счастью, у разведчиков и буссоль нашлась. Таких методов привязки в литературе, по которой мы изучали геодезию и арттопослужбу, не было. И в моей практике такое не встречалось.

День прошел в напряженной работе. Сделали много. Можно сказать, что сами немцы нам помогали. Зная, что они недосягаемы наблюдению с нашей обороны, они вели себя точно

так же, как и мы в своей обороне. Только мы, в отличие от них, еще и строевой подготовкой занимались. Солдаты открыто ходили по брустверам окопов, входили и выходили из дотов. Подвозили кухню и раздавали обед. И все это делалось без элементарной маскировки.

С наступлением темноты мы снялись с точек и к утру благополучно вернулись в дивизион, промокшие и грязные выше ушей, но довольные. Задание выполнили, и без потерь. А как привязка? Используя кальку, хордоугломер, измеритель и циркуль, методом совмещения все обнаруженные оборонительные сооружения переднего края обороны противника были нанесены на планшет в истинных координатах. А затем и на топографические карты штабов и командиров. Жаль только, что проверить точность своей работы не пришлось. Прорывать оборону с форсированием Припяти нам пришлось ниже по течению – немного правее того участка, где мы занимали оборону и сделали неудачную попытку форсирования реки.

Все 24 часа суток расписаны по минутам. Солдаты и сержанты несут караульную службу. Связисты дежурят на связи. Ремонт оборудования, чистка оружия. Организовали помывку со стиркой обмундирования и белья. Но это между делом. Основное занятие – это учеба. Занятия по специальности, политзанятия, строевая и даже физическая подготовка. Для занятий по физкультуре соорудили простейшие снаряды – турники и брусья. А в один из дней организовали купание. Совсем рядом была старица Припяти, и иногда мы, чтобы смыть пот, погружали свои телеса в ее болотную жижу. А тут организованно, строем, под командой офицеров отправились на реку Стырь, протекавшую с юга на север в трех километрах восточнее деревни Маньковичи и впадающую в Припять в 18 км южнее Пинска.

Конец июля. Безветренная солнечная погода. Строем с песнями прошли три километра. Настроение праздничное. Не все еще успели раздеться, как привели вторую батарею. И раздевшиеся, и не успевшие снять кальсоны дружно бросились в воду. На берег выбежала санинструктор Ольга. Так и пришлось солдатам купаться в кальсонах. А Ольга разделась и в костюме Евы спокойно, не обращая внимания на десятки солдатских глаз, вошла в воду. Поплавав на виду у всех, вышла на берег, взошла на мост, поднялась на перила и прыгнула в воду. Прыжок повторила не один раз. Надо было при этом видеть ошалелые глаза солдат, собравшихся перед импровизированным трамплином для прыжков в воду. Несмотря на настойчивые приглашения Оли, посоревноваться с ней в прыжках желающих не нашлось. Не потому, что среди мужчин не нашлось храбрых, просто у мужчин

не было не только плавок, но и трусов, а голыми или в кальсонах они предстать перед девушкой, в отличие от нее, стеснялись.

В то время как мы повышали свои знания в боевой и политической подготовке, штабы готовились к боевым действиям. Для планирования наступательно-оборонительных действий необходимо знать, кто стоит перед нами и чем занимается противник. Эту работу выполняла разведка. На нашем участке фронта полковой и дивизионной разведке приходилось работать в очень тяжелых условиях. Но даже 8 километров болота не было им помехой.

Остановлюсь на одном из походов взвода разведки 28-го гв. стрелкового полка нашей дивизии. Командовал взводом гв. старшина, бывший старшина-моряк Ходосов, прибывший в полк из госпиталя после очередного ранения. Уже в это время он носил восемь нашивок за ранения. Человек отменной силы и выносливости, хладнокровия и храбрости. Позже он заслуженно получил звезду Героя Советского Союза, с честью закончил войну, и в послевоенные годы Герой и специалист по захвату «языков» работал шофером такси в городе Сухуми.

Так вот, в одну из ночей, перед рассветом, взвод Ходосова возвращался из неудавшейся разведки, то есть без «языка», и встретился со взводом разведки немцев, тоже возвращавшимся из нашего расположения. Немцы отдыхали у костра на небольшом островке среди болота. Костер их и выдал. Наши разведчики могли пройти незамеченными, да и ввязываться в бой было опасно. Немцы всегда ходили в разведку большими группами, не менее 20 человек, а у Ходосова было всего восемь. Но Ходосов был не тот человек, чтобы не испытать открывшуюся возможность. Взвод незамеченным подобрался к беспечно отдыхавшим и сушившим у костра одежду немцам и забросал их гранатами. Ни одному не удалось уйти, правда, к большому сожалению разведчиков, ни одного немца и в живых не осталось. Наши же разведчики вернулись без потерь.

Наступление на Пинск и Брест

Более двух месяцев дивизия занимала оборону по южному берегу болот и старицы реки Припяти, на участке от деревни Паре до местечка Невель, с направлением на север. Сухое лето и затишье на фронте, несмотря на то, что солдатам приходилось много времени быть в нарядах и заниматься по своей специальности, позволило личному составу почиститься, подремонтировать обмундирование и обувь, да и отдохнуть. В строю солдаты теперь выглядели подтянутыми и окрепшими. Но всякому делу приходит конец.

8 июля получен приказ собираться. Во второй половине дня все было приведено в порядок. Погода стояла летная, но немецкие самолеты нас не беспокоили, а с наземных наблюдательных пунктов немцы нас не видели, так как нас разделяло восьмикилометровое болото, поросшее редкими, но довольно высокими деревьями. Правда, немцы не прекращали вести воздушную разведку, но и тут мы нашли способ отгонять их «рамы» и «костыли». Как-то попробовали выпустить по самолету бризантный снаряд 122-мм гаубицы, и оказалось, что самолеты, которые свободно чувствуют себя среди разрывов снарядов зенитных пушек малых калибров, 122-мм калибра паническим боятся. И последние два года войны наша 3-я гаубичная батарея, выпустив один-два снаряда, избавляла какой-то участок фронта от нежелательных глаз. Я это к чему? Если раньше в летную погоду мы могли передвигаться только с наступлением темноты, то тут мы к вечеру колонной прибыли на берег реки Стырь. А с наступлением ночи стали грузить пушки, заръящики и снаряды на заранее приготовленные плоты. К рассвету батареи были выгружены с плотов на берег Припяти, а к приходу взводов управления установлены на огневые позиции. Взводы управления и тягачи «Студебеккеры» всю ночь форсировали болото.

Сутки ушли на подготовку, и наступление с форсированием Припяти на подручных средствах, то есть кто на чем может, началось. В таких случаях для пулеметов и минометов вязались плоты. А для солдат в дело шли отдельные бревна и плащ-палатки, набитые соломой или сеном.

Весь день бой. С наступлением ночи артиллерийско-минометный огонь затихал, зато пулеметный усилился, особенно со стороны противника. Немцы патронов никогда не жалели. Трассирующие пули прорезали передний край, как искры потревоженного костра. На рассвете наступление возобновилось, но безрезультатно. Прорвать оборону противника не удалось.

Немцы занимали господствующую местность и хорошо окопались. А у нас слабая артиллерийская поддержка, мало артиллерии, да и та малого калибра – до 122 мм, мало и снарядов. Да даже если бы они и были, то доставить их на батареи через болото не было никакой возможности.

С наступлением темноты снялись с позиций, и началось форсирование болота в обратном направлении. Другие стрелковые полки нашей дивизии, наступающие на правом фланге в направлении населенных пунктов Диковичи и Вулька, прорвали первую оборонительную линию немцев. Мы переправились через Припять по уже наведенной понтонной переправе. Поддерживаемый нашим дивизионом 29-й гв. стрелковый полк стал развивать наступление на запад в направлении населенного пункта Хойно.

Стоит сухая и ясная летняя погода. С утра до вечера идут непрерывные бои. Противник, видя, что ему отрезали пути отхода из Пинска, непрерывно контратакует.

Наше командование, чтобы поддержать поредевшие полки пехоты, всю дивизионную артиллерию выдвинуло на прямую наводку. На третий день непрерывных наступательных боев 29-й гв. сп, отбив очередную контратаку, ворвался в Хойно. Немцы оставили деревню и заняли оборону в двух километрах западнее, по опушке леса.

Мы вошли в деревню, представлявшую собой замкнутый треугольник улиц с протекавшим по заболоченной поляне внутри него ручьем, около двух часов дня. Наступающие батальоны, преследуя противника, в деревне не задержались. Мы тоже ее прошли и заняли наблюдательный пункт западнее, в конопляном поле. Окопались. Организовали наблюдение.

Жарко. Солдаты Курбатов, Чистопольский и Демин уговорили меня отпустить их на ручей, протекающий через деревню метрах в двухстах от нашего НП. Я тоже решил смыть лишнюю грязь, пока батареи не заняли огневых позиций и есть свободное время. У речки к нам присоединились еще два солдата из стрелкового полка. Только сняли гимнастерки, как с юго-запада на небольшой высоте показались немецкие бомбардировщики. Не менее 20 штук. И идут прямо на нас. Времени у нас оставалось только на то, чтобы обратно натянуть гимнастерки и залечь всем четверым в три окопчика для стрельбы лежа, глубиной не более 20 сантиметров. Пехотинцам места в окопчиках не досталось, да и мы лежали без защиты, только головы спереди были прикрыты небольшим валиком дерна, и они бросились на землю здесь же, на берегу речки, у наших ног. Завизжали бомбы, и их визг тут же заглушил грохот разрывов.

Бомбы рвались со всех сторон и так плотно и близко, что, казалось, живого ничего остаться не может. Первым подал голос Курбатов: «Сержант, я ранен…» Затем застонали Чистопольский и Демин. Волна разрывов стала удаляться. Я поднялся, и передо мной предстала страшная картина. Два пехотинца мертвыми лежали у наших ног, буквально изрешеченные осколками. И мои солдаты, все трое, были ранены. Все поле перепахано разрывами. Бомбы рвались в одном метре от наших окопчиков. На наше счастье, что нас и спасло, это болотистая почва и то, что бомбы были мелкие. Курбатов, раненный в ягодицу, и Демин – в плечо встали на ноги. Чистопольский подняться не мог. Взвалил его на плечи и понес. На НП разорвали ему рубашку и увидели сквозное отверстие диаметром примерно шесть сантиметров в левом боку и еще одно у позвоночника, и через оба отверстия на два сантиметра вылезала печень. Раненого отправили в медсанбат, хотя делавший перевязку военфельдшер сказал, что ранение смертельное. А через четыре месяца я получил от Чистопольского письмо из запасного полка. Он писал, что вернулся в строй и готовит для фронта молодых солдат.

А в это время шли не затихающие ни на минуту бои. Противник, видя угрозу окружения Пинска, все время контратакует. За три дня наступательных боев полки нашей дивизии отбили более 20 контратак и медленно продвигаются вперед. Противник выбит из деревень Вулька Малая и Вулька Большая. Заняты Завидчицы. Вышли на реку Пина. Видя прямую угрозу окружения, 14 июля противник стал уходить из Пинска. А в конце месяца был объявлен приказ о присвоении нашей 12-й гвардейской стрелковой дивизии наименования «Пинская».

Брест

Дивизия меняет направление наступления. Если раньше наступали на север с задачей окружения пинской группировки противника, то теперь поворачиваем строго на запад для преследования отступающего противника. Наш дивизион, поддерживая 29-й гв. стрелковый полк, движется вдоль реки Пина, а затем по северному берегу Днестровско-Бугского канала. Дивизия с ходу заняла город Иваново, затем Дрогичин, местечко Городец и подошла к Кобрину. Немцы почти не оказывают сопротивления. Проходим по 30 километров в сутки.

Отходя, противник взрывает железнодорожное полотно. Рельсы железной дороги Пинск – Кобрин взорваны на всем протяжении. Каждый рельс взрывами разрезан на две-три части. Если раньше при помощи специального плуга, прицепляемого к паровозу, перерезались шпалы и деформировались рельсы, то здесь через 3–4 метра пути у обоих рельсов немцы раскладывали взрывпакеты. Сзади шел взрывник с факелом и поджигал бикфордовы шнуры. В нескольких метрах позади него гремели взрывы, перерезая рельсы. Но факельщик, видно, торопился, и не все пакеты были взорваны. Мы во время остановок собираем на железнодорожном полотне эти невзорвавшиеся мины с взрывателями и бикфордовыми шнурами и, сделав связки, глушим ими рыбу в канале. Правда, безуспешно. То ли рыбы в канале нет, то ли мы неумело делаем заряды. Да и плавсредств у нас не было. Попыток сделали много, но ни одной рыбы так и не поймали.

Двое суток противник держит оборону Кобрина, но 20 июля наши полки врываются на окраину города, и немцы отходят к Бресту. За взятие Кобрина дивизия была награждена орденом Красного Знамени и трем полкам – 29, 37 и 31-му, присвоено звание Кобринских.

Стрелковые полки преследуют противника, а наш 1-й дивизион, слив остатки бензина 2-му и 3-му дивизионам, остановился восточнее Кобрина. Ночью, получив бензин, прошли через Кобрин и догнали свою пехоту в районе местечка Жабинка.

Отбивая контратаки, берем деревню за деревней. Одной из контратак немцы выбили из деревни подразделения стрелковой дивизии, наступающей справа, и создалась угроза окружения батальона 37-го полка нашей дивизии. Спасла положение наша 1-я батарея, стоявшая на открытой позиции. Особо отличился наводчик ефрейтор Гуров, который, оставшись один из расчета, продолжал вести огонь. За этот бой ему было присвоено звание

Героя Советского Союза. Это была первая «Золотая Звезда» в нашем полку, хотя только за форсирование Днепра в дивизии Героя получили 57 человек, правда, все 57 – в стрелковых полках и штабах. Но долго Гурову Звезду носить было не суждено, вскоре он погиб.

На ближних подступах к Бресту противник хорошо закрепился на обводной линии укреплений с окопами в полный профиль с железобетонными цилиндрическими дотами. Но и здесь надолго задержать наступление ему не удалось. Расстояние от Кобрина до Бреста прошли за четыре дня. Следующими опорными пунктами обороны противника были форты Брестской крепости.

Дивизия наступала вдоль шоссейной дороги Брест – Кобрин. Слева – река Муховец, справа – железная дорога. На участке действия нашей дивизии, кроме земляных укреплений, город прикрывали два форта. Особенно активен был правый. Кроме огня из фортов, где у немцев стояла и артиллерия, артиллерийский огонь круглосуточно велся из города.

Ровная как стол местность. Прямой как стрела участок асфальтированного шоссе, редко обсаженного деревьями. Справа и слева от шоссе – неубранная рожь. Во ржи наблюдательный пункт дивизиона – ровики без прикрытия. Рожь мешает наблюдению, в то же время она скрывает нас от немецких наблюдателей. Из ровика просматриваются только крыши домов. Город расположен на возвышенности, и подъем к нему начинается за фортами. Во ржи устанавливаем стереотрубу на треноге. Становится хорошо виден и правый форт, находящийся в полосе действия стрелкового полка, поддерживаемого нашим дивизионом. Но оборонительная линия не просматривается. Не видна и наша пехота, которая ведет бой впереди.

Все три батареи поставлены на открытые позиции. Приказ – батареи должны двигаться в непосредственной близости от наступающей пехоты. Не подавив огонь фортов, в город не ворваться. Но огонь обороняющихся не ослабевает. В воздухе все время рвутся бризантные снаряды. В городе у немцев стоят батареи наших пушек, которые вслепую, вправо и влево по сектору обстрела, ведут огонь нашими же бризантными снарядами, оставленными на складах в 1941 году, как это выяснилось после взятия города.

Пехота не выдерживает огня фортов и отползает назад. Спасаясь от огня, солдаты лезут под пушки наших батарей, в то время, когда пушки ведут огонь. У спрятавшихся под пушкой лопаются барабанные перепонки. Обезумевшие, с кровью из ушей, солдаты выскакивают из-под пушек и бросаются прятаться в кое-

где еще стоящую рожь.

Двое суток безуспешных боев. Вечером командир дивизиона собирает разведчиков и остатки взвода топоразведки и приказывает с наступлением ночи пробраться в город и установить места расположения батарей, чтобы попытаться их уничтожить огнем гаубиц. Командует сводным взводом разведки ст. сержант Митягов. Выбираем самое, на наш взгляд, удобное место для прохода – в 200 метрах левее правого форта.

Наступила ночь. Небо чистое, но ночь безлунная. Прошли свою батарею. Впереди нее в воронках и в неглубоких ровиках – пехота. Посоветовались с офицером, где и в каком направлении лучше пройти. Дальше на четвереньках, а затем ползком, по-пластунски. По науке, трое впереди, четыре человека – группа прикрытия. Я в первой группе. Подсознательно чувствую, что кто-то за нами наблюдает. Останавливаемся. Вслушиваемся. Все тихо, и окопов впереди не видно. Внезапно длинная автоматная очередь – мы обнаружены. Теперь надо уносить ноги. Поднимаемся, и в это время совсем близко, одна за другой, стали рваться гранаты. Наше прикрытие тоже открыло огонь. Чувствую, что из носа что-то полилось, но боли нет, и разбираться некогда. До своей пехоты все добрались целыми, только у меня осколком ручной гранаты был рассечен кончик носа. Санинструктор сделал наклейку, а в дивизионе, пока не зажило, мне ее менял военфельдшер. Думали, что просто царапина, а оказалось, что этот осколок мучил меня 12 лет, пока я его сам не удалил из перегородки носа.

Вылазка не удалась. Думаю, что на ее успех ни командир полка, ни командир дивизиона не рассчитывали. Все молчали, как будто ничего и не было.

Наступил третий день безуспешных попыток штурмовать крепость и ворваться в город. Люди устали и физически – от бессонницы, и морально – постоянно, уже третьи сутки, находиться под непрерывным огнем. Наступила такая апатия, что хотелось уже поскорее получить свой осколок и не мучиться. Все видели бесполезность наступления на неприступную стену. Провели как-то двух арестованных, с самострелами. Самострелы случались и раньше, и через хлеб, и через дерево, чтобы не было порохового ожога, но на этот раз стреляли друг другу в руки на расстоянии, из ровиков.

Во второй половине дня командир дивизиона сказал, что, поскольку взять форты штурмом, видимо, не удастся, принято решение ворваться в город ночью. Танков и бронетранспортеров и у нас нет, не замечено их и у противника. Поэтому решили ночью пустить по шоссе «Студебеккеры» с включенными фарами и

пехотой в кузовах и с пушками на прицепе. Ошеломив немцев, смять заграждение на дороге и ворваться в город.

Солнце садится. Сгущаются вечерние сумерки. Идет подготовка к штурму. Уже несколько батарей снялись с позиций, и машины с пушками на форкопе стоят в укрытиях. А мы, непрерывно наблюдая за противником, заметили, что из фортов в город потянулись цепи немецких солдат. Отход немцев подтвердила и пехота. Меняется тактика и нашего движения. Колонна идет в город, но без включенных фар. Я получаю задачу: взять пять человек и, стараясь не обнаружить себя, двигаться впереди колонны, поддерживая связь через посыльных.

Обошли рогатки на дороге и вышли к домам. Прижимаясь к стенам и заборам, медленно продвигаемся вперед. По гулу машин чувствуем, что колонна тоже движется. На переднем крае и в городе тихо, как будто наступил мир. Посылаю двух связных навстречу колонне, а сами движемся вперед. Подошли к крепости и, вновь послав связных, решаем проникнуть в крепость. Идем вправо вдоль стены и канавы с водой. Метров через двадцать видим пролом, к которому через канаву переброшено бревнышко. Осторожно переходим и через приоткрытую металлическую дверь входим на территорию крепости.

Прямо перед нами – пологий подъем. Строений не видим. Осторожно идем вдоль стены влево. Перед нами кирпичные одноэтажные пристройки к крепостной стене. Начинаем проверку помещений. Два первых оказались пустыми, как нам показалось, заброшенными сараями. В третьем, как только включили фонарик, подняли страшный крик куры и особенно громко петух. Это не входило в наши планы, так как мы не знали обстановку в крепости. Поэтому, чтобы быстро прекратить шум, я мгновенно ударил петуха попавшей под руку палкой, да так, что отрубил ему голову. Фонарик выключили, и куры утихли.

Видя, что нас никто не заметил и даже на крик кур никто не появился, двинулись дальше в глубь крепости. Пройдя несколько десятков метров мощенной булыжником площади, оказались перед рвом Детинца (это я узнал уже позже), довольно глубоким, с вертикальными кирпичными стенами, в нижней части которых виднелись бойницы. Мы к нему подошли, видимо, в середине подковы, потому что прямо перед нами была разделительная стенка рва, заканчивающаяся на конус и покрытая железом. Надо было встречать дивизион, и искать проход через ров было уже некогда, поэтому решили пройти по острию конька разделительной стенки. Прошли, и никто не свалился. Теперь уже было достаточно светло. Дальше пред нами открылась площадь, только лежащая ниже метров на шесть-семь. С нашей стороны

площадь подковообразно окаймляла кирпичная стена. На площади видны воронка и груды кирпичного боя от взорванного строения.

Нашли встроенную в стену лестницу и, спустившись на один этаж, оказались на бетонной площадке, с приоткрытой металлической дверью в стене. Через дверь в помещение тянулся пучок проводов разных цветов. Перерезав по одному все провода, зашли в помещение. Это оказался тоннель шириной около двух метров. По правой его стороне на всю высоту стояли стеллажи со снарядами, а через один-полтора метра были разложены толовые шашки с детонаторами, и к каждой из них был подведен провод. Метров через десять тоннель под прямым углом повернул влево. Он тоже был загружен снарядами разных калибров, все снаряды – наших систем.

Повернули обратно и у двери встретились с офицером-сапером, который с солдатами осматривал перерезанные нами провода. Мы были крепко «обложены», и нам было приказано быстро уйти, что мы и сделали, даже не проверив расположенное справа встроенное в стену двухэтажное помещение с окнами. Нам надо было встречать дивизион.

Позже мы жалели, что не заглянули туда. А был там продовольственный склад. Солдаты быстро разнюхали все важные места, и, когда вошли в этот склад, он загорелся. Причину пожара никто не знает, да, видимо, этим и не занимались. Мы ели потом обгоревшие мясные консервы, шпроты и сырки в металлических банках.

А пожалели мы о своем раннем уходе из крепости по двум причинам. Во-первых, дивизион и без нас прибыл благополучно, встретили мы его у главных ворот крепости. В нашем докладе особенно не нуждались и отнеслись к нему прохладно. Разместились на флешах крепости, слева от ворот.

Вторая – это то, что мы упустили случай запастись продовольствием и винами.

Кроме склада продовольствия, недалеко от него кто-то нашел склад вин. Мы видели потом, как туда без гимнастерок и сапог бежали солдаты и возвращались с охапками бутылок. Мы тоже было собрались туда сходить, но солдат, принесший нам несколько бутылок вина, с этикетки которой улыбался широкобородый дед, рассказал, что командир дивизии, узнав об устроенном на складе погроме, выслал туда офицерский наряд. Офицеры, видя, что просто так обезумевших солдат не остановить, стали стрелять над головами бегущих. А когда и это не оказало действия, стали стрелять уже в упор. Но и это не остановило любителей выпить. Люди лезли в склад через двери и

окна и через тела убитых. Разбивали бутылки, и десяти– и двадцатилитровые, чтобы найти вино покрепче. Рассказывают, что вина было налито чуть ли не по щиколотку. Тут же валялось и стекло от разбитых бутылок. Но люди не обращали на это внимания и лезли туда даже босыми.

А мы, выпив принесенное нам вино «Дед» и закусив поджаренными сырками и шпротами, установили стереотрубу и наблюдали немецкий берег Буга. Виден был железнодорожный мост через Буг, взорванный вместе с шедшим по нему составом. Расстояние было такое, что даже без бинокля было хорошо видно людей на том берегу. Немецкие солдаты, так же как и мы, ходили по берегу без маскировки. Оружие всех видов молчало.

За освобождение Бреста 29-й и 37-й стрелковые полки и наш 31-й артиллерийский полк были награждены орденом Красного Знамени, а 32-му сп присвоено наименование «Брестский».

После взятия Пинска 61-я армия была отведена в резерв. В наступлении на Брест участвовал только 9-й гвардейский корпус, куда входила наша 12-я гвардейская стрелковая дивизия.

Весь день стоим у Брестской крепости. Приказа дивизионам занимать огневые позиции нет. Откуда-то проникают слухи, что 2-й Белорусский фронт – а мы находились на правом крыле 1-го Белорусского и граничили со 2-м Белорусским, продвинулся далеко вперед, угрожая окружением немецкой группировке, стоящей теперь перед нами за Бугом. Поэтому немец ведет себя тихо и скоро, вероятно, начнет отступать дальше.

Вечером поступил приказ «По машинам!». Двинулись на северо-восток и остановились только в районе Белостока. Дивизия выведена из боев в резерв. Это значит – впереди получение пополнения и учеба.

Прибалтика

Два месяца без боев прошли незаметно. Учеба, несение караульной службы, приведение в приемлемый вид обмундирования. Время пролетело так быстро, что в памяти не осталось ничего сколько-нибудь заметного.

В первых числах августа – погрузка в эшелоны. Везут на северо-восток. Едем не торопясь, с остановками на станциях. Иногда с большими. На железнодорожной станции Бологое стояли так долго, что офицерам разрешили сходить за несколько километров на рынок в Бологое. Вернувшись, они много рассказывали об увиденном. Всех поразило, как женщины, совершенно не смущаясь, пытались, по одному конечно, увезти офицеров домой. Обещали и вино, и закуску, и «все, чего захочет». Так рассказывали побывавшие в Бологом.

После Бологого нас привезли в Осташков. Весь день любовались красотами природы. Небольшой городишко на высоком берегу чудесного озера. Ночью двинулись дальше. Прошел слух, что едем во Псков, но недалеко от Пскова разгрузились и пошли на запад. 61-я армия была передана 3-му Прибалтийскому фронту. Немцы же были где-то недалеко от Рижского залива. Шли без приключений. Самолеты не беспокоили.

В бой вступили чуть западнее Лигатне. Дивизия наступала на Сигулду, город в 40 километрах северо-восточнее Риги. Противник, сначала отступив, на подступах к Сигулде оказал сильное сопротивление.

Дивизия рассредоточивается. Батареи дивизиона занимают огневые позиции. Мы, разведчики и топоразведчики, идем на наблюдательный пункт. На пути фольварк. Дом и надворные постройки от боев не пострадали. Решили зайти в дом, время у нас было. Большая комната с богатой отделкой. Паркет. Полированная мебель. Рояль. В центре комнаты – большой круглый стол. Диваны и кресла с резными спинками и ножками. На полу лежат картины, целые и порванные, в рамах и без них. Обивка диванов и кресел красной кожей сорвана или порезана на мелкие ленты. На столе стоит огромных размеров фарфоровое блюдо, накрытое картиной. Поднимаю картину. На блюде – человеческие испражнения. Кто-то поднял крышку рояля и выругался. В рояль тоже было насрано. Так нищие дикари принимали культуру и богатство.

Шел четвертый год войны. До этого мы шли по своей территории. Война проходила по деревням. Основная масса

солдат, да и офицеров тоже была из деревень, и подобной роскоши они никогда не видели. Для них было обыденным, когда во всей деревне не было ни одной уборной или бани. Когда вся семья ютилась в одной крохотной хате с земляным полом и одними нарами без постельных принадлежностей на всю семью. Это было в порядке вещей. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь кого-нибудь осуждал за скотскую жизнь нашего населения. Но вот люди увидели другую жизнь. И так ее приняли наши солдаты. Дальше я напишу, как я, не сдержав себя, ударил офицера, громившего дворец.

Не могу не отметить еще одно важное для нас событие того дня. Покинули фольварк и только подошли к одиноко стоящему на скошенном клеверном поле сараю, как противник встретил нас залповым огнем. Метрах в сорока от нас, при первых разрывах, из-за валка клевера высоко подскочил заяц и тут же упал. Как только минометный налет кончился, я отправился, чтобы его подобрать. Заяц был без головы и хвоста и казался не менее пуда весом. Осколком ему начисто отрубило голову по шее и хвост. Других ранений не нашли. Мы были голодны, и заяц оказался кстати. Тут же его ободрали, разложили в сарае костер и устроили пир.

И еще одно отступление. На маршруте нашего движения по латвийской земле меня поражало, как отличалась жизнь латвийских крестьян от наших. Что мы видели в наших деревнях, думаю, каждому известно. То же, что есть и теперь, только помноженное на военную разруху. У латышей, которые за короткое время вхождения в Страну Советов еще не вкусили всех прелестей колхозной жизни, все было по-другому. Ухоженные пашни, сенокосы и пастбища, часто окаймленные живой изгородью из подстриженного кустарника. В хлевах по пять-семь коров. Солдаты рассказывали как сказку, что, когда хозяйку дома попросили их покормить, она сказала, что сама бедная, у нее только пять коров. Солдаты не могли понять, почему у нас всех, имеющих двух коров и больше, раскулачили и сослали в Сибирь или на Север, а у латвийских бедняков по пять коров и больше. И еще меня поразили их собаки-пастухи. В то время как у нас в качестве пастухов используют детей, у них пасут собаки. Шотландская овчарка гонит скот на пастбище, весь день пасет, не выпуская за границы выгона, а вечером пригоняет домой.

Пока не наступили затяжные бои, военфельдшер дивизиона ст. лейтенант медицинской службы И.М. Гусев решил организовать помывку личного состава, и старшина управления дивизиона ст. сержант Защепин организовал баню.

Восточнее фольварка был кустарник, за ним убранное

овсяное поле. На нем установили палатку, сшитую из пяти солдатских плащ-палаток. Установили на кирпичах бочку с вырубленным в боку отверстием. Вода была рядом – кто-то еще раньше выкопал несколько ровиков для укрытия, а поскольку место было низкое, то ровики заполнились водой. Ею и воспользовались устроители бани.

Первыми пошли помыться офицеры, начальник связи капитан Шило, старший лейтенант медслужбы Гусев, старший лейтенант ветслужбы Батреддинов и лейтенант Ковалев. Ничто не предвещало грозы. Артиллерия, как наша, так и противника, молчала. Наши посчитали, что кустарник надежно скрывает место помывки от противника, но, видимо, немецкие наблюдатели засекли дым от котла, и в то самое время, когда офицеры разделись, на поле вокруг бани стали рваться мины. Одеваться было некогда, попрятались в ровиках, чуть ли не доверху наполненных водой. Когда налет кончился, быстро помылись и стали одеваться. И только теперь обнаружили, что нет лейтенанта Ковалева. Решили, что Виталька – так его звали старшие по возрасту офицеры – попал под мину. Бросились искать и в одном из ровиков – только голова была над водой – обнаружили посиневшего и дрожавшего то ли от холода, то ли от страха Ковалева, привели в палатку и отогрели горячей водой. Ковалев к нам прибыл из резерва, где он находился после госпиталя по случаю контузии. Был он самый молодой, ростом низкий, щуплого телосложения и больше чем на 17 лет не тянул. Пребывание на фронте для него было великой мукой. Он очень боялся и не скрывал этого, а когда его спрашивали: «Виталий, это у тебя после контузии?», он, не задумываясь, отвечал: «Нет, это у меня с рождения».

6 октября, после артиллерийской подготовки, батальоны поднялись в атаку. Когда наша артиллерия перенесла огонь вглубь, было уже светло. Наступающие и обороняющиеся были укрыты плотной дымовой завесой разрывов мин и снарядов. Пулеметный, автоматный и винтовочный огонь сливался в сплошной гул боя. Противник стал отходить. Надо было и нам менять наблюдательный пункт. Меня вызвал начальник штаба, где я в то время находился, и передал приказ командира дивизиона майора Грязнова явиться к нему. Со мною вызвались пойти по каким-то ему одному известным делам парторг дивизиона мл. лейтенант Воинов и, чтобы оказать помощь легко раненному разведчику, ст. лейтенант медслужбы Гусев.

Противник ведет артиллерийский и минометный огонь по атакующей пехоте. Шальные пули пролетают, кажется, у самого уха, но мы уже давно знаем, что уклоняться от «пиф»,

создаваемых пулей, не надо. Звук пули мы слышим, когда она уже пролетела. До наблюдательного пункта оставалось метров двести. Я шел слева. Правее меня, локоть в локоть, Воинов, а справа – Гусев. Внезапный взрыв мины ротного миномета в одном метре левее меня и одновременно – тупой удар сзади под колено правой ноги. Бессознательно бросаюсь бежать. Делаю несколько шагов, нога подламывается, и я падаю. Оглянулся назад: Воинов и Гусев лежали недалеко друг от друга. Подбежали разведчики с НП. Пока Гусев делал перевязки мне и Воинову, который был ранен в живот, вызвали штабную машину. Боль в ноге появилась уже после того, как я упал. Не знаю, сколько времени нас везли до медсанбата, но хорошо помню, что Воинов за это время не издал ни одного стона. Машина остановилась. Открыли задний борт. Первым уложили на носилки и унесли Воинова.

Когда я развернулся в кузове машины, передо мной предстала панорама медсанбата. На поляне, с трех сторон окаймленной кустарником, разбито несколько палаток, а вокруг них на земле и носилках лежало несколько сот раненых. Подошли санитары и, сняв меня с машины, положили на землю. Одних санитары укладывали на носилки и несли в палатки, других выносили из палаток и ставили носилки, не снимая с них раненых. Подходили санитарные машины. Из них выгружали пустые носилки, а вместо них столько же вдвигали с ранеными. Часа через два подошла и моя очередь. Меня положили на носилки и понесли в одну из палаток. У входа в палатку увидел носилки с мертвым Воиновым.

Пока меня готовили к операции, изучал операционную. Вдоль стен установлено по пять операционных столов – всего десять. Работает конвейер. Два санитара приносят раненых и, сняв с носилок, укладывают на столы. Девушки-медсестры раздевают. Не полностью, а только чтобы открыть место ранения. С меня сняли только брюки и кальсоны. Третья бригада снимает повязки. Четвертая делает обезболивающие уколы. В пятой работает хирург, молодая девушка лет двадцати. Шестая бригада накладывает повязки и шины. Седьмая укладывает на носилки и выносит из палаты. Конвейер работает четко.

Передо мной по ходу конвейера лежал лейтенант, раненный в левый сосок груди. Когда подошли девушки со шприцами, чтобы сделать анестезию, лейтенант сказал, что он не даст себя колоть, пусть режут без уколов. Девушки постояли, подождали некоторое время, но настаивать не стали и перешли ко мне. Пока мне делали уколы, я смотрел, как оперировали моего соседа. Ему дали в зубы полотенце. После я узнал, что это для того, чтобы не сломать зубы при болевом шоке. Хирург взяла из кюветки

скальпель. Не примериваясь, двумя быстрыми движениями сделала крестообразный разрез. И тем же скальпелем с усилием выковыряла из ребра или межреберья в подставленную кюветку осколок. Затем поднесла осколок к лицу лейтенанта и сказала: «Вот что ты получил…»

Следующим был я. Мельком взглянув на мою ногу, сказала: «Ранение сквозное, рана чистая. Резать не будем. Сделать перевязку и наложить шину» – и перешла к следующему. Я обрадовался, только пожалел, что зря дал сделать обезболивающие уколы. Забинтовав рану и наложив шину от стопы до головы, меня вынесли на лужайку.

Госпиталь

К вечеру того же дня вместе с тремя другими ранеными на санитарной машине меня отвезли в госпиталь. Положили в палату на шесть коек. Пришла врач, отрекомендовалась, что она начальник отделения и ведет эту палату как ординатор. Перевязку назначила на завтра.

На перевязке мне сказали, что осколок был небольшой, имеется два отверстия, входное и выходное, значит, осколка в ноге нет. Осколок прошел справа, так как правое отверстие меньше. Кость, очевидно, не задета. Ранение будем считать легким. На мое замечание, что мина взорвалась слева, мне сказали, что так быть не может, что, очевидно, была и вторая мина, справа сзади. Сделав перевязку, снова наложили ту же шину.

Началась госпитальная жизнь. Утром протирают мокрым полотенцем лицо. Три раза в день приносят еду. Через день носят в перевязочную на перевязку. По этой части все хорошо. Но обслуживают нас сестры и санитарки, молодые девушки. Ранение у меня в бедро. Кальсоны надеть нельзя. Лежу в одной рубашке. При перевязке девушки работают в непосредственной близости от интимных мест. Кроме того, у человека есть и естественные потребности. Все это меня сильно угнетало, и я упросил врача снять с меня шину. Я рассчитал, что, когда с меня снимут шину, попрошу кальсоны. Разорву одну штанину, и тогда можно будет делать перевязку, не снимая кальсон. А если удастся выпросить костыли, то смогу и в туалет ходить. Врач сдалась. В туалет стал ходить, а вот на перевязке кальсоны все же приходилось снимать, что для меня было тяжелым испытанием.

Мой сосед по койке, казах по национальности, перевязки переносил спокойно. Он даже превращал это действие в шутку. Запомнилась одна из его шуток. Ранение у него было тоже в бедро, только так высоко, что перебинтовывать мешали половые органы, и при каждом витке бинта сестре приходилось их отворачивать. И вот однажды, а нас всегда носили на перевязку в одно время, сестра попросила: «Садыров, придержи-ка его, он мне мешает». И тут же ответ Садырова: «Доктор, да отрежьте вы его! Он мне уже шесть лет мешает». И все сестры залились смехом.

Время шло. Все больше осваивал костыли. Даже стал выходить во двор госпиталя, который занимал трехэтажное кирпичное здание, метрах в трехстах от моста через реку. Невдалеке виднелась крепостная стена. Населенный пункт был небольшой. Название его я не запомнил, только позже узнал, что

он в восемнадцати километрах от города Цесис в Латвии.

На меня стали обращать внимание медсестры. Не потому, что я чем-то выделялся среди других, нет, просто на отделении больше не было самостоятельно передвигающихся раненых. Одна из палатных сестер как-то даже попросила сходить с ней на чердак, посмотреть, не высохло ли развешенное там белье. Она была старше меня, что явилось причиной моего отказа. А объяснил я отказ болью в ране. Но самое интересное, что уже после окончания войны, в Зондерхаузене, я узнал, что это была жена моего друга, старшины батареи нашего полка.

Вторая неделя в госпитале. Рана загноилась, и боли с каждым днем усиливаются. Температура поднялась к сорока. Врач при обходе записал это как простудные явления, и стали давать таблетки от простуды. Госпиталь (это был армейский госпиталь 61-й армии) готовится к передислокации, раненых увозят в другие госпитали. А у меня температура критическая, часто теряю сознание. Меня, последнего больного второго отделения, как нетранспортабельного переносят в первое отделение, передислокация которого будет проводиться последней. Только переложили с носилок на койку, как пришел начальник отделения – майор медицинской службы. Прочитав запись в истории болезни, поднял одеяло. Взглянув на ногу, крикнул сестрам: «Быстро в операционную! Додержали…» – и выругался.

Большая светлая комната. Меня уложили на операционный стол. Командует все тот же майор медслужбы. Делают укол в руку, а затем несколько уколов в бедро ноги. Майор моет руки и отдает приказы: «Привязать руки и ноги!» Девушки выполнили приказ – руки и ноги привязаны к столу полотенцами. Майор берет скальпель, смотрит в глаза и говорит: «Ну, солдат, терпи!» И втыкает скальпель в больную ногу. Страшная боль. Я кричу. Операция останавливается. Снова несколько уколов в ногу, опять скальпель и та же боль. Я слышу, как майор говорит кому-то: «Что будем делать? Рана настолько воспалена, что местный наркоз ему не поможет, а общий наркоз при такой температуре ему не выдержать. Придется резать так…» В зубы суют полотенце, сестры, дополнительно к жгутам, наваливаются на руки и ноги. Чувствую, что холодный пот течет ручейками. Хирург делает два быстрых движения скальпелем от кости наружу. У меня ощущение, что остановилось сердце. Хирург говорит: «Отдохни». Прихожу в чувство. Только дрожь пробегает по всему телу. Снова два разреза, и опять дают отдохнуть. После третьего захода хирург дает команду: «Дать общий наркоз. Резать надо много, он не выдержит, получит болевой шок». На лицо кладут марлевую повязку и льют какую-то жидкость. Мне приказывают считать.

Считаю. А мозг работает. Помню, что перед началом операции доктор сказал, что общий наркоз я не выдержу. Раз его все-таки делают, значит, это крайняя мера. Досчитал до ста, надоело. Остановился. Маска приподнимается. Проверяют, как я, и снова льют… Слышу, что говорят хирург и сестры. Начали. Звякают падающие в кюветы отработанные инструменты. Боли не чувствую. Только в голове страшный, все ускоряющийся и усиливающийся стук. Как будто по мозгам бьют молотом. Решил, что это приходит конец, что скоро будет последний удар молота. И так мне жалко стало себя! Жалко не потому, что умру. Нет, жалко, что не погиб на поле боя. Там бы похоронили друзья, сообщили бы маме. А здесь вынесут голого и бросят в холодную землю. И ни товарищи по службе, ни мама не узнают место могилы. И еще меня беспокоило одно обстоятельство. Когда уходил в армию, мама благословила меня крестиком. Носить его на шее я не мог, это дало бы пищу для издевательств со стороны товарищей, а политработники и комсорги просто приказали бы снять или отобрали бы. Я же не мог расстаться с крестиком. Не потому, что был религиозен. Нет. Просто я считал, что не имею права лишиться материнского благословения. Крестик я хранил то в потайном карманчике, то в карманчике полевой сумки. В госпитале, поскольку штанов у меня не было, крестик хранился в полевой сумке. Так вот, на операционном столе меня беспокоило, как поступят с крестиком. Больше всего я боялся, что, найдя крестик, меня будут осуждать за религиозность. Слышу, как хирург с тяжелым вздохом произносит: «Ну, все!» Снимают маску. Открываю глаза. Светло. Легко. Головных болей как не бывало. Руки уже отвязаны. Первое, что делаю, – сажусь, чтобы посмотреть, что со мной сделали. Нога лежала откинутой в сторону. Мышцы развернуты от колена, чуть не до таза, и по всей длине разреза белеет кость. И это меня не испугало. Видно, в тот момент главным было, что живой.

Меня быстро снова уложили. Хирург спросил: «Ты что, много пьешь?» На мой ответ, что не пью, он сказал: «Значит, у тебя крепкое сердце».

Пока у нас с хирургом шел диалог, над раной работали. Разрез заполнили тампонами ваты, забинтовали и от стопы до головы наложили шину. Показали две ванночки, наполненные гноем, который откачали из гнойника, образовавшегося вдоль всей кости бедра.

В палате положили у двери, на кровать с провисшей сеткой. После операции стало легко. Боли не чувствую, но с каждой минутой теряю силы. Состояние такое, как на качелях. Временами наступает полуобморочное состояние. А слабость

такая, что тяжело пальцем шевельнуть. Чувствую, что лежу не на сырой постели, а как бы в луже. С большим трудом вытащил из-под простыни руку, в тот самый момент, когда рядом случайно оказалась сестра. Она сдернула с меня простыню и бегом бросилась в дверь. В считаные секунды у койки стоял хирург и кричал: «Быстро на каталку и в операционную!»

Я снова на операционном столе. Рана открыта. Тампоны извлечены. Слышу, как хирург говорит: «Не завязали крупный сосуд». А мне: «Придется еще раз потерпеть». А что мне оставалось делать. Терплю. Пинцетами копаются в мышцах. Находят и вытаскивают пропущенный сосуд. Перевязывают его, восстанавливают повязку. Перекладывают на каталку и вывозят из операционной. Надевают рубаху, кальсоны на одну ногу. Гимнастерку и брюки (брюки тоже на одну ногу). Перекладывают с каталки на носилки, накрывают одеялом и выносят на улицу. Ногами вперед носилки устанавливают на стоящую у подъезда повозку, рядом с уже стоящими носилками с другими больными. На сиденье садятся солдат-ездовой и девушка в солдатской форме. Тронулись.

Со двора выехали на булыжную мостовую. Металлические обода колес телеги застучали по булыжнику. Каждый толчок отдавался нестерпимой болью не столько в ноге, сколько в поясничной части позвоночника. Боли все усиливаются. Попросил сопровождающую оказать какую-нибудь помощь или хотя бы остановиться, но она не обратила ни малейшего внимания. Больше терпеть боль нет сил. Вижу – на носилках в ногах лежит моя полевая сумка, а в сумке был, если не вытащили, пистолет. Сам достать сумку не могу, шина не позволяет. Прошу, а потом со слезами умоляю сестру передать сумку. Никакой реакции. Так и промучился все восемнадцать километров пути. Это не менее трех часов.

Повозка остановилась у ворот огромного здания складского типа. Меня перенесли в сарай и переложили на двухъярусную деревянную койку. Такие койки я видел позже в бараках перемещенных лиц в Германии. Во всем этом здании, мне показалось, было занято всего две койки. Мной и моим соседом по повозке. Не менее сотни их стояли пустыми. Это был эвакогоспиталь в горде Цесис.

Боли не стихают. Кричу изо всех сил. Никто не подходит. Да никого в сарае и нет. Наконец в воротах показалась девушка с тарелками на подносе. В ответ на предложение «Покушаем, больной» выбиваю из рук девушки поднос с тарелками. Та убегает. Приходит строгая женщина в белом халате и еще от ворот поднимает крик. На жалобы о нестерпимых болях – ни

малейшего внимания. Главное – разбитые тарелки. Отчитав меня, женщина уходит. Через несколько минут приходят двое солдат, перекладывают меня с койки на носилки, выносят и засовывают носилки в машину.

Машина остановилась в лесу. Носилки вытаскивают из машины и несут в большую палатку, где по левой стороне двухъярусные нары, а по правой – двухъярусные деревянные койки. Положили на нижнюю койку у двери. Это было единственное свободное место. Подошел врач, мужчина, майор медслужбы, ординатор. Выслушал жалобы, отдал сестрам распоряжения, и минут через десять мне уже делали уколы и подкладывали грелки. Боли стали стихать.

Первое отделение госпиталя размещалось в двух спаренных госпитальных палатках. Обслуживающий персонал (врачи, сестры и санитарки) жили в кирпичном доме. Там же была кухня и столовая для персонала. Большой зал особняка днем использовался под перевязочную. Туда нас носили на носилках, а вечером в нем гремела музыка. Зал использовался под танцевальную площадку персонала госпиталя.

Не знаю, как в других отделениях, а в первом не было ни одного ходячего больного. Большинство с ранениями в ноги, в гипсе. Двое в нашей палате были с перебитыми нервами. Эти несчастные почти не спали, мучились в страшных болях. Затихали они на какое-то время только после инъекции морфия. Кроме болей, раненых, лежавших в гипсе, мучили черви под гипсом. Они постоянно просили врача и сестер снять гипс. Доказывая, что они больше терпеть не в состоянии. Врач же старался доказать, что черви – это хорошо, что только с помощью этих червей они и смогут выздороветь, что черви, поедая гной, очищают рану.

У меня гипса не было, не было и червей. Но меня мучило другое. Я чувствовал, как из-под повязки все время вытекал гной, и ощущал тяжелый гнилостный смрад. Проветривалась палатка только через дверь, но температура была уже минусовая, и дверь все время держали закрытой. Печь из металлической бочки, установленная в центре палатки и постоянно топившаяся, не способствовала обмену воздуха, поэтому атмосфера была как на армейских конюшнях. Кроме того, меня мучила трудность пользования судном. Недели через две врач внял наконец моим просьбам и освободил меня от шины. Ногу изогнуло в коленном суставе, как в судорогах. Через несколько дней выпросил костыли и пижаму. Первое, что я сделал, – решил сходить в уборную. Деревянная уборная стояла метрах в пятидесяти от палатки. Костылями пользоваться я не умел, развернулся неловко и упал

прямо на очко сиденья. Хорошо, что, поскольку ходячих больных не было, уборная была чистая, сделанная из новых досок. Возможно, я был ее первым посетителем. Печально только, что я окончательно окоченел, пока пытался подняться на костыли.

Время шло. Рана сильно гноилась, и нога в коленном суставе не разгибалась. В палате было сумеречно, читать нельзя, да и читать было нечего. Круглые сутки стоны, крики от болей и ругань. Одно развлечение – это фокусы санитара. Например, он с силой бил фаянсовой тарелкой об пол, и она не разбивалась, да иногда майор медслужбы, наш ординатор, посидит и расскажет, как он учился в Ленинграде в Медицинской академии им. Кирова. Скучно. А по вечерам слышна музыка в перевязочной-танцзале. К танцзалу примыкала терраса, пол которой был сантиметров на шестьдесят ниже окон зала. Дай, думаю, через окна посмотрю танцы и послушаю музыку. Оделся, вооружился костылями – и в путь. К перевязочной от палатки была протоптана узенькая дорожка. В одном месте она проходила по краю воронки глубиной метра три. Темная октябрьская ночь. Освещения нет. Вот я и угодил правым костылем в воронку. И полетел, кувыркаясь через голову и больную ногу. Подняться, а тем более вылезти из воронки я не мог. Боли и безвыходное положение вынудили кричать. Кто-то прибежал. Пришли с носилками и водворили на койку. Случай этот я запомнил на всю жизнь. Но с этого дня, вернее ночи, нога стала чуть-чуть двигаться.

В декабре всем, кто встал на ноги или костыли, объявили, что нас отправляют в другой госпиталь. Он находился на военном аэродроме в двух трехэтажных домах. В одном раненые, в другом – венерические больные. С машины нас принесли в баню, которая находилась на первом этаже госпиталя. Костыли нам не дали, раздели и положили на мраморные скамейки. Сняли с ран повязки и приступили к лечению. Лечение заключалось в том, что девушки с помощью мочалок и хозяйственного мыла очищали раны от гноя. Терли до крови. А мы возмущались и говорили, что в том госпитале, откуда нас привезли, когда нас мыли, – а нас действительно мыли два раза, – раны плотно обвязывали клеенками и не допускали ни малейшего попадания на рану воды. На это нам отвечали, что там вас лечила ленинградская медицинская школа, а здесь – московская. У них свой метод лечения, они червями раны не лечат. Мы скоро убедились в преимуществе московской школы. Если раньше раны гноились, просто гнили, то здесь частые, через день, перевязки и стрептоцид очень скоро дали результаты. Раны очистились и стали покрываться корочкой.

Когда моя рана полностью очистилась от нагноения, встал

вопрос, как наложить швы, чтобы закрыть ее кожным покровом. Дело в том, что из раны уже выпирало другое мясо. Врачи говорили, что вырос «рог», и в перевязочной решали, как быть. Одни говорили, что надо делать операцию и нарост удалить оперативным путем. Другие предложили и отстояли в конце концов другой метод – выжигать кварцем. Ежедневные кварцевые лапы сделали свое дело: «рог» стал уменьшаться.

В первых числах января нас, несколько человек, в санитарной машине повезли в эвакогоспиталь в Цесис. Только теперь положили не в тот сарай, где я уже был, а в палату в кирпичном здании у самой железнодорожной станции. Лечения никакого не было, ждали медицинского поезда. Нас готовили для отправки в тыловой госпиталь, по слухам, в Ленинград.

Побег из госпиталя

Здесь, в госпитале, я встретил ст. сержанта, командира орудия 2-го дивизиона нашего полка. Он, как и я, не хотел ехать в тыловой госпиталь. Мы узнали, что из тыловых госпиталей отправляют в маршевые батальоны, а куда из него попадем, сам бог знает. Стали думать, как убежать. Теперь мы уже ходили без костылей. Раны, правда, были еще большие, у меня, например, рана была 12 на 4 см, но это нас не пугало, самое тяжелое было уже позади. 5 января нас как-то одели, а в ночь на 6-е должен был быть поезд. Решили ночью бежать в Ригу. Считали, что где-то в этом районе найдем свою дивизию.

К нашему счастью, в эту ночь дежурной по госпиталю была молодая врач, за которой я пытался ухаживать и у которой как будто, или, может быть, мне показалось, пользовался взаимностью. Она поддалась на мои уговоры и написала мне справку, что я находился на излечении в госпитале номер такой-то и выписываюсь в свою часть. Получив справку, я пристал к ней, чтобы она выписала такую же справку и моему другу. Она долго сопротивлялась, доказывая, что у нее будут большие неприятности. Подействовало мое предложение справки нигде не регистрировать. Таким образом, нас будут считать самовольно покинувшими госпиталь.

Медицинская «летучка» должна была прибыть в два часа ночи, но мы еще раньше, на тормозной площадке проходившего грузового поезда, покинули Цесис. На рассвете были в Риге. Через город прошли без приключений, если не считать, что повязка съехала и рана сильно кровоточила. Узнать что-нибудь о своей дивизии не удалось. По понтонному мосту перешли на правый берег Западной Двины. Шофер проходящей военной машины согласился подвезти нас до Елгавы.

Зимний день короток. Вечерело. Холод пронизывал до костей. Всю ночь и день без еды. Но главное – найти бы место для ночлега. Без теплого угла в летнем обмундировании на морозе и до утра не доживешь. У редко встречающихся военных стали выпытывать, где можно устроиться на ночь. Все указывают на комендатуру, а нам туда не с руки, могут прицепиться. Но деваться некуда, решили испытать счастье.

Тут очередной встречный сказал, что в городе есть гостиница для военнослужащих, и указал ее местонахождение. К счастью, это совсем рядом. Гостиница оказалась классной. Несколько кое-как оборудованных под жилье подвальных комнат в полуразрушенном доме. Двухъярусные койки с постельными

принадлежностями. А главное – тепло. Старший лейтенант, заведовавший гостиницей, проверив наши красноармейские книжки и справки, спросил, куда мы едем, и указал на свободные койки.

Мы, забыв о еде, пытались что-нибудь узнать о своей 61-й армии, 9-м гв. корпусе или 12-й гвардейской дивизии. Но безуспешно, никто таких частей не знал. Зато с едой нам повезло. Какая-то группа солдат во главе с лейтенантом поделилась с нами своим сухим пайком. Несмотря на боль натертой кальсонами раны, спал хорошо. Сказалась прошлая бессонная ночь.

С рассветом покинули гостиницу. Решили двигаться вдоль линии фронта. Надо спешить. Но передвигаюсь с трудом. Повязка слетела, и рану трут, как наждаком, окровавленные, теперь еще и засохшие, кальсоны. Начальник гостиницы подсказал, что при комендатуре есть перевязочный пункт. В дальнейшем во всех населенных пунктах пришлось часто пользоваться ими. Девушка промыла рану, смазала йодом и наложила повязку, прикрепив ее в нескольких местах лейкопластырем. К счастью, у моего попутчика ранение было в плечо, повязка держалась хорошо, и боли его не особенно мучили.

Поймав попутную машину, отправились в район Тукумса. Там шли ближайшие от Елгавы бои. До действующей армии, вернее ее тылов, добрались быстро. Зная, что такие соединения, как армия или корпус, скорее можно найти в тылах, мы старались не приближаться к расположению полков и батальонов. За все время путешествия мы только один раз, где-то на мемельском (теперь Клайпеда) направлении, оказались в зоне действия артиллерии.

Не обнаружив никаких признаков пребывания частей 61-й армии на тукумском направлении, двинулись параллельно линии фронта на юго-запад, на Мемель. За двое суток на попутном транспорте, а кое-где и пешком преодолели около 150 километров. Не могу не отметить, что за все время, пока мы двигались вдоль линии фронта, у нас не было ни одного инцидента с офицерами действующих частей. В штабах, в каких-то подразделениях и просто встретившиеся офицеры старались как-то помочь. Но никто не мог подсказать, на каком участке фронта действует 61-я армия. Наконец, где-то в районе Мемеля (Клайпеда) попали на территорию штаба большого соединения, не меньше корпуса, но и там ничего не знали. Находились добрые люди, делились своим пайком. Как-то устраивались на ночевки. Одно время, совсем отчаявшись, чуть было не решились попроситься зачислить на довольствие в какую-нибудь часть. Но,

поразмыслив, решили действовать до конца. Армия не батальон, не должна исчезнуть бесследно. От Мемеля повернули на восток. Решили, что в тылах обнаружить следы армии будет проще.

В город Шяуляй приехали поздним вечером. Темно. Замерзли. Надо обогреться и устроиться на ночлег. Но где? Прифронтовой город, знаем, что он патрулируется. А желания попасть в руки комендантских рот не было. Решили пойти в комендатуру.

В приемной коменданта, да и в коридорах, полно офицеров всех званий. Все заняты какими-то делами, бегают, толкаются, куда-то спешат. Шум, как на базаре. Нам же спешить некуда, рады, что попали в теплое помещение. Протолкаться бы здесь до утра, по крайней мере не замерзнем. Только так накурено, что дышать нечем.

Потихоньку протискиваюсь к двери кабинета коменданта города. Задача – получить какие-нибудь сведения о дислокации. В крайнем случае получить направление куда-нибудь переночевать. Вхожу в кабинет. За столом майор с рыжей бородкой. Прикладываю руку: «Старший сержант Андреев, после…» Майор прерывает доклад вопросом: «Андреев! Ты как здесь оказался?» И только когда он заговорил, я по голосу его узнал. Это был капитан Петренко. Он служил у нас начальником штаба дивизиона. Ходил тогда в капитанах и бороду не носил. Майор вышел из-за стола, пожал мне руку, расспросил, какие перемены произошли в дивизии и как я оказался в его владении. А я, видя его загруженность, постеснялся занимать его время, постеснялся спросить, как он оказался комендантом города.

На мой вопрос, где я могу найти свою 12-ю гвардейскую дивизию, он сказал: «Это большая тайна. Сказать даже тебе я не могу. Держи направление на Варшаву». Сказал, к кому обратиться, чтобы скоротать время до утра, и я, с воскресшей надеждой успешно завершить свой авантюрный поступок и с благодарностью к хозяину, покинул его кабинет.

Утром покинули город, которого я так и не видел. Приехали ночью и уехали, когда полностью еще не рассвело. От города не осталось никаких впечатлений. Зато дальнейший путь на Вильнюс и дальше на Варшаву был полон приключений. За все время наших странствий и в непосредственной близости от передовых линий, и по тылам действующих соединений нас ни разу никто не остановил, не привел в комендатуру, не допросил. Зато после Шяуляя началось.

В каждом населенном пункте, где мы оказывались, на каждой железнодорожной станции нас забирали, приводили, допрашивали. Сажали в камеры для арестованных. И так от

Шяуляя до Белостока. Только от Белостока до Варшавы – это была зона действующей армии – мы оказались неприкосновенны. Все эти аресты или задержания и допросы похожи как две капли воды. Этапные коменданты искали шпионов и диверсантов. А поскольку такие не попадались, то им надо было поиздеваться над своими беззащитными солдатами. Все офицеры комендатуры были сытые, холеные, в новом обмундировании. И ходили они как-то не так, как фронтовики. Выглядели они как заведенные невидимой пружиной, скрипя свежими ремнями офицерской амуниции.

Иногда нас такой арест даже устраивал. Нас как-то чем-то кормили, и мы могли обогреться и поспать. Но были случаи, когда дело доходило до издевательства, обвинения в дезертирстве, угроз расстрела, а один комендант какого-то населенного пункта даже вывел нас на расстрел.

Это было уже где-то после Вильнюса. Вечером, когда мы искали место, где бы обогреться и переночевать, нас задержал патруль. Проверили документы, забрали их, а нас заперли в вонючем подвале. Поздним утром привели к коменданту. Рослый, стройный капитан с полевыми погонами, в новом обмундировании и начищенных до зеркального блеска сапогах обрушился руганью, обвиняя нас в дезертирстве. Наши попытки показать еще не зажившие раны вызвали как будто еще большую агрессию. Видно было, как он наслаждается своей властью и безнаказанностью. Дело дошло до того, что он заявил, что нас расстреляет. Вызвал двух солдат и приказал: «Расстрелять дезертиров». Вывели во двор и скомандовали идти в огород за сараи. Комендант идет вслед за конвоирами. Страха нет, только кипит страшная злоба. Думаю, где будут стрелять? В огороде или поведут в кустарник к речке, видневшейся за огородом? Мысли прервал скрип тормозов. У комендатуры остановился «Виллис». Из него ступил на землю офицер с погонами полковника. Капитан бросился к нему. Солдаты как-то заметались, как будто собирались бежать. Видя, что мы больше коменданта не интересуем, быстро покинули комендатуру, ничуть не удивившись, что нас никто не преследует.

Использовали мы все средства передвижения. Автомашины, грузовой, железнодорожный транспорт, где-то ехали на военной бричке и даже на платформе узкоколейной железной дороги. Можно себе представить, что нам пришлось пережить. Это была первая половина января.

Солнце уже над горизонтом. Мороз градусов пятнадцать. Нас четыре человека. Я со своим товарищем, младший лейтенант, мужчина лет тридцати. Видно, что не кадровик. И девушка лет

двадцати, литовка, с большим хатулем (большой платок со связанным углами, в каких переносят грузы цыгане), едет к себе домой в Вильнюс. Чтобы не замерзнуть, бегаем, подпрыгиваем, делаем нехитрые гимнастические упражнения, вроде похлопывания себя по плечам в пустом двухосном железнодорожном вагоне с открытыми воротами. Воротное полотно отсутствует. По километровым столбам считаем: до Вильнюса осталось восемнадцать километров. Впереди по ходу поезда видим огромную вспышку, озарившую горизонт. И сразу же за ней вторую. Затем один за другим два громоподобных взрыва. Поезд замедлил ход, а затем и совсем остановился. Из вагонов стали выпрыгивать пассажиры, обмениваться мнениями, что произошло. Кто-то побежал к паровозу, узнать, когда поедем. Доложили, что поезд дальше не пойдет.

Быстро сгущаются сумерки. Поезд стоит в поле. Никаких строений нет. Только километрах в полутора видна деревня или хутор. Предлагаю своему попутчику попытаться отогреться в хате. Отошли метров на сто, обернулись. Младший лейтенант у вагона отплясывает чечетку. Жалко, замерзнет мужик, не доживет до утра в сапогах и шинели. Предлагаю пригласить и его. Николай не возражает. Зовем. Не раздумывает и бежит по нашему следу. У вагона остается одна девушка. Жалко, замерзнет, бедная. Приглашаем и ее. Тропы нет, идем по целине, хорошо, что снег не глубокий. Впереди промелькнул и погас огонек. Значит, жилье обитаемо. Долго стучим в дверь и в окна, наконец, кто-то подошел к окну. Уголок занавески приоткрылся, а затем мужской голос спросил: «Кто?» Объяснили. Нас впустили в хату. Тепло. Хозяин – старик (по нашему понятию, а так мужчина лет 50–55) и его жена – старуха того же возраста. Попросили чем-нибудь покормить. Мы уже забыли, когда ели. Хозяйка засуетилась, разожгла на припечке костерок, стала что-то разогревать. Мы сняли шинели, сидим на лавках, отогреваемся. Хозяин готовит для нас постель. Принес охапку соломы и расстилает ее на полу. Ко мне подсела девушка и шепнула, что она будет спать со мной. Ответил согласием. Накормили нас разогретой кашей. Не помню какой, но на голодный желудок было вкусно.

Сняв сапоги, я завалился на солому первым. Ко мне легла Эльза, к ней подвалился младший лейтенант. Николай лег рядом со мной. Как только погасили лампу, я почувствовал, что Эльзу что-то беспокоит. Она все плотнее прижимается ко мне. Я положил на нее руку и почувствовал, что лейтенант пустил в ход руки. А когда в его руку попала моя, он долго ее жал. Я руку не убрал, пусть думает, что он жмет руку Эльзы. Ужин и тепло быстро усыпили.

Поднялись на рассвете. Завтрак просить не стали. Неудобно было, да и торопились, боялись опоздать на свой грузовой. На путях поезда не оказалось. Пошли по шпалам в сторону Вильнюса. Вышли на какой-то разъезд или полустанок. Решили отдохнуть. Не успели согреться, как зашел железнодорожник, наверное, дежурный на разъезде (дорога была одноколейная), и сказал, что в сторону Вильнюса идет грузовой поезд. Он здесь не остановится, но скорость будет такая, что при желании можно прицепиться. В поезде было несколько платформ, груженных лесом, с тормозными площадками. Мы все четверо на них удачно разместились.

В город приехали на закате солнца. Поезд остановился у вокзала. Спрыгнув с подножки, бросились в вокзал. Потом мы узнали, что дальше проезда не было. Но нашим надеждам на ночевку в теплом вокзале не суждено было сбыться. Вокзал стоял без окон и дверей. Везде мусор и битое стекло. А произошло вот что. На железнодорожную станцию прибыл состав, груженный авиабомбами, где лоб в лоб встретился с маневровым паровозом. Взорвались два паровых котла и эшелон авиабомб. Взрыв был такой силы, что большая часть города осталась без оконных стекол, а здание вокзала, который находился в двух километрах от взрыва, – не только без стекол, но и без дверей. Колесные пары за два километра прилетели к пассажирскому вокзалу.

Эльза ушла к тетке, лейтенант – по своим, только ему известным делам. Нам опять надо устраиваться на ночевку. Нам сказали, что все железнодорожные пути выведены из строя и когда пойдут поезда – никому не известно. Еще нас предупреждали, что в городе неспокойно, а ночью военнослужащим вообще ходить запрещено. Даже патрульных убивают.

В надземной части вокзала холодно и сквозит. Решили попытать счастья в подвале. Повезло – нашлась пустая комната с дверью и холодным титаном в углу. Холодно, но не дует. На фронте не такое видели. Размышляем, что бы подстелить, чтобы не спать на холодном бетонном полу, как вдруг открывается дверь и входит Эльза. Представить себе не могу, как она смогла нас найти. Специально приехала на извозчике, чтобы увезти меня в дом к тетке. Не задумываясь, соглашаюсь, хотя Николай отговаривает. Но я не обращаю внимания. Мечтаю умыться и уснуть в теплой постели. Сели в стоящий на площади фаэтон с опущенным козырьком. По пути старался запомнить маршрут. Остановились у подъезда пятиэтажного дома, думаю, в центре города. Поднимаемся по уже темной лестнице. Все выше и выше, кажется, уже не будет конца. Уже мелькнула в голове маленькая

тревога. Нас ведь только что предупреждали о чрезвычайной обстановке в городе. Наконец лестница кончилась. Эльза открывает дверь, и мы оказываемся в узком коридоре мансарды. Правая рука сжимает рукоятку пистолета с четырьмя патронами в барабане. Наконец входим в маленькую комнату, после темного коридора кажется, очень ярко освещенную керосиновой лампой. Через открытую дверь видна вторая комната или кухня такой же площади. В первой комнате две женщины о чем-то громко говорили. При виде нас замолчали на полуслове, и одна из них сразу же ушла. Эльза представила: «Это Петр». Повесила на гвоздь мою шинель, разобрала постель и предложила, даже стала уговаривать, ложиться поспать, а когда они с теткой приготовят ужин, она меня разбудит. Тетка сразу же ушла во вторую комнату. Мне неловко было отказать девушке в ее просьбе, и в то же время тревога, родившаяся еще на темной лестнице, набирала силу. У меня было две причины для тревоги. Во-первых, почему и куда ушла одна из женщин, и во-вторых, почему меня так настойчиво укладывают спать. Причем не вместе с ней, а одного. Решил я не искать приключений и, сославшись на то, что меня ждет товарищ и что мы срочно должны выехать из города, надеваю шинель. Прощаюсь и покидаю гостеприимную хозяйку. Идти по городу обратно было страшновато. Безлюдно, темная ночь. Шел, прижимаясь к домам. К счастью, с пути не сбился и на всем маршруте не встретил ни одного патруля.

Николая нашел в том же подвале в ужасном состоянии. Он уже не надеялся меня дождаться, а в одиночку не надеялся благополучно закончить путешествие. Были даже слезы, не знаю только, от злости или от радости.

Спали мы на листе фанеры. Было холодно, но ночь прошла спокойно. Ждать, пока возобновится железнодорожное движение, мы не могли. Негде было. Кроме того, очень хотелось есть. Ранним утром, пока комендантская служба нежится в теплых постелях, вышли ловить попутные машины.

Дальше все шло по прежней схеме. Задержания, допросы, проверки, имитация или попытка расстрела. Клянченье у питательных пунктов.

Не могу не написать еще об одном эпизоде, крепко засевшем в памяти. Маленькая железнодорожная станция у Белостока. Вечереет, и некуда устроиться на ночлег, никакого помещения для пассажиров нет. Останавливается грузовой состав, следующий в сторону Белостока, ждет встречный поезд. Проводим разведку, нельзя ли уехать с этим поездом. Вагоны выше половины своей высоты загружены кипами прессованного сена. Решаем, чем искать место для ночлега, да и неизвестно,

найдем ли, уехать с этим поездом. Залезли в вагон. Только устроились на кипах сена, как прошел встречный и наш поезд тронулся. Сначала нам даже понравилось. Ворота закрыты, не дует и никто нас не видит. Но очень скоро мы поняли, какую сделали глупость. Ночь была звездная, морозная. А сидеть на сене, тем более прессованном, это все равно что сидеть на металле. И стоять было нельзя, высота не позволяла. Попробовали стоять на четвереньках, но в таком положении долго не простояли и, кроме того, все равно замерзали. Мы были в полном отчаянии: с такой высоты не прыгнешь, а если прыгнешь, то окажешься под колесами вагонов – по обеим сторонам железнодорожной колеи лежали метровой высоты валы снега от расчистки путей. Но и сидеть в вагоне уже не было сил. К нашему счастью, поезд замедлил ход, а потом и остановился. Отодвигаем ворота и кое-как спускаемся на снег. С обеих сторон лес. Видна будка стрелочника – и больше никаких строений.

Поезд трогается, мы повисаем на поручнях и взбираемся на тормозную площадку. Здесь хоть двигаться можно и не обязательно сидеть. Решили доехать до какого-нибудь населенного пункта и там поменять вид транспорта. Но очень скоро пожалели, что не остались на том разъезде в лесу. На тормозной площадке, кроме мороза, еще и пронизывающий ветер. Сначала мы отплясывали чечетку, но скоро так замерзли, что уже ни говорить, ни двигаться не могли. А поезд, как нарочно, все идет и идет, не останавливаясь. И справа и слева только лес да снег. Из создавшегося положения остаются только два выхода. Замерзнуть на тормозной площадке или свалиться с нее под колеса вагонов. Последний нам казался предпочтительнее, не придется долго мучиться. На том и порешили, но есть Бог на свете. Поезд идет все медленнее и медленнее и наконец останавливается. Да остановился так, что наша площадка оказалась у самого фонаря стрелки.

С помощью старика-стрелочника мы оказались в его конуре. Тепло. Топится печурка. Только так тесно, что втроем еле вмещаемся. Оставив нас, старик куда-то ушел и скоро вернулся с женщинами, в руках которых парил чайник. Печурка, женские руки и горячий кипяток вернули нас к жизни. Оказывается, недалеко от стрелки, в лесу, стоит двухэтажный деревянный дом, и там белорусские женщины круглосуточно шьют для фронта рукавицы. Вот эти швеи и спасали нас. Пока нас оттирали и отогревали, товарняк ушел. Утром, попрощавшись с нашими спасителями, уехали на другом проходящем товарном поезде.

Солнечный день. Машина, в кузове которой мы мерзнем уже не один десяток километров, подстраивается в хвост машин,

проходящих проверку на КПП. Чтобы на КПП нас не заметили, слезаем через правый борт. Нам надо незаметно обойти его и затем снова искать попутную машину. На КПП нас могут задержать для проверки документов, и один Бог знает, как с нами поступят. Да и шофер не имел права брать попутчиков, приказ строжайше запрещал это делать. Надо поймать момент, чтобы покинуть колонну машин незамеченными, самим не попасться и шофера не подвести. Перелез через канаву и наблюдаю, чем заняты офицер и солдаты у шлагбаума. Пока опасности нет. И тут… не могу оторвать глаза! Через три машины от нас, на борту грузовика, четко вижу букву «Р». Наконец-то нашлась наша армия! Букву «Р» имели машины 9-го гвардейского корпуса. Толкаю Николая: «Смотри!» Тот не понимает, что смотреть. Бросаюсь через канаву назад и подбегаю к стоящему у дверцы кабины офицеру с погонами майора. Представляюсь и прошу подсказать, где найти 12-ю гвардейскую дивизию. Майор, проверив красноармейские книжки, дает нам место дислокации дивизии – юго-восточнее Варшавы, на Магнушевском плацдарме.

Радости нашей не было конца. Кончились муки неизвестности. Мы в зоне действия своей армии. Даже голод отступил. КПП обходить не стали, надеялись, в случае чего, на помощь майора. Но помощь не потребовалась. Майор подвез нас на какое-то расстояние, а потом попросил сойти, так как наши пути расходились. Поймали другую машину.

В районе Варшавы машин не было, уже близко подошли к линии обороны. У Праги – правобережного предместья Варшавы – попали под артиллерийский налет. Потом шли по какому-то мертвому пространству. Не встречалось ни одного солдата. День клонился к закату. Проходя по бывшей, теперь полностью уничтоженной деревне, заметили дымок, выбивавшийся прямо из земли. Завернули, оказалось, это промежуточная станция телефонной связи нашей армии. Попросились на ночевку. Землянка маленькая, тесная, еле вчетвером вместились. Связисты указали грядки с неубранной свеклой и фасолью. Раскопали снег, вырубили из мерзлой земли мерзлую свеклу, налущили фасоли. Связисты одолжили котелок, и через несколько минут обед был готов. Прошло больше пятидесяти лет, но я не могу забыть вкус этого блюда, настолько было вкусно.

Утром, еще раз поев вареной свеклы с фасолью, отправились догонять свою дивизию. По льду, разбитому снарядами и снова замерзшему, перешли через Вислу в районе впадения в нее реки Варка. Зашли в городок Варка. Тут подвернулась попутная машина нашей дивизии, и вечером, когда уже совсем стемнело, я был в объятиях своих друзей. Это было 18 января, закончились

двадцатые сутки нашего путешествия.

Управление дивизиона ночевало в деревне. В большой хате вокруг керосиновой лампы собрались наши разведчики, топоразведчики и связисты. Не могли наговориться. Все удивлялись, как я смог найти дивизию, которая за время моего отсутствия прошла от Риги до Варшавы. Меня же интересует, кого потеряли? Кто-то побежал к старшине, чтобы организовать встречу. Разговор прерывает рассыльный из штаба – вызывает командир дивизиона майор Грязнов.

Докладываю ему о прибытии. Знакомлюсь с новым начальником штаба, капитаном Федько. Прежний – капитан Бойко, ранен в Прибалтике. Нет и заместителя командира дивизиона капитана Черноусова, погиб там же. Грязнов сам не так давно вернулся из госпиталя. Тоже был ранен. Грязнов кричит личному повару Евсееву, по штату – рядовому взвода топоразведки: «Василий, сержанту стакан!» Василий приносит почти полный 250-граммовый граненый стакан. Не разбираю, чем он наполнен, выпиваю, и только когда перехватило дыхание, понял – спирт. Стакан спирта на голодный желудок свалил сразу же. Даже и не помню, чем меня пытались покормить. Так и не добрался я в тот вечер до своих солдат. Проснулся на кровати в штабе, в шинели и сапогах.

Прибалтика
(по рассказам участников боев)

5 октября дивизия закончила подготовку к наступлению. На следующий день, после мощной артиллерийской подготовки, полки первого эшелона ринулись в атаку, прорвали вражескую оборону и, сломив сопротивление противника, к исходу дня оказались в двух километрах восточнее Сигулды. Вечером был получен новый приказ командира корпуса, согласно которому дивизии менялась полоса наступления. Вся ночь ушла на перегруппировку, а с утра 7 октября полки снова перешли в наступление, продвинулись за день на 20 километров и подошли к заранее подготовленному немцами рубежу на участке Сукмани, мыза Планупе[6].

Дивизия наступала на юго-запад и 10 октября подошла к реке Маза Югла. 13 октября по следам отступающего противника дивизия вошла в восточную часть Риги. Немцы заняли оборону по левому берегу реки Западная Двина. Дивизия с боями захватывает плацдарм на западном берегу Западной Двины, но через несколько дней вынуждена оставить его. Батальоны на плацдарме понесли тяжелые потери.

После освобождения Риги войсками 2-го Прибалтийского фронта 61-я армия переводится в состав 1-го Прибалтийского фронта. 12-я гвардейская стрелковая дивизия совершает переход Рига, Елгава, Шяуляй, Тельшяй, Седа и в последних числах октября вступает в бои в районе Вайнёде, на либавском направлении.

Полтора месяца дивизия ведет наступательные бои. Противник все время контратакует. Особенно тяжелые бои были в районе высоты 123 и кладбища южнее Эзергалы, где наступающими была перерезана шоссейная дорога, идущая вдоль линии обороны противника. Пытаясь восстановить положение, немцы все время переходили в контратаки. В одной из них противнику удалось потеснить на флангах наступающие батальоны нашей дивизии, и батальоны пехоты и наша пушечная батарея, стоявшая у кладбища южнее Эзергалы, оказались в окружении. Погиб командир батареи. Командование батареей взял на себя замкомандира дивизиона капитан Черноусов. Стоя на бруствере ровика, капитан управлял огнем батареи до последней минуты своей жизни. Он упал, обезглавленный осколком вражеского снаряда. Командование батареей принял командир взвода управления. Кольцо окружения удалось

прорвать, но дивизия в этих боях понесла большие потери. В нашем 1-м дивизионе ранен был командир дивизиона майор Грязнов, начальник штаба дивизиона капитан Бойко, погиб замкомандира дивизиона капитан Черноусов, командир 2-й батареи.

Рассказывает капитан Федько.

– Я служил офицером управления кадров штаба 61-й армии. В штабе была практика командировать офицеров в штабы дивизий или полков для каких-то надуманных проверок. А делалось это для награждения офицера очередным орденом. Посещение штаба дивизии, а тем более полка, считалось героизмом, большим, чем взятие солдатом «языка» за линией вражеской обороны.

Владимир Павлович Федько – начальник штаба дивизиона, позже заведующий промышленным отделом в комендатуре г. Нордхаузена (Тюрингия, Германия)

Я приехал в штаб 31-го гвардейского артиллерийского полка во время боев в районе высоты 123 и кладбища. В штаб полка приходили сообщения о гибели и ранении одного за другим офицеров батарей и дивизионов. И когда 1-й дивизион был полностью обезглавлен – выбыли командир дивизиона, его заместитель и начальник штаба, – меня вызвал к себе командир полка полковник Авралёв и приказал немедленно вступить в должность начальника штаба дивизиона. Вопрос о моем откомандировании из штаба армии он берет на себя. Только добрался до штаба дивизиона – приказ из штаба полка. Немецкие танки прорвали нашу оборону и угрожают тылам дивизии, батареи надо срочно поставить на прямую наводку. Командир батареи погиб. Связи с батареей нет. Мне приказано лично снять батареи с закрытой позиции и вывести на позицию для встречи немецких танков. Батарея на колесах. Земля раскисла так, что «Студебеккеры» с трудом ползут по грязи. На пути – болотина. Машины с пушками на прицеле садятся. И в это время по шоссе, на глазах у нас, движутся немецкие танки. Я так растерялся, а у меня это была первая встреча с противником, что, не видя выхода из создавшегося положения, вытащил из кобуры пистолет, чтобы застрелиться. Но танки, безусловно видя нас, проскочили, не сделав ни единого выстрела.

Здесь же, в боях в Курляндии, погиб ординарец командира дивизиона Ваня Терехов. Терехов прибыл к нам в дивизион в мае 1942 года в Козельске. Невысокого роста, шустрый, очень острый на язык рязанский паренек. В то время ему было 18 лет, но выглядел он на 16. До призыва в армию он работал в деревне счетоводом в птицеводческом совхозе, а потому и называл себя не иначе как Иван Сергеевич. И по этой же причине его передали ко мне в отделение. Но рвения к топоразведке он не проявил, правда, и от службы не бегал. На каком-то этапе понравился майору Грязнову, и он взял его к себе ординарцем, и, надо сказать, там он оказался на месте.

Но я о другом. Это из рассказа многих участников события. Похороны Терехова. Поляна. Метрах в трехстах-четырехстах на опушке леса стоят замаскированные танки. Когда гроб уже опустили в могилу (а у нас было принято там, где это позволяла обстановка, хоронить погибших в гробах), подошел танкист. Один подошел. И спросил, кого хоронят. Оказалось, что подошел родной брат Ивана Терехова. Вынули гроб из могилы. Братья попрощались. Вот такая встреча. Полгода, пока шла война, да, я думаю, и сейчас, кто еще живой, очевидцы пытались разгадать тайну, что заставило танкиста Терехова подойти к похоронной

процессии? Почему подошел именно он, а не кто-то другой?

За бои в Прибалтике многие офицеры и солдаты дивизиона получили ордена и медали. Командир дивизиона майор Грязнов получил орден Александра Невского. А дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

В конце декабря 61-я армия вновь вернулась в 1-й Белорусский фронт. Дивизия была отведена в тыл и железнодорожным транспортом переброшена в Польшу, в район Гарволин юго-восточнее Варшавы.

От Варшавы до Штеттина

19 января 1945 года начался триумфальный поход на Запад. Но мы тогда этого еще не знали. Офицеры и солдаты готовились к войне жестокой, тяжелой, круглосуточной.

Я уже писал, как тепло меня встретили командир и начальник штаба дивизиона. Уже на следующий день капитан Федько изливал передо мной душу, как тяжело дивизиону без топослужбы. Он говорил: «Ты представляешь, командиры батарей молодые, они плохо готовят данные для стрельбы, еще хуже ведут пристрелку, хорошо еще, что под Либавой дивизион в основном держали на прямой наводке, а как только батарею ставили на закрытую позицию, скандал. Грязнов требует данные для стрельбы, а где я их возьму? Сам я в этой службе ни черта не понимаю, и спросить некого. А о тебе мне говорили, что человек надежный». В ответ на его откровенность и я разоткровенничался и рассказал ему об одном конфликте с его предшественником, бывшим начальником штаба дивизиона и личным другом по работе в штабе армии капитаном Бойко.

В восьми километрах восточнее Сигулды дивизия готовилась к прорыву оборонительной линии противника. Дивизион поставили на закрытые огневые позиции. Надо было срочно выполнить привязку боевого порядка. На ходу останавливают: «Срочно к начальнику штаба!» Капитан Бойко вручает мне номера пикетов с их координатами. Это был первый случай построения опорной топографической сети топографами армии с начала войны. Отнесся я к их работе с недоверием, но приказ выполнил. Нашел два пикета и привязал к ним все три батареи. Подготовил и передал начальнику штаба данные. Не прошло и часа, как вызывает капитан Бойко и выказывает свое неудовольствие моей работой. Оказывается, командир дивизиона вел пристрелку одной батареей и получил отклонение на два деления угломера. У меня такого еще не бывало. Не сдержался и грубо ответил капитану, заявив, что он сам виноват, что подсунул мне непроверенные координаты и что я за свою работу отвечаю. Но у самого на сердце неспокойно: а вдруг где-то ошибся в цифрах или линиях? Забрав инструменты и своих помощников, продублировал ход. Снова нанес на планшет. Все правильно. Все сошлось. Значит, ошибка кроется в другом. Чтобы проверить работу армейских топографов, решил произвести привязку к местным предметам. Привязываю. Наношу на карту и получаю результат, батарея накалывается в овраге. Смотрю, когда проводились картографические работы. Оказывается, последняя

рекогносцировка еще в 1911–1914 годах!

Выслушав мой длинный рассказ, капитан Федько заявил: «И из-за двух делений угломера подняли шум?» Но я-то знал, что два деления угломера – это много, а иногда бывает и очень много, особенно когда снаряды падают на голову своей пехоте. А Федько я сказал, что это я рассказал ему для того, чтобы он знал, что и у меня бывают ошибки. Хотя бы в несдержанности.

А в том случае пришлось производить привязку батарей и наблюдательных пунктов в условных координатах. И тогда уже снаряды легли туда, куда их посылали. В данном вопросе не могу не отметить, что такие старые карты были у нас не только на территорию Латвии, но и Белоруссии, в то время как у немцев карты нашей территории, в том числе и упомянутых мною районов, были новейшие, рекогносцировки 1938–1940 годов. Дело доходило до того, что мы брали карты у убитых немецких офицеров и по ним работали. К сожалению, нечасто они к нам попадали.

Капитан Федько глубоко ошибся в своих надеждах на классическое планирование действий артиллерии при прорыве оборонительных линий или подавлении его наступательных сил. Почти вся его служба в дивизионе протекала в непрерывных продвижениях вперед и перемещениях по фронту, когда артиллерия или не успевала развернуться, или, не сделав ни одного выстрела, снималась, чтобы снова куда-то двигаться и закапываться на новом рубеже.

В прорыв оборонительной линии с Магнушевского плацдарма были введены танковые соединения, они и решили судьбу фронта. Немцы, преследуемые танками, поспешно отступали, а мы, делая по 40–50 километров в сутки, их догоняли. От р. Пилица, что южнее Варшавы, до границы Германии дивизия, преследуя противника, прошла по маршруту Жерардув, Кутно, Долгуш и только 27 января, на германской границе у города Уж-Дойч (ныне Ujście), что южнее города Шнайдемюль (ныне Pila), вступила в бои.

Взвод топоразведки из 4–6 человек, хотя по штату должно быть 12 человек, на марше выполнял функции разведчиков и нес караульную службу.

Двигались днем, останавливаясь на ночь в населенных пунктах. Пехота не успевала за танками, и тогда роты и даже батальоны сажали на машины артполка.

Поляки относились к нам нейтрально. Были, правда, и исключения. Как-то нас двоих муж с женой угостили вином. Для нас было новинкой, когда они бутылку вина вылили в кастрюли и поставили в другую кастрюлю с кипящей водой. Бывали случаи,

когда между нашими солдатами и польками вспыхивала любовь. В одной деревне начальник связи дивизиона так влюбился в польку, что отстал от дивизиона на двое суток. Чем дольше люди были вне боев, тем больше разлагалась и падала дисциплина. Солдаты стали искать развлечений. Стали пить. Польки очень ловко этим пользовались. После ночи, проведенной в женской компании, иные гуляки возвращались без пропитых шинелей, гимнастерок и даже без сапог. За бимбер (самогонку) солдаты отдавали все, все свои трофеи.

Километров за шестьдесят от границы с Германией у нас кончился бензин. Полк остановился, и меня и ст. сержанта Митягова отправили вперед, для связи с пехотным полком. Не знаю, какая могла быть у нас связь, если у нас не было ни радиостанции, ни транспорта. Но нам было все равно. Мы уже полагали, что немцы так и будут отступать до Атлантики без остановки.

Днем пришли в последний перед границей населенный пункт Польши – Уж-Польский. Маленький городок на пригорке. Слева к городу вплотную подступает сосновый лес. Пехота, сделав небольшой привал, двинулась дальше. А мы решили переночевать в городке – в тепле. Двигать с пехотой – значит рисковать. Если пехота встретится с обороной немцев, придется коротать ночь в поле. А это зимой. Лежит снег, и мороз градусов пять.

Сразу попали к приветливой хозяйке квартиры – женщине лет тридцати-тридцати пяти. Продуктов у нас не было, а обременять хозяйку не хотелось. Пошли поискать что-нибудь съестное. В подсобке магазина с разбитой дверью стояла бочка соленых огурцов. Хозяйка осталась очень довольна, когда мы ей вручили полное ведро прекрасных огурчиков. На радостях даже дала понять, что разделит с нами ночь.

Оставив ей огурцы, пошли проверить, кто из военных остался в городе, и заодно город посмотреть. День клонился к вечеру. В городе оставалась в ремонте одна 57-мм противотанковая пушка на конной тяге, но и та, по-видимому, закончив ремонт, уехала. Остались мы вдвоем, что было небезопасно. Нам уже рассказывали, что ночью в город приходит покормиться группа немецких солдат, то ли дезертиров, то ли окруженцев. Но догонять полк уже было поздно, да и очень хотелось есть. Спросили, где живут немецкие семьи. Думали, что немцы богаче и у них найдется, чем нас покормить.

Первая немецкая семья состояла из двух пожилых женщин. Попросить покормить нас постеснялись. На большее, чем дать нам 250 граммов фруктового сока, чтобы разбавить 250 граммов спирта, хранившегося у меня в полевой сумке, нахальства у нас

не хватило. Разбавив спирт, отправились дальше, не пить же нам спирт со старухами немками. Да и спать вдвоем с одной полькой по возрасту в полтора раза старше любого из нас не хотелось. Решили найти семью богатую, чтобы накормили и чтобы было по девушке на каждого.

Вышли к добротному деревянному дому с примыкающим к нему большим двором, обнесенным высоким забором, и сараями. К усадьбе вплотную подступал тот самый лес, откуда в город, по слухам, приходили немцы. В ту минуту мы об этом не подумали. Уж очень хотелось есть. Зашли. Хозяин как раз зажигал керосиновую лампу. В комнате, кроме мужчины, поляка лет пятидесяти-пятидесяти пяти, находилось еще две женщины того же возраста и две девушки. Здесь и решили остановиться ночевать. Выставили на стол бутылку с вишневой «настойкой» (сок был вишневый), и хозяйке ничего не оставалось, как подавать закуску. Выпили. На голодный желудок порядочно захмелели. Девушки поставили пластинку. Потанцевали. Видя, что Сережа стал настойчиво ухаживать за ее дочерью, а дело дошло до того, что они на какое-то время уединились в сенях, мать, это была работница хозяина – увела дочь. Время близилось к полуночи. Дочь хозяина, молодая красивая девушка в очках, разобрала для нас двуспальную кровать и, воспользовавшись случаем, шепнула: «Когда родители уснут, я к вам приду».

Разделись и залезли под мягкое стеганое одеяло. Затаив дыхание, ждем, когда потушат лампу в соседней комнате. Там укладывались спать хозяева дома. Лампу еще не задули, как открывается дверь, входит хозяин дома в кальсонах и ложится на односпальную кровать в нашей комнате. Наши надежды рухнули. Но не совсем, где-то еще что-то теплилось. Не спим.

Внезапно две короткие очереди немецкого автомата «шмайссер». Вскакиваем, одеваемся. Хватаю свой наган с четырьмя патронами. Выбегаю в сени и затаиваюсь у входной двери. Тихо. От холода и нервного напряжения по телу пробегает дрожь. Возвращаюсь в комнату. Сергей сидит на кровати. Хозяин спит или делает вид, что спит. Решили спать по очереди по два часа. Хозяйка поднялась задолго до рассвета и ушла из дома. С рассветом стали собираться в дорогу и мы. Оказывается, хозяйка доила коров. Она выставила нам ведро пенящегося парного молока. Обманщица же так и не вышла.

Выпив по кружке молока, прощаемся с хозяйкой, хозяин куда-то исчез, и бежим на дорогу. Надо ловить попутный транспорт, догонять полк. Видим стоящую на дороге машину, груженную бочками. Подбегаем, просим хозяина машины подвезти. Тот дает «добро». И в это время слышим: «Петр, торбинка, Петр, торбинка».

Оборачиваемся. Метрах в двухстах бежит наша «очкарик», размахивая моей полевой сумкой. Бросаюсь к ней навстречу. В это время машина трогается, и я только вижу, как Сергей переносит через борт вторую ногу.

Машину пришлось ждать долго. На дороге обогнал старшину своего управления дивизиона Защепина с тремя конными повозками и кузней. Первая деревня на территории Германии горела[7]. Пламя охватило половину деревни. Густые клубы дыма закрывали горизонт. Сергея нашел в штабе 29-го гв. стрелкового полка, разместившегося в просторном доме в уцелевшей части деревни. Может быть, и уцелевшей благодаря этому, поскольку мы слышали, что деревня была оставлена немецкой армией в целости. В штабе сидело и суетилось множество офицеров и их денщиков. И все почему-то курили. Подышали мы табачным дымом, но делать здесь больше было нечего, и мы отправились искать своего старшину с кухней. Уже сгущались вечерние сумерки, а мы за весь день только и выпили по кружке молока. Встретили старшину. Нашли пустой дом с сараями и обнесенным забором двором. Пока хозяйственники распрягали лошадей и занимались другими хозяйственными делами, мы с Сергеем вошли в дом.

Весь дом состоял из двух больших комнат с двумя входными дверями. Одна с улицы, другая со двора. В комнате все было перевернуто. Кресла, стулья и шкафы лежали на полу. Постельные принадлежности и одежда грудами лежали тут же. Расчистив проход, поставили на ноги диван и сели на него ожидать ужина. Солнце уже село за горизонт, и в доме был полумрак. Осветить комнату нам было нечем, а искать лампы у хозяев нам не хотелось. Не хотелось и говорить. Кажется, уже все за три года переговорили. Я пишу «три года», потому, что Сережа попал к нам из госпиталя после ранения в грудь уже в январе 1942 года.

Внезапно рывком открывается входная дверь из тамбура со стороны улицы, и два солдата вталкивают в комнату девушку, с закутанной в большой шерстяной шарф головой. Увидев нас, солдаты шарахнулись назад, захлопнув за собой дверь. Я поднялся и подошел к пленнице. Она вся дрожала. Слезы лились ручьями. Под глазами большие синяки. Я подумал: бедная женщина. На вид она выглядела лет на сорок. С великим трудом успокоили ее, усадили на диван. На своем языке и на пальцах она нам рассказала, что ей 18 лет. Что ее отняли у мамы. Что русские солдаты всех насилуют и убивают.

Ночью вести ее домой было опасно. Можно попасть в руки таким же бандитам, как и те, у кого в руках она побывала. А она

нам сказала, что ее за день изнасиловали десять человек. Грозила и другая опасность – можно было попасть на офицера, который не будет разбираться, куда и для чего водят по деревне немку. Решили оставить ее здесь до утра. Я уже вошел к ней в доверие (разговаривал с ней я), слезы высохли, и она успокоилась. Но тут открывается дверь со двора, и с двумя лампами в комнату вваливается команда старшины. В том числе и сам старшина Защепин, уроженец Казахстана, ничуть не похожий на русского, и с ним два казаха, причем один почти двухметрового роста. Немка сразу съежилась и бросилась в дверь. Поймал я ее в тамбуре. Она опять разрыдалась и дрожала всем телом. На мой вопрос «Warum?» она ответила, что все эти солдаты будут ее «fick-fick». Чуть успокоилась и вернулась в комнату только после того, как я дал слово, что ее никто не тронет.

Старшина со своей командой навели кое-какой порядок в одной из комнат. Поставили длинный стол. Повар принес ужин. Посадил за стол и пленницу. Стали разливать по мискам, а в это время старик-сапожник сходил во двор и достал из повозки кусок соленого, в палец толщиной, шпика и кусок хлеба и дал его немке. Не знаю, или она была очень голодна, или просто боялась попасть в немилость, но надо было видеть, с каким усердием она его рвала зубами. Уже во время ужина слышу, как верзила-казах, кстати, совершенно неграмотный, бывший инструктор райкома партии, сказал: «Ну, сегодня поработаем».

Спать устроились на кровати и на полу, подстелив содержимое шкафов. Немку положили спать на диван. Сам, чтобы охранять ее от набегов, стал укладываться рядом на кровати. Слышу, зовет: «Пэтр, Пэтр». Подхожу. Говорит и показывает, чтобы ложился на диване. Поколебался мгновение и согласился, а позже убедился, насколько она было дальновиднее меня. Ночью меня два раза будил казах-ездовой, бывший инструктор. Он дергал меня за ногу и, когда я просыпался, ворчал, что надо бы и другим дать немку. Получив в ответ «ласковое слово», он еще некоторое время стоял и ворчал, обвиняя русского человека, которому немецкой п… жалко.

Утром, позавтракав, пока хозяйственники запрягали лошадей, я довел девушку до ворот ее дома. Она со слезами на глазах просила меня зайти, чтобы получить благодарность от матери. Но я не зашел, а теперь жалею, что не запомнил ее имя и название деревни. Тогда мы не думали, что выживем, а тем более доживем до такого возраста, что и немцы станут нашими друзьями, и съездить в Германию можно будет почти так же легко, как в любой наш город.

Следующим на маршруте был маленький город Уж-Дойч.

Выходим на площадь в центре городка. Гражданского населения не видно, а несколько человек военных, остановившись, смотрят на крышу стоящего метрах в ста торцом к площади дома. Остановились и мы. На крыше ничего не видим. Спрашиваем, куда они смотрят. Оказывается, выстрелом с чердака дома на площади был только что убит офицер. А в сторону площади несколько человек наших солдат вели размахивающую руками и что-то кричавшую на немецком языке девушку. Тут же несли и винтовку с оптическим прицелом. Перешли площадь и увидели еще более жуткую сцену. Прямо перед нами на крыльцо дома офицер без шинели, с одним просветом на погонах, вывел мужчину. Тот все пытался что-то объяснить. Что-то быстро-быстро говорил, жестикулируя руками. Офицер тут же, у самой двери, выстрелом в голову убивает немца. Старик падает на крыльцо. Офицер, мельком взглянув на убитого, скрывается за дверью.

Нам уже известно, что армия получила горючее. Значит, скоро нас догонит наш полк. Знаем, что стрелковые полки уже остановлены немцами на оборонительном рубеже. Поэтому торопиться не следует. Надо только не прозевать колонну своего полка. Выходим на улицу, уходящую на запад. Слева, в глубине садика, какое-то здание, похожее на кинотеатр. Решили зайти. Это действительно был театральный зал мест на двести. Все кресла были заняты пожилыми мужчинами и женщинами, одетыми в пальто и шляпы. Каждый на коленях держал баульчик. В зале мертвая тишина. Мы по правому проходу прошли к сцене. Оказавшиеся тут же три солдата, увидев нас, быстро покинули зал. Мы посмотрели в глаза сидящим. Это были лица людей, ожидающих приговора, и мне стало не по себе. Мне было тяжело смотреть людям в глаза. Из-за нечеловеческих амбиций политиков народы переживают страшные муки. Мы покинули зал. Думаю, что после нашего ухода те трое вернулись, чтобы вытряхивать из баулов в свои вещевые мешки самое дорогое для этих людей содержимое. Затем променяют на какие-нибудь безделушки. Или снимут с них, лежащих на поле боя, вещмешки с награбленным добром, похоронные команды. Плохо это, а ведь могло быть и еще хуже, как с тем стариком на площади.

Наши машины где-то задерживались. Решаем догонять пехоту. Подвернулась попутная машина. Километра через три-четыре большая деревня, все улицы которой запружены ревущими коровами. Машина с трудом пробивается, буквально расталкивая коров. Нам надоедает такое путешествие, переваливаемся через борт грузовика прямо на спины животных и направляемся в приглянувшуюся нам усадьбу.

Большой двухэтажный дом, у нас бы сказали – помещичья

усадьба, только очень простой архитектуры и с очень большим примыкающим к дому скотным двором. Несколько сот некормленых и непоеных коров, выпущенных кем-то из этих коровников, и заполнили улицы деревни.

Дверь дома оказалась на замке, но в одной ее створке выбита нижняя филенка. Протиснувшись через тесную дыру, оказались в просторной прихожей, из которой было открыто несколько дверей в комнаты первого этажа и вела лестница на второй. Обойдя комнаты первого этажа, преодолевая завалы разгромленной мебели и груды лежащей одежды, поднимаемся на второй этаж. Порог гостиной я переступил в тот момент, когда низкорослый небритый лейтенант, выругавшись трехэтажным матом, занес ногу, покушаясь разбить трехметровой высоты трюмо в резной раме красного дерева. Находясь под впечатлением от увиденного на первом этаже разгрома и не думая о последствиях, я ударил лейтенанта в висок. Да так удачно, что тот сделал пол-оборота и, только коснувшись руками пола, выпрямился. Не вступая в драку, лейтенант поспешно удалился, теперь уже сопровождаемый нашими матами.

Разгром на втором этаже во много раз превосходил разгром первого. На полу лежали разбитые хрустальные люстры и бра, порванные писанные маслом картины с поломанными резными рамами. И еще многое, а вернее, все, что было в гостиной, было разгромлено. Разве что кроме спасенного нами, и думаю, что ненадолго, трюмо. Смотреть на это варварство было тяжело, но что больше всего меня поразило – это человеческие испражнения на картинах и других, бывших когда-то ценными, вещах. В другие комнаты мы не пошли.

Встретив на въезде в деревню свой полк, уже вместе со своим дивизионом двинулись на запад, чтобы стать там на огневые позиции. Наша пехота вошла в соприкосновение с противником. Впереди шел бой.

Сделаю небольшое отступление. Упорное сопротивление противника, начавшееся на этих рубежах уже после его поражения на Висле и такого поспешного бегства, много обсуждалось тогда как среди офицеров, так и солдат. Не могу отвечать за достоверность изложения событий, свидетелем которых я не был, но, по-видимому, события развивались так.

Наши войска на территории Германии проявили невиданное зверство по отношению к мирному населению, в большинстве своем сначала оставшемуся в своих городах и деревнях. Слухи о происходящем быстро распространялись. Тогда все население поголовно бросилось бежать на запад. Этому я сам был свидетелем. В занимаемых нами населенных пунктах люди стали

оставаться только в местностях западнее Берлина. Немецкая армия вынуждена была сопротивляться и задерживать наше продвижение, чтобы дать мирному населению уйти.

И вот пример. Город Шнайдемюль был окружен нашими соседями справа, но из-за упорного сопротивления не только армии, но и мирного населения несколько недель не мог быть взят. Рассказывали, что в городе вооружились и шли на защиту города даже женщины и дети, а когда наши солдаты врывались в город, то даже девушки, идя на верную смерть, бросались на них с ножами. Говорили, что события в Шнайдемюле вынудили Верховного подписать приказ о мародерстве.

За одиннадцать дней января дивизия прошла путь от Вислы до восточной границы Германии и 27 января пересекла границу у города Уж-Дойч. На территории Польши немцы почти не оказывали сопротивления, но на своей земле всеми силами пытались остановить наше наступление, используя для этого заранее подготовленные оборонительные сооружения и переходя в контратаки. Только 28 января они 11 раз переходили в контратаки южнее Шнайдемюле на подступах к реке Кюдов. Но порыв наших солдат был настолько велик, а немецкие части настолько деморализованы, что существенно задержать наше наступление им не удавалось. И, конечно, особо важную роль в успешном продвижении наших войск играли танковые соединения.

Заняв город Шлоппе, дивизия наступает на Бервальде. До Одера остается всего 15–20 километров. А 2 февраля дивизия снимается с огневых позиций и отходит на восток, в район города Вольденберг (ныне Dobiegniew).

Давно установилась теплая сухая погода. Снега уже нет. Дивизион движется самостоятельной колонной. Начальник штаба капитан Федько решает сократить путь, проехав более короткой проселочной дорогой по диагонали треугольника заданного маршрута движения. К счастью, только одной штабной машиной. Первые километры для нашего «Студебеккера» дорога была вполне проходима, но скоро мы поняли, в какую авантюру ввязались. Чем дальше ехали, тем хуже становилась дорога. И наконец машина завязла совсем. Танками, прошедшими во время оттаивания грунта, полотно дороги местами было разрушено почти на метр глубиной. Машина не могла двигаться ни вперед, ни назад. Населенных пунктов вблизи не было, как ни встречных, ни попутных машин. Спасло положение только то, что машина была оборудована лебедкой, а дорога с двух сторон обсажена деревьями. Восемнадцать километров машина плыла по грязи на буксире. Офицеры и солдаты, нас было 10 человек, промокшие и

грязные, вытягивали трос вперед, зачаливали его за тополь, шофер включал лебедку, и машина плыла на расстояние длины троса. Затем лебедка крутилась в обратную сторону, а мы по колено в грязи тянули тяжелый трос. Уже наступали вечерние сумерки. Хуже голода и усталости было то, что у меня давно уже слетела повязка с раны. Засохшими окровавленными кальсонами ногу натерло настолько, что кровь уже текла за голенище сапога. И нестерпимая боль. Сказать об этом Федько я не мог. Это секрет. О том, что у меня не зажила рана, никто, кроме старшего лейтенанта медслужбы Гусева, не знает. Могут отправить в медсанбат, а оттуда – в госпиталь. А это в мои планы не входило. Сказал о своем состоянии Гусеву, и тот посоветовал незаметно, чтобы не видел Федько, залезть в машину и укрыться под брезентом. Но Федько очень быстро заметил мое отсутствие и, обнаружив меня в кузове машины, поднял такой крик, что Гусеву пришлось выдать нашу тайну. К счастью, подключив потом начальника медслужбы полка, Гусеву удалось избавить меня от медсанбата. Дивизион уже отдыхал, когда мы ночью нашли его на месте запланированного привала в деревне.

От Вальденберга дивизион делает форсированный марш 50–60 километров на север. 61-я армия нацеливается на померанскую группировку немцев, угрожавшую ударом во фланг 1-му Белорусскому фронту. Направление наступления дивизии – Нойведель, Гламбек, Нёренберг. С хода вступаем в бой. Противник отступает, оказывая сопротивление. За неделю продвинулись на 40 километров, а затем продвижение прекратилось. На рубеже Цаттен, Нантиков, Габберт, ж/д Кройц, Вильдфорт, Гламбек немцы остановили дивизию, а затем, контратакуя, на отдельных участках стали вклиниваться в боевые порядки полков, угрожая окружением наших подразделений.

1-й дивизион развернул свои батареи на опушке соснового бора. Штаб расположился на мельнице, в конторе из двух комнат. Выполнив привязку батарей на местности, мы прошли в штаб, чтобы нанести обстановку на планшеты, но решили отложить камеральные работы минут на пятнадцать. Нас заинтересовала мельница.

Это было довольно большое по площади четырехэтажное здание, густо наполненное механизмами. Больше всего нас заинтересовали шкивы из натуральной кожи, проходившие через отверстия в перекрытиях. Самые большие и широкие были уже срезаны нашими солдатами на подошвы и подметки сапог. Те, что потоньше и поуже, тоже были срезаны, но валялись здесь же. И вообще все, что можно было сломать, включая и оборудование, было разгромлено.

Противник сделал артналет, но бил по площадям, и ни один снаряд не попал ни в мельницу, ни на батареи.

Часа в четыре дня батареи быстро снимаются. Через борт в машины летят ящики со штабными документами. Немцы обошли нас по флангам, и есть угроза окружения. Успеваем отступить, а на следующий день пехотные полки восстанавливают положение, и мы снова возвращаемся на мельницу. И только теперь писарь Галкин обнаруживает, что вчера он в спешке оставил ящик с документами, и теперь папки и порванные документы ветер носит по территории мельницы. Секретные документы немцам не потребовались. А начальник штаба гв. капитан Федько недели через две был снят с должности и убыл из полка.

Немцы, опасаясь окружения, оставляют без боя небольшой и очень красивый городок. Мы прошли по его улицам во втором эшелоне. Имущество населения и содержимое магазинов, как всегда, разбросано по улицам. Много разбитых витрин магазинов, но сами здания целы. Во всяком случае, я не видел ни одного разрушенного или сгоревшего дома. Боевые порядки полков дивизии расположились километрах в двадцати-двадцати пяти от города. А когда в город вошли тыловые подразделения, город загорелся. Да так горел, что через него проехать нельзя было. Очевидцы рассказывали, что выгорел полностью.

Пятнадцать дней идут непрерывные бои в районе городов Каллис, Реетц, Нойведель и Нёренберг. Противник яростно сопротивляется, переходя в контратаки. После взятия города Каллис дивизия переходит к обороне, а затем совершает марш в район города Штаргард. Дивизион занимает огневые позиции в районе Добберпуль, что в 20 километрах южнее Штаргарда. Продвинувшись на 8—10 километров, вышли к реке Фауле-Ина и 21 февраля перешли к обороне. Еще четыре для наступательных боев из района Шёнинг – Барнимскунов, что юго-западнее города, и 4 марта город Штаргард сдался.

Дивизия опять меняет направление наступления. Теперь идем строго на запад. 8 марта вышли к реке Плоне и, встретив мощную оборону противника, вынуждены перейти к обороне. Альтдамский плацдарм оставался последней территорией врага на восточном берегу Одера. Наши соседи справа вышли к Штеттинскому заливу (залив Одерхаф или Гроссес Хаф), а дивизии нашей 61-й армии – на Одер слева. Кроме сохранения самого плацдарма, немцам надо было – и это, очевидно, главное – переправить на западный берег войска.

Неделю идет подготовка к штурму последнего на восточном берегу Одера плацдарма противника. Наконец-то занялся своей

работой и взвод топоразведки. Погода стоит сухая, солнечная, летняя. Работать хорошо. Пришло время, когда и немцы стали экономить снаряды. А самолеты вообще стали редкими гостями. У нас готовится мощный ударный кулак. Артиллерийские и минометные батареи выстраиваются сплошной стеной. Подходят «катюши» и танки. Согласно «Истории Великой Отечественной войны», только орудий и минометов здесь было сосредоточено по 250 стволов на один километр.

14 марта начался штурм Альтдамского укрепленного района. После часовой артподготовки пехота атаковала оборону противника и заняла первую и вторую линии окопов. Наша дивизия наступала вдоль дороги Штаргард – Альтдам. Справа от противника нас отделял канал, по северному берегу которого на несколько сот метров тянулись кирпичные стены заводских корпусов. Через оконные проемы и пробитые в стенах амбразуры немцы вели по атакующей пехоте сильный фланговый пулеметный огонь. Кроме того, фаустпатронами они закрыли путь штурмовым отрядам, в которые входили танки и пушки полковой артиллерии. И все-таки, неся потери, наши батальоны медленно, но упорно продвигались вперед. Используя заводские здания, немцы сосредоточили автоматчиков и сделали попытку зайти в тыл нашей пехоте. Замысел их не удался: отбив каким-то образом атаку, батальон 29-го гв. сп выбил противника с заводской территории. Подошли свежие танковые подразделения, а батареям приказано было выдвинуть орудия на прямую наводку. Ликвидировав угрозу с правого фланга, штурмовые группы вновь начали продвигаться вперед и 18 марта заняли железнодорожное депо, водокачку и вокзал. Бои шли уже на улицах города.

Германия, 1945 г.

Уже после взятия Альтдама (ныне Dąbie) огневики нашей 2-й батареи, стоявшей в 50 метрах слева от дороги Штаргард – Штеттин, рассказали такой случай. Генерал, замкомандующего 9-м гвардейским корпусом, проезжая в направлении Альтдама, остановил машину у стоявшего на дороге танка с неисправным мотором и потребовал, чтобы танк немедленно шел в бой. Переговоры кончились тем, что генерал вытащил из кобуры пистолет и стал стрелять то ли по танку, то ли по танкистам. Экипаж танка не пострадал, а раненный в руку солдат, направлявшийся в медсанбат и присевший у танка отдохнуть, получил от своего генерала второе ранение. Отстрелявшись, генерал сел в машину и продолжил путь. Танкисты перевязали рану солдату, и он, довольный, что остался жив, отправился в тыл. На обратном пути генерал опять остановил машину у танка, но теперь экипаж был настороже. Двое из танкистов убежали на батарею, а один захлопнул за собой крышку переднего люка. Обойдя вокруг танка и постучав по броне рукояткой пистолета, генерал залез на танк и стал спускаться внутрь через башенный люк. Танкист, не желая встречаться с генералом, вылез через передний люк, закрыл его, а заодно и башенный люк и тоже

убежал на батарею, где спрятался в ровике. Генерал оказался в ловушке. Батарейцы, слыша, как генерал пытается проломить броню, хотели было выпустить пленника, но побоялись – может и застрелить. Освободил же генерала его шофер, который все это время держал машину в укрытии, метрах в ста от танка, под кронами деревьев.

Об этом генерале у нас много ходило историй, похожих на правду. Вот одна из них. Остановилась колонна танков. Проезжающий мимо генерал кричит: «Вперед, вперед!» – и выстрелом из пистолета убивает командира танка. Экипаж разворачивает башню и стреляет по удаляющейся машине, но генерал, вовремя заметив опасность, успевает из машины выскочить. Машина разбита, генерал остается живым.

Я дважды наблюдал этого генерала за подобным занятием, похожим скорее на бред. Первый раз – в районе Штаргарда: он с палкой в руке ходил по полю между наступающей пехотой и огневыми позициями батарей и всех попадавших ему под руку бил палкой и кричал «Вперед!», не разбирая, солдат это или офицер и какую задачу он выполняет. И второй раз – это было севернее Берлина. На мост через канал выстроилась длинная колонна машин, повозок, орудий и др. Солнце уже высоко. Жарко. Наш дивизион остановился в стороне, под деревьями. Генерал в седле мечется у переправы. Наводит порядок. Увязая по щиколотку в песке, к переправе подходит батальон пехоты. В шинелях. С пулеметами, винтовками и вещевыми мешками. Усталые и потные. Увидев подходящую пехоту, генерал бросается навстречу с криком: «Кто командир?» Из хвоста колонны выбегает офицер с погонами капитана. Такой же, как и солдаты, – в шинели с полами под ремень и потный. На ходу пытается отрапортовать, но генерал его не слушает. Кричит «Бегом, бегом!» и бьет капитана палкой между лопаток. Капитан тоже командует солдатам «Бегом!» и пытается бежать, но ни у него, ни у солдат бега не получается, ноги тонут в песке.

В офицерских кругах говорили, что генерал-майор, о котором идет речь, раньше командовал корпусом и имел звание генерал-лейтенанта, но он дважды своими неумелыми или преступными действиями уничтожал вверенные ему корпуса. За первый ему простили, а за второй понизили в звании и должности.

Прошло уже 45 лет, и теперь мы можем позволить себе обсуждать события тех дней, не опасаясь «соответствующих органов». Как-то при одной из встреч со своим сослуживцем, бывшим начальником связи нашего дивизиона гвардии капитаном Шило, вспоминая события тех дней, я довольно резко

высказался в адрес командования нашего корпуса и армии, допускавших такие дикие выходки генерала (его фамилию я сознательно не называю[8]). На что Шило заявил, что если обращать внимание на такие мелочи, то как же тогда смотреть на действия нашего Верховного командования, так планировавшего и так проводившего операции? И, увлекшись этой темой, мы наперебой стали перечислять ставшие теперь известными нам операции, в которых гибли целые армии.

Начало войны. 1941 год. Подставлены под обух все войска Западного и Киевского военных округов. Только в плен сдано 3,5–4 млн человек. В том числе 24 генерала. А сколько погибло – никто никогда не узнает.

Вяземский «котел». Окружено четыре армии. Сколько погибло и пленено – нигде до сих пор не сообщается.

Харьковская операция – окружение трех армий.

Окружение и уничтожение Юго-Западного фронта вместе с командующим фронтом генералом армии Кирпоносом.

Разгром трех армий в районе Керчи в Крыму.

Уничтожение 2-й ударной армии на Волховском фронте.

Сдача таллиннской группировки наших войск.

Уничтожение флота при отходе из Таллинна.

Уничтожение кораблей Черноморского флота при попытке Ворошилова взять Крым флотом.

Это только часть крупных войсковых операций, проведенных нашими командующими, уровень военных знаний которых не выше, чем у ефрейтора. А сколько было таких, как взятие Зайцевой горы, где за одну отметку 43,7 метра положили 48 тысяч человек. Или деревня Попково под Сухиничами, где от огня противника и на 35-градусном морозе погибли три полка нашей дивизии. Или бессмысленная гибель полностью укомплектованной, переброшенной с Дальнего Востока дивизии на подступах к двум деревням по 25 домов в каждой, в районе тех же Сухинич. Сколько таких, как принято их называть, неудавшихся, а точнее, просто глупо, без расчета, разведки и знания дела проведенных? И кто командовал нами? Сталин – недоучка-семинарист, Ворошилов – слесарь, Жуков – старшина (вахмистр) – кавалерист, Буденный – вахмистр-кавалерист. Мехлис – секретарь Сталина.

Это вершина. А что было в полках, дивизиях и армиях, можно судить по тому, что наш полк начал войну, имея в своем составе только одного офицера с высшим образованием. Это был командир учебной батареи капитан Матвеев, который скоро стал командиром полка, а затем начальником артиллерии дивизии. И в полку не стало ни одного академика. Больше того, офицеры со

средним военным образованием одни были назначены на высокие должности в другие части, другие выбыли по ранению или погибли, и почти весь офицерский состав был укомплектован молодежью, окончившей 3—6-месячные курсы, или назначенными на офицерские должности сержантами и солдатами, с присвоением им офицерских званий.

Первый раз я вошел в Альтдам, вернее, на НП командира дивизиона и командира батальона, они были в этот момент в одном месте, когда завод был еще в руках у противника. Пройти надо было в ста метрах от низкой, метров триста длиной, кирпичной стены завода. Из амбразур и окон все время велся пулеметный огонь. Как я пробрался невредимым – трудно представить. Помню, что было страшно, а точнее, очень страшно. Батальон, поддерживаемый нашим дивизионом, штурмовал вокзал. Наконец, во второй половине дня противник вокзал оставил, а к этому времени немцы были уже выбиты и с территории завода, и надо было подтягивать батареи. Командир дивизиона майор Грязнов приказал мне снять одну батарею с позиций и провести ее в город, заранее разведав маршрут движения. Батарея и штабная машина в город въехали благополучно. По обеим сторонам улицы стоят коробки разбитых домов. На одном из перекрестков надо свернуть направо, но там, метрах в пятидесяти от перекрестка, стоит уцелевшая стена главного фасада четырехэтажного дома, и видно, как она качается. Сначала думали проехать под ней, но кто-то засомневался, и решили повернуть на следующем перекрестке. Не отъехали и ста метров, как стена рухнула на проезжую улицу. Протяженность дома была такая, что хватило бы накрыть всю батарею.

Через три дня город был полностью в наших руках. Наш НП расположился на западной окраине, в мансарде двухэтажного дома. В стереотрубу хорошо были видны рукава дельты Одера, взорванные мосты от Альтдама на Штеттин и сам город, вернее, юго-восточная его окраина. Противник вел себя спокойно. Мы тоже берегли снаряды. Я один ходил от НП в штаб и обратно. Ходил по улицам, смотрел на разрушенные дома, на разбитые магазины и размышлял, для чего и кому это было надо – разрушить столько городов и деревень? Кому надо было причинить столько страданий народу в войне, да и потом, в будущем, при восстановлении разрушенного. А еще я долго не мог избавиться от очень тяжелого переживания от события, произошедшего здесь, в Альтдаме.

Однажды я часа на два задержался в городе. Капитан Федько

уже думал, что я где-то попал под мину или снаряд, и по возвращении ради порядка сильно поругал меня. Пехота в тот день заняла оборону по берегу восточной протоки Одера. Майор Грязнов оставался в центре города, в штабе дивизиона, а помощнику командира взвода разведки ст. сержанту Митягову было приказано оборудовать наблюдательный пункт на западной окраине. Кроме Митягова и меня, в группе было два разведчика: сержант Елкин и один солдат-связист. Тянули проводную связь. Шли не торопясь. Рассматривали дома. Заходили в разбитые и целые, но пустые магазины. В одном таком совершенно пустом помещении, вроде магазина, у задней стены на скамейке лежал мужчина в гражданской одежде. Наверное, спал. Все случилось внезапно. Впереди всех оказался командир отделения связи сержант Елкин с автоматом в руках. Он никогда с ним не расставался, и тот всегда был снят у него с предохранителя. Никто из нас даже слова сказать не успел, как Елкин прошил лежащего автоматной очередью…

В городе противник оставил нам очень много трофеев. Некоторые из них наводят на размышления. Тогда тоже было много разговоров о трофеях, и цифры назывались самые разные, но вот данные архива МО СССР (ф. 418 от 10709 д. 94. пл. 148, 153): «В боях за город было убито и ранено около 1500 немецких солдат и офицеров, 246 взято в плен. На заводах и в ремонтных мастерских находилось много бронетанковой техники, которую противник не успел переправить за Одер. Части дивизии захватили 21 исправный и 336 неисправных танков, 53 бронетранспортера, 30 исправных и 53 неисправных бронеавтомашины, 84 орудия, склады с боеприпасами и фуражом. В районе станции гвардейцы обнаружили несколько наших танков КВ и около 4500 пулеметов «максим», 4800 противотанковых ружей Дегтярева».

Дивизия перешла к обороне по берегу Одера. Наш дивизион стоял в городе. Немцы не ближе трех километров. Живем относительно мирно, приводим себя в порядок. Даже расписание по повышению боевой и политической подготовке имеется. Провели партийное собрание. Выбрали секретаря партийной организации. Наш парторг погиб как раз на том мосту у завода, где я прошел благополучно. Это уже второй парторг за полгода.

Но недолго отдыхали солдаты. Да и отдыхом это можно назвать с большой натяжкой. Вскоре началась подготовка к форсированию Одера. В первых числах апреля провели дивизионные учения с боевыми стрельбами. В подразделениях (это в артиллерии) в строю в это время было менее 50 % списочного состава. Караульную службу несли даже младшие

командиры. Такое же положение было только в 1941–1942 годах. Командование, видимо, берегло кадры для будущих войн. Молодежь 1926 года рождения воевала уже с 1943 года, а 1927 года рождения так на фронт и не пришла. Пополнение шло только за счет выздоровевших раненых. Были случаи, когда пополнение дивизиям давалось отзывом какого-то количества солдат из других, менее обескровленных дивизий. Под Ригой и у меня из отделения забрали в другую часть ефрейтора Стрельникова. Был он страшный трус и филон. Два года он отслужил и три года отвоевал в нашем дивизионе, и я думал, что он обидится на меня. Но Стрельников позже прислал письмо, что на новом месте он попал в штаб полка, и благодарил меня за протекцию.

От Одера до Эльбы

Быстро пролетели две недели обороны. Команда – готовиться к маршу. Двигаемся на юг не спеша, ночами, с остановками в лесах или в опустевших деревнях. И все равно на машинах мы за два часа проезжали путь, равный суточному переходу пехоты и наших хозяйственных взводов.

Стоит теплая солнечная погода. Дивизион остановился на опушке соснового леса. Северо-западнее находится наш аэродром. Слышим, как взлетают и приземляются самолеты. Самолеты летят в сторону Одера, мы их не видим, скрывает лес. Но вот, слышим по звуку, что поднимается транспортный самолет. Через одну-две минуты раздаются два пушечных выстрела, и самолет, еще не набрав высоты, пошел на снижение и чуть севернее нас, километрах в двух-трех врезался в землю. Раздался взрыв. На место аварии капитан Федько посылает на мотоцикле автомеханика ст. сержанта Уткина и сержанта Саранина. Через час Уткин вернулся и доложил, что разбился наш транспортный самолет «Дуглас» с восемнадцатью девушками на борту. Что туда уже прибыла спасательная команда с аэродрома, но спасать уже было некого. Все восемнадцать беременных девушек-военнослужащих, отправляемых домой, и два летчика погибли. Самолет был сбит зенитной батареей охраны аэродрома. Уткин и Саранин нарисовали страшную картину, которую они увидели на месте аварии: несколько девушек лежали мертвыми с преждевременно родившимися и тоже мертвыми младенцами. Несколько дней, пока не начались бои на Одере, эта тема обсуждалась среди солдат. Как могло случиться, что своя батарея обстреляла только что взлетевший с ими же охраняемого аэродрома самолет? И большинство сходилось на том, что это было надо кому-то из офицеров или генералов.

Несколько слов о работе хозяйственного отделения управления дивизиона, обязанностью которого в первую очередь было снабжение личного состава питанием и обмундированием. Я уже писал, что осенью 1941 года мы были на самообеспечении. С 1942 года положение изменилось. Нас обеспечивали продовольствием по нормам. Это резко меняло продовольственную ситуацию в подразделениях. Количественная норма, вероятно, была достаточной, что нельзя сказать о качественной. Очень мало выдавалось жиров и мяса. Кроме того, месяцами не менялся ассортимент крупы. Кормили нас в основном супом и кашей. И суп и каша готовились из одной и той же крупы. Например, зимой 1942/43 года в течение шести

месяцев кормили супом и кашей из ячневой крупы. Насколько были сыты солдаты, можно судить по тому, что дневную пайку хлеба, которая выдавалась утром во время наступательных боев, солдаты съедали сразу. Говорили – нельзя оставлять, жалко будет, если убьют и хлеб останется.

На территории Германии положение с питанием резко изменилось. Немецкое население уходило на запад. Что-то они увозили и уносили, но скот и птица оставались на подворьях. На улицах и во дворах лежали убитые из озорства или только чтобы взять одну печенку коровы и свиньи. Солдаты старших возрастов, понимающие кое-что в кулинарии, убивали кур и молочных поросят. Тут же, во дворе, растапливали печь кормовой кухни, кипятили воду и разделывали птицу. Старшины и повара шли по более легкому пути. Они убивали свиней. Проще в обработке и меньше времени на варку. Дело дошло до того, что суп в котелке состоял наполовину из свиного жира, а вторая половина – из свиного сала кусками. Естественно, что очень скоро солдаты не только есть, но и смотреть на такую пищу не могли. Стали отказываться получать обед и в принесенные с кухни термосы. Командование пыталось заставлять солдат получать пищу в приказном порядке. Командиры взводов обязаны были обеспечить получение пищи их подчиненными. Обеспечили, но полученный суп солдаты, отходя, из термоса выливали.

Питались же мы в основном колбасой, окороками и другими копченостями, снятыми с вешал коптильных камер на чердаках домов, а также вареньем, маринованными грибами и другими консервами из брошенных погребов. А также курами и поросятами – но это гурманы. Я был свидетелем того, как сержант Елкин, москвич, чуть было не погиб при добывании молочного поросенка. В хлеве, в загородке, видимо, чувствуя наш приход, или голодная, очень беспокойно вела себя огромных размеров свинья с маленькими поросятами. Петька Елкин, увидев деликатес, не раздумывая, бросился через загородку за поросенком и чудом спасся от бдительной мамы. Видя, что свинья так просто поросенка не отдаст, а лишать потомство матери он пожалел, Елкин нашел навозные вилы и ими выбросил поросенка за перегородку. Подняв за задние ноги, он выстрелил ему в голову. И в это время прозвучала команда «По машинам!». Непотрошеный и непаленый поросенок был спрятан в машине и на следующем привале выброшен – поросенок протух.

Передислокация войск всегда держалась в «большой тайне», и, как правило, офицеры и солдаты задолго до прибытия на место узнавали, куда перебрасывают дивизию. Вот и теперь, не успели выехать из Альтдама, как прошел слух, что нас перебрасывают в

район Франкфурта. Но на этот раз версия не подтвердилась. Пройдя километров семьдесят в южном направлении, повернули строго на запад, по направлению на город Эберсвальде.

К Одеру подошли ночью. Дивизия встала на позиции сменяемой нами другой дивизии. Батареи готовили новые огневые позиции, а управление дивизиона заняло оборудованные предшественниками наблюдательные пункты. НП командира дивизиона и командира 2-й батареи находился на гребне небольшой возвышенности, полого спускавшейся к реке и к огневым позициям. Слева река круто огибала наш левый фланг. Перед нами и далеко вправо было видно прямое русло Одера.

На западном берегу, прямо перед нами, была видна сильно разрушенная деревня Альткюстринхен, вытянувшаяся улицей вдоль берега реки. Правее деревни был виден мост через реку, упирающийся своим западным концом в ее северную окраину, а слева от деревни до старицы Одера простирался луг. Сама старица, уходящая от нашего левого фланга на северо-запад под углом 45 градусов, с наблюдательного пункта не просматривалась.

Первые сутки взвод был занят привязкой боевых порядков дивизиона и подготовкой данных для стрельбы по площадям и заградительным огням, а затем мы перешли на наблюдательный пункт командира дивизии и приступили к изучению переднего края обороны противника. Погода стояла летняя, теплая, солнечная. Наблюдательный пункт был построен не на склоне высоты, обращенной в сторону противника, как полагалось по науке, а на самой вершине. Таким образом, он должен был просматриваться со стороны противника, проектируясь на линии горизонта своей возвышающейся частью, но зато его тыловая часть была скрыта от его наблюдателей, что нас и устраивало.

Артиллерийско-минометный огонь противник вел редко, да и то только по переднему краю. Самолеты тоже нас не беспокоили, и мы позволяли себе устраивать отдых под весенним солнцем. Двое наблюдателей постоянно, не отрываясь, находились у стереотрубы, а остальные: командир батареи (командир дивизиона обычно находился в штабе), разведчики и связисты – лежали на лужайке у хода сообщения. Даже дежурный связист с телефонным аппаратом выбирался из укрытия на солнце. Переселилась с огневой на наблюдательный пункт и санинструктор батареи Оля. Никогда не унывающая, всегда с улыбкой на лице, она сразу изменила климат в нашей мужской среде. Вместо грубостей появились смех и шутки. Надо заметить, что Оле приходилось выслушивать очень много довольно оскорбительного, но она, со своим характером, все превращала в

шутку, и все кончалось миром. Вот и теперь разговоры довольно быстро перешли на тему девственности Оли.

Я уже касался этого вопроса. Все, кто служил рядом с Олей, знали, что она всегда вела себя на равных среди мужчин. Одни за эту непринужденную манеру в разговорах и поведении считали ее развращенной девушкой, другие же, имеющие больший жизненный опыт, наоборот, ценили ее, как исключение среди других фронтовых девушек.

Вот и здесь опять кто-то перевел разговор на ту же тему, спросив, скольких из своих сослуживцев по пути, пройденному от Полесья до Одера, Оля удовлетворила. Ничуть не смутившись, она сказала: «Зачем вы об этом спрашиваете меня? Вы здесь элита батареи – разведчики и офицеры. Кто-то из вас должен был бы быть у меня первым. Так скажите сами, кто из вас мною обладал?» Все молчали в ожидании, что кто-то признается, что он был счастливчиком.

– Что, нет таких? Так вот, я вам сейчас докажу, что я девственница!

– Оля, как ты будешь доказывать? Нас здесь восемь человек, – сказал командир батареи капитан Бондарев.

– Ну зачем же я буду всем вам доказывать? Я думаю, что вы только мне не доверяете. Себе-то вы сами, мужики, можете поверить? Доверяете вы своему командиру? Нет возражений? Вот и хорошо. Пойдем, командир, в землянку.

Двадцатидвухлетний капитан, никогда не замечавшийся в донжуанстве, медленно поднялся, приказал дежурному связисту оставить свой пост в ходе сообщения у наблюдательного пункта и зашел в землянку вслед за Олей. Оттуда вылетели улыбающиеся наблюдатели. Наступила неловкая тишина. Чувствовалось, что каждый внутренне переживал из-за случившегося, что он не остановил постыдный разговор. Только один, самый старый из нас, сорокалетний разведчик батареи ефрейтор Сидоров укоризненно проговорил:

– Как все нехорошо получилось. Ребята, ну зачем же так? – И замолчал.

В это время плащ-палатка, закрывающая вход в НП, приподнялась и оттуда вышел смущенный, с вытянувшимся лицом и опущенными глазами капитан и за ним, с улыбкой до ушей, – Оля.

– Да, ребята, мы посрамлены, – сказал капитан. – Кто бы мог подумать!

– Каждый думает о других, сравнивая их с собой, в меру своей испорченности!

– Извини нас, Оленька, за нашу глупость, – сказал Сидоров. –

Ты всем нам преподала большой урок.

Увлекшись деликатным разговором, не заметили, как совсем рядом оказался командир дивизиона майор Грязнов со своим ординарцем. Разговор закончился, и все заняли свои места.

Майор, поздоровавшись, пригласил командира батареи, и. о. начальника разведки ст. сержанта Митягова и меня зайти к нему и сам направился к наблюдательному пункту. В ходе сообщения Митягов, придержав меня, чтобы отстать от Грязнова и Бондаренко, сказал: «Какая девушка, какая решительность! Видно, она больше не могла терпеть это круглосуточное зубоскальство. А Бондарев, вместо того чтобы пресечь издевательство над своей подчиненной, пошел на такое…» Подошли к НП, разговор прервался, и больше к этой теме не возвращались.

Через несколько дней, на второй день после форсирования Одера, Сергей Митягов был назначен адъютантом командира полка полковника Авралёва вместо погибшего в первую ночь за Одером мл. лейтенанта Андреева, и мы с ним встретились только в Зондерхаузене, в Тюрингии. И никто из нас, свидетелей отчаянного поступка Оли, не мог представить, что жить ей отпущено всего пятнадцать дней.

Последний день серьезных боев. Немцы удерживают г. Нойруппин. В наших руках г. Альтруппин. Между городами два озера, соединенных двумя параллельными каналами. Наступает вечер. Идет бой. Наша пехота переправилась через второй канал. Немцы, оставив арьергард, покидают город. Получаем приказ сниматься и двигаться вперед. 2-я батарея уже на колесах. Пушки на форкопах, расчеты в кузовах машин. Разрыв последнего в этот день и последнего в этой войне на участке наступления нашего полка снаряда, осколок в голову – и Оля убита. Задерживаться нам было нельзя. Тут же, на огневой позиции, еще не остывший труп положили в ровике, накрыли шинелью и засыпали землей. Батарея двинулась на переправу – дальше преследовать отступающего противника.

Просмотрев журнал наблюдений, майор остался крайне недоволен результатом нашей работы и был прав, так же как были правы и наблюдатели. Виноваты были немцы, хорошо окопавшиеся по западному берегу реки и не желавшие себя демаскировать. Майор сообщил, что ночью будет попытка внезапным броском небольшой группы разведчиков захватить плацдарм на западном берегу. Для того чтобы при необходимости (а плацдарм планировалось взять внезапно, без артподготовки) оказать огневую поддержку, необходимо выдвинуть наблюдательный пункт к самому берегу реки, а мне, правее него,

организовать пункт сопряженного наблюдения. Старшему сержанту Заборскому было приказано протянуть на новые НП связь.

Ночь прошла в работе. Окапывались, маскировались. Устанавливали стереотрубы и брали отсчеты, чтобы привязать новые пункты к местности. К утру все было готово. Но противник, как и мы, молчал, только частые осветительные ракеты с западного берега освещали наш передний край.

Солнце было еще за горизонтом, но уже заметно светало, когда сильный автоматный огонь на стороне противника поднял нас, уже устраивавшихся вздремнуть, на ноги. Небо без единого облачка. В окуляры стереотрубы уже был четко виден западный берег реки и окопы. Там шел бой. Через некоторое время на бруствере окопа появились два человека. Первый свалился с бруствера и как-то боком бросился с берега к воде. А второй взмахнул автоматом, как бы для удара прикладом, и свалился, видимо, сраженный пулей. От берега отвалила лодка. Противник открыл по ней бешеный автоматный огонь. Загукали наши ротные минометы, зашипели снаряды нашей баратеи. Вдоль окопов стали хорошо видны разрывы мин и снарядов.

Лодка приближалась к нашему берегу. До берега оставалось несколько десятков метров (ширина Одера в этом месте 350 метров), как вдруг весла замерли, и солдат свалился на дно лодки. Течением лодку стало сносить на север, но солдат в ней был жив. Он усиленно греб рукой. Лодка, далеко отнесенная течением, уткнулась в наш берег. К ней сразу же бросилось несколько солдат, и раненого унесли в укрытие.

В тот же день от офицеров пехотного полка мы узнали, что в операции участвовало около 20 разведчиков и все они, кроме одного, погибли. Операция была рассчитана на внезапность. Да и плавсредств у нас не было. С трудом нашли четыре лодки. Если бы плацдарм занимали батальоны, очевидно, что, как и на Днепре, переправлялись бы опять на плащ-палатках и просто вплавь. Тогда из-за отсутствия плавсредств утонуло солдат и офицеров больше, чем погибло от пуль и снарядов. Редко кто мог в обмундировании и с винтовкой или автоматом переплыть широченную реку с быстрым течением, да еще и в холодной воде (в октябре).

Первые 3–4 часа после неудачной попытки захватить малыми силами плацдарм на западном берегу Одера все оставалось по-прежнему спокойно. Шла вялая пулеметная перестрелка да редкие разрывы мин небольшой мощности. На передний край солдаты принесли термосы-ранцы с кашей. Солдаты позавтракали, и каждый, кроме несущих службу, по-своему

отдыхал.

Но затишье длилось недолго. Левый берег ожил, как бы проснулся. Заговорили немецкие пушки и минометы. Разрывы мин на переднем крае вдоль наших окопов слились в сплошной гул. Над нами засвистели снаряды, пролетающие в район огневых позиций нашей артиллерии. Дым разрывов закрыл от нас зону наблюдения, западный берег и даже водное пространство реки. Пользуясь отсутствием видимости, я решил покинуть передовой пункт сопряженного наблюдения, оставив у стереотрубы двух разведчиков, и перейти на НП командира дивизиона, чтобы нанести на планшет те немногие цели, что успел засечь.

Метров триста прошел без приключений. Огонь велся по площадям и целям по ранее заданным данным. Близких разрывов не было. Оставалось преодолеть около ста метров открытой, просматриваемой с левого берега местности, как вдруг справа, метрах в ста-ста пятидесяти, разорвался снаряд. Если целью являюсь я, то недолет. Пустился бегом. Снаряд прошипел надо мной. Разрыв далековато – метров двести. Прикидываю: ложиться или продолжать бежать? Если целью являюсь я, то меня взяли в вилку. Мозг работает быстро. Если стреляют по мне, то сейчас вилка будет споловинена и следующий разрыв будет с перелетом метров на 20. Учитывая, что если это будет перелет и осколки в большинстве своем уйдут вперед, то я окажусь в безопасной зоне и можно еще бежать. Хуже, если от пристрелки перейдут к беглому огню батареей. Решаюсь бежать до следующего разрыва. НП совсем уже рядом. На всякий случай приглядел впереди борозду. Следующий разрыв был где-то впереди слева. Упал сразу. Как-то машинально. Еще успел подумать: на этот раз пронесло. Но что будет, если начнется беглый огонь? И тупой удар по голове. Что-то дзинькнуло – и тишина.

Очнулся. Из-под пилотки по левой щеке и на глаз течет липкая кровь. Пытаюсь подняться. Как только оперся на руки – земля сильно наклонилась вперед, а затем стала медленно вращаться. Ложусь. Вращение земли остановилось. Приподняв голову, смотрю вперед. Наблюдательный пункт рядом, и в мою сторону кто-то ползет. Голос старшего сержанта Митягова: «Ты живой?» Отзываюсь. Сергей осматривает рану. Говорит, что жив буду. Что осколок был, видимо, не прямой, а падающий. Пробита пилотка и разбиты мягкие ткани. Дырки в черепе не видно.

– Да, если бы она была, ты бы со мной сейчас не разговаривал. А то, что под тобой вертится земля, – признак того, что ты получил сотрясение мозга.

– Сделал открытие! Это у меня уже третье… – парировал я.

Это значит, что опять целый месяц я не смогу кланяться

снарядам и пулям. После каждого сотрясения земля перестает вращаться при каждом резком движении не раньше чем через месяц.

На рану была кое-как наложена повязка из индивидуального пакета и прижата пилоткой, и мы на брюхе двинулись вперед. Нельзя было демаскировать НП. На НП меня уложили на шинели. Через несколько минут прибежал старший военфельдшер дивизиона ст. лейтенант медслужбы Гусев, который, осмотрев рану, заявил, что страшного ничего нет, но меня надо отправить в медсанбат, чтобы хирурги обработали рану – удалили разбитые ткани. И там они решат, отправлять меня в госпиталь или лечить в медсанбате. Моя просьба оставить меня в дивизионе была Гусевым отклонена. Поскольку было сотрясение мозга, необходимо минимум две недели постельного режима. В медсанбате Гусев, который меня сопровождал, договорился, чтобы меня в госпиталь не отправляли. А меня попросил, чтобы я, раз уж предоставляется возможность, подлечил и рану правого бедра. Мне она очень мешала, так как все время кровоточила и болела, а Гусеву надоело тайком от командира делать перевязки. Рана была в таком месте, что при ходьбе повязка держалась не более часа.

В медсанбате было пусто. Уже около месяца дивизия не вела наступательных боев, стояла в обороне или совершала марши. Все раненые были отправлены в госпитали или выписаны после необходимого лечения в свои полки. Поэтому ждать очереди, как это было в Латвии, не пришлось. Волосы выстригли, рану обработали. Лишнее вырезали ножницами и наложили несколько швов.

Палата большая, чистая, в каком-то общественном здании небольшого городка. Режим лежачий. Под койку поставили два прибора индивидуального пользования. Я пошутил: «Как же я ими буду пользоваться, если не разрешено подниматься?» На что очень хорошенькая девушка лет двадцати, доставившая мне судно и «утку», ничуть не смутившись, ответила: «Зовите меня, я помогу. Мой пост за дверью». И тут застеснялся я.

Ни днем ни ночью меня не покидала мысль: как это я, молодой, здоровый солдат (ранение я считал несерьезным), могу в присутствии такого «ангела» справлять свои естественные потребности? Решил обмануть врача и сестру. До наступления ночи терпел. А когда увидел, что сестра куда-то удалилась с подружкой, которая к ней зашла, осторожно, без резких движений, поднялся. Голова болела, но обморока нет – значит, можно поискать туалет. Он находился совсем рядом, в коридоре, но на двери была приколота табличка, предупреждавшая, что

ввиду отсутствия воды туалет не работает. Нашел я во дворе временный, хорошо знакомый, построенный нашими специалистами из подручных материалов. Все шло хорошо, но когда стал подниматься (сесть-то, как и во всех наших туалетах, нельзя, можно только присесть), тут у меня земля из-под ног и уехала. Чтобы не плюхнуться на очко, успел завалиться на стену. И в это время передо мной распахнулась дверь и возник мужчина в белом халате.

Меня привели в палату. А утром начались разборки: кто разрешил? Если без разрешения, то где была дежурная сестра? Мне в данной ситуации ничто не грозило, но я не мог себе простить, что подвел сестру. И с этой минуты все мысли были направлены на то, как уйти из медсанбата. Но оказалось, что это было не так уж и сложно. Ежедневное нытье отпустить в полк, уверяя, что у меня ничего не болит, привело к тому, что врач не выдержал, дал слово, что, как только снимет шов, отпустит. И слово сдержал. Через неделю я получил свое обмундирование и на попутной машине прибыл в расположение полка. А уже утром следующего дня приступил к выполнению своих должностных обязанностей. Наклейка, сделанная вместо повязки, не мешала, но зато сотрясение, как я и предполагал, больше месяца причиняло много серьезных неудобств. Нельзя было резко поворачивать голову, бежать, резко ложиться, садиться, вставать. Все надо было делать очень медленно, очень осторожно, как в замедленной съемке. Малейшая поспешность приводила к обморочному состоянию. Режим совсем не подходящий для передовой.

Шли последние часы подготовки к форсированию Одера. Теперь готовились основательно. Транспортники, доставлявшие на огневые позиции снаряды, рассказывали, что к линии фронта подвозят катера и понтоны, подходят танки и «катюши».

Форсирование Одера и занятие плацдарма теперь уже левее деревни Альткюстринхен должен был проводить 28-й гв. сп, поддерживаемый артиллерийским огнем нашего 1-го дивизиона. Командир дивизиона майор Грязнов приказал командиру 1-й батареи старшему лейтенанту Трубову одновременно с батальоном пехоты, форсирующим реку в первом эшелоне, переправиться с одной пушкой на левый берег реки и обеспечить поддержку пехоты артиллерийским огнем. Тот соответственно вызвал к себе командира орудия старшего сержанта Ярового и приказал с наступлением темноты связать в заводи плот, по сигналу атаки погрузить на него пушку с минимумом снарядов и высадиться на левый берег.

Обычный приказ, и не было бы надобности на нем

останавливаться, но произошло необычное. Яровой испугался. Он понял, что выполнение приказа – переправиться через реку на плоту с пушкой, на укрепленную оборону противника – приведет к его неминуемой гибели, и стал просить ст. лейтенанта отменить приказ. А когда тот закричал, что это не его приказ, а приказ командира полка, Яровой стал просить, чтобы послали другое орудие. Старшему лейтенанту пришлось напомнить, что положено на фронте за невыполнение приказа, и Яровой ушел на батарею со слезами на глазах.

Весна в полном разгаре. Трава и деревья давно уже зеленые. Погода стоит теплая и солнечная. Все мы уже чувствуем конец войны. Тяжелой четырехлетней войны. Сколько пройдено, но еще больше пришлось проползти. Хорошо еще, если это посуху, но такое было редко, чаще – по грязи, болотам, а зимой – зарываясь в снегу. Нормальному человеку невозможно поверить, да и сам я теперь, после стольких лет мирной жизни в теплой квартире, начинаю сомневаться в возможности человека, плохо одетого, голодного, иногда по трое суток без сна, под непрерывными обстрелами и бомбежками, выжить и сохранить человеческое достоинство.

Конец войне. Оставалось пройти каких-нибудь 50–60 километров до Берлина. Кажется, теперь каждый должен был всеми силами стремиться сохранить свою жизнь. Да и трудностей физических больших уже нет. Тепло. Иногда даже удается спать на немецких перинах. И голода нет. В каждом дворе оставлены бесхозными коровы, свиньи, овцы и куры. В погребах и коптильнях на чердаках – окорока и колбасы. Единственное, что вызывает недовольство, – это наша русская лень. Старшины и повара, чтобы не утруждать себя работой, заколют поросенка и, почти не разделывая, в котел. Получает солдат суп, а там половина котелка – жир. И он его не только есть – он на него смотреть не может. Содержимое котелка выливается в канаву, а солдат идет шарить по погребам и чердакам. А то убивают корову, берут печень, а тушу оставляют гнить. Это в то время, когда у нас дома люди умирали голодной смертью. Это я уже о бесхозяйственности нашего командования и партийно-хозяйственного руководства страны. Немцы о своем народе не забывали. У них вслед за передовыми частями шли трофейные команды и эшелонами все, что можно, везли в Германию. А у нас на всем нашем пути по территории Германии, когда население уходило на запад, бродили оставленные коровы и свиньи. А сколько их лежало гниющих, с распоротыми животами!.. А сколько втоптали в грязь одежды, постельного белья!.. Сломали и

сожгли мебели, разбили посуды. Сколько сожгли уже занятых целыми, без разрушений, деревень и городов. Не счесть.

Почему я коснулся поведения ст. сержанта Ярового? Да только потому, что это был единичный, из ряда вон выходящий случай. Такого мы за всю войну не только не видели, но и не слышали о подобном. Наоборот, у всех, и у солдат и у офицеров, было желание сделать что-то большое, серьезное, приближающее победу.

Нельзя судить поголовно обо всех, но так воевали все те, кто был рядом со мной, а таких людей прошло немало. Состав солдат менялся чуть ли не ежемесячно. Например, состав нашего взвода топоразведки дивизиона за четыре года сменился пять раз. Одних похоронили. Других отправили в госпиталь залечивать раны, чтобы после выздоровления пополнить ряды других дивизий. И не было случая, чтобы кто-нибудь попытался уклониться от выполнения особо опасного задания, иногда не оставляющего шанса остаться живым. Даже ефрейтор Стрельников (я о нем писал), исключительный трус, никогда не попросил, чтобы его заменили. Он кусал до крови губы, глаза вылезали из орбит, но шел выполнять задание.

А сколько офицеров с полученными ранами, иногда серьезными, оставалось в строю! Очень часто можно было видеть офицеров с повязками на голове или перевязанными руками. Даже шутка такая ходила: «Подумаешь, ранение в голову. Головой не стрелять». Ранение в голову считалось несерьезным, и с таким ранением очень часто оставались в строю. А что происходило с заболевшими? Например, наш командир дивизиона майор Грязнов от Одера до Эльбы прошел на костылях. Или солдат нашего взвода Мягких, больной туберкулезом в открытой форме, был госпитализирован только после того, как не смог ходить. И умер через неделю после госпитализации. Теперешнему поколению трудно поверить, что с нами рядом воевали люди с одним глазом. Солдаты, не генералы. С одним глазом был и наш командир дивизии полковник Мальков.

Психология людей меняется. Я говорю – трудно поверить. В этом я убедился совсем недавно. В больничной палате зашел разговор о фронтовом быте. Я рассказывал, как солдаты четыре года зимой и летом жили в окопах, а раненые, не долечившись, торопились быстрее выписаться или даже убегали из госпиталей в свои части на фронт. И тут же был осмеян соседями. А мужик 1925 года рождения (возраст, который два полных года воевал, но этот на фронте не был) заявил, что таких людей не было и нет, а если такое случалось, то только с сумасшедшими. Так что, выходит, что в тогдашнее наше время не все поголовно были

патриотами. За три недели пребывания в больнице мне так и не удалось узнать у «патриота», как ему удалось избежать фронта, и его профессию. Но судя по тому, что ему по наследству от отца досталась квартира из четырех комнат площадью 137 кв. м (он был один сын в семье), то, видимо, отец его занимал значительное положение в обществе. А в эти же годы миллионы простых людей, дети, да и взрослые тоже, 40—50-летние мужчины, за всю свою жизнь никогда не бывавшие сытыми, не износившие ни одного костюма и ботинок, отдавали свои жизни самому бесчеловечному, как мы теперь видим, за все время существования человечества строю. Вопрос сложный. Я думаю, здесь еще придется поломать копья философам, психологам и политологам.

Последний день перед наступлением. Батальоны сосредоточены в укрытиях в непосредственной близости от берега. Ждут наступления ночи, чтобы поднести плоты и лодки к воде. Артиллерия на закрытых позициях готова по первому сигналу открыть огонь по целям в обороне противника. У Ярового все готово, чтобы погрузить пушку и боекомплект на плот.

Сгущаются вечерние сумерки. Как всегда перед бурей наступает тишина, так и перед наступлением всегда чувствуется покой, как будто готовящиеся к схватке отдыхают, набираются сил. Немцы редкими ракетами освещают водную гладь реки. Наши пулеметы молчат. Да они почти всегда ночью молчат, экономят патроны, не в пример немцам, которые все ночи ведут пулеметный огонь. Но и у них теперь, видимо, положение с боеприпасами изменилось.

Мимо наблюдательного пункта проходят к переднему краю роты пехоты. В колоннах не слышно ни звука. Что они сейчас думают? Впереди 350 метров воды и шквал огня. Кто из них преодолеет этот ад? Потом еще надо взобраться на почти отвесную кручу берега, по которому окопы в полный профиль, а в них пулеметы и автоматы противника. Кому из них выпадет счастливый жребий остаться в живых?

Мы, выставив у входа на НП часового, устраиваемся отдыхать. Нештатные ординарцы командира дивизиона и командира батареи приготовили в помещении наблюдательного пункта постели на земляных нарах. Там же остался дежурный телефонист, только перешел теперь с нар на пол у входа. Мы расположились за бруствером хода сообщения, подстелив свои плащ-палатки и укрывшись ими же. «Нештатные ординарцы». Да, по штатному расписанию командирам рот, батарей, батальонов и дивизионов ординарцев, как и адъютантов, не полагалось. Но все

они, на протяжении всей войны, имели и ординарцев, и личных поваров. Брали их из взводов. Например, ординарец и повар командира дивизиона числились в штате взвода топоразведки вычислителями. Их должностные обязанности выполняли другие, соответственно, и нагрузка увеличивалась. А учитывая убыль личного состава по ранению и убитыми, недокомплект взвода составлял в лучшем случае 50 %. Из 12 человек по штату редко у нас было 6 человек, в основном по 3–4. Вот каждый и выполнял работу за троих.

Разбудили нас на рассвете. Солнце было еще за горизонтом, но небо на востоке уже заметно посветлело. У НП стояли с термосами повар управления дивизиона Трунов и ездовой хозотделения батареи, а в траншее хода сообщения, втянув голову в плечи и виновато улыбаясь, – старшина управления дивизиона ст. сержант Степан Защепин.

Защепин был 1916 года рождения, еще не старик, без военной подготовки артиллериста, прибыл в дивизион из запаса, еще в начале войны, в районе Смоленска. Зачислили его в наш взвод топоразведки и забрали в штаб дивизиона поваром командира. Человек он был на редкость услужливый, а в характере у него было что-то женское, даже голос был высокий, женский, и растительность на лице отсутствовала. Около года Защепин кормил командира дивизиона, и, видимо, неплохо, потому что, когда неожиданно исчез прежний старшина-сверхсрочник – отъявленный вор, старшиной с присвоением звания «мл. сержант» был назначен красноармеец Защепин. От других Защепина отличала одна заметная черта – трусость. Трудно сказать, врожденная это была черта характера или этому способствовала служба, хотя и не в далеком тылу, но все-таки в землянке командира и комиссара дивизиона. Заставить же себя побывать на НП, где находилось большинство личного состава управления, он не мог. Как и его предшественник, он твердо определил для себя боевой пост – кухня.

Место для кухни и хозповозок он подбирал подальше от передовой. Если в районе действия дивизиона были строения, то под крышей. И, конечно, был он всегда сытый. Злые языки говорили, что бессменный повар Трунов готовит ему отдельно от солдат и офицеров. Так бы Защепин и закончил всю войну без риска потерять здоровье и жизнь, да война шла к концу, а его грудь не украшала ни одна награда. Даже медаль «За боевые заслуги», которой награждал своим приказом командир полка, не дали. А он так преданно служил начальникам. Вот и решил он проявить мужество, стал все чаще, когда на передовой было мало огня, посещать НП. Мы видели, как ему было неуютно с нами, но

ничего не поделаешь – нужна награда. А командир дивизиона не понимал человека или делал вид, что не замечает, и указания писарю Галкину писать наградной лист не давал. Все старания Защепина показать себя в боевой обстановке оставались тщетными.

Команда – получить завтрак. Умываться некогда, да и воды для этого нет, надо успеть позавтракать до начала артподготовки. Начнется «работа» – есть будет некогда. А то может быть и хуже. На фронте бытовала такая шутка: «Ешь быстрее, а то убьют – останется, жалко будет». В литературе мы читаем, что в старой армии перед боем не кормили – это опасно при ранении в живот. У нас же, наоборот, могли не кормить при затишье, но перед боем всегда (если было чем) кормили и выдавали по 100 граммов. Перед наступлением повара и солдаты хозвзводов еще до рассвета несли в окопы термосы с кашей и рюкзаки с хлебом. Старшины старались выполнить свою работу как можно раньше, до рассвета, чтобы сохранить свои кадры. Помню случай на Днепре, когда в батальоне, который поддерживал наш дивизион, солдат с термосом был отправлен старшиной в батальон так рано, что прошел через цепи своего батальона незамеченным и унес кашу немцам.

Небо чистое. Погода сухая, безветренная. Предутренняя тишина. Даже пулеметы молчат. Спешим с завтраком. Осталось несколько минут до начала артподготовки. Штурмовые отряды пехоты со своими плавсредствами сейчас сосредоточились у воды и ждут первого залпа. Командир батареи ст. лейтенант Трубов с орудийным расчетом ст. сержанта Ярового по времени сейчас уже погрузили пушку на плот и готовы взяться за весла.

Мы знали, что война кончается, и готовились к этому, как нам казалось, решающему, а может быть, и последнему бою. До Берлина оставалось 60–70 км, союзники уже подходят к Эльбе, и думалось, что ни один здравомыслящий человек уже не будет оказывать сопротивление. Стоит нам только преодолеть водный рубеж, и сопротивление врага закончится.

И все-таки, когда в воздух взлетела красная ракета, сердце посетил холодок. Одновременно с ракетой заговорили дежурные телефонисты, принимая и передавая команду «Огонь!». Над обороной противника взвились в воздух осветительные ракеты, в сплошной гул слилась пулеметная стрекотня, и тут же все это заглушила артиллерия. Началась артиллерийская подготовка.

Пока артиллерия и минометы обрабатывали передний край обороны немцев, наши штурмовые отряды успешно переправились через реку и закрепились на западном берегу. Успех был обеспечен. Дальше все шло по плану. Артиллерийский

огонь перенесен в глубь обороны, и за ним стала продвигаться пехота. В это время на плацдарме были уже не штурмовые отряды, а переправившиеся батальоны. Только на третьем часу наступления немцам удалось остановить продвижение наших войск. То ли немцам помогла водная преграда – русло старого Одера, к берегу которого подошел отступающий противник, то ли к ним было переброшено подкрепление, но наше наступление было остановлено сильным огнем, а затем немцы перешли в контратаку. Контратаки были отбиты, но и наши остановились.

Командование высоко оценило действия нашего командира батареи и расчета пушки при отражении контратак противника. Командиру батареи старшему лейтенанту Трубину и командиру орудия старшему сержанту Яровому было присвоено звание Героев Советского Союза, а солдат расчета наградили орденами.

Весь день идет непрерывный бой, но все попытки выбить противника с восточного берега старого русла Одера не имеют успеха. День клонился к вечеру, когда нам было приказано сняться с занятых на восточном берегу позиций и двигаться на переправу севернее деревни Альткюстринхен в район железнодорожного моста. Там дивизия нашего корпуса, наш сосед справа, имела больший успех. Она продвинулась вперед настолько, что уже сумела организовать переправу на понтонах, буксируемых катером.

Переправа работала с полной нагрузкой. Небольшой, но мощный катер легко, даже как-то весело, швырял понтон от одного берега к другому. Батареи, роты солдат, повозки подтягивались к берегу непрерывным потоком и в ожидании своей очереди рассредоточивались в непосредственной близости от причала. В то время как понтон причаливал к западному берегу, с нашей стороны подходило очередное подразделение переправляющихся. Погрузка и разгрузка шли споро, без малейшей задержки.

Еще светло. В небе появилась «рама». Во всех подразделениях звучит команда «Воздух!». Руководитель переправы – замкомандира корпуса, генерал, срывая голос, перемежая с матом, кричит: «Рассредоточиться!» Но команда повисла в воздухе. Никто с места не тронулся. Каждый командир стремится быстрей попасть на переправу. Только там в случае налета авиации можно рассредоточиться, уйти от бомбежки. У нас же вся ближайшая местность – открытая равнина. К счастью, ни немецкие, ни наши самолеты не появились. То ли они были заняты на главном, берлинском, направлении – в это время наши соседи слева наступали на Зееловские высоты, то ли у немцев уже не было самолетов, но нашей переправе они не помешали.

Генерал распорядился переправить артиллерию в первую очередь. На понтон грузили один «Студебеккер» с пушкой. Мы переправились первыми из дивизиона. Катер ловко дернул понтон, залихватски развернул его по течению и через несколько минут уже у другого берега снова развернулся и ловко подвел к причалу у западного берега. Саперы подхватили брошенные им тросы, и понтон был причален. В одно мгновение на причал сошла машина, а вслед за ней солдаты выкатили пушку. Не успела машина с пушкой выбраться на высокий берег, а катер уже причалил понтон под погрузку на восточном берегу.

Все семь пушек, четыре гаубицы и штабная машина выстроились в колонну. Командир дивизиона торопится. Быстро наступает вечер. Совсем недалеко впереди слышны раскаты боя. Наша пехота прямо под нами и слева выбивает противника, закрепившегося на дамбе по берегу старого Одера. Соседняя дивизия справа продвинулась значительно дальше, и там тоже идет бой. На стороне противника в нескольких местах что-то горит. И чем больше темнеет, тем четче видны всполохи пожаров.

Уже совсем опустилась ночь, когда пушки, поставленные на прямую наводку, открыли огонь. Третья гаубичная батарея открыла огонь с закрытой огневой. Огонь противника стал слабеть, а затем и совсем прекратился. Немцы отступают. Батареи снимаются. Мы на штабной машине едем в одной колонне с батареями. Кругом пожары. Где противник – никто не знает. Команда – двигаться вперед, не дать противнику закрепиться.

Двигались медленно. Что впереди, справа и слева – неизвестно. Колонна надолго останавливалась. Надо было определять наличие противника, держать связь с командирами пехотных подразделений, а местами восстанавливать дороги. Все ближе слышен бой. Противник закрепился в деревне. Команда: «Занять боевые порядки!» Батареи окапываются на опушке молодого леса. На рассвете артиллерия открывает огонь. Утром командир батальона сообщил, что полк, действующий слева, занял Ной-Глитцен и Альт-Глитцен. Бой за деревню продолжался весь день, и только с наступлением вечерних сумерек противник прекратил сопротивление.

С 16 апреля по 2 мая, днем и ночью, идут жестокие бои. Противник в агонии, но стоит насмерть. А мы (то есть наша дивизия) бросаемся на него без изучения обстановки и наличия сил. Повторяется та же история, что при обороне Тулы. Только теперь немцы оказались в нашем положении. Сплошной обороны нет. Идут бои за опорные пункты. С той только разницей, что там опорные пункты были поменьше и более уязвимы. Там были сравнительно небольшие деревни, и в основном с деревянными

постройками. Здесь же деревни большие и все постройки кирпичные. Немецкую деревню можно сравнить с нашими районными центрами. Кроме того, на нашем пути были и довольно крупные города, такие, как Эберсвальде и Нойруппин.

С командиром взвода разведки дивизиона Сергеем Митяговым. Германия, 1945 г.

Дивизия наступает вдоль южного берега канала Гогенцоллерн. Батареи работают на глазомерной подготовке данных. Надолго нигде не задерживаемся. Бросают с места на место. Не успеют люди окопаться, как команда сниматься. Где-то

наступающая пехота оказалась в тяжелом положении, надо усилить артподдержку. А чаще всего пушечные 1-я и 2-я батареи бросаются на открытые огневые позиции. Нас, топоразведчиков, используют в качестве разведчиков.

В первом ночном бою на западном берегу Одера погиб адъютант командира полка, мой однофамилец, младший лейтенант Андреев. Место погибшего занял мой лучший друг Сергей Митягов, помкомвзвода, а фактически командир взвода разведки, поскольку командиры взвода разведки в звании от мл. лейтенанта до капитана долго не задерживались. Одного судили и отправили в штрафной батальон, другой выбыл по ранению, третий ушел на повышение, и еще один исчез как-то незаметно. Одним словом, не успевал человек освоиться, как его переводили на другую должность или отзывали для пополнения офицерского состава в другую часть. Бывали случаи, когда на эту должность, да и на другие, назначались офицеры, не имевшие соответствующей подготовки или не подходившие по каким-то другим качествам. И тогда от них старались побыстрей избавиться.

Старший сержант Сергей Митягов прибыл к нам в декабре 1941 года из госпиталя после пулевого ранения в грудь. Волевой, смелый, знающий свое дело архангельский помор. И бессменно прошел в должности помкомвзвода до самого Одера. Сергей отказывался перейти в штаб полка. Он уже не мыслил себя без дивизиона, а кроме того, он знал, что будет без особой милости принят комиссаром полка. Знал, что тот ему никогда не простит конфликт, который произошел у них в деревне Попково под Сухиничами в январе 1942 года.

Тогда шли жестокие наступательные бои. Во взводах и батареях оставались единицы. В ротах вообще и единиц не оставалось. Каждый солдат выполнял службу за пятерых. За деревню Попково бой шел трое суток. Наконец ночью деревню заняли. Наблюдательный пункт командира дивизиона разместили в неотапливаемом, без окон и дверей, помещении школы. Люди, не спавшие по трое суток, с ног валились. Утром на НП зашли приехавшие в освобожденную деревню командир полка и комиссар. Комиссар, полковник Приходько, увидев уснувшего на полу солдата, выполнявшего работу командира отделения и двух связистов-телефонистов, подошел к спящему, выругался матом и ударил его в бок ногой. Находившийся здесь же Сергей, тоже после трехсуточной бессонницы, вскинул автомат и лязгнул затвором. Только командир полка полковник Авралёв погасил конфликт. Но злобу комиссар-полковник затаил надолго. Сергей, уже после демобилизации, рассказывал, что комиссар иначе как

«мудаком» его не называл.

Но комполка своего приказа не отменил, и Митягову за две недели до конца войны пришлось перебраться из окопа в штаб полка, а мне – выполнять его должностные функции, числясь в штате взвода топоразведки.

Дивизион нигде долго не задерживался. Как только выбивали противника из опорного пункта, нас перебрасывали то вправо, то влево на усиление артиллерийской поддержки немногочисленных батальонов пехоты, и мы все дальше и дальше продвигались на Запад. Батареи редко устанавливаются на закрытые позиции. Солдаты на лямках выкатывают пушки на позиции в непосредственной близости от обороны противника. Взяты населенные пункты Габов и Ной-Торнов. Полки, действующие на левом фланге дивизии, форсировали реку Альт-Одер, вышли на высоты западнее Бад-Фрайенвальде и заняли город Фалькенберг. Противник всеми силами пытается остановить наступление. Перед населенными пунктами Хоенфинов и Кетен противник переходит в контратаки. На одном участке ему удалось потеснить наши батальоны, но ненадолго. Бои идут круглосуточно. Противник остановлен, а затем отброшен. Заняты Хоенфинов и Кетен. Упорно продвигаемся вперед. Деревни, дачные поселки – наблюдательные пункты меняются, как в калейдоскопе.

За Одером все чаще встречаются деревни, не покинутые населением. Из всех окон выброшены самодельные, из простыней и полотенец, белые флаги. Во многих окнах просто перекинуты через подоконники простыни и полотенца. Там, где противник вынуждает нас остановиться, попав под огонь обороняющихся, заходим в дома. Жалко видеть напуганных, притихших, скучившихся в углах женщин и детей. Везде уже побывали наши солдаты. Содержимое гардеробов лежит на полу вперемешку с постельным бельем и перинами. Местами по улицам ветер гоняет пух выпотрошенных подушек и перин. На дорогах все чаще встречаются возвращающиеся домой, не успевшие перебраться за Эльбу обозы фур, запряженных упитанными лошадьми. Много бельгийских бесхвостых тяжеловозов. Для нас новинка. Наши солдаты хозяйственных взводов останавливают обозы, выпрягают хороших лошадей и оставляют своих, заезженных. Старики-немцы бегают вокруг мародеров, машут руками, кричат, что-то пытаются доказать, но никто их не слушает. Офицеры делают вид, что ничего не происходит.

Дачные поселки населением покинуты. Тут мы ходим, как по музейным залам. Просторные кирпичные особняки с паркетными, покрытыми лаком полами. Полированная мебель. Участки обнесены металлической сеткой по бетонным столбам. Идеальная

планировка. Дороги и дорожки. Подстриженные газоны. Все точно как у нас, только наоборот. Помню, как один офицер сказал: «Надо же, немчура проклятая, до чего додумались, идешь по полу и себя как в зеркале видишь».

Современный человек, прочитав эти строки, скажет: «Ну и что тут удивительного, как будто у нас нет таких полов и мебели». Есть. Теперь есть. Тогда тоже было, но только во дворцах. А мы там не бывали. Если кто и видел, то только в тех дворцах, которые использовались под музеи. Что еще нас поражало – это кухни в немецких квартирах. Настенные шкафчики и полки уставлены множеством аккуратных металлических коробок и коробочек с разнообразными приправами и специями, что нам тоже было в новинку. Ну и, конечно же, почти в каждой кухне можно было найти на полке бутылки со спиртом-денатуратом синего цвета или метиловым спиртом, на этикетках которых красовались череп и перекрещенные кости. Это был предмет охоты наших солдат. Помню, как-то старшина угостил меня – налил 100 граммов такой жидкости. Я, не разбираясь, залпом выпил, а затем двое суток есть не мог. Ходил с открытым ртом. А другие пили. Тот же старшина на мои проклятия говорил: «Но ты же видишь, я с той же бутылки пью, и ничего».

Помню, заняли очень живописный городок. Небольшой, но очень красивый, весь в зелени. Не помню, по какой причине, у нас там была на несколько часов остановка. Может быть, не было бензина для машин. Такое у нас случалось. Но не об этом. Солдаты сразу же разбрелись по городу и где-то нашли зоологический музей. И все заспиртованные животные и пресмыкающиеся были погублены. Вся жидкость была выпита, а то, что выпить были не в состоянии, забрали с собою впрок.

И еще. Прошло столько лет после войны, не могу понять политику нашего руководства и командования по отношению к материальным ценностям в полосе боев. Когда горят дома и целые деревни от артиллерийского или бомбового удара – тут ничего не сделаешь. Но ведь чаще всего полыхали пожары у нас в тылу. На уже занятой нами территории.

Помню, мы прошли через оставленный противником без боя, совершенно целый, без разрушений, город. Небольшой, но с многоэтажной застройкой. Бои шли уже километрах в пятнадцати-двадцати западнее города, когда город запылал. Весь. Пройти или проехать через город было нельзя. Снабженцы, подвозившие боеприпасы и продовольствие, искали объездные дороги. Ходили слухи, что город сожгли тыловые подразделения. Сгорел город, а сколько в городе сгорело мебели, одежды, обуви, станков и другого имущества. Это в то время, когда наши народы

были разуты и раздеты. Наше руководство страной настолько пеклось о своем народе, что даже не могло перенять опыт немецкого командования, имевшего специальные трофейные команды, подбирающие и отправляющие в Германию все, что может пригодиться в хозяйстве. Тогда еще писали во фронтовых газетах, что немцы вывозили в Германию наши черноземы. А что, разве наши поезда не шли порожняком в Россию после разгрузки боеприпасов и продовольствия. Так нет, никому ничего не было нужно. Голодная страна, а сколько скота перестреляли, только чтобы отомстить немцам или вынуть печенку на обед.

Вернемся к боям. Противник цепляется за каждый мало-мальски пригодный для обороны рубеж. Бои идут днем и ночью. Наконец в наших руках Эберсвальде, а затем Финов и Финовфурт.

Противник отрывается. Мы преследуем. Впереди идет артиллерийский полк, за нами – минометный дивизион. Мы на машинах. Часть пехоты посадили на машины наших батарей. Остальные, идущие пешими, отстали. Колонна движется по лесной дороге. Сосновый бор. Убран почище наших парков. Дорога прекрасная, песчаная. Кругом тишина, если не считать шума двигателей «Студебеккеров». Вторая половина дня. Погода теплая, солнечная. Впереди автострада Берлин – Штеттин. Оставляем штабную машину и идем вперед. Нас пять человек разведчиков. Колонна движется сзади метрах в трехстах-четырехстах. Где-то уже совсем близко автострада, уже просвечивается опушка. Но тут кто-то крикнул: «Окопы!» Остановились. Прямой участок дороги, и прямо перед нами, метрах в двухстах, окопы. Бросились назад. Защелкали винтовочные выстрелы. Заработали пулеметы, и в ту же минуту в вершинах деревьев в районе колонны стали рваться снаряды. Когда мы подбежали к головной штабной машине, она уже пыталась развернуться, как и другие – тягачи с пушками. Началась паника. Дорога узкая, с обеих сторон сосны. Машины при развороте проходят впритирку к деревьям. Солдаты, спасаясь от осколков снарядов и мин, рвущихся в кронах деревьев, прыгают через борта и, как только машина останавливается, ползут под нее. Машина начинает двигаться – лезут обратно. Зазевавшегося давят колесами. Лезущих через борта в машину притирает к стволам деревьев. Многие бросились врассыпную по лесу. Батарейные тягачи с пушками развернуться не могли, пришлось отцеплять, а потом прицеплять их снова. И все это время колонна находилась под прицельным артобстрелом. Разбежавшиеся по лесу обнаружили и захватили живыми метрах в ста от дороги двух немецких корректировщиков.

Наконец колонна развернулась и выбралась из этого ада. Уже

темнело. Меня командир дивизиона отправил в штаб полка с донесением. Штаб находился на опушке леса в большом особняке, здесь же был и штаб отдельного минометного дивизиона. Там я подслушал доклад командира минометного дивизиона о потерях. Дивизион потерял 60 % личного состава! Потерь нашего полка не знаю. Во всяком случае, они были значительно меньше.

За всю войну мне трижды пришлось быть свидетелем такого явления, как паника. В конце декабря 1941 года при наступлении на Калугу, где положение спас полк, брошенный во фланг контратакующим. Второй случай был на плацдарме за Днепром, в начале октября 1943 года, и здесь, у Берлина. И во всех трех случаях действие проходило по одному сценарию. Люди теряют самообладание. Организованные подразделения или даже целые полки в какой-то миг превращаются в стадо. Бегут все, не думая о последствиях. Бегут даже тогда, когда непосредственной угрозы для жизни нет. Даже тогда, когда в бегущих, чтобы остановить, стреляют свои командиры. Просыпается инстинкт стадности. Кажется, каждый должен понимать, что паника, бегство приводит к полному уничтожению бегущих, однако, вероятно, в таких случаях действует другой закон – «все бегут, и я бегу». А если взять каждого отдельного человека, он пойдет на верную смерть. Пример. Атака. Ни один солдат не повернет назад. Ни один, если он не ранен, не останется лежать в укрытии. Все идут вперед, хотя и видят, что пройти под таким огнем и остаться живым невозможно. Иногда идут и по телам убитых и раненых товарищей.

Ночью подошла пехота, и с хода начался штурм немецких окопов. А утром мы выехали на широченную дорогу с бетонным покрытием. С обеих сторон ее окружал лес. Автострада была настолько широка, что использовалась и как взлетно-посадочная полоса для истребителей. Сам аэродром находился за автострадой. Проехав по шоссе с километр на северо-восток, повернули налево и через аэродром выехали на берег канала Гогенцоллерн. На аэродроме стояли, как нам показалось, совершенно целые самолеты – истребители. Говорили, что командир роты одного из полков дивизии, бывший летчик, даже поднимался в воздух на одном из них.

Конец апреля. Бои идут на канале Гогенцоллерн. Мы наступаем в северном направлении. 28 апреля противник не выдерживает натиска нашей пехоты и начинает отходить. Теперь, видно, у немцев началась паника. А мы переправляемся на северный берег канала и преследуем отступающих. Нам меняют направление – поворачиваем строго на запад, на город Нойруппин. За сутки с 28-го по 29-е прошли 20 километров от

канала до реки Хафель. Но противник не оказывает существенного сопротивления и не смог остановить наши передовые батальоны и на Хафеле. За три дня продвинулись от Хафеля до Нойруппина, на 40 километров, и 1 мая уже вели бои за Альтруппин и Нойруппин.

Перед нами была система озер, тянущихся с юга на север. Небольшой городок Альтруппин на восточном, а более крупный – Нойруппин на западном берегу большого озера. Справа, метрах в шестистах, еще одно озеро. Между ними проложено два канала. В городе Альтруппин противник долго удержаться не смог. Оборона его была построена на западном берегу, в Нойруппине. 1 мая бои идут за переправы на каналах, а с наступлением ночи началось отступление противника, немцы стали покидать город. Очень быстро были организованы переправы через каналы, и мы вошли в Нойруппин. Это был последний немецкий город, занятый нашей дивизией с боями.

Ночью все три дивизиона нашего артиллерийского полка и штабная батарея сведены в одну колонну. По машинам распределены батальоны пехоты (батальоны были настолько обескровлены, что на машину приходилось не более семи человек стрелков), и колонна двинулась на запад, преследовать отступающих. Задача – не дать противнику закрепиться.

Пока полк выстраивался в колонну, наступила на редкость темная ночь. Наша штабная машина управления 1-го дивизиона была головной. Движемся без света на малой скорости. Выехали на окраину города, и колонна остановилась. Команда по колонне: «Командиры и начальники штабов дивизионов – к командиру полка!» Ждем дальнейших указаний. Наконец вернулись командир дивизиона и начальник штаба. Команда: «Андреева и Уткина – к командиру дивизиона!»

Покидаю насиженное место в кузове. Уткин на мотоцикле ждет у кабины. Старшина Уткин – автомеханик дивизиона. Еще где-то на границе Польши приобрел мощный немецкий мотоцикл без коляски и никогда с ним не расставался. Получаем приказ. Колонна двигаться вслепую не может, поэтому, чтобы исключить внезапное соприкосновение с противником, на нас двоих возлагается задача – двигаться на мотоцикле не менее чем в одном километре впереди колонны. Дополнительно к нашему обычному оружию – пистолету ТТ и револьверу системы «наган» – нам выдали по автомату. Получили инструктаж по связи с колонной и нашим действиям в случае встречи с противником и тронулись в путь.

Дорога – не автострада, но довольно широкая, с асфальтовым покрытием, в хорошем состоянии. Судить о ее состоянии могу по

тому, что на всем маршруте, даже ночью, мы не попали ни в одну колдобину. Проехали километра полтора. Все тихо. Справа и слева – безлесные поля. Деревень нет. Повернули обратно. Встретили колонну, она тоже продвинулась с полкилометра, доложили и снова вперед.

На втором отрезке пути впереди деревня. Снизили и так небольшую скорость. Не въезжая в деревню, заглушили двигатель и, приведя автоматы в боевую готовность, осторожно, все в напряжении, вошли на улицу. Держась поближе к стенам домов, прошли до перекрестка. Мертвая тишина. Даже собака не залаяла. Решили, что, поскольку нас не встретили на восточной окраине, значит, в деревне военных нет. Возвращаемся к мотоциклу и без остановок проезжаем деревню до западной окраины, разворачиваемся и едем встречать колонну. Доложили.

Командование меняет тактику. Теперь мы должны возвращаться с докладом от населенных пунктов. Меняем тактику и мы. Решили, что незачем нам кататься взад-вперед вдвоем. В следующей деревне Уткин оставляет меня и едет навстречу колонне один. Я нахожу углубление между воротами двора и домом и замираю. Возвращается Уткин, сажусь на мотоцикл. В третьей деревне также все спокойно. Уткин уезжает с докладом. Я остаюсь, но теперь уже не жмусь в темный уголок, а решаю проверить, есть ли в доме люди. Обнаруживаю ступени входа в подвал дома и спускаюсь. Дверь открыта. Вошел. Прежде чем пользоваться фонариком, прикрыл дверь. В луч фонаря попал выключатель. Надавил кнопку, и загорелись две лампочки. На бетонном полу помещения, думаю бывшей мастерской, грудами лежала старая обувь и одежда. Подобрал для себя пару офицерских хромовых сапог (мои дышали на ладан) и брюки мадьярских кавалеристов. Подняться в жилые помещения не успел, услышал приближающийся мотоцикл. В четвертой деревне я чувствовал себя еще более раскованно, но все двери, куда я пытался войти, были на запоре, а ломиться в закрытые двери в мои планы не входило.

Наконец стало быстро светать, и надобности в нашей разведке маршрута движения уже не стало. Я с сиденья мотоцикла перебрался в кузов головной машины «Студебеккер». Зона видимости расширилась. Все чаще то справа, то слева, на расстоянии нескольких сот метров, стали виднеться группы немецких солдат. Колонна сначала останавливалась, мы их рассматривали через бинокли, пытаясь разгадать их намерения, и, видя, что они на нас не нападают, двигались дальше. А затем и вовсе перестали обращать на них внимание. Некоторые группы вели себя совсем мирно. Горели костры, а вокруг сидели солдаты

в нательном белье. Только в одном месте встретилась группа, не сложившая оружия. Из кустарника, справа по ходу колонны, застрочил пулемет. Колонна остановилась. Солдаты, покинув машины, залегли в канавах. В это время была приведена в боевое положение пушка, и первым же выстрелом пулемет был уничтожен.

Теплый солнечный день. Смотрим вокруг и удивляемся, как они, наши враги, обращаются с землей. Везде пашни. Земли выровнены. Проложены канавы. Полевые дороги вымощены камнем, а кое-где и заасфальтированы. Нет ни межей, ни кустарников, ни чертополоха. От скотных дворов в поле проложены узкоколейки, по которым на вагонетках вывозится навоз и сваливается в кучи, где он перепревает, а затем вносится в почву. Все как у нас на Родине, только в точности до наоборот. Делимся впечатлениями шепотом, только с близкими доверенными людьми.

В населенных пунктах из всех окон выставлены древки с белыми флагами. А где их не оказалось – через окна вывешены простыни или полотенца. Людей не видно.

Въезжаем в расположившийся на очень живописном холме, весь в зелени, городок. Справа большой сад, обнесенный забором. Слева, за полем, в километре от нас, виден лес. Из леса наперерез нам движется с громадным кузовом, полным солдат, газогенераторная автомашина. Останавливаемся в двухстах метрах от перекрестка. Соскочив с машины, с автоматами бежим наперерез немцам. Машина у перекрестка останавливается. Немецкие солдаты поднимают руки. По команде немцы покидают машину. В кузове остается несколько десятков фаустпатронов и автоматы. Оружие забираем. Немецких солдат сажаем в их же машину, к ним садятся два автоматчика в кузов и один в кабину, машина ставится в строй нашей колонны и двигаемся дальше.

В этот день нам стало ясно, что немецкие солдаты и офицеры поняли, что для них война проиграна, и, как высокодисциплинированные люди, прекратили сопротивление. Посчитав огневую силу этих сдавшихся в плен солдат, мы пришли к выводу, что, окажи они сопротивление, могли бы уничтожить как минимум половину нашей колонны, то есть половину полка. К счастью, они приняли правильное решение, они уже поняли, что их даже большой успех в этом бою уже не будет иметь никакого значения для их армии и для их страны. Сохранили тем самым и наши жизни – их противника, и свои сохранили.

На фоне этого эпизода хочу рассказать о другом, увиденном нами – о диком, совершенно нечеловеческом, кем-то совершенном поступке. Населенный пункт. Улица жилых домов.

Не видно ни одной живой души. Только у самой дороги, за канавой, лежит мертвая женщина с задранным на голову подолом и с колом во влагалище. Даже на нас, солдат, видевших многие тысячи смертей, увиденное произвело угнетающее впечатление.

На обочинах дороги и за канавами, особенно в населенных пунктах, много брошенных автомашин и мотоциклов. Нашлось много любителей сесть за руль. И как следствие – несчастные случаи. Машины сваливались в канавы или врезались в деревья.

Это свершилось 2 мая 1945 года. Вторая половина дня. Дивизион остановился в деревне в трех километрах от реки Эльба, в районе населенного пункта Роддан, что в 20 километрах юго-восточнее города Виттенберге (или Рёбель в 20 км? Роддан стоит на Хафеле и находится в 45 км). Приказ: «Батареям занять огневые позиции, а разведчикам выдвинуться к Эльбе и организовать в деревне наблюдательный пункт. Связистам проложить линию связи». Нам уже известно, что за Эльбой – американцы.

Быстро обедаем и идем по асфальтовой дороге, обсаженной с двух сторон деревьями, окрашенными на высоту полтора метра в белый цвет. По пути останавливаемся и изучаем брошенную технику немецкой армии. Помню, как много причинил нам хлопот один экспонат. Металлическая коробка на четырех автомобильных колесах. Дышло. Боковые двери с жалюзи на запоре и штангами на замках. Такого мы не видели. Долго изучали, не заминирован ли. Решились. Сбили замки. Оказалось – компрессор с двигателем внутреннего сгорания. Теперь они и у нас есть.

Американцы как будто нас ждали. Как только мы вышли на берег, с их стороны отчалили лодки, а несколько человек бросились вплавь. Один греб одной рукой, а во второй держал бутылку. Нам было строжайше запрещено входить в контакт с союзниками, но ничего не оставалось, как «входить». Стрелять мы не осмелились, и убегать было неприлично.

В глазах американцев мы, очевидно, выглядели идиотами. Вели себя скованно, как нашкодившие мальчишки. Говорить на английском никто из нас не умел, так же как и они по-русски. Американские солдаты и офицеры набросились на нас с поцелуями. Появились бутылки виски, началось угощение. Соответственно, проявилась некоторая раскованность и у нас. Пошли в ход руки. Нет, не драка – объяснения в любви.

Солнце скрылось за горизонтом. Союзники, попрощавшись, отплыли к себе на западный берег, а мы отправились искать подходящий дом, чтобы на чердаке или на втором этаже организовать наблюдательный пункт. Пока искали, стало

темнеть. Нашли, но не успели все войти в дом, как с боковой улицы выехал немецкий танк с включенными фарами. За ним второй, третий. Оказалось их несколько десятков, и на броне каждого по несколько человек вооруженных автоматами солдат. Двое наших разведчиков, оказавшихся на улице, ожидая расправы, прижались к стене дома. Но все кончилось благополучно. Немцы видели наших перепуганных солдат, но не тронули их.

Ночь провели на втором этаже дома. С хозяевами дома контакта не имели, они находились на первом этаже. Утром встречали командира дивизиона и начальника штаба. От них мы узнали, что по соглашению правительств стран-союзников на Эльбе были наведены понтонные мосты, по которым союзники беспрепятственно принимали немецкие воинские части, отступающие с Восточного фронта, а 29 апреля переправы были разобраны. Стало понятно, почему колонны танков метались по восточному берегу реки и почему так поспешно, не оказывая сопротивления, немецкие части отходили после боев за Нойруппин до Эльбы. Переправа шла, видимо, так спешно, что весь берег реки был усеян машинами, пушками, минометами и другой военной техникой и оружием.

Наблюдая за окрестностями, стали замечать, что на опушку леса, примерно в километре от деревни, выходят немецкие солдаты. Майор Грязнов решил проверить, как они себя поведут при попытке их пленения. В нашей группе был связист, маленький, рыженький и самый молодой из нас солдат, чуть-чуть говоривший на немецком языке. Ему было приказано войти в контакт с немцами, находящимися в лесу. Навстречу ему вышел офицер. Переговоры длились недолго. Офицера интересовал вопрос, как с ними поступят, если они сложат оружие и сдадутся на милость победителя. Наш парламентер заверил его, что их не расстреляют. Офицер прокричал команду, и из леса вышло и стало в колонну более 250 солдат. Наш солдат скомандовал: «Офицеры, в голову колонны!», что немцы беспрекословно выполнили и двинулись в нашу сторону. В указанном им месте сложили оружие, и тут принялись за дело любители трофеев. С обеих сторон строя шли наши солдаты с пилотками в руках и клянчили: «Ур, ур». А немцы складывали в эти пилотки часы. Часов некоторые охотники набрали помногу. Потом долго шла игра «махнем не глядя». Это обмен вслепую. Меняли даже иногда золотые часы на какую-нибудь крышку от банки, пока трофеи не распределились между всеми солдатами. Хотя, может быть, какой-нибудь хозяйственный мужик сделал и запас на черный день. Помню, от нас, уже после окончания войны, почему-то

отозвали радиста Минина. Оказался он в штабе дивизии. Так вот, в Зондерхаузене он несколько раз появлялся у нас, менял часы на золотые изделия и золотые часы.

Немцев под конвоем двух сержантов отправили в штаб полка. В тот день примерно таким же образом сдалось еще несколько групп немецких солдат[9].

Служба без войны

На берегу Эльбы пробыли один день. Уже вечером нас отвели на 7 км на восток, в лес. Мы это поняли так: наше командование боялось, что у нас будут контакты с американцами и с немецким населением. Утром началось строительство шалашей.

Молодой сосновый бор. Безупречная чистота. Песчаные грунты без единого упавшего сучка. И стволы сосен очищены от сучьев, которые связаны в пучки и уложены в небольшие штабели. Нет и поросли. Вот этот лес нам и предстояло осваивать. Каждому дивизиону отвели свой участок. На своем участке дивизион отвел места для артиллерийского парка, автопарка, для жилых палаток и место хозотделения. И работа закипела. Заработали пилы и топоры. В ход пошли малые и саперные лопаты. Произвели сплошные рубки под стоянки пушек и машин и под шалаши. Из бревен срубили по два венца каждого шалаша. Стволы потоньше пошли на стропила, обрешетку и нары, сучья – на кровлю (я уже писал, что у нас всю войну не было палаток). Много тогда вырубили красивейшего леса. Жалко было до слез. Особенно сильно переживали пожилые солдаты из южных степных районов страны. Закончив строительные работы, огневики переключались на приведение в порядок пушек, шоферы занялись мытьем и ремонтом машин, а управленцы занялись повышением квалификации. Не забыли своих обязанностей и политруки, регулярно шли политзанятия. Ни часа отдыха.

В один из дней к нам, в управление 1-го дивизиона, пришло поразившее нас, старых солдат, известие. У нас в полковой школе, еще в довоенное время, служил помкомвзвода связи старший сержант Заборский, сибиряк из Бийска. Бывший учитель средней школы. Красавец. Коммуникабельный. В совершенстве знающий свою специальность. По существу, всю войну руководство взводом связи лежало на нем. Любимец солдат и командиров, Аркадий Заборский так и закончил войну старшим сержантом. Так вот, Аркадия любили не только наши солдаты. Еще на территории Польши он встретил девушку – санинструктора роты одного из стрелковых полков нашей 12-й гв. стрелковой дивизии. Девушка под стать ему – красавица. Они полюбили друг друга и изредка встречались. Заборский – человек занятой, отлучаться из дивизиона не мог, а Зина находила иногда свободное время, чтобы повидаться с любимым. На фронте по разным причинам солдаты не любили женщин-военнослужащих. Использовали каждый удобный случай, чтобы осмеять их. А Зину у нас полюбили и все принимали приветливо. Так вот, уже на

Эльбе, когда, по существу, война была окончена, ее убил солдат из ее роты. Выстрелил из винтовки в лоб. Убил за то, что она ему отказала.

6 мая командиры и политруки обошли все шалаши. Что-то искали. А затем собрали весь личный состав и объявили, что во 2-м дивизионе чрезвычайное происшествие. Увезли в медсанбат 51 человека. Отравление спиртом. Девушка-санинструктор батареи по приказу командира организовывала помывку солдат. На бричке с ездовым поехала искать емкость для нагрева воды. Нашли бочку, но не пустую. Попробовали содержимое, оказалось – спирт. Выливать пожалели. Бочку сгрузили в расположении дивизиона. Содержимое попробовал военфельдшер дивизиона ст. лейтенант медицинской службы Гребенников, нашел, что спирт хороший. И ушел, не выставив охрану. Солдаты, обнаружив бесхозный спирт, стали котелками его носить по взводам и орудиям.

7 и 8 мая солдат с отравлениями, в страшных муках, отвозили в медсанбат. В основном это были солдаты, прошедшие все четыре года войны. 9 мая нам сообщили, что из 51 человека отравившихся 19 человек умерло, а остальные ослепли. И только один из ослепших солдат через некоторое время прозрел и вернулся в дивизион.

Ночь на 9 мая. Я спал в кабине штабного «Студебеккера». В шалаше на жердях неудобно. Проснулся от криков, винтовочной и автоматной стрельбы. Темно, рассвет еще не наступил. Кругом стрельба. Вверх летят трассирующие пули. Люди ликуют, крики: «Конец войне!» У меня это известие особых эмоций не вызвало. Я уже несколько дней жил в мирном времени. Даже не выстрелил ни одного из четырех оставшихся в барабане нагана патронов.

В то время как все солдаты и офицеры ликовали, из хозяйственного отделения раздавались рыдания, напоминающие женские причитания по покойнику. Рыдал наш старшина – старшина управления дивизиона Степан Защепин, причитая: «Как я вернусь домой? Да все скажут, что я и на фронте не был. Да разве я не старался им служить? А мне даже медальку не дали…» И командование услышало плач старшины. Гриша Галкин (наш писарь) получил указание командира дивизиона написать наградной лист. Через некоторое время Защепин приказом командира дивизии полковника Малькова был награжден орденом Красной Звезды.

Торжества по поводу окончания войны, длившейся 4 года без одного месяца и 20 дней, были короткими. Утром поступило сообщение, что в медсанбате и полевом армейском госпитале уже есть умершие из числа отравившихся спиртом солдат 2-го

дивизиона. Очевидцы, солдаты и медработники, увозившие пострадавших, рассказывали о страшных мучениях, которые они испытывали. Нечеловеческие крики, скрежет зубов до такой степени, что зубы крошились. Они рвали на себе одежду и пытались разорвать брюшную полость. Эти сведения быстро распространялись среди личного состава, и праздничное настроение исчезло. Позже нам стало известно, что военной прокуратурой было возбуждено уголовное дело, состоялся суд, который приговорил военфельдшера дивизиона Гребенникова к тюремному заключению.

Еще не окончены работы по строительству шалашей и благоустройству территории, а нам уже объявляют приказ о начале занятий по боевой и политической подготовке. Занятия проводить только в расположении полка. Строжайше запрещено отлучаться из подразделений и общение с местным населением, то есть с немцами.

Началась служба мирного времени. Утром – физзарядка. Вечером – вечерняя поверка. Отбой. Подъем. Поверка на вшивость. Военфельдшер дивизиона гв. ст. лейтенант медслужбы Гусев организует помывку и санобработку. Но тут возникает проблема: у солдат появились фурункулы. Число заболевших увеличивается. Четыре года пребывания в нечеловеческих условиях – и никаких заболеваний (за небольшим исключением). И стоило только расслабиться, как чуть ли не массовое заболевание. Не избежал этого и я. Чуть ли не у первого у меня появился огромного размера карбункул на задней стороне шеи у позвоночника.

Идет уже вторая неделя без войны. Сладок сон на рассвете. Но звучит команда: «Подъем, тревога!» Выстраиваемся на линейке. Перед строем – командир дивизиона гв. майор Грязнов. Приказ: «30 минут на сборы. Все погрузить. В лагере ничего не должно остаться, кроме шалашей. Через полчаса полк выступает». Выступили, конечно, как всегда, не через полчаса, а через час. Солнце оторвалось от горизонта, когда колонна полка стала вытягиваться на дорогу. Направление – на восток. Безоблачное небо. Тенты кузовов машин сняты. Солдаты греются в лучах весеннего солнца. Идут негромкие разговоры – гадания, куда едем. Одни говорят, что едем в Россию. Мы свое дело сделали и теперь пора домой, другие – что отводят подальше от американцев.

Споры длились недолго. Внимание привлекли группы людей в гражданской одежде, двигающихся навстречу нашей колонне. Мужчины и женщины с рюкзаками за плечами, сумками и свертками в руках, многие с детскими колясками, нагруженными

вещами, за несколько сот метров они, освобождая нам дорогу, перебирались через дорожные канавы и устраивались на отдых. Кричали приветствия. Чаще всего было слышно «Франция – Россия». Из чего мы поняли, что это были французы. Мы были поражены их раскованностью. Когда мы поравнялись с ними, многие были уже раздеты до трусов и лежали, девушки в объятиях мужчин, в позах, казавшихся нам недопустимыми.

Через 3 часа въехали на окраину города. Долго стояли, пока командиры что-то выясняли. Машины покидать запрещено. Наконец колонна двинулась вперед. Въехали на огромных размеров двор. Справа и слева – одноэтажные кирпичные здания с широкими двустворчатыми воротами, впереди – четырехэтажный корпус. Позже узнали, что это бывшее Нойруппинское танковое училище. Огневики получили команду поставить машины и орудия в боксы, а мы занимаем двухъярусные койки на отведенном 1-му дивизиону четвертом этаже.

Солдаты устраивались в отведенных им «залах» на пятьдесят и больше мест, а штаб готовил расписание занятий по боевой и политической подготовке. Уже на второй день пребывания в казармах бывшего военного училища мы, как новобранцы, под команды «строевым», «выше ногу», «направо» и «налево» осваивали подзабытую на маршруте от Москвы до Берлина строевую подготовку. Условия для строевой подготовки были идеальные. Огромных размеров плац. Асфальт хороший. Но никто не мог понять, кому и для чего это надо. Через несколько дней на нашем плацу появилась группа солдат и младших командиров под командованием генерал-майора, заместителя командира корпуса. Того самого генерала, который бил палкой офицеров, стрелял в солдат и кричал «Вперед!». Сам генерал был двухметрового роста, и солдаты были подобраны из всех частей армии на ниже 185 см. Из нашего 31-го гв. арт. полка был отобран в эту группу один человек – командир отделения радистов старший сержант Подгорный. Солдат готовили к Параду Победы в Москве.

Мы поражались умственным способностям и выносливости уже немолодого генерала. Команду он никому не доверял. Сам с утра до вечера, лишь с небольшими перерывами, гонял своих подчиненных строевым шагом.

Занятия по специальности разведчики, связисты и топоразведчики проводили за территорией полка. Выходили на берег большого и очень красивого нойруппинского озера, которое плескало свои прозрачные воды в сотне метров от забора военного городка. Надо сказать, что занятия эти ничего учащимся не давали, поскольку место, выбранное нами для занятий,

находилось в непосредственной близости с десятиметровой вышкой для прыжков в воду. Неизвестно, то ли это были плановые занятия, или их, так же как и нас, привлекало другое, но когда мы выходили на берег, на вышке и возле нее тут же появлялись молодые, стройные пловчихи в купальниках. Они поочередно поднимались на вышку, некоторое время рисовались перед нами, совершали прыжки и опять демонстрировали свои безупречные фигуры. Мы же могли только смотреть со стороны, даже не могли раздеться. Ни у кого из нас не было не только плавок, но даже обыкновенных трусов. Только один раз, это был последний день нашего пребывания в Нойруппине, ст. сержант Заборский оказался в плавках (говорили, что одолжил у девушек из медпункта) и несколько часов провел среди пловчих.

Пребывание в Нойруппине у меня осталось в памяти на всю жизнь. Еще на Эльбе у меня появились фурункулы. Боли и температуру еще как-то можно было терпеть. А тут карбункул на шее приобрел такие размеры и причинял такие боли, что я не находил себе места. Трое суток я не мог уснуть. Ночью, когда все спали, я спускался с этажа и всю ночь ходил по плацу и вокруг казармы. Только на четвертый день военфельдшер Гусев положил меня в медсанчасть полка. Мази и грелки облегчили мои страдания.

Только через много лет от бывшего адъютанта одного из командиров стрелкового полка нашей дивизии мне стало известно, что здесь, в Нойруппине, уже во время нашего второго пребывания погиб командир батальона стрелкового полка Михайлов. Гвардии майор Михайлов был дважды Героем Советского Союза. Это редкий, а может быть, и единственный случай, когда пехотный командир дважды награжден золотой медалью Героя. Так вот, Михайлов, вооружившись противотанковой гранатой, выехал на лодке на озеро глушить рыбу. Брошенная граната взорвалась в момент соприкосновения с поверхностью воды, и майор погиб. Узнав о случившемся, командир дивизии полковник Мальков был взбешен. Каждый Герой Советского Союза был на особом счету в полку и дивизии, он как бы придавал статус части, а в данном случае – дважды Герой. Так вот, Мальков приказал похоронить дважды Героя без воинских почестей, что и было сделано. В полках дивизии о случившемся узнали только месяцы спустя.

Кроме тяжелого болезненного состояния во время пребывания в Нойруппине, мне выпало и счастье: произошли два приятных события. Первое – мне вручили орден Красной Звезды, которым я был награжден за бои в Штеттинской операции. И второе – сообщили, что за Берлинскую операцию я представлен к

награде орденом Отечественной войны.

Провалявшись после операции по поводу фурункулеза одну ночь в медсанбате, я вернулся в дивизион. Позавтракав, отправился на берег озера, где предполагал найти занимающийся теорией военной подготовки взвод управления дивизиона. Прыгуньи еще не появились, и все отделения и взводы группами сидели на берегу, делая вид, что усиленно грызут науку. Погода прекрасная. Безветренно. На небе ни облачка. Воздух прозрачный, трубы не дымят – промышленные предприятия не работают. Кругом тишина, улицы городка пусты. Не видно автомашин, да и люди предпочитают не выходить из домов. Приветствуем внезапно появившегося из пролома в заборе старшего сержанта Сергея Митягова, переведенного недавно в штаб на должность адъютанта командира полка. Младшие командиры и разведчики поздравили Сережу с повышением в должности (тогда, на плацдарме, он ушел от нас ночью), а он, в свою очередь, объявил, что пришел, чтобы отметить отвальную, и извлек из полевой сумки две фляжки. Кто-то из ребят сбегал к старшине за стаканом и закуской, и, удалившись от солдат под тень деревьев, мы вшестером организовали маленький банкет. Не успели всех обнести по кругу, как появился сержант Гриша Галкин. Рядовой Галкин был в 1941 году моим подчиненным – топоразведчиком, а затем переведен писарем штаба дивизиона. Гриша, когда-то трезвенник, за время службы в штабе превратился в откровенного алкоголика. Последние месяцы войны его ничего не интересовало, кроме водки. Я уже упоминал, как он в районе Штеттина, при нашем бегстве при угрозе окружения, оставил ящик с документами, за что поплатился должностью начальник штаба капитан Федько. Так вот Галкин настолько пристрастился к выпивке, что у 26-летнего парня, как у заправского алкоголика, тряслись руки и выработалось невероятное чутье на выпивку. Где бы кто-нибудь ни затеял выпить, тут же появлялся Галкин. И все его принимали в свою компанию. Мужик он был хороший, к тому же он, и только он писал и на солдат и на офицеров наградные листы. Писал не по собственной инициативе, а по указанию командира дивизиона или начальника штаба дивизиона. Но виноваты в спаивании Галкина были не друзья-сослуживцы, а его начальники.

Нормами снабжения в действующей армии предусматривалась выдача 100 г водки, или 50 г спирта, или 200 г вина каждому военнослужащему от рядового солдата до старшего офицера. Но старшины всегда часть солдатской нормы ухитрялись передать своим начальникам – командиру роты, батареи, батальона, дивизии. Делалось это очень просто. Я знаю

старшину Шевцова, который с помощью воды из одного литра водки делал два. Все дополнительное количество горючего шло командиру дивизиона, комиссару и начальнику штаба. Конечно, старшина и себя не забывал. Все потребители дополнительного пайка водки об этом знали, да и другие офицеры и многие солдаты это знали и принимали как должное. Видели, как водка, даже при тридцатиградусном морозе, замерзала. Закладывали бурдюк с замерзшей водкой или вином за пазуху, согревали ее до текучести, отмеряли по 100 г, выпивали и молчали. Командиров надо было беречь. Они находились в деревнях в отапливаемых домах или в землянках с несколькими накатами из бревен, и каждый был одет, кроме штатного обмундирования, в меховую безрукавку и овчинный полушубок, а солдаты и младшие командиры сидели в траншеях и открытых ровиках, иногда зарывшись в снег, и спасала солдата от любой стужи телогрейка. Так вот, бурдюк с водкой начальству из рук старшины попадал в руки писаря штаба Галкина или личного повара командира дивизиона и комиссара рядового Евсеева. Они и решали, сколько могут выделить себе в дополнение к своей законной норме. Должен заметить, что 45-летний старик Евсеев не спился.

Водка по 300 граммов со скромной закуской развязала нам языки. Наперебой вспоминали острые моменты, пережитые за долгие четыре года войны. А нас было четверо, прослуживших в одном дивизионе от начала и до конца войны, и два человека – с декабря 1941 года. Каждому было что вспомнить. Каждый из нас выполнял свою определенную должностью работу, и находились мы в разных местах и в разных условиях. И каждый воспринимал ситуацию, в которой он оказывался, по-разному. Одним из острых обсуждаемых вопросов стал вопрос питания и, естественно, распределения водки. И вот что нам поведал сержант Галкин, знавший жизнь старших офицеров дивизиона, поскольку сам все четыре года вращался в их среде.

Лето 1941 года. Смоленско-ельнинское направление. Дивизионом командует майор Руденко. Старый кадровый, еще дореволюционный офицер. Знает службу. Прост в обращении с подчиненными, в том числе и с солдатами, но не допускает ни малейших неуставных действий. У него нет личного повара. Он не позволяет, чтобы старшина привозил ему и другим офицерам (комиссару, замкомандира дивизиона и начальнику штаба) отдельно приготовленные блюда. Все питаются из общего котла. В конце августа Руденко идет на повышение. Его переводят в другую часть командиром полка. Командиром дивизиона назначен бывший начальник полковой школы капитан Родионов. Положение меняется. Ездовой двуколки взвода топоразведки

Защепин становится личным поваром командира дивизиона, числясь в штате топовзвода. Землянки для штаба и командира с комиссаром стали строить отдельные. Накаты на землянках стали более мощными. В октябре, в окружении немцев в брянских лесах, где отсутствовало всякое снабжение, в том числе и продовольственное, командование дивизиона приблизило к себе ездового хозяйственного отделения, совершенно неграмотного казаха, но ловкого воришку, который подкармливал штаб сворованным в деревнях, расположенных по маршруту движения дивизиона. Правда, это быстро закончилось. В штабе полка стали известны способности снабженца, он был отозван в полк и назначен на должность командира хозяйственного взвода с присвоением звания младшего лейтенанта. Теперь ворованным он стал кормить командира полка и комиссара. В 1943 году он к нам вернулся уже в звании старшего лейтенанта на должность командира огневого взвода. Надо представить, насколько смешон был в среде батарейцев неграмотный офицер, ранее видевший пушку только на расстоянии с облучка брички.

Особенно сильно отдалилось командование дивизиона от солдат и командиров взводов уже после выхода из окружения. Это ноябрь и декабрь 1941 года. С приходом нового комиссара дивизиона политрука Гачурина, пьяницы и развратника, резко изменился и командир дивизиона майор Родионов. Вошел в компанию комиссара. Ходили слухи, что причиной тому являлось то, что его бросила жена, служившая врачом в медсанбате, которая вышла замуж за другого.

Централизованного снабжения продовольствием тогда не было. Брали все в колхозах и у колхозников. Последнюю корову уводили со двора колхозницы, лишая детей единственной кормилицы. Бесконтрольностью властей и Высшего командования и пользовались гачурины. В районе Тулы были плодово-ягодные совхозы с винными заводами. Нам стали давать по 200 граммов вина. Но длилось это недолго. Всего несколько дней. Одну половину вина – это для солдат и офицеров – старшина Шевцов разбавлял на 50 % водой, а вторую – делил со штабом. А затем комиссар приказал вообще все вино привозить ему. Якобы он сам будет выдавать солдатам их норму. Но комиссар жил в деревнях, а солдаты в поле, в снежных окопах, далеко друг от друга, и вино выпивалось командирами в компаниях с деревенскими девушками и солдатками. Мясом и другими продуктами, также за счет солдатской нормы, Шевцов со своим помощником Дусенбаевым обеспечивал комиссара дивизиона, по потребности.

Но каждое дело имеет свое начало и конец. Как-то внезапно исчез комиссар дивизиона, а затем и старшина Шевцов. Тогда

нам некогда было не только говорить, а даже думать о таких вещах. Непрерывные бои и метания дивизии для латания дыр в обороне, чтобы воспрепятствовать немцам окончательно затянуть петлю вокруг Тулы, морозы, отсутствие зимнего обмундирования, продовольствия и боеприпасов превратили нас в неодушевленные существа. Разве могли мы думать о каком-то комиссаре, когда не мывшиеся в бане и не менявшие белье, завшивевшие и голодные, месяцами не видевшие человеческого жилья, на сорокаградусном морозе зарывались в снег, чтобы уснуть. Иногда с желанием больше не проснуться. Это теперь, объевшимся свининой и курятиной немецких бауеров, вспомнились нам те давние события. Тогда ходили слухи, что комиссар дивизиона Гачурин откомандирован то ли на курсы повышения квалификации, то ли в академию. Но трудно было поверить, что морально разложившегося человека можно было готовить на более высокие должности, и мы решили выяснить этот вопрос у Галкина. Но безуспешно. Он всячески уклонялся от ответа.

Тогда старший сержант Заборский перевел разговор на тему доносов. Мы подозревали, что Галкин был тайным агентом СМЕРШ, и подозревали, что он мог бы быть участником того события. Галкин признался, что он дал подписку представителю СМЕРШ полка, но прояснять событие не стал (у нас в полку было два офицера СМЕРШ – капитан и старший лейтенант). Вслед за Галкиным еще двое признались, что и они являются стукачами. Больше того, они знали многих солдат своих отделений и взводов (надо полагать, не всех), работающих сексотами. Посчитали, и оказалось, что каждый третий у нас был доносчиком (это только выявленные), тайным агентом или, как теперь говорят, сексотом.

Помню, как бурно обсуждался вопрос быта солдат на войне. Как солдаты и офицеры могли терпеть всеобщую страшную завшивленность, когда по несколько месяцев не менялось белье и не было помывок. Одни пытались объяснить это тем, что заниматься этим было некогда, другие нашим воспитанием, третьи говорили, что в этом нет ничего особенного и ничего страшного. Дескать, на войне иначе и быть не может. Говорили: вот, смотрите, казахи (у нас в полку было много казахов) не моются годами и даже не умываются. Только глаза иногда двумя пальцами промывают, а здоровые. Но ведь немецкие солдаты воевали в таких же условиях, что и мы, но из ранцев убитых немецких солдат мы вынимали мыло, одеколон, какие-то неизвестные нам мази и жидкости. И белье на них было шерстяное или шелковое. Говорили, что в нем вши не держатся. И в каждой деревне женщины нам рассказывали, что немцы заставляли их греть воду и мыть их в хате в бельевых корытах –

бань во многих районах России не было.

Тогда мы так и не пришли к единому мнению. А сейчас я хочу рассказать историю жизни одного русского человека – один типичный пример, который, может быть, поможет осознать и мне самому, и другим происходившее в нашей стране и в армии.

Судьба Максима Прохорова

Так вот, лет десять тому назад я по просьбе племянника жены ездил в деревню, чтобы проконсультировать и научить деревенских мужиков заменять нижние, сгнившие венцы деревянных бревенчатых сооружений, не разбирая здание. Теперь в деревнях даже этого не умеют.

Там мы решили помыться в деревенской бане. Бани там есть в каждом дворе. На просьбу племянника истопить баню его отчим спросил: «Вы что, давно не мылись?» И услышав ответ, что не мылись уже неделю, страшно удивился нашему желанию и, как аргумент, заявил, что они, семья, – а может, и все жители деревни, этого я не уточнил, – «в этом году еще не мылись». А было это в конце мая. Выходило, что люди не мылись минимум пять месяцев. Тогда я был поражен, что при наличии собственной бани в 20–30 метрах от дома и поленницы дров с запасом на 2–3 года люди позволяют себе терпеть такие неудобства – по полгода не мыться. Натопили мы тогда баню и помылись с большими неудобствами – печь была полуразрушена, пол прогнил и провалился, полок и скамейки развалились, а дымоход оказался перекрыт прошлогодним птичьим гнездом. Поскольку птицы вьют гнезда весной, то выходит, что баня не топилась около года. А значит, и люди не мылись в бане такое же время.

Напарившись в бане, за рюмкой водки я стал исподволь расспрашивать хозяина о его жизненном пути. И вот что мне рассказал Максим Федотович[10].

Родился он в деревне Корь, дворов в двадцать, в глухом лесном краю северной части Смоленской области. Кругом лес да болота. Ближайшие города – Смоленск в 130 км и Витебск – в 80 км. До Западной Двины около 20 км. Небольшие поля, отвоеванные у леса, не могли прокормить население деревни. Подспорьем были дары леса – грибы и ягоды и мизерные заработки на лесозаготовках. Все мужчины с осени до весны работали в лесу. Рубили лес. Затем его трелевали (подтаскивали волоком к дорогам). Тогда не производили сплошных вырубок, рубили только спелые деревья. Следующая операция – это вывозка бревен на лесные склады на берегу реки, на санях и подсанках лошадьми на 20 км. Наступала весенняя распутица, менялась и деятельность деревенских мужиков. Лошади ставились на откорм к предстоящим полевым работам, а мужики уходили на вязку плотов. Пока стоял лед, плоты вязались на берегу в местах, с расчетом, что, когда пройдет ледоход, паводковые воды поднимут плоты и они будут готовы к сплаву.

Но на берегу вязалась только небольшая часть плотов. Основная часть вязалась на воде. Бревна со штабелей скатывались в воду, и здесь сплавщики, стоя в ледяной воде, баграми подгоняли бревна к гленям (это часть плота длиной в одно бревно) и соединяли их между собой клибами (это перекрученные до смятия древесины молодые березки). Глени, штук 10–12, связывались между собой веревками, и получался членистый гибкий плот. На обоих концах плота устанавливались дригалки (весла из бревен длиной 6–8 метров). Один конец затесан лопатой, а на другом – ручка. Дригалка вставлялась в гнездо, вырезанное в привязанном поперек глени бревне, и плот готов к сплаву. Плоты гнали в Латвию, в Ригу. На каждом плоту два сплавщика. Никаких укрытий на плотах не делалось. Единственное вооружение – это поддон с песком, место для костра. Поскольку русло реки неширокое и глубина небольшая, а местами река и порожистая, плоты гнали только днем. Вечером плот причаливался к берегу. Плот сплавщиками принимался и, естественно, в Риге сдавался в кубических метрах и в штуках бревен. За каждое потерянное бревно со сплавщиков удерживалось из их зарплаты. А в тех случаях, когда гленя, а то и весь плот разбивались на порогах, несмотря на то что в Риге были устроены ловушки, вылавливающие все бревна разбитых платов, сплавщикам приходилось отрабатывать свой долг долгие годы. На сплав одного плота уходило 2–3 недели.

Я спросил Максима Федотовича, сколько же платили за этот каторжный труд. Ответил, что он не помнит, но очень немного. Деньги нужны были на налоги. Покупали и гостинец для детей и жен. Чаще всего это был колотый сахар, буханка хлеба, и если был ударный перегон, то и с килограмм чайной колбасы.

Деньги и цены сейчас и тогда трудно сопоставить, но у меня на всю жизнь осталось в памяти, как мой старший брат Сергей, 1920 года рождения, в конце 1930-х годов тоже один раз гонял плот в Ригу. И по возвращении не было конца радости: он на заработанные за три недели деньги купил довольно много – поношенные хромовые сапоги со старыми калошами. В то время в деревне он был чуть ли не единственным обладателем такой роскоши.

Вернемся в деревню Корь. На мой вопрос, как жили крестьяне деревни до революции и после, Максим ответил: «Неплохо, и до революции, и после – ничего не изменилось. Работали всегда много. Только после революции стали платить большие налоги и по продразверстке стали забирать весь хлеб. И раньше хлеба не хватало, добавляли в него мякину и картошку, а к тридцатому году и вовсе перешли на липовый лист и лебеду. Но совсем плохо

стало с начала коллективизации».

Семья Прохорова Федота попала в списки кулаков. И виноват в этом был Николай Александрович. Да, царь российский, Николай II, и мать Федота.

Вырос Федот статным красавцем, и призвали его в царскую армию, да еще и в гвардию. Служил он в охране царской резиденции – Зимнего дворца. И, видно, неплохо служил, потому что, когда пришло время демобилизоваться, царь ему, а скорее, кто-то другой от царского имени, отвалил несколько золотых.

Приехал гвардеец в родную деревню. И показалось ему, что очень уж сильно контрастирует отцовская хата с Зимним дворцом. Первое, что он сделал, – это сменил крышу, соломенную – на черепичную. Все хаты в деревне стоят под соломой, а у Прохоровых под черепицей. Да и во всей округе черепичных и металлических крыш не было. Кроме как в городе Велиже. Правда, в других деревнях было несколько хат, крытых не соломой, а гонтом или драницами, но чтобы черепицей – такого не было.

К десятому году прошлого столетия у Федота было уже три дочери, а в десятом родился Максим. Все сестры и Максим росли у хозяйственных трудолюбивых родителей здоровыми и работящими детьми. В первой половине 20-х годов получили надел земли (раньше земля была общинной). На шесть человек получили около 6 гектаров. И шесть трудолюбивых, здоровых людей стали стремиться выйти в «лучшие». Максим Федотович помнит, что тогда приобрели они очень хорошего вороного жеребца. В другом-то особенно и не выделялись среди своих, деревенских. Кроме жеребца держали двух коров, пять-шесть овец, всегда поросенка, кур. Ну, конечно, собака и кошка, говорит Федотыч.

– Батраков держали? – спрашиваю я.

– Каких батраков? Мы сами всегда другим помогали, да еще прирабатывали на лесных работах. Девки заготавливали дрова. Дров надо было много. Сельсовет и школа в Буднице и весь город Велиж отапливались дровами. Да и деньги нужны были, чтобы платить налоги, да и купить надо было что-то, чтобы одеваться. Правда, в купленном ходили мало. Разве что только девки платок да кофту оденут в праздник. А так все свое. Обувь – лапти. Лыко драть было запрещено, но лес рядом. Воровали. Днем липняка нарубишь, обдерешь и вязанку спрячешь в лесу, а ночью притащишь. Зимними вечерами сидишь у коптилки и плетешь обувь на всю семью. Я и сейчас еще умею плести лапти, хоть похлапни, хоть коверзни тебе сплету (похлапни – праздничные, коверзни – повседневные). Штаны, рубахи, юбки – все шили из

льняной ткани, которую сами и ткали. Бывало, бабы и спать не ложатся, всю ночь прядут, затем ткут, а весной отбеливают в речке и расстилают на лугу.

Верхнюю одежду тоже не покупали. Шубы шили из овчины, которую подпольно выделывали редкие в то время специалисты. Тогда это было очень серьезным преступлением. Шкуры надо было сдавать. Поймают кожемяку – посадят. Скот у крестьян весь брался на учет. Проверяли, недостает – значит, забил. Где квитанция на сданную шкуру? Нет? Плати штраф. Дело дошло до того, что стали требовать в обязательном порядке свиней не палить, а обдирать шкуру. А шкура с поросенка сдирается вместе с салом. Тогда стали забивать свиней ночью или угоняя в лес. Но власти в каждом селе назначили уполномоченного по контролю забоя свиней, и им же было вменено в обязанность свиней обдирать. Люди как-то приспосабливались жить. Когда по дворам ходили переписчики скота, слух несколько опережал их приход, и некоторые крестьяне успевали спрятать подлежащий забою скот (поросенка или теленка). Овечью шерсть пряли. Ткали ткань. Затем валяли и получали сукно. Из сукна шили армяки и суконные штаны и юбки для зимы. Валенки катали дома. По деревням ходили валенщицы и выполняли за соответствующую оплату работу на дому.

Семья была большая, но дружная. Работали чуть ли не круглосуточно. Кроме подъема производства надо было думать о приданном трем взрослым девкам. Участок с трех сторон граничил с кустарниками, ничейной землей, и отец каждый год за счет выкорчевки кустарников увеличивал свой земельный надел. К 1928 году хозяйство окрепло, увеличились урожаи. Питаться стали лучше. В то время стали в деревнях появляться механические молотилки, и отец решил во что бы то ни стало приобрести молотилку. Но мечте его не суждено было сбыться.

Старик закашлял, комок подкатил к горлу. Протерев кулаком выступившие слезы, описывал дальнейшую жизнь семьи и свою личную.

В стране началась коллективизация, а одновременно и раскулачивание крестьян. Федот Прохоров оказался первым в списке кулаков. Максим Федотович считает, что в список кулаков их семья попала из-за черепичной крыши и жеребца. Только это и выделяло хозяйство в деревне.

Семью, разрешив взять с собой небольшие узелки с продуктами и сменой белья, отправили сначала в город Велиж (районный центр). Из Велижа – 80 км пешком в Смоленск. В Смоленске погрузили в теплушки, и под конвоем солдат эшелон тронулся в ночь. Первую ночь никто не спал. Все пытались

разгадать, куда везут. Утром по солнцу определили, что поезд идет на восток. Еще до отправки по деревням ходили слухи, что всех раскулаченных вышлют на Соловки, на Север.

– А тут наше предположение не оправдалось, – говорит Федотыч. – Ехали медленно и долго. Поезд еле тащился. Стояли на станциях. Ночью эшелон останавливали на запасных путях. Мучил голод. Свои продукты быстро кончились, несмотря на то что мы их старались экономить, а кормили какой-то бурдой, да и то два раза в день. Не менее мучительно было отправление естественной нужды. В вагонах нет уборных. Все делается через ворота вагона на ходу поезда. Но в вагоне и мужчины и женщины. Первые сутки были самыми мучительными. Справлять нужду дожидались ночи, а затем кто-то предложил прорезать дыру в полу вагона. Работали посменно, долго и мучительно, столовым ножом. На руках набили кровавые мозоли. Наконец отверстие было готово, угол завесили одеялом, и все облегченно вздохнули.

Где-то в Зауралье нас разделили на две группы. Молодых и здоровых отправили дальше на восток, а стариков и женщин оставили на месте, а затем увезли на Север. Я, тогда восемнадцатилетний парень, попал в первую группу. Привезли нас в Забайкалье. Работали на строительстве железной дороги. Жили первое время в землянках и палатках, а затем в самими построенных бараках. На строительство приезжал Блюхер. Он нам очень понравился. Выступая перед нами, он сказал: «Вы для нас не враги народа, а рабочие».

В 1936 году Максим Федотыч и одна из сестер вернулись в родную деревню. Отец, мать и две сестры погибли в северных лесах. Где они похоронены – он не знает. Отцовского дома и подворья не оказалось. Все разграблено и уничтожено. Женился, сестру выдал замуж. Приняли в колхоз. Начал строить хату. Жили как нищие. Родились один за другим трое детей – две дочери и сын. Колхоз на трудодни давал в лучшем случае 200–300 граммов зерна ржи или ячменя в день. В 1939 году началась Финская война. Призвали. Повезло. В армии никогда не служил и военной специальности не имел, поэтому определили в хозяйственную часть.

Вернулся весной 1940 года. Год бесплатной работы в колхозе и достройка собственного дома. Полуголодное существование семьи из пяти человек. И снова война. Вызвали в военкомат и домой уже не отпустили. Немцы наступали быстро. Направили в какую-то часть в район Витебска. Одели в военную форму, дали винтовку и несколько патронов, и в пешем строю шагаем на запад. Идем ночью, днем спим в лесу. Никто из нас не знает, куда идем и где противник. С трех сторон слышим гул орудийной

стрельбы. Над нами летают немецкие самолеты. В один из таких дней, когда мы перед заходом солнца готовились продолжать путь, появились немецкие танки с десантом солдат с автоматами. Мы не успели взять винтовки, как были окружены автоматчиками.

Не знаю, к нашему счастью или к несчастью, после того, что пришлось пережить, не раз думал, что к несчастью, командир отряда, майор по званию, поднял руки. Мы последовали его примеру. И это была наша ошибка. Не подними мы руки – были бы расстреляны и не пришлось бы испытать ада плена и наших лагерей. После этого – мучительный голод, большие пешие переходы. Лагеря – огороженные колючей проволокой поляны. Кормили раз в сутки непонятно из чего приготовленным пойлом. Многие не выдерживали голода и переходов, падали, отказывались идти. Таких конвой расстреливал. Мне было легче: в своих северных лагерях я прошел хорошую школу. К нашему счастью, в июле и августе 1941 года в основном стояла сухая погода. Тяжело было переносить дожди, и особенно ночью. Не укрыться, не обсушиться.

Из одного лагеря на территории Польши привели на железнодорожную станцию. В грузовые вагоны набили столько пленных, что мы могли только стоять. В Германии опять лагерь под открытым небом. Строим щитовые бараки. Проходим санитарную обработку. Специалистов по металлообработке уже на второй день увели на завод. Не имеющим специальности по окончании строительства бараков пришлось проходить обучение или работать на подсобных работах. Кормили так, чтобы только не умереть. Но жили в приличных условиях. Двухъярусные кровати, набитые соломой тюфяки, солдатские одеяла. Строго следили за вшивостью.

Прошло без двух месяцев четыре года. Охрана лагеря разбежалась. Мы на свободе. Разбрелись по городу. Стали собираться домой. Встречи с нашими солдатами. Мы не скрывали радости, а на нас смотрят волками.

На второй день после прихода нашей армии мы снова оказались под охраной, только теперь своих солдат. Режим восстановлен. Теперь нас вместо работы с утра до вечера допрашивали, как, где и при каких обстоятельствах оказался плененным. А через две недели перегоняют в лагерь под открытым небом, за колючую проволоку. Идут постоянные, неоднократные допросы. Формируются и отправляются эшелоны телятников, наполненных бывшими солдатами. Теплушки под охраной солдат с красными погонами.

Меня привезли на север Пермской области. Опять лагерь. Та

же колючая проволока, вышки, комендатура. Все, как и в Германии, только вместо бараков – землянки. Работаем на лесозаготовках и строим бараки. Пять лет – работа в лесу. Вторую половину из пяти лет должен был работать на военном заводе, куда был переведен как примерный лесозаготовитель. По приговору неизвестно какого суда я был приговорен к 10 годам заключения, как оказавшийся в плену не по ранению. Тем, кто мог доказать, что он был пленен раненым, давали меньше. А некоторых, говорят, совсем освобождали.

Март 1953 года. Умер Сталин. Наступила эпоха Хрущева. Очень скоро нас расконвоировали, а затем, в 1954 году, стали вызывать и предлагать два варианта – оставаться вольнонаемным рабочим на заводе с проживанием в общежитии, то есть в тех же бараках, или отбыть на жительство по месту призыва в 1941 году. На два года раньше приговоренного срока вернулся на родину. Сказать «домой» не могу, так как ни дома, ни семьи уже не было. Жена еще в военные годы умерла голодной смертью, трое детей находились в разных детских домах, а дом сгорел в 1942 году во время военных действий.

Опять все начал с нуля. Строить хату не решился. Кругом все разбито. Поля заросли бурьяном. Ни машин, ни лошадей нет. Основная рабочая сила – женщины. Мужиков пришло с войны единицы. Вот женщины впрягались в плуг и пахали землю. В лучшем случае впрягали в плуг корову. Урожаи низкие. Все, что выращивали, сдавали государству. В колхозах по трудодням ничего не давали. Пенсий старикам и пособий на детей не платили, да и понятий таких не было. Жили только со своих огородов – 20 соток. Да еще и налоги с этих соток платили. А у меня при обмерах огородов нашли две лишние сотки, то есть не 20, а 22. Так вот, посмотрите, отобрали эти две сотки, и они уже десятки лет зарастают бурьяном, но ни пахать, ни косить на них не дают – земля колхозная. Жаль, конечно, что пустует земля. Сколько бы за это время с нее было собрано картошки, да и налог бы государство получило.

Да, старик крякнул, это мелочь. Такой пустующей, зарастающей лозой земли – земли, которая кормила деревню и город, в нашей округе теперь больше половины. Да что там половины. Целые деревни исчезли вместе со своими пашнями и сенокосами. Поля заросли лозняком и заболотились, туда даже дорог теперь нет. Да что там исчезнувшие деревни. Посмотрите на наши оставшиеся пока еще две деревни. Домов осталось меньше половины. Расстояние между деревнями меньше километра, а не только проехать, но и пройти минимум полгода в году нельзя. А ведь здесь еще Екатериной Великой был построен

большак. А затем, в 1920–1930 годы, построили шоссе. Мужики всей округи каждую зиму выполняли гужповинность и за 10–20 километров на санях, бесплатно, возили песок и гравий на строительство этой дороги. Где она теперь? Теперь по ней только танк может пройти, и то не везде.

Старик задумался. Показалось, что он задремал, но через мгновение тряхнул головой и, как бы извиняясь, сказал:

– Да что я о дорогах. Как будто нам эти дороги нужны. Машин у нас нет, да и лошадей тоже, а сапоги резиновые дети из города привозят. Да и грех жаловаться. Мы теперь живем так, как раньше и не мечтали. Картошка своя. Свекла, капуста и другие овощи со своего огорода. Кто еще не спился – держит корову. У каждого есть возможность выкормить поросенка. Держим кур. Налоги не платим. И еще государство пенсию платит. Вот мы с женой ежемесячно получаем по 20 рублей пенсии. Это нам на хлеб. А что было тогда? Страшно вспоминать.

До Витебска доехал по железной дороге. От Витебска до Велижа никакого транспорта нет. Пошел на пристань. Пароходы не ходят. Уже собрался было шагать со своим сундучком 80 километров пешком, как подвернулся добрый человек и посоветовал пройти на грузовой причал, там собираются отправлять в Велиж грузовую баржу. Договорился со шкипером, и он меня, конечно не бесплатно, спрятал в своей будке. Без приключений приплыли в Велиж. Дальше транспорта нет. До своей деревни идти километров 16–18. Решил идти в деревню Лобок. Это всего три километра от Велижа. Там у меня жили родственники. Думаю, переночую (время клонилось к вечеру), а утром пойду в свою родную деревню Корь. Тороплюсь, как бы ночь не захватила в дороге. И что бы спросить у кого-нибудь, существует ли теперь эта деревня. Так нет, не хватило ума. Взвалил на плечо сундучок. Переправился на пароме на правый берег Двины (от моста осталось только несколько свай, торчащих из воды) и зашагал быстрым шагом на запад. Домой. Тогда я еще был молодой. Вы когда-нибудь замечали, как бежит лошадь, когда возвращается домой? Тут кнут не нужен. Так и я.

Вышел за бывший лесозавод, что был на окраине города, и остановился. Справа от дороги бывшая когда-то пашня, а теперь поле, поросшее бурьяном, все усеяно человеческими скелетами. Опустил свой сундучок на землю, перекрестился и пошел дальше. Солнце опустилось за горизонт. Перебрался кое-как через речку (мост разрушен), поднялся на бугорок, где стояла деревня, а ее-то и нет.

Переночевал в бурьяне, на месте дядиного дома, а на рассвете продолжил путь. Прошел деревню Красное. Когда-то

была большая красивая деревня, протянувшаяся главной улицей вдоль берега Западной Двины. Думал там попросить у добрых людей чего-нибудь поесть, но увидев, что на месте исчезнувших домов в деревне строят, и то редко, только малюсенькие хибарки, так и не решился.

Прошел деревню Красное. Повернул на 90 градусов направо. Решил зайти в Верхнее Ольгово. Рассчитывал, что деревня находилась не на линии фронта, могла сохраниться, кроме того, в Ольгово тоже были родственники, и была надежда передохнуть и поесть. Вышел в поле, и так свело желудок, что нет сил ноги переставлять, а тут еще и сундучок нести надо. И бросить жалко, ведь в нем было все мое нажитое к сорокашестилетнему возрасту имущество. Снял ремень, привязал за ручку сундучка и решил тащить его волоком. С остановками на отдых до деревни, а до нее было не менее трех километров, я все-таки дошел. А пока шел и сидел на своем багаже, вспоминал, чем кормили в наших довоенных, немецких и опять наших послевоенных лагерях, а также сколько времени прошло после последнего обеда – двух картошек в «мундире», выделенных мне шкипером баржи в Витебске. Оказалось, двое суток.

К счастью, деревня Верхнее Ольгово, как я и предполагал, во время войны почти не пострадала. Нашлись и родственники покойницы жены. Покормили чем бог послал. Отдохнул. Сходил в родную деревню. Нашел временное пристанище у одинокой старушки. Деревня Корь находилась (я говорю «находилась», потому что ее теперь нет, даже и полей нет) в лесу, в стороне от дорог, поэтому и сохранилась. Да и деревня была – всего тридцать дворов. Председатель колхоза, старичок, обрадовался: появился в деревне мужик. За багажом я после сходил, а сейчас надо было заработать или одолжить денег, чтобы привезти домой детей.

Люди жили бедно. Денег ни у кого не было. Питались картошкой да хлебом из картофельной кожуры, липового листа и самой малости ржаной муки. Работал сутками. Днем в колхозе, а рабочий день в колхозе был 12 часов, а затем в леспромхозе или у частников-колхозников. Накопил немного денег. Привез детей. Но им надо было где-то жить. Появились желающие приютить. Одиноких женщин, вдов погибших солдат было много. Выбор был большой.

Решил осчастливить вдову не вернувшегося с войны солдата в соседней деревне. У нее был сын, одногодок моего Вани. И недостроенный дом на две комнаты. Ребята подрастали. Старшая дочь скоро вышла замуж в соседнюю деревню, младшая уехала в Ленинград. Мальчишки окончили школу и поступили в ПТУ в

Ленинграде. Затем ушли в армию. После армии остались работать в Ленинграде. А у нас на старости лет еще дочь родилась. Выросла и тоже уехала в Ленинград.

Остались мы вдвоем. Работаем. Я давно на пенсии, но работаю на двух работах, в совхозе (у нас теперь совхоз) и в леспромхозе. Работаю дома. Зимой заготавливаю материал для саней, дуг, граблей, кос и других сельскохозяйственных орудий, гну полозья саней и дуги, делаю сани, грабли и все, что заказывают совхоз и леспромхоз. Платят копейки, но я еще получаю пенсию. Живем с огорода, а деньгами, да и продуктами помогаем детям. Нам, двоим старикам, очень мало надо. Жизнь нас не баловала. Мы не привыкли к разносолам, да и одеваться никогда хорошо не одевались. Утром хозяйка печь топит, поставит горшок супа картофельного с куском сала, вот нам и хватает на весь день. Да еще по кружке молока. Второе мы не готовим, русская печь для этого не приспособлена. Да нам и так хватает. Нас в лагерях свинячьим пойлом кормили, да и работа какая была – и то жили. А сейчас жизнь наступила хорошая. Еды сколько хочешь, одеть есть что. Нам-то что надо? Резиновые сапоги, без них у нас не пройдешь, да фуфайка. Жизнь теперь хорошая. Только жить осталось мало.

– Но не все же есть картофельный суп с салом, наверное, и повкуснее чего-нибудь хочется? И выпить, наверное, хочется? – спросил я.

– Нет, ничего такого и не хочется, да и купить тут ничего нельзя. В магазине ничего нет. Но иногда, особенно в праздники, и масло на стол попадает, и яйца. А выпить у меня и сейчас есть. В магазине у нас не купишь, у нас своя. Я и забыл, я вас сейчас угощу.

Федотыч отдернул тряпичную занавеску закутка между печью и стеной, взял алюминиевую кружку и зачерпнул из бадьи какую-то жидкость. Причем кружка снаружи вся оказалась покрыта белой плесенью, как и поверхность жидкости.

– Попробуй, – сказал Федотыч. – Это бражка. Тут ничего плохого нет, – добавил он, заметив, что меня при виде предложенного пойла передернуло. – Это бражка. Тут сахар, вода и дрожжи. Правда, она немножко заплеснела, но это не страшно. Говорят, что плесень даже полезна. Ну, если не хочешь, тогда за твое здоровье. – И, сдунув плесень к противоположному краю кружки, с аппетитом выпил похожее на помои содержимое кружки, причмокнул от удовольствия и отряхнул оставшуюся на кружке плесень на пол.

Я сделал это отступление для того, чтобы на этом примере показать, что способен выдержать человек, когда его с пеленок

приучают жить и выживать в нечеловеческих условиях. Жизнь Максима Федотыча Прохорова ничуть не отличается от жизни очень многих, может быть, всех, лишь за малым исключением, жителей русских деревень.

Я уже касался этого вопроса, рассказывая о нашем марше 1941 года по тылам противника в Брянской области. Но ведь быт крестьян и других областей России ничем не отличался тогда, да и сейчас мало отличается от быта жителей Брянщины. Да и в городах в те довоенные годы жизнь мало чем отличалась от деревенской. Тот же голод, те же грязь, вши, отсутствие нормального жилья, одежды и обуви. Если Бог даст сил, я расскажу о той «счастливой» жизни наших людей – строителей коммунизма в городах в довоенные тридцатые и послевоенные сороковые и пятидесятые годы.

* * *

А сейчас вернемся в Нойруппин. Дискуссия была в самом разгаре, когда появился дежурный по дивизиону и сообщил, что в полку объявлено построение по боевой тревоге.

Полк построился подивизионно в походном порядке на прекрасном огромном плацу бывшего танкового военного училища. Командиры дивизионов рапортуют командиру полка о готовности дивизионов к маршу, подается команда «По машинам!», распахиваются ворота, и колонна покидает территорию училища. Стоит солнечная, теплая погода. Кончилось то время, когда не только полк, а одно орудие можно было перемещать только ночью или в нелетную погоду. Движемся по городу. Людей на улицах нет. Но город живет. Люди к нам еще не привыкли, они сейчас сидят по домам, и мы видим, как они с любопытством тайком смотрят из-за занавесок. Мы же в полном неведении, куда едем.

Город остается позади. Направление на юг. Остановка в поле, обед. Раньше, на марше, при больших переходах мы получали сухой паек. Старшины с кухнями на лошадях далеко отставали от батарей. Теперь у нас все на машинах. Кухни тоже буксируются трофейными автомашинами. Проходит час. Команда: «По машинам!» Основательно укрепилось мнение – едем в Берлин. Наступила ночь. Колонна и днем двигалась медленно, а теперь, ночью, скорость еще больше уменьшилась, а остановки участились. Спим сидя.

На рассвете въехали в город. Все зашевелись. «Куда приехали?» Разобрались – Бранденбург. Стало ясно, что Берлин

остался слева и уже сзади. Людей не видно. Из всего увиденного в Бранденбурге запомнился памятник Карлу Марксу в маленьком садике в центре города. Долго гадали, как в фашистской Германии мог быть установлен памятник первому коммунисту. До истины, конечно, не дошли. Уже позже, через несколько лет, я где-то прочитал, что этот памятник был вывезен из Советского Союза. На заводе его то ли не успели переплавить, то ли припрятали, и когда наши войска подошли или уже вошли в Берлин, рабочие его установили в городе.

От Бранденбурга резко поворачиваем направо и едем на запад. Движемся по автостраде. Солнце уже высоко. Теперь никто не спит. На запад движется почти непрерывная цепочка людей. Мужчины, женщины, все молодые. Несут рюкзаки, в руках сумки. Многие везут вещички на детских колясках. Пропуская колонну, сходят с дороги. Многие выходят за канавы и ложатся отдыхать. Наши солдаты расплываются в улыбках, кричат приветствия, спрашивают, кто такие. Нам тоже отвечают приветствиями, отвечают, что они французы. Возвращаются домой.

Впереди, навстречу нам, движется большая колонна «Студебеккеров». На передней американский флаг. Как только поравнялись головные машины встречных колонн, американцы остановились. Наша же прибавила скорость. Американские солдаты и офицеры машут руками, кричат приветствия, некоторые бегут рядом с машинами, а мы торопимся быстрее уйти. Как будто нас преследуют. И все-таки некоторые из наших на ходу успели получить подарки от американцев – это были часы. Правда, говорили, что это были не подарки, а обмен часами на память. Когда между замыкающими машинами колонн было уже метров триста, наша колонна тоже остановилась. Увидев это, американцы бросились бежать к нам, но наше командование было начеку, и колонна рванула вперед. Так и оставили американцев в недоумении – чего боятся русские? И можно предположить, как они оценили поступок своего союзника.

В этот день на нашем маршруте еще дважды встречались военные колонны американских частей, перебазировавшихся в Берлин, и оба раза они при встрече останавливались, а нам приходилось приветствовать их на ходу.

Зондерхаузен

На всем маршруте движения у нас не было ни одной остановки в населенных пунктах. Проехали город Галле, затем Зондерхаузен и остановились в 4 километрах от Зондерхаузена, в поселке, а скорее просто на территории калийной шахты.

Слева, в 100 метрах от хорошей асфальтированной дороги, возвышался террикон пустой породы выработки калийной шахты. За терриконом замер шахтный копер. Вдоль железнодорожной ветки, проложенной параллельно шоссе, расположилось несколько складских помещений. За ними и чуть в отдалении стояло размерами метров 100 на 100 одноэтажное здание. За ним был виден железнодорожный мост через реку с полотном по нижнему поясу высоченных металлических ферм. Вдоль дороги по левой ее стороне выстроились 10–12 добротных особняков в два-три этажа, обнесенных невысокими оградами и цветниками. А за ними расположилось несколько щитовых бараков.

По колонне передается команда: «Командиры дивизионов и батарей – к командиру полка!» Несколько минут проводится рекогносцировка. Дивизионы и батареи получают команды, и работа закипела. Артиллерийский парк и автопарк разместились на площадке у подножия террикона. В одном из особняков разместился штаб полка. Другие особняки отданы под жилье офицеров и штабы дивизионов. Бараки распределены по дивизионам и батареям под казармы солдат. Здание неопределенного назначения очень подошло под полковую столовую.

До наступления ночи все было готово для жизни личного состава. Работу по устройству быта нам очень облегчило то, что бараки были наполнены двухъярусными деревянными кроватями.

Весь следующий день убирали территорию, мыли полы в казармах и офицерских домах и в штабах. К вечеру хозяйственники привезли солому для набивки матрацев. А штабы в это время писали расписание занятий по боевой и политической подготовке.

Перед отбоем начальник штаба дивизиона собрал командиров батарей и взводов и объявил, что с завтрашнего дня, до появления нового, продолжаются занятия по прерванному переездом расписанию. На окончание хозяйственных работ можно оставить минимум людей. Кроме того, объявил приказ командира полка, что полк переходит на распорядок дня мирного времени. Что день начинается с утренней физзарядки и кончается вечерней поверкой. Самовольная отлучка за пределы расположения полка

запрещена.

Утром старшинам подразделений (теперь старшины вступили в свои права) с большим трудом удалось вывести на построение не больше половины личного состава. Солдат, служивших в довоенное, «тимошенковское» время, когда на утреннее построение давалось 30 секунд, а за опоздание наказывали 2–4 нарядами на конюшню, остались единицы. А многие, призванные во время войны, совсем не знали армейских порядков, поскольку в ней не служили. Да и старшину знали, и то заочно, только как человека, обеспечивающего солдат питанием. На фронте его могли увидеть только на маршрутах во время передислокации да при редких отводах на формирования. В обычной же боевой обстановке термос с кашей солдатам приносили рабочие по кухне. Потребовалось несколько дней, чтобы наладить нормальное утреннее построение на физзарядку.

После завтрака взводы разошлись на занятия. Мы, разведчики и топоразведчики, в учебное время всегда имели преимущество перед другими специальностями. Огневики занимались изучением материальной части и ведения огня в артиллерийских парках, связисты и радисты – в классах. И те и другие всегда были на виду у офицеров, да и занятия часто проводили офицеры – командиры взводов. Разведчики же должны были проводить занятия на наблюдательных пунктах, то есть где-то на местности. А работа топоразведчиков – прокладывать теодолитные ходы или обнаруживать цели, засекать их с помощью приборов, наносить на планшет и готовить данные для стрельбы. И всю эту работу можно было выполнять только на местности, вдали от глаз начальства.

Начальник разведки дивизиона, он же и командир взвода разведки дивизиона, по штатному расписанию – капитан, являлся и заместителем начальника штаба дивизиона. И так у нас в дивизионе со времени выхода из окружения повелось, что разведчиками командовал помощник командира взвода, старший сержант. А начальник разведки был при штабе дивизиона и как бы в резерве. Когда выбывал офицер в батарее, то им заполняли вакансию. Примерно такое же положение было и с командиром взвода топоразведки. Кроме того, офицеров – специалистов топоразведки – не было. В военных училищах их не готовили, а в частях эту специальность освоить они не успевали. И жалко было офицеров, назначаемых на эту должность. Некоторые из них не вмешивались в службу, наблюдали за взводом со стороны, а все решения и работу выполняли командиры отделений, а те, кто пытался вмешиваться в дело, которое он не знал, попадали в очень смешное положение.

Забрав стереотрубу, рейки и планшеты, по железнодорожному мосту мы перешли через речку. Заниматься не хотелось, да и смысла в этих занятиях не видел. Война кончилась, и мы тогда думали, что нас вот-вот демобилизуют. Но и начальство дразнить не хотелось, надо было делать вид, то есть скрыться с глаз. Перешли большое неубранное поле спелой ржи, поругав нехозяйственных немцев. Мы тогда не знали, что многие зажиточные крестьяне не захотели иметь дело с Советами и, когда американцы стали передавать Тюрингию нашим войскам взамен Западного Берлина, бросив свои земли и дома, ушли на запад. За ржаным полем нашли очень удобную котловину с отдельно стоящими фруктовыми деревьями и редкими кустарниками, а за нею лесок. Потом мы не один день провели в этом прекрасном месте под теплым солнцем Тюрингии. Назавтра запланировали обследовать юго-западную сторону.

С правой стороны дороги, при подъезде к теперешнему нашему месту дислокации, нам открылось огромное уже убранное поле. За ним, примерно в километре, виднелся лиственный лес. Вот туда, забрав инструменты, мы и направились после завтрака. Прошли поле и вошли в лес. Идем, любуемся чистотой леса. Чтобы представить немецкие леса, их надо видеть.

Сибиряки рассказывали, какие леса у них, и мы не заметили, как перед нами выросла фигура солдата с автоматом. Пока солдат объяснял, что здесь запретная зона и что, если мы не хотим побывать в комендатуре, должны немедленно уйти, сквозь ветки деревьев в небольшом отдалении мы рассмотрели ограждение из колючей проволоки и охранные вышки. Поняли, что здесь находится серьезный объект и охрана не шутит. Пришлось нам так понравившийся лес покинуть.

Не прошло и недели, как о секретном объекте в полку стало известно. Четыре года мы получали пищу в котелки. В 1941 году еще в Чирчике нам выдали алюминиевые котелки овальной формы с крышками. Если случалось, что обед состоял из двух блюд – первого и второго, то первое наливалось в котелок, а второе блюдо накладывалось в крышку. Если был чай, то его получали в котелок после первого. Мыть котелки обычно было нечем. К 1942 году котелки с крышками стали редкостью, и супы стали получать в каски или в консервные банки. Но командование не оставило солдат в бедственном положении. Стали нам выдавать новые котелки, но уже не алюминиевые, а из стали, внутри луженые, а снаружи крашеные, по форме обычной кастрюли, емкостью полтора литра, с дужкой и без крышки. Приходилось есть из одной посуды и первое, и второе, и чай – без мойки. Но никто на это не обращал внимания. А тут с

невиданной энергией стали разворачиваться работы по устройству столовых. В большом сооружении неизвестного назначения организовали солдатскую столовую, а в жилой зоне нашлось небольшое одноэтажное здание под офицерскую столовую. И вот в офицерской столовой появились две девушки-официантки. Откуда? Оказывается, с того самого секретного объекта за колючей проволокой.

С оккупированных территорий, как рабочая сила, в Германию были угнаны наши русские люди. В основном молодежь. И не только из России. Из других европейских стран тоже. Я уже писал, как на запад тянулись цепочки французов. Так вот, иностранцам было предоставлено право свободно передвигаться по территории Германии и возвращаться к себе домой. А наших российских девушек, тех, которые сидели на придорожных деревьях и высыпали в наши машины корзины черешни, когда мы ехали по территории, освобожденной американцами, свезли или согнали за колючую проволоку с вышками и часовыми. Да и не только девушек, а всех репатриантов. И там, за проволокой, дни и ночи работали следователи госбезопасности. Сортировали и отправляли в Россию. Надо полагать, что не всех отправляли домой. Иначе зачем было вести следствие.

Позже, когда я уже работал в штабе полка, мне стало известно, что по вечерам офицеры привозили девушек из этого лагеря к себе на квартиры, а утром отправляли обратно в лагерь. Особенно зверствовал по отношению к девушкам наш командир дивизиона майор Грязнов. Бывало, он среди ночи избивал бедную девушку и выбрасывал голую через окно в палисадник (он жил на первом этаже). И она там мерзла до утра. Офицеры говорили, что он мстил всем женщинам за то, что его жена то ли в конце войны, то ли уже после ее окончания вышла замуж за другого. А может быть, зол был на всех из-за того, что был он очень болен. Уже с Одера из-за радикулита он передвигался на костылях. Во всяком случае, раньше, на фронте, мы его знали как очень доброго человека.

Получен приказ на обед идти без котелков, и не к полевым кухням, а в столовую. Надо сказать, что столовая получилась прекрасная, не в пример чирчикской, с рваными клеенками и гниющими остатками пищи в щелях неструганых досок. Столы на четырех человек, стулья. Но когда стали получать обед, я был потрясен: вместо тарелок обед выдавали… в ночных горшках. Но никто не возмутился. Так и ели суп и кашу из ночных горшков, пока не уехали в Россию.

Прошло две недели. Занятие идут по расписанию. Физзарядка. Каждый день строевая подготовка. Шагаем строевым

шагом. Топография. Разведка. Топоразведка. Солдаты ходят в наряды. Все идет по расписанию. За эти три недели произошло три запомнившихся события.

Первое. Как-то утром солдат поднял крик, чтобы спасли его товарища. Оказалось, что они вдвоем (не знаю, самовольно или с разрешения командира, это было не в нашем дивизионе) ходили на охоту. С вечера устроили засаду на кабанов. Кабанов в Германии развелось много, как и зайцев и диких коз. В Нордхаузене к нам не один раз приезжали крестьяне с просьбой устроить охоту на кабанов, поскольку те уничтожали их урожаи. Так вот, на рассвете появились кабаны. Один из солдат выстрелил, раненый кабан бросился на охотников и перегрыз одному из них бедро. Раненого привезли, но говорят, что спасти не удалось.

Второе. Весь наш 1-й дивизион вывели как-то в артпарк искать звезду Героя Советского Союза, которую потерял командир орудия 2-й батареи гвардии старший сержант Яровой. Не найдем – никто на обед не пойдет. К счастью, до обеда звезду нашли.

Третье. На рассвете подняли по тревоге. В полном боевом занимаем места в машинах. Огневые расчеты выезжают с пушками на форкопах. Колонна полка подивизионно выстроилась на шоссе в направлении Зондерхаузена. Машина управления 1-го дивизиона во главе колонны. Подошел начальник штаба дивизиона и вполголоса объявил: «Едем на прочесывание лесов». На маршруте дивизионы разъехались по разным дорогам. Наш дивизион проследовал по улицам Эрфурта в направлении Веймара. Проехали через Бухенвальд и остановились.

В Бухенвальде я побывал три раза, в разные годы. Несколько слов о том, что я увидел в первый раз, летом 1945 года. По обеим сторонам узкой дороги находились пепелища довольно-таки большой площади, видимо, от деревянных производственных строений временного типа, судя по тому, что среди головешек лежали груды обгоревших автоматов, простейшие верстаки и обгоревшие станки. Над всем этим пепелищем возвышалась кирпичная, белого цвета, круглая башня. Это все, что я видел в Бухенвальде в 1945 году. Мы тогда еще не знали историю этого страшного лагеря, поэтому и внимания особого ему не уделяли. Мало ли мы видели за два года сожженных сел и городов. Даже тогда, когда я уже служил в комендатуре города Нордхаузен и по делам службы много раз ездил в управление администрации Тюрингии, которое располагалось в железобетонных одноэтажных сооружениях барачного типа, у подножия холма, на котором был лагерь смерти «Бухенвальд», я ни разу не заехал в это страшное место. О чем теперь жалею.

Вернемся к прочесыванию лесов. Команда «Построиться побатарейно!». Получаем задание двигаться по азимуту. Расстояние между солдатами в цепи – 10 метров. Винтовки и автоматы заряжены и стоят на предохранителях. Всех обнаруженных задерживать!

Прошли чудный лес, у нас бы его назвали парком, настолько он был ухожен. Никакого подлеска. Сухого сучка не только на земле, но даже на стволах деревьев не найдешь. Все они связаны пучками и сложены штабельками. Да и деревья не разновозрастные, все одного возраста.

Кончился лес. Вышли на дорогу. Там уже ждали машины и кухня. Позавтракали. Команда «По машинам!», и едем дальше. Вернее, уже поближе к дому, поскольку начали прочесывать с самого отдаленного леса.

Леса в Германии по площади небольшие, так что мы за день прошли их несколько. Последним был лес у Нойнроде, что километрах в пятнадцати от города Нордхаузен. Мы вышли к заводам, выпускавшим самолеты-снаряды ФАУ-1 и ФАУ-2. Сами заводы мы не видели, разглядели только несколько бараков у железнодорожного полотна, уходящего в туннель. Заводы находились под горой высотой несколько сот метров, сложенной скальными породами и поросшей редким лесом. Вверху местами были заметны старые разработанные слюды. У самого подножия были видны три туннеля. В средний шла железнодорожная колея.

Уже работая в Нордхаузене, я видел план этого завода (жаль, что не съездил тогда посмотреть). Так вот что представлял собой этот завод. В куполообразной формы горе, высотой несколько сот метров и диаметром основания три километра, пробиты три сквозных параллельных туннеля. По всей трехкилометровой длине туннели соединены между собой поперечными параллельными друг другу туннелями такого же сечения, как и основные. По среднему проложены железнодорожные пути, а от боковых шло развитие производственных цехов. С противоположной стороны горы на полтора километра уже было пробито еще три таких же туннеля, и работы были прекращены только с приходом американцев (Тюрингия в апреле 1945-го года была занята американской армией). В 1945-м и в последующие годы там работала группа наших ученых, возглавляемая генералом Кузнецовым, и батальон инженерных войск. Командовали подразделениями гражданские инженеры, переодетые в форму офицеров Советской Армии. После того как уже нашими учеными были собраны самолеты-снаряды и на Балтике произведен их пробный пуск, а на заводе демонтировано оборудование и вывезены неиспользованные материалы, завод

был взорван.

На территории Тюрингии много шахт по добыче калийной соли. В 1945 году в этих шахтах было обнаружено большое количество взрывчатых веществ. В комендатуре говорили, что для поднятия всей этой взрывчатки шахтными подъемниками потребуется 12 лет. Так вот, завезли эшелон этой трофейной взрывчатки в средний туннель и взорвали. Гора приподнялась и осела. Так было ликвидировано интереснейшее сооружение ума и рук человеческих.

Лагерь день ото дня хорошеет. Между батареями и дивизионами идет соревнование за лучшее благоустройство территории. Старшины зверствуют, дождались своей власти. Где-то достали извести. Идет разметка территории и дорожек. Когда солдат передают на хозяйственные работы под команду старшины, сержанты, оставшиеся без команд, уходят за пределы территории полка. Одними из таких привлекательных мест были шахтный копер и складские помещения. Я писал уже, что вдоль подъездной железнодорожной ветки шахты находились складские сооружения с рампами. Склады и прискладские рампы заставлены ящиками. С каждым днем все больше ящиков оказываются разбитыми, а их содержимое – шарикоподшипники самых разных размеров – разбросанным вокруг. Среди нас были и работники машиностроительной промышленности, которые рассказывали, как плохо у нас обстоит дело с подшипниками. Мы возмущаемся бесхозяйственностью наших тыловых служб, а подшипников все меньше остается под крышей и все больше под открытым небом и на земле. Но больше всего нас интересует шахта. Нам хочется спуститься туда, но нет среди нас ни электриков, знающих электрооборудование шахт и способных запустить шахтный подъемник, ни шахтеров. Попытки найти таких специалистов среди военнослужащих полка тоже не увенчались успехом. Так и не удалась наша затея спуститься в забои шахты.

Посыльный штаба дивизиона нашел меня в километре от расположения полка. Приказ – срочно явиться к начальнику штаба дивизиона. Передаю дальнейшее проведение занятий по подготовке данных для стрельбы ст. сержанту Саранину и бегу. Докладываю о прибытии. Майор недоволен – долго искали. «Подполковник Кавицкий уже из себя выходит, не один раз уже звонил. Срочно к нему!» – говорит майор. Спрашиваю, зачем вызывает. «Не знаю!»

Застаю подполковника шагающим по кабинету. Докладываю о прибытии. Вместо выговора за долгие поиски подполковник приглашает сесть к столу. Гадаю, о чем пойдет разговор. Мысли

бегут стремительно, мне было о чем подумать.

Александр Павлович Кавицкий в звании старшего политрука прибыл к нам в дивизион на должность комиссара дивизиона в 1942 году. Солдаты и офицеры управления дивизиона приняли его, не могу сказать, хорошо, скорее положительно. Мы могли сопоставить стиль его работы с работой его предшественника. А они в корне отличались. Если его предшественник ничем, кроме пьянок и женщин, не занимался, то Кавицкий не пил (мы этого за ним не замечали) и совершенно не обращал внимания на женщин. Судя по тому, что он при любом удобном случае вспоминал имя своей жены, мы сделали заключение, что к жене у него была большая любовь. Не вмешивался он и в дела старшины, в вопросы распределения и выдачи продуктов и водки. Однако сохранил за собой право, установленное предшественником, иметь личного повара и денщика. Кроме того, он оказался большим «барином». В землянке штаба дивизиона не жил, ему копали отдельную, да еще из двух комнат, чтобы не находиться вместе с денщиком и поваром. И землянка должна была быть в 4–5 накатов. С его приходом, с лета 1941 года, возобновилась прерванная партийно-пропагандистская работа. Сам он лекций и докладов не читал, да и в батальонах не бывал, зато появился секретарь партбюро – парторг дивизиона в звании мл. лейтенанта и комсорг дивизиона. Кроме того, в каждой батарее были назначены пропагандисты. В управлении дивизиона пропагандистом был назначен я. Кавицкий при каждом маломальском затишье на нашем участке фронта собирал нас у себя на инструктаж и давал задание вести пропагандистскую работу по указанной им теме. Темами же были речи Сталина. Наша пропагандистская машина на этом настолько поднаторела, что из каждого слова «вождя» получался доклад на часы. На инструктаже комиссар давал нам тезисный план занятий, а дальше мы эти тезисы развивали сами. Занятия постоянно проверялись. Придет парторг, посидит час-полтора, послушает и докладывает комиссару. Не понравилось парторгу проводимое тобою занятие – получишь от комиссара нагоняй.

Ко мне комиссар, кажется, относился положительно. За исключением того случая, когда он приказал выполнить совершенно бессмысленное задание, и только чудо спасло мне жизнь. Нас, 16 человек, в том числе и комиссара, автоматчики и снайперы окружили тогда в небольшом овраге и не давали высунуться. При попытках один солдат был убит, ранен сержант. Тогда Кавицкий приказал мне выдвинуться на открытую как на ладони и просматриваемую противником местность, в двухстах метрах перед засевшими немецкими снайперами и

автоматчиками, с целью установить их местонахождение. И только налет немецких бомбардировщиков, отбомбившихся по своему передовому отряду и по мне, застигнутому на пути к снайперской пуле или автоматной очереди, спас мне жизнь.

Весной 1944 года теперь уже майор Кавицкий (политработникам были присвоены командные звания) был ранен осколком бомбы и вернулся в полк в звании подполковника уже летом, во время самых горячих боев под Пинском, и не на политработу, а на командную должность заместителя командира полка по строевой части.

Зная, что Кавицкий окончил политическое училище, во время службы в дивизионе артиллерией и топоразведкой не интересовался и предметы эти не знал, я не догадывался, для чего я ему понадобился. Единственное, на чем я мог остановиться, – демобилизация. В это время готовили документы на демобилизацию или, как тогда говорили, отправляли в народное хозяйство специалистов металлургической промышленности – инженеров и техников. Но почему вызвал замкомандира полка, когда демобилизацией занимался штаб полка?

Разговор подполковник начал с вопроса о том, как во взводе идут занятия по специальности и не забыл ли я теорию по топографии и арттопослужбе. Попросил рассказать, как эта служба выполняется практически, а затем, прервав меня на полуслове, попросил изложить элементарную топографию в виде конспекта. Вернувшись в штаб дивизиона, я доложил начальнику штаба предмет вызова, и все стало ясно. Капитан, улыбнувшись, рассказал, что есть приказ по полку начать занятия с офицерским составом. Занятия по топографии и арттопослужбе с командирами дивизионов, начальниками штабов и командирами батарей приказано проводить Кавицкому. Не знаю, как подполковник Кавицкий вел занятия по чужим конспектам, но с этого времени вести конспекты для него стало моей обязанностью.

Аналогичная ситуация произошла и позже, уже в 1946 году, когда я служил в комендатуре города Нордхаузен. Там комендант города, полковник Кравченко, тоже организовал учебу офицерского состава. Моему непосредственному начальнику, капитану Федько, было приказано провести занятие по арттопослужбе, поскольку он был одним из двух служивших в комендатуре офицеров-артиллеристов. Выбор был остановлен на нем, как на занимавшем более высокую должность, чем он был поставлен в весьма затруднительное положение.

Федько не имел даже семилетнего образования. В армии он

служил в саперных частях. Во время войны окончил краткосрочные офицерские курсы артиллеристов и после курсов служил в управлении кадров штаба артиллерии армии. И только в течение последних четырех месяцев войны он служил непосредственно в артиллерии, и то в должности начальника штаба дивизиона. В должности, далекой от арттопослужбы. Федько откровенно мне признался, что он этой дисциплины не знает, и попросил меня написать ему конспект. Думаю, что занятия прошли успешно, так как в числе слушателей был только один артиллерист и тот со знанием артиллерии не больше, чем у лектора.

В один из дней сентября начальник штаба дивизиона объявляет приказ об откомандировании меня для прохождения дальнейшей службы в распоряжение штаба полка. Являюсь в штаб полка. Первый помощник начальника штаба, капитан Попов, объявляет приказ по штабу о назначении меня на должность заведующего делопроизводством строевой части штаба полка. Думаю, что не без ведома подполковника Кавицкого, прослужив 4 года и 3 месяца в первом дивизионе, стал я штатным работником отдела штаба, находящегося в ведении подполковника. Теперь я всегда был у него под рукой.

Германия, 1945 г.

С переходом на службу в штаб полка жизнь моя резко изменилась. Не было физзарядки, строевой подготовки, утреннего построения и вечерней поверки. Это меня устраивало. Не устраивало отсутствие работы и безделье… Все пять лет службы, в том числе четыре года войны, у меня не было свободного времени. Служба проходила с перегрузками, а теперь приходилось лишь отбывать время. Бумаг было немного, и с ними справлялись писари. На составление конспектов подполковнику тоже затрачивалось мало времени. Занятия он проводил редко – 1–2 раза в неделю. Литературы по теме не было. Писал по памяти. Кроме того, я знал, что слушатели предмет знали слабо или совсем не знали. В то время в полку не было ни одного офицера с высшим военным образованием и со средним очень

мало. Большинство офицеров получило звание после окончания шести– или даже трехмесячных курсов. Причем, как они рассказывали, половину этого времени их использовали на заготовке леса и других хозяйственных работах.

Улучшились и жилищные условия. Из казармы я переселился в офицерский особняк, в комнату на двух человек. Вместе со мной жил старшина штабной батареи – сверхсрочник. Штабная батарея – это батарея без пушек для хозяйственного обслуживания штаба полка с двумя взводами – разведки и топослужбы. Эти взводы всю войну занимались охраной штаба полка. В штабе я мучился от безделья – отлучаться было неудобно, так как один из заместителей начальника штаба все время был на месте, а другой дома отдыхал. Старшина был на редкость добрый и общительный человек. За несколько дней в подробностях узнал его интересную жизнь. Не могу удержаться, чтобы не рассказать один даже не самый занимательный из его рассказов – эпизод из его жизни.

В довоенные годы он служил сверхурочную службу в нашем полку в должности заведующего складом. Был женат. Жена служила медсестрой в медсанбате нашей 194-й дивизии и уже на фронте была переведена в армейский госпиталь нашей же 61-й армии. Выяснилось, что я ее знал. Когда я залечивал раны в армейском полевом госпитале в Латвии, она, как палатная сестра, меня перевязывала. Должен заметить, что, как и ее муж, очень добрая, внимательная и очень красивая женщина. Мы ее считали девушкой, настолько молодо она выглядела. Старшина, звали его Владимир, безумно ее любил, и любовь эта причиняла ему очень много переживаний. По службе у него дел было немного, и долгая совместная служба с заместителем командира полка по хозяйственной части позволяла ему часто навещать жену. Как медсанбат со штабом дивизии, так и армейский госпиталь всегда был если не рядом, то в непосредственной близости со штабом армии или штабом корпуса. Там же находились и склады боеприпасов, и продовольственно-вещевые склады. Поэтому с транспортом проблем тоже не было.

И вот что рассказал мне Владимир:

– В тылы шла полковая машина. Начальству доложился, получил добро, отпустили на сутки, через час был в госпитале. Подождал, пока жена освободится, поужинали, я кое-что привез, в том числе и бутылку, и завалились в постель. Жили они вдвоем в комнате, но подружка создала нам условия. Не успели нацеловаться, как стук в дверь – дежурный по госпиталю. Надо срочно явиться к полковнику «икс». У меня сразу сердце сдавило. Говорю: «Не пойдешь!» А Надя взмолилась: «Володя, да ты что, ты мне не доверяешь? Может, там что-нибудь случилось. Я на одну

минутку. Да как можно не выполнить приказ! Да я ведь человек военный!» А я приказываю не ходить. Удерживаю, а у самого, кроме бешенства, появилось еще и любопытство. Думаю, ну хорошо, сегодня я ее не пущу, а завтра меня здесь не будет. Решил проверить, какие служебные дела у полковников с чужими женами. Надя оделась. Поцеловала и на ходу шепнула: «Не беспокойся, я сейчас». Она за порог, а я за считаные секунды в полном боевом. Выскакиваю на улицу, а сам думаю – куда же я пойду, как я узнаю, где этот полковник живет. Думаю – все, упустил. Даже пот выступил. Но бегу, не останавливаюсь. Смотрю, моя Надя заходит в подъезд. Я за ней. А сам держусь в тени, чтобы не заметила. Крадусь по ее следам. Неплотно прикрытая дверь. Свет пробивается. Остановился. Прислушиваюсь. Надиного голоса не слышно. Она, видно, уже доложила о явке по приказу. А мужской голос: «Ты что так долго шла? Раздевайся!» И тут меня как обухом огрели. Не помню, как выхватил из кобуры пистолет и рванул дверь. Надя только голову в плечи втянула, как стояла посреди комнаты, так и шагу шагнуть не смогла. А полковник, судя по седым волосам, уже не молодой, увидев наведенный на него пистолет, побледнел, как наволочка подушки, на которой покоилась его командирская голова. Губы затряслись, зашлепали, видно, пытался что-то сказать и не мог. Испуг его парализовал. После жалел, что не сбросил с него одеяло. Думаю, что он обложился. Противно было смотреть, как быстро он из резвого жеребчика превратился в слизняка. Схватил Надю за руку и был таков.

– А дальше? Как у тебя сложились отношения с женой? – спросил я.

– Подулся сначала, а потом сделал вид, что я поверил, что у нее с ним ничего раньше не было, как она меня уверяла. Да я, собственно говоря, ничего и не видел. А потом я подумал, что мы, мужики, даже когда живем вместе, одной семьей, и то не можем быть уверены в верности жены, а в условиях войны, когда жена живет далеко от тебя, да еще она живет среди мужчин, да еще в подчинении этих мужчин, тут и говорить нечего. Тут надо сразу решить – или развестись, или сделать вид, что ты не только ничего не знаешь, но и мысли такой не допускаешь. Я избрал последнее, – закончил Владимир.

Но недолго длилась работа и в штабе. Не прошло и месяца, как служба круто переменилась. Заканчивался рабочий день, опечатывались шкафы и сейфы, когда хлопнула дверь и на пороге выросла фигура капитана Федько. Это бывший начальник штаба 1-го дивизиона – мой непосредственный начальник от Вислы до Одера. О нем я уже писал. На Одере он как-то незаметно исчез. И

вот теперь он стоял возле меня. Приветствие, и сразу же приказ: «Быстро собирайся. Сейчас едем. Все свое имущество забирай. Документы оформлены. Куда и зачем? Поговорим в дороге. Машина ждет». Забегаю домой. Забираю имущество – шинель и полевую сумку, и в машину. В машине Федько рассказывает, что он работает в Советской военной администрации в Германии старшим офицером-экономистом военной комендатуры города Нордхаузен, что он набирает кадры в свой отдел. Выбор пал на меня, и он договорился о моем откомандировании в штаб артиллерии корпуса, осталось только забрать аттестаты и другие документы.

Проехали Зондерхаузен. Следующий маленький городок (если мне не изменяет память – Гройбен). Штаб 9-го гвардейского корпуса. Заходим в штаб артиллерии корпуса. Рабочий день давно уже кончился, но дежурный докладывает, что помощник начальника штаба подполковник Чистяков на месте. Заходим. Поднимается со стула и выходит мне навстречу бывший наш начальник штаба дивизиона, капитан, затем командир 2-го дивизиона, уже майор, и теперь перед нами подполковник Чистяков.

Меня он сразу узнал и тут же заявил капитану Федько что «такие специалисты нам самим нужны». Федько уезжает ни с чем. А меня Чистяков ведет в квартиру, где он живет, и вселяет в свободную комнату с двуспальной кроватью. Утром представляет меня начальнику штаба артиллерии корпуса, полковнику, дают мне стол и оставляют работать в штабе.

Проходит долгих три дня. Целый день сижу без работы. Один в комнате. Скука беспросветная. Дома опять один. Подполковник каждый вечер, начистившись, уезжает на вечеринки. Возвращался далеко за полночь. На пятый день я обратился к Чистякову с настойчивой просьбой отправить меня в полк. Тот просьбу внимательно выслушал, а затем долго доказывал преимущества службы в штабе корпуса. И в переводе отказал. А после работы вручил мне записку для начальника военторга, пятилитровую флягу и деньги и отправил за вином. «Ты пока привыкай к новой обстановке, пей вино», – сказал подполковник. На следующий вечер, уезжая, привел ко мне хозяйку квартиры. Молодая, красивая и очень скромная женщина, видно, вдова или жена пленного солдата, немка. «Чтобы тебе не было скучно пить одному, вот тебе женщина! Пейте вдвоем!» – отрубил мой начальник и ушел. Разговора у нас с немкой не получилось. Немецкий язык я знал настолько слабо, что даже то, что знал, стеснялся произносить, ну а она русский, естественно, не знала совсем. Немного выпив, мы разошлись по своим комнатам. И тут

я принял окончательное решение – убежать.

Утром, пока подполковник отсыпался после бурно проведенной ночи, я отправился на вокзал. Не встретившись, к счастью, с патрулем (а город был наводнен патрулями), сел в вагон проходящего поезда и в 12 часов дня докладывал начальнику штаба полка о своем прибытии для прохождения службы. Должность моя была еще свободной. Работаю. Встречаюсь со старыми друзьями. Все стало на свои места. Даже замечание никто не сделал за самовольный побег.

Нордхаузен

Прошла неделя, и снова капитан стоял перед моим столом, и снова та же команда. Только теперь капитан Попов приказывает мне передать мои дела писарю Иванову и сообщает, что я откомандировываюсь в СВА (Советскую военную администрацию). Федько забирает мои аттестаты и направления, садимся в машину, и через час-полтора, без приключений в пути, мы уже сидели в квартире Федько в Нордхаузене.

Стали собираться офицеры – сослуживцы Федько. На столе появились бутылки ликеров, колбасы, сыры и паштеты. Идет пир, пьем за знакомство. Вдруг звонок. Открываем дверь, и в комнату входят помощник начальника штаба полка капитан Попов и адъютант командира полка полковника Авралёва старшина Митягов. Федько приглашает гостей за стол, но Попов ставит условие: «Давайте договоримся. Вы отдаете Андреева и тогда можете пить хоть до утра», а получив отказ, продолжает, что полковник Авралёв заявил, что если Андреева, то бишь меня, не отдадут, то он пришлет взвод автоматчиков и меня заберут силой. Федько звонит коменданту города полковнику Кравченко, тот просит передать трубку Попову и объясняет тому, что взводом он ничего не возьмет, поскольку в комендатуре есть рота автоматчиков. После этого выяснилось, как Федько удалось получить документы о моем откомандировании.

Когда все уже были в изрядном подпитии, капитан Попов спросил Федько: «Как тебе удалось обвести нас, в том числе такого зубра, как начальник штаба полка подполковник Яковлев?» На что Федько ответил: «С незапамятных времен существует правило: если тебе надо провернуть какое-нибудь дело, не иди к большому чиновнику, а иди к самому последнему клерку. В первый раз я отступил от этого правила и потерпел неудачу. В штабе корпуса у меня были офицеры, хорошо знакомые еще по моей службе в штабе армии. На них и была сделана ставка. Тут сыграла роль цыганская кровь полковника Х (начальник штаба артиллерии корпуса был чистокровный цыган). Коробку ликеров там приняли, а слово старые друзья не сдержали. Подарки получили, но Андреева не отдали. Больше того – оставили его у себя в штабе корпуса. Вспомнив старое правило, я, погрузив в багажник машины ликеры и разные тряпки, поехал не к полковникам, а к Ольге (полковая жена командира полка). Момент был удачный, полковник отсутствовал. Договорились быстро. Ольга позвонила Яковлеву, и он, недолго поломавшись, дал согласие оформить бумаги. «За что

Яковлев получил хорошую головомойку, – дополнил Попов. – Авралёв приехал из штаба дивизии минут через 10–15 после вашего отъезда, сразу же позвонил Яковлеву и приказал догнать вас. Спрашивается, как он так быстро узнал?» – «Тут и гадать не надо, увидел, наверное, подарки, и Ольга ему все рассказала».

Попов и Митягов уехали далеко за полночь. Утром следующего дня приехал один Митягов. Нагрузили полный багажник и салон машины одеждой и штуками разных тканей и распрощались. Вскоре дивизия выехала в Россию, и связь у меня с полком прервалась.

Возникает вопрос: откуда такие возможности на щедрые подарки? Отвечаю. В Тюрингии, в том числе на территории района Нордхаузен, контролируемого нашей комендатурой, находится много шахт по добыче калийной соли. При обследовании одной из них был обнаружен склад одежды и разных тканей. Куда и сколько их было вывезено, мне неизвестно, известно только, что в комендатуру была завезена какая-то часть обнаруженного. И то в эту часть можно было бы одеть несколько сотен человек.

Во дворе комендатуры, а до нашего прихода там размещался ландстаг района – что-то вроде наших райисполкомов, находилось – да, наверное, и сейчас стоит – двухэтажное складское здание. Первый этаж его был загружен радиоприемниками разных типов и систем, упакованными в коробки и без упаковки. Второй этаж в беспорядке был заполнен этой самой одеждой и тканями. При расследовании установили, что склад в шахте был организован какой-то благотворительной организацией для помощи нуждающимся, хотя говорили, что это был фонд помощи семьям фашистов. Может быть, и так, но факт, что кто-то о ком-то заботился. Через несколько дней мне были вручены ключи от этого склада, и до конца службы пришлось распоряжаться его содержимым. То есть выдавать офицерам, уезжавшим в отпуск, все, что им подойдет на подарки на Родине, и, конечно же, без учета и регистрации.

Условия моей службы и быта круто изменились. Поселился я в отдельной комнате четырехкомнатной квартиры. Четырехэтажный дом, раньше принадлежавший шефу крупной строительной фирмы, переселившемуся после прихода нашей армии в западную зону, заняла комендатура города под жилье для офицеров.

Весь первый этаж – четырехкомнатная квартира. Две комнаты занимал капитан Федько и одну комнату два сержанта – шоферы коменданта города и его замполита. К моему приезду шоферы были переселены в помещение патрульной роты, и

освободившуюся комнату отдали мне. Одна комната оставалась свободной. Свободная комната и кухня до моего приезда были заполнены мебелью и другими вещами бывших хозяев дома.

Следующий день был у меня свободен от службы. Капитан Федько куда-то уезжал и не мог знакомить меня с моими служебными обязанностями. Этот день я использовал для наведения порядка в квартире. Должен заметить, что квартира мало была похожа на жилую. Комната, в которой жили шоферы, была запущена так, что с трудом можно было предположить, что в ней жили люди. Полы в коридоре не мылись месяцами. А в просторную комнату совмещенного санузла вообще зайти было невозможно, настолько он был загажен. Весь день ушел на наведение порядка.

Вернувшись вечером со службы, капитан квартиру не узнал. Кроме чистых полов, пригодных для пользования уборной и ванной, квартира получила дополнительную площадь кухни. Кроме того, был заменен сломанный замок и квартира стала запираться. Позднее была освобождена и четвертая комната (хозяйские вещи и мебель перенесли в сарай), и даже были вымыты и выскоблены полы пятой комнаты, предназначенной для собак. Затем в комнаты были приобретены ковры, а в коридор и ванную – ковровые дорожки, и, как говорил Федько, стало не стыдно пускать в квартиру немцев. Для поддержания порядка он стал нанимать немок – уборщиц из комендатуры, а затем договорился с дочерью бывшего хозяина дома Гертрудой, и она два раза в неделю приезжала, чтобы сделать уборку[11].

Дополнение (из очерка «Воспоминания о Нордхаузене») Германия, 1946 год [12]

В то время на оккупированных германских землях происходило формирование советской военной администрации, и я, как уже имеющий некоторый опыт работы экономистом, получил направление в военную комендатуру города Нордхаузен. Только здесь я близко познакомился с немецким населением района.

Наша комендатура была районная, и ее действия охватывали весь район. В городах Элрих и Бляйхероде были дополнительно созданы городские комендатуры, подчиненные нашей.

В комендатуре работали промышленный, военный, сельскохозяйственный и строевой отделы и целый ряд офицеров, занимавшихся финансами, вопросами образования, контрразведки, хозяйственными делами и пр. Была рота охраны, выполнявшая патрульно-постовую службу.

Я работал офицером-экономистом в промышленном отделе. Занимался изучением возможностей размещения заказов на продукцию для поставки в счет репараций. В районе было несколько сот промышленных предприятий, от крупных частных и акционерных до карликовых с несколькими рабочими. Одних ликеро-водочных заводов было несколько десятков.

Наши правила не разрешали военнослужащим вступать в контакты с местным населением, но работа в промышленном отделе была немыслима без общения с людьми. Мы ездили на промышленные предприятия города и района. Директора и владельцы заводов бывали рады нас принять. Дело в том, что тогда производился демонтаж многих предприятий, принадлежавших военным преступникам или военно-промышленным компаниям, и если мы давали заключение, что предприятие может выпускать репарационную продукцию, то завод не подлежал демонтажу и, кроме того, получал заказ, а отсюда – и наряды на поставку сырья. Непосредственно заказами и поставками занимались уже земельные администрации в Эрфурте и Веймаре.

У нас было очень много знакомых и даже друзей. Очень жаль, что за столько лет забылись их имена. Это были не только промышленники, но и рядовые граждане, люди из администрации

города и района, служащие полиции, переводчики. Многие бывали у нас в гостях. Иногда просиживали до утра. Приглашали в гости и нас.

Народ жил небогато, если не сказать бедно. Мы, зная это, приносили с собой выпить и закусить. Чаще других в нашей компании бывали г-н фон Нойхоф и шеф криминальной полиции (фамилию его не помню).

Жили офицеры по левой, если смотреть от вокзала, стороне Галле-штрассе в доме (если мне не изменяет память) бывшего шефа строительной фирмы г-на Шмидта. Его дочь с мужем были переселены в другую квартиру, расположенную где-то в районе парка, но она ежедневно бывала у нас. Помогала нам вести хозяйство и присматривала за домом. Комендант военной комендатуры полковник Кравченко и его заместитель по политчасти занимали отдельные коттеджи за комендатурой по правой стороне улицы в сторону парка. Некоторые офицеры жили в частных домах, занимая комнаты в квартирах, и ни у одного дома не выставлялись часовые.

Большая часть города лежала в развалинах, но люди уже наводили порядок. Улицы освобождались от кирпичного щебня, и среди развалин даже уже работало кабаре, куда мы иногда, несмотря на строжайшие запреты, заглядывали. А в районах, где дома сохранились, был уже наведен идеальный порядок.

Нас всегда поражала лояльность населения к нам, оккупантам. За все время моей службы в Нордхаузене я знаю лишь один случай нелояльности со стороны немцев. Наш старший лейтенант – начальник финансового отдела комендатуры – проголосовал в районе парка перед идущей машиной. Машина остановилась. Из машины вышел владелец, ударил лейтенанта в лицо так, что тот оказался в канаве, и уехал. Потом доложил о происшествии коменданту, исказив при этом факт случившегося. За это (без проверки) старший лейтенант был отправлен для продолжения службы на Курильские острова. А ехал в машине, оказывается, секретарь компартии района. И это был единственный такой случай.

Мы настолько уверились в порядочности немцев, что перестали носить с собой личное оружие. Я, помню, ездил в другой район. Выехали в два часа ночи вдвоем, я и шофер-немец. Он сам себя называл «Рыжий», и мы его так звали. Дорога в основном проходила по лесам. И только приехав на место, я вспомнил, что не взял оружие. А как-то мой сослуживец вернулся ночью из отдаленной деревни на попутной машине. Его машина заглохла, и он оставил ее на дороге в лесу. Мы с Рыжим поехали, чтобы притащить ее на буксире. В 12 часов ночи из лесу, прямо

перед нашей машиной, вышел человек с поднятой рукой. Мы остановились. Это был наш солдат. Он подстрелил козу и останавливал машины, чтобы вернуться в часть. Бывало, что наши офицеры, сильно подвыпив, ночевали в парке, и у них даже пистолеты оставались при себе.

В городе был комендантский час. Наряды роты охраны патрулировали улицы. Опоздавших домой граждан наряды должны были задерживать и конвоировать в комендатуру. Но обычно никто этого не делал, просто просили поторапливаться. Так поступали нормальные люди, но был в роте один ненормальный – коротышка-рахитик, который при каждом своем патрулировании приводил в комендатуру всех зазевавшихся. Иногда до ста человек. И все безропотно шли. Навстречу выходил дежурный офицер и всех отпускал по домам. Потом этого коротышку как-то утром нашли на глухой улице застреленным из его же карабина. Застрелили его не немцы, а русские солдаты из дивизии, расквартированной на аэродроме, бегавшие в самоволку, или, может быть, дезертиры, пробиравшиеся в западную зону Германии. Были и такие.

Я помню случай, когда патрульный наряд задержал дезертира-моряка, старшину по званию. Здоровяк чуть ли не двухметрового роста и спортивного телосложения. Прошел войну с первого до последнего дня. Когда его привели в комендатуру, он, зная, что ему грозит, пытался покончить жизнь самоубийством. Не дали. Посадили в камеру для арестованных в подвальной части комендатуры. Утром камеру нашли пустой. Арестованный снял с себя все, вплоть до трусов, раздвинул на окне решетку и исчез. Поиски оказались тщетными.

В городе была еще одна группа военнослужащих – из Министерства внутренних дел. Командовал группой полковник. С нами они никаких контактов не имели, и чем они занимались, мы не знали.

Наша комендатура была ориентирована на защиту местного населения, в частности – от мародеров. Помню, ночью в дежурную часть позвонили и сообщили, что в одной из деревень заметили русского солдата на велосипеде. Мы немедленно выехали по адресу. У дежурного коменданта всегда были наготове две-три машины с шоферами-немцами. На загородной дороге в свете фар мы увидели встречного велосипедиста. Остановились, но велосипедист скрылся, бросив велосипед в канаве. На сиденье была привязана банка с вареньем. В деревне нам сообщили, что грабитель, кроме этой банки варенья, ничего не взял.

Работая в Германии, мы многому могли бы научиться, но

политика сталинского руководства была иной. Наоборот – учить немцев жить по-нашему. А мы не то что перенять хорошее, мы в своей среде не могли даже поделиться увиденным. Вся система была построена на доносительстве.

В Германии в сопоставлении с Советским Союзом меня поражало очень многое.

В промышленности. Исключительная чистота и порядок в цехах. Ни одной лишней вещи. Рациональное использование производственных площадей. Минимальный управленческий персонал. А на некоторых частных предприятиях весь персонал вообще был одной семьей. Причем ее члены не только управляли производством, но при необходимости могли сесть за руль грузовика.

Нам все время говорили, что в капиталистическом обществе человек человеку волк, а рабочие и пролетарии – рабы. А я видел иное – самые дружеские взаимоотношения хозяина и его рабочих. Видели бы вы, как хозяин относился к продукции, выпускаемой его предприятием, и к рабочим. Хозяин знал всех своих рабочих по именам. Знал их семьи. Проходя по цеху, с каждым здоровался и не забывал спросить о жене и детях.

У нас такие руководители исчезли в тридцатые годы. Мне посчастливилось работать с одним из таких. Это был дворянин. Инженер. Исчез внезапно, в 1939 году.

Хозяин довольно крупного предприятия, проходя по цеху, старался что-то переложить, если замечал, что лежит не на месте, помогал, если видел, что рабочему тяжело. А некоторые, как, например, г-н Уляй, при выдаче недельной зарплаты наливали каждому рюмку шнапса.

Как-то мы узнали, что директор трех предприятий строительной промышленности получает зарплату в полтора раза меньше своей уборщицы. На наш вопрос, почему так, он ответил, что ему больше не надо. Семья из двух человек, и тесть у него богатый, имеет свое предприятие. А уборщица одна воспитывает двух детей. И здесь я не могу не сделать отступление, чтобы сравнить мораль и закон их, капиталистов, и наши – коммунистические.

В 1940 году, в Финскую кампанию, погиб в наших краях глава семьи – колхозник. Осталась вдова с тремя детьми. Дети опухли с голода. Мать, чтобы как-то спасти детей, нарвала на колхозном поле в карман ржаных колосьев. За это ее посадили в лагерь на пять лет, а детей отправили в детские дома. И это лишь один маленький эпизод из великой трагедии ленинско-сталинской политики строительства коммунизма.

В сельском хозяйстве. Меня поражала разница в отношении к

использованию земли немецкими землевладельцами и нашими коллективными хозяйствами, расположенными в средней полосе России, где земли примерно такие же. В Германии рожь обычно стояла стеной. Не было ни одного сорняка, ни одного огреха. Даже участки соседей делились не межой, а только бороздой. На полях наших колхозов часто нельзя было понять, что там выращивают – осот или васильки. А то, что и вырастало, почти целиком оставалось в поле. А с какой тщательностью немецкий крестьянин собирал и использовал навоз! Наши же совхозы и колхозы вывозили навоз не на поля, а в болота.

Чтобы оправдать разрушение национальной промышленности, и особенно сельского хозяйства, партийные функционеры все безобразия пытались объяснить ленью русского мужика. Я с этим никак не могу согласиться.

Мой отец, вернувшись в 1919 году из германского плена, за 7–8 лет построил дом и все необходимые в крестьянском хозяйстве постройки. Мелиорировал и разработал заросшие кустарником земли, приобрел две лошади, две коровы, овец, свиней. Он спал по 2–4 часа в сутки. Все отдавал работе. Правда, все, что он выращивал, у него бесплатно забирало «родное» государство. Семье оставалась лишь мякина, чем мы и питались. Кроме того, он всю зиму бесплатно работал на лесозаготовках или на строительстве дороги. В то время эта работа называлась гужтруд, то есть трудовая повинность крестьянина и его лошади.

А во что превратились эти земли за последние 60 лет – страшно сказать. Два года тому назад я специально съездил посмотреть место, где я родился. Жизнь кончается – Родина зовет. Дважды, надев резиновые сапоги, я пытался пройти на бывший хутор отца. И не прошел! Там лес и болото. Говорят, что там уже обитает медведь. А о том, что я увидел в деревне, о том, как используются земли, о содержании и продуктивности совхозного скота, об использовании техники, человеческого труда и о жизни сельских рабочих и пенсионеров можно написать объемный труд, который не только за рубежом, но и наши горожане, не имеющие контактов с деревней, посчитают за фантастику.

Культура общения. За все время моего короткого пребывания в Нордхаузене я не припомню ни одного разговора немцев на повышенных тонах или скандала. Даже плача детей мы не слышали, хотя дети там были. И все такие ухоженные. Дети у немцев почему-то не позволяли себе не только копаться в земле, но даже сесть на нее. Нас просто поражало непривычно вежливое обращение людей друг к другу. Эти их «данке» и «бите».

Режим жизни и работы. Для нас было новинкой, что люди в трамвае или на совещании вынимали из сумок бутерброды и

обедали. Мы сами видели, а до этого нам, детям, отец рассказывал, как крестьянин, убирающий высушенное сено, несмотря на то что приближалась дождевая туча, мог сесть обедать. Причем все работали размеренно и спокойно, без излишних движений и усилий, но при этом – производительно.

У нас все было наоборот. В тридцатые годы еще встречались старые кадры, воспитанные до революции и привычные к подобному нормальному ритму жизни. Но с индустриализацией и коллективизацией, когда крестьянских детей эшелонами увезли на стройки коммунизма и торфоразработки, а семьи «кулаков» – в тундру и тайгу, где не было ни жилья, ни хлеба, все приобрело другой характер. Но это большая отдельная тема.

Я уже говорил, что в Германии, у бывших наших противников, мы могли бы многому научиться. Но, кажется, все произошло наоборот. Вот только несколько штрихов. Через 18 лет после окончания войны мне выдался случай по туристической путевке посетить ГДР. Что я вынес из этой поездки? Люди стали другими. Хотелось бы думать, что только малая частица.

Во время войны, после взятия с боями деревни, на второй или третий день жители уже наводили такой порядок, что как будто здесь и не рвались снаряды. А теперь на улицах асфальт был покрыт навозом или сеном. А в меже или в поле часто можно было видеть брошенный сельхозинвентарь.

А в 1946 году я видел, как немецкие рабочие, демонтируя оборудование совсем нового цементного завода, сделавшего только пробный выпуск продукции, чтобы отправить его в СССР, сбрасывали оборудование с этажей прямо через оконные проемы. Таким образом они «учились» у наших инженеров, руководивших демонтажем.

С 1964 года уже прошло 32 года. Надеюсь, что теперь, особенно в последние 10 лет, все изменилось. Я рад за немцев, что все так хорошо кончилось. Такая силища, столько лет продержав страну под оккупацией, мирно ее покинула. Слава М. С. Горбачеву за это!

notes

Примечания

1

Андреев Сергей Харитонович, родился 12 июля 1920 г., наводчик миномета, мл. сержант 1-го сб 947-го сп 268-й сд 67-й армии Ленинградского фронта. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда, форсировал Неву и наступал на Рабочий поселок № 1. Погиб 14.08.1943 г. под Синявино. Прах перенесен в братскую могилу в пос. Синявино в 90-е (?) годы.

2

Чумбур – повод к походному недоуздку или узде, с которой могут быть сняты мундштук и удила; приставляется к кольцу подбородного ремня, а свободным концом – за ремень под кобурой. Имеется при всякой строевой седловке, кроме учебной.

3

Эта, первая, часть воспоминаний была написана примерно в 1984–1987 гг. Компьютерный набор О.П. Стрелковой. Отредактировал М.П. Андреев в 1997 г. Правка и добавления П.Х. Андреева внесены в 2010 г.

4

Вторая часть воспоминаний была написана примерно с 1988 до 1998 г. Компьютерный набор Янау, март 2010 г. Отредактировано М.П. Андреевым в 2010 г.

5

Альбом фронтовых рисунков художницы Урановой издан. Он есть в библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге.

Мальков Д.К. Сквозь дым и пламя.

7

События, изложенные в следующем эпизоде, описаны также в отдельном рассказе «Немецкая армия отступает…» (файл 05. Воспоминания – Немецкая армия отступает. doc) и размещены на веб-сайте М.С. Солонина весной 2010 г.

8

Надо бы отыскать имя этого генерал-майора, бывшего весной 1945 года заместителем командующего 9-м гвардейским корпусом, а до того в звании генерал-лейтенанта – командующим корпусами.

9

С 18 апреля по 2 мая дивизия прошла с боями от Одера до Эльбы. За это время было взято в плен 5225 немецких солдат и офицеров. Захвачено 378 грузовых и 75 легковых автомашин, 8 бронетранспортеров, 39 орудий, 115 железнодорожных вагонов с военным имуществом и несколько продовольственных складов. (Из книги воспоминаний командира 12-й гв. ст. дивизии гв. полковника Малькова «Сквозь дым и пламя».)

10

Максим Федотович Прохоров. Второй муж Ефросинии Яковлевны Желниной (?) (дев. Муравской), тети Фрузы, старшей сестры жены П.Х. Андреева Марии Яковлевны Андреевой (Муравской).

11

Третья часть воспоминаний была написана приблизительно с 1997 по 2009 г. Компьютерный набор Янау, март 2010 г. Отредактировано М.П. Андреевым в январе 2011 г.

12

Написаны в марте 1997 г. для архива г. Нордхаузен, Германия. Полный текст в файле: 06 Nordchausen.doc.